И штатские надели шинели

Степан Михайлович Бардин

SHOUT
SHARE
IT

- Бардин Степан Михайлович

Бардин Степан Михайлович
И штатские надели шинели

Бардин Степан Михайлович

...И штатские надели шинели

{1}Так помечены ссылки на примечания. Примечания в конце текста

Аннотация издательства: Эта книга - еще один документ о героической эпопее Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Автор - участник событий - рассказывает о Второй дивизии народного ополчения, сформированной на Московской заставе, о людях, сугубо штатских, которые добровольно ушли на фронт, стали закаленными бойцами, создали оборонительный заслон от Финского залива до Пулковских высот и вместе с другими ополченцами помогли кадровым частям и соединениям Советской Армии отстоять родной город. Многие страницы книги показывают жизнь Ленинграда в это суровое время, сообщают новые факты величайшего мужества ленинградцев, стойко перенесших все тяготы 900-дневной блокады.

Содержание

От автора
Банкет в "Астории" не состоялся
Метельная зима
И Манштейн не помог
Расплата
Тридцать лет спустя
Вместо послесловия
Примечания

От автора

Время многое стирает из памяти человеческой. Не мало из своей жизни подзабыл и я. Но по-прежнему свежи в памяти, хотя прошло с тех пор более трех десятилетий, события на берегах Невы, разыгравшиеся в годы Великой Отечественной войны, участником которых я был. Свежи в памяти товарищи по оружию, затемненные окна ночного Ленинграда, примерзшие к рельсам трамваи на Невском, развалины жилых домов, крики раненых и безмолвие погибших.

Давно я собирался взяться за перо, чтобы запечатлеть на бумаге хотя бы небольшую частицу того, что происходило на моих глазах в те годы в Ленинграде, чтобы рассказать, как ленинградцы взялись за оружие и помогли Красной Армии преградить немецко-фашистским полчищам путь к родному

городу, защитить колыбель Великого Октября. Хотелось вспомнить известных мне героев-ополченцев Московской заставы, друзей и товарищей по оружию, павших и живых. Но все мешали текущие дела. Да и сомневался - сумею ли написать! А время шло...

И вот, когда перевалило за шестой десяток, решил наконец осуществить свою давнюю задумку. Несколько лет упорного труда, бессонных ночей, работа по вечерам и в выходные дни, сверка запомнившегося с архивными документами, со страницами фронтовой печати, с воспоминаниями товарищей - так родилась эта книга.

Главное, о чем я думал, когда писал ее, это - как ленинградцы, оказавшись в кольце вражеских войск, не только выстояли, но и победили, как в прошлом сугубо штатские люди стали опытными бойцами, с какой волей и упорством, преодолевая все лишения, сражались они во имя победы.

Издательство "Советская Россия", 1974 г.

Посвящается героическим защитникам Ленинграда в годы Великой Отечественной войны

Банкет в "Астории" не состоялся

1

Пламя войны бушевало уже несколько дней. Враг теснил наши войска. Захватывал города и села. Гибли тысячи людей. Родина призвала своих сыновей встать на защиту социалистического Отечества. "Все для фронта, все для победы!" - бросила клич партия.

А я все еще пребывал на распутье, не знал, что делать: оставаться дома, на что имел формальное право, как снятый с воинского учета по состоянию здоровья, или добиваться отправки в Действующую армию. Правда, я сразу же прервал только что начавшийся отпуск и вернулся к себе на "Скороход". Конечно, и здесь, на фабрике, можно было выполнить свой долг перед Родиной. Не всем же быть на фронте. Кто-то должен обеспечивать армию оружием, снаряжением, продуктами. И все же совесть была неспокойна: ведь у меня имелось небольшое военное образование - окончил полковую артиллерийскую школу, год проучился в школе пилотов, занимался военной учебой на пункте, созданном Московским райкомом партии для своего актива. Значит, место мое на фронте! Я понимал, что тянуть нельзя, и все-таки не мог решить, как поступить правильнее. А события развертывались быстро, вести с фронта становились все тревожнее.

Неожиданно все решилось, и очень просто.

На пятый или шестой день войны, точно не помню, я до

работы отправился в партком, членом которого состоял, чтобы выяснить, справедливы ли слухи о том, будто бы немцы сбросили ночью над городом парашютистов-диверсантов, переодетых в милицейскую форму. На углу, у Дома культуры имени Капранова, мне повстречался спешивший куда-то заведующий отделом пропаганды Московского райкома партии Владимир Антонович Колобашкин.

С Владимиром Антоновичем мы были хорошо знакомы: вместе учились в Промышленной академии имени С. М. Кирова, избирались в состав фабричного партийного комитета. Мы и жили в одном доме, даже на одной лестничной площадке.

Колобашкин был невысокого роста, быстрый, хотя уже и изрядно округлившийся. Это, собственно, послужило поводом для товарищей дать ему прозвище Колобок. Среди нас, активистов, он слыл наиболее способным и находчивым. Помнится, на занятиях в Промакадемии наша группа решала какую-то сложную математическую задачу. Ни у кого она не получалась. Стали переглядываться. Со мной рядом сидел Владимир Антонович с таким же чистым, как и у меня, листом бумаги. И вдруг его вызвали к доске. Он тут же начал выводить формулы, писать колонки цифр и каким-то чудом получил правильный ответ. Преподаватель спросил, почему он применил свою формулу, а не ту, которая рекомендовалась учебником.

- Так логичнее, - не растерялся Колобашкин.

- Логика логикой, а материал знать надо, - недовольно пробурчал строгий математик. Однако же поставил "отлично".

Колобашкин вернулся на место с гордо поднятой головой. Вот и теперь он заговорил со мной по обыкновению покровительственным тоном:

- Записался?

- Куда?

- Как куда? В народное ополчение... Да ты, я вижу, непосвященный!

- Это верно. Райком нас пока не информировал.

- Тогда слушай. В нашем районе решено сформировать дивизию народного ополчения. Я только что звонил в ваш партком.

Больше я ни о чем его не спрашивал, даже насчет слухов о парашютистах, - заторопился на фабрику.

- Пришел кстати, - заметила секретарь парткома Екатерина Константиновна Смирнова, едва я переступил порог ее кабинета. - Мы тут создали комиссию по отбору людей в народное ополчение. И тебя включили. Ты ведь у нас в двух лицах - заведуешь отделом кадров и редактор газеты. Иди к директору:

он председатель.

Формирование дивизии проводилось по производственному принципу. Нашей фабрике вместе с несколькими мелкими предприятиями предстояло укомплектовать батальон. На "Скороходе" тогда насчитывалось пятнадцать тысяч рабочих и служащих. Задача была вполне выполнимой. Да и желающих добровольно поехать на фронт оказалось значительно больше, чем требовалось. Так что на первых порах комиссия занималась не только отбором людей в батальон - надо было многих уговаривать остаться на фабрике.

В комиссию приходили мужчины и женщины, коммунисты и беспартийные, молодые и совсем уже пожилые люди, которым пора было выходить на пенсию. Хорошо помню рабочего кожевенного завода Т. С. Семенова, всеми уважаемого ветерана труда. Пришел он к нам с орденом Ленина на груди, в новом костюме, как обычно приходят на семейные торжества или на демонстрации по большим праздникам.

- Прошу записать в ополчение. - Голос его звучал твердо, и только руки, все время теребившие и поглаживавшие пышную с проседью бороду, выдавали волнение. - Не смотрите, что я немолод и ношу бороду. Я ее сбрею. Да и силы еще есть. К тому же бывалый солдат. Защищал Питер от Юденича. Мой опыт пригодится...

Мы отговаривали Семенова, как могли, доказывали, что у нас хватает и молодых. Но он настаивал, наконец стал требовать... Такие сцены происходили ежедневно.

Комплектованием ополченческих дивизий занимались городской комитет партии, райкомы и первичные парторганизации. За несколько дней была сформирована целая армия в составе десяти дивизий и нескольких отдельных подразделений, насчитывавшая около двухсот тысяч добровольцев. Это была лучшая часть рабочего класса и интеллигенции Ленинграда - его цвет и гордость. Каждый третий - коммунист или комсомолец.

Первая ДНО, то есть Первая дивизия народного ополчения, была детищем Кировского района, а наш Московский район дал Вторую ДНО.

Райком партии в те дни стал похож на военный штаб. Главной его задачей было обеспечить дивизию надежным политическим составом. Поэтому на заседаниях бюро обсуждались только вопросы, связанные с формированием дивизии, в первую очередь с подбором кадров - комиссаров полков и батальонов, политруков рот и парторгов подразделений.

Как и другим, нам тоже пришлось докладывать райкому о

ходе формирования своего ополченческого батальона. Когда мы вошли в зал заседаний, первый секретарь райкома Г. Ф. Бадаев говорил с кем-то по телефону, требуя срочно выделить для дивизии грузовые машины и изготовить походные кухни. Положив трубку, он обратился к нам с вопросом, готов ли скороходовский батальон для выезда на фронт и сколько в нем коммунистов и комсомольцев.

- Коммунистов семьдесят два, комсомольцев почти сто, - ответила секретарь парткома Смирнова. - Вместе мы их еще не собирали. Сейчас освобождаем от работы и выдаем выходное пособие.

- Поспешите, - заметил Бадаев. - Электросиловцы уже закончили комплектование своих подразделений. Еще раз опросите людей. Может быть, кто-то передумал. Никого не принуждайте. Дивизия формируется исключительно из добровольцев.

- У нас желающих больше, чем мы можем послать на фронт, - пояснил директор фабрики М. Н. Бельский.

- Вот и отлично. И все же опросите еще раз. Война - это война. Отбирайте в батальон только стойких и политически зрелых. Коммунистов и комсомольцев расставьте так, чтобы в каждой роте можно было создать полнокровную партийную организацию. Хорошо бы до отправки на фронт избрать парторгов рот. Проинструктируйте их, разъясните, как им вести себя в бою...

Заказам для ополченческой дивизии была открыта "зеленая улица", они выполнялись вне всякой очереди и с необычайной быстротой. Обувные предприятия района - "Скороход", "Пролетарская победа" № 1 и "Пролетарская победа" № 2 - обули ополченцев. Текстильная фабрика выпустила сто тысяч метров миткаля для обмоток, а "Красная заря" полностью снабдила ополченцев портянками. Завод имени Егорова поставил нам несколько полевых кухонь и даже некоторые боеприпасы. "Красный швейник" сшил тысячи походных сумок. Артель "Сатурн" изготовила алюминиевые котелки, ложки и вилки. Мясокомбинат имени С. М. Кирова подготовил мясные концентраты. Заводские клубы и библиотеки оборудовали кинопередвижки и полковые библиотечки. Каждая рота получила гармонь, а полк - духовой оркестр. В распоряжение политотдела были выделены автомашины, оборудована полевая типография для выпуска дивизионной газеты. Словом, от своего района ополченцы получили все, кроме оружия и боеприпасов.

Три полка Московского и один Ленинского районов, а также подразделения специального назначения были созданы и полностью экипированы за восемь десять дней. В мирное время

на такую работу потребовались бы, наверное, месяцы.

Что касается военной подготовки ополченцев (многие из них вообще в армии не служили), не говоря уж о стрельбе из винтовки или метании гранат, они не умели даже намотать портянки или скатать шинель. Да и подготовка командно-политического состава оставляла желать лучшего. Командирами взводов, рот и батальонов назначались запасники, давным-давно успевшие позабыть то, что знали когда-то.

Ополченцев учили военному делу в процессе формирования подразделений. Нельзя было медлить ни часа: враг уже подходил к Пскову. А от Пскова до Ленинграда - каких-нибудь триста километров.

2

Конечно, в эти дни я тоже записался в ополчение. Правда, кое-кто отговаривал, дескать, ополчение - войско ненадежное, да и создается оно в помощь регулярным частям, но я к голосу скептиков не прислушивался: когда идут на фронт, не выбирают, где лучше, а где хуже.

Вскоре меня вызвал третий секретарь райкома Андрей Борисович Тамаркин, в прошлом тоже скороходовец: он заведовал на фабрике кабинетом политпросвещения. Явился я к нему точно в назначенное время, но пришлось просидеть в приемной около часа. Несколько раз я обращался к секретарше с просьбой напомнить обо мне. Она заходила в кабинет и, возвратившись, таинственно сообщала: "Андрей Борисович занят..."

Порог кабинета секретаря райкома я переступил не без робости и застыл у двери. Тамаркин жестом указал мне на стул: "Вы назначены комиссаром третьего стрелкового батальона второго пехотного полка". Тут же назвал командира батальона и заговорил о моих обязанностях. Его излишне официальный тон вызвал у меня улыбку. Тамаркин, кажется, заметил это и еще больше посуровел.

Высказав все, что полагалось, он разрешил мне уйти, добавив при этом, чтобы я немедленно разыскал комиссара полка Г. Е. Гродзенчика.

Если не ошибаюсь, первого или третьего июля во дворе "Скорохода" состоялся прощальный митинг. Нас, отправлявшихся на фронт, выстроили по четыре в ряд. Правда, в своих гражданских костюмах, без оружия, внешне мы еще не были похожи на бойцов. Но мы, мастеровые люди, только что оставившие свои рабочие места, - закройщики и вырубщики, затяжчики и перетяжчики, швейники и рантовщики, мастера смен и участков, работники фабричного управления и начальники цехов, - уже ощущали себя солдатами, защитниками Родины.

Слева от меня стоял молодой, но уже хорошо известный среди ленинградских обувщиков перетяжчик Николай Чистяков с орденом Трудового Красного Знамени на груди. Справа, с очень серьезным, напряженным лицом, парторг цеха детской обуви Федор Андреевич Ковязин, а рядом с ним Николай Владимирович Бергсон, тоже партийный активист. За ним - начальники цехов Сергей Александрович Корсуков, Артур Андреевич Лутс, Иосиф Ефимович Сандлер, Аполлон Михайлович Шубин, инженер Илья Ефсеевич Мирлин, заведующий личным столом Николай Филиппович Киреев, секретарь комитета комсомола Петр Лашков, журналист Валентин Мольво, комсомолки Вера Чертилова, Лида Савченко, Вера Сараева, Маша Большакова... Всего отправлялось на фронт больше четырехсот скороходовцев.

Как только наша колонна выстроилась, а затем прозвучала команда "вольно", на трибуну поднялись руководители фабрики. Признаться, я слушал выступающих вполуха, поглощенный раздумьями о том, что ожидает нас впереди, какой для нас окажется война. Такой, как в кино, - пороховой дым разящих врага орудий, грохот наступающих танков, победные марши пехоты под звуки военных оркестров - или?..

Из всего сказанного на митинге запомнились мне только слова секретаря парткома Смирновой: "За всю историю нашего славного города по его улицам и площадям ни разу не ступал сапог врага. Не ступит он и теперь. Фашисты будут разбиты. Мы верим, - обратилась она к нам, - что вы проявите мужество и отвагу, остановите вражеские войска на дальних подступах к Ленинграду!"

Ее слова потонули в аплодисментах, выражавших чувства и настроение и тех, кто уходил на фронт, и тех, кто оставался на фабрике. Николай Чистяков не удержался. "Заверяем вас, - с горячностью выкрикнул он, - что для защиты своего любимого города, родной страны не пощадим жизни! Враг не пройдет!"

И тут все смешалось. Нас плотным кольцом окружили рабочие и служащие: цехи прервали работу. Фабрика провожала своих сыновей. Нас обнимали, нам дарили цветы. Иван Мелехов, в прошлом мой товарищ по бригаде закройщиков, в порыве чувств сунул мне портсигар, хотя и знал, что я некурящий: "Положи в левый карман гимнастерки. Все-таки преграда для пули". И крепко обнял своими жесткими, сильными руками.

"Спасибо", - только и успел я ответить ему, потому что меня уже обступили активисты и сотрудники многотиражки, кто-то протянул коробку карандашей, кто-то блокноты: пиши, мол, не забывай профессию.

С фабрикой, ставшей для меня вторым домом, расставаться

было тяжко. Она сыграла в моей жизни огромную роль. Здесь я прошел трудовую выучку, получил политическую и нравственную закалку. Во втором закройном цехе я впервые приобщился к профессии закройщика, отсюда меня послали учиться в Промышленную академию, цеховая парторганизация рекомендовала редактором фабричной многотиражки "Скороходовский рабочий". Словом, коллектив цеха был моим воспитателем. Как-то в погоне за экономией кожи несколько деталей верхнего кроя для мужских ботинок я вырубил с грубым нарушением технологии. Работник ОТК передал бракованный крой сменному мастеру Резниковскому. В тот же день коммунисты участка устроили мне такую выволочку, что "зарубка" осталась на всю жизнь. А месяца через два они же избрали меня своим партгрупоргом. Я ожидал, что мне напомнят о недавнем проступке. Но коммунисты оказались душевно куда тоньше, чем я думал. Своим доверием они обострили во мне чувство ответственности.

Команда "Ста-но-ови-ись!", поданная С. А. Корсуковым, будущим парторгом нашего полка, прервала прощание. Грянул духовой оркестр, и мы направились к широким чугунным воротам с хорошо знакомым нам макетом ордена Ленина и издалека видной вывеской: "Ф-ка "Скороход" им. Я. Калинина".

- Прощай, родная фабрика! - послышались в шеренге позади чьи-то слова.

- До свидания, - сказал я про себя.

...На фронт нас отправили не сразу. Недолгую "паузу" мы с комбатом использовали, чтобы получше познакомиться с людьми, сплотить их, тем более что к нам влилась небольшая группа добровольцев из Кронштадта. Кронштадтцы, дисциплинированные, физически закаленные, произвели на нас хорошее впечатление.

Подготовка к отъезду на фронт заняла около недели и завершилась собранием партийного актива дивизии. Око состоялось в зале райкома, где прежде проводились конференции, сессии районного Совета и созывались партийно-хозяйственные активы, на которых я частенько присутствовал. Да и собрались на этот раз в большинстве своем те же люди, что и раньше. Только одеты они были не в разношерстные гражданские костюмы, а в одинаковую военную форму - в легкие светло-бежевые с зелеными петлицами гимнастерки, туго перетянутые новенькими ремнями, и в такого же цвета брюки-галифе. На многих были начищенные до блеска хромовые сапоги.

Военная форма преобразила людей, кое-кого даже трудно было узнать. Она заставила каждого подтянуться. Были и такие,

кто просто стремился блеснуть выправкой.

Раньше я часто бывал на партийно-хозяйственных активах района. Но ни один не оставил в моей памяти столь яркого следа, как этот. Еще недавно на таком активе можно было услышать разговор о выполнении хозяйственных планов или о состоянии агитационно-массовой работы - теперь же речь шла о том, насколько ополченцы готовы к выполнению воинского долга, и о роли, которая отводилась дивизии в защите Ленинграда. Я жадно ловил каждое слово и каждую мысль, принимая их близко к сердцу, считая приказом к действию. Да и сама жизнь, настоящее и будущее представлялись мне теперь совсем в ином свете.

То, что делалось прежде, о чем мечталось вчера, теперь казалось мелким и незначительным, ибо война заслоняла и отбрасывала назад все, чем жил человек в мирные дни. Теперь у каждого, у всех нас, у всего народа была одна цель - отстоять свое Отечество, победить врага. Перед нами, ленинградцами, стояла неукоснительная задача - отстоять свой город - колыбель великой Октябрьской революции, начало начал Советской власти, Советского государства, город Ленина. Не пропустить сюда фашизм, отбросить врага. Решимость наша была столь тверда, что вряд ли кто-нибудь из нас, сидевших в зале на собрании актива только что созданной добровольческой дивизии народного ополчения, испытывал чувство неуверенности или подумывал о спасении своей шкуры. Другие помыслы занимали нас. Мы понимали, что самим фактом своего присутствия на этом активе даем клятву верности Родине и партии, которая в час опасности вручает нам судьбу завоеваний Октября.

Доклад сделал В. А. Колобашкин, опять-таки уже не в качестве заведующего отделом пропаганды райкома, а как заместитель начальника политотдела дивизии.

После нашей встречи у Дома культуры, когда Владимир Антонович порекомендовал мне записаться в ополчение, я с ним больше не сталкивался. И теперь, когда он, по-военному подтянутый, стоял на трибуне в форме, которая ему шла и придавала стройность его фигуре, я внимательно вслушивался в каждое его слово и не мог не отметить, что доклад его звучал политически страстно, патриотично и в то же время отличался деловитостью. Чеканя каждую фразу, он говорил о необходимости установления железного воинского порядка, призвал расстаться с гражданскими привычками, покончить с вольностями в поведении, ибо на повестке дня стоит вопрос о военной учебе, о боеготовности каждого подразделения, без чего нельзя вступать в бой с опытным и вооруженным до зубов противником. А когда Колобашкин заявил, что "настала пора

выступить на фронт", зал разразился аплодисментами, в едином порыве мы встали со своих мест.

Вставай, проклятьем заклейменный,

Весь мир голодных и рабов...

Но вот отзвучали последние слова пролетарского гимна, вырвавшегося из наших сердец клятвой верности партии, народу; всеми своими помыслами мы рвались на фронт. И нам не пришлось долго ждать. Через двое суток поступил приказ: никого домой не отпускать, раздать НЗ (неприкосновенный запас продовольственного пайка. - С. Б.), каждому отделению получить комплект патронов...

3

Двенадцатого июля выдался безветренный, солнечный день. На голубом бескрайнем небе - ни облачка. В такую погоду только бы блаженствовать на пляже или сидеть с удочкой под тенью березы на берегу какого-нибудь глухого озера.

Но мы были заняты совсем другим - выстраивали подразделения, проверяли по списку личный состав, состояние оружия и экипировки, распределяли по ротам шанцевый инструмент. У каждого - винтовка со штыком и противогаз, через плечо - скатка шинели. Поясные ремни оттягивались связками гранат, лопатами и котелками. Особенно нагружены были пулеметчики. Пулемет не винтовка, тяжесть немалая. Его даже вдвоем нелегко нести.

Приказ командира полка был строгим: ни минуты опоздания. А сбор затягивался. Поглядывая на часы, мы то и дело поторапливали командиров и политруков рот.

Наконец командиры рот доложили о готовности своих подразделений. Батальон замер по команде "Смирно!". Я смотрел на потные, раскрасневшиеся от волнения и жары лица людей и думал: "Что будет с нами там, на поле боя, если мы станем собираться каждый раз с таким трудом и с такой медлительностью?" Но ведь и сам я был столь же неопытным и нерасторопным в военных делах. Мог ли я упрекать других?.. Комбат подал команду, и колонны рот медленно тронулись в путь.

На Московской товарной станции Октябрьской железной дороги нас уже ждали старые товарные вагоны с открытыми дверями, и мы тут же начали грузиться. Пыхтя и отдуваясь, подошел паровоз. Сначала он долго маневрировал на путях, дергая вагоны. Только минут через сорок наш эшелон двинулся по окружной дороге в направлении на юго-запад. Ни комбат, ни я не знали маршрута следования и конечной остановки. Это держалось пока в секрете.

Скоро в вагонах стало душно, так как при выезде из города было приказано закрыть створы. Чтобы открыть их, пришлось получить разрешение у штабиста.

Свежий воздух, хлынувший в широко открытые двери вагонов, взбодрил людей. Кто-то даже запел. Но запевалу не поддержали, и он умолк. Видимо, в эти минуты каждый был погружен в свои собственные думы. Ведь ехали на войну: чем она обернется для каждого из нас?..

Я решил поближе познакомиться с комбатом. На сборном пункте как-то не удавалось поговорить по душам. Да и приступил он к исполнению своих обязанностей лишь за два дня до отъезда на фронт. Я знал только, что зовут его Алексеем Ивановичем и что он командир запаса. Он был старше меня, ему было уже за сорок. Выясняя какой-либо вопрос, он не мог сосредоточиться и часто переспрашивал. "Видимо, - подумал я, - страдает рассеянностью". А вообще-то комбат производил впечатление доброго, сердечного человека.

Я не стал углубляться, где и в каком звании он служил в армии и когда ушел в запас. Мне хотелось поговорить с ним о предстоящих фронтовых делах, о том, с чего начнем, как только высадимся из вагонов.

- Не знаю, - откровенно признался комбат. - Думать будем на месте. Полагаю, сразу получим боевой приказ. Он-то и определит наши действия.

- Пожалуй, это правильно, - согласился я. - Но все же неплохо бы иметь какой-то свой вариант, скажем, на случай бомбежки во время высадки, а также если придется с ходу вступить в бой.

- Давай, комиссар, отложим все эти вопросы до прибытия на место.

Сначала его слова показались мне проявлением беспечности. Но, узнав, что он уехал на фронт, не дождавшись возвращения из-под Луги жены с двумя ребятами, о судьбе которых до сих пор ничего не знал, понял причину его рассеянности и нежелания вступать в разговоры.

Эшелон продвигался медленно. Мы часто останавливались, пропуская встречные поезда, среди которых были эшелоны с ранеными. На первых остановках нас встречали радушно. Женщины и школьники протягивали в вагоны букеты полевых цветов, угощали молоком и свежей ключевой водой. Но чем ближе к фронту, тем становилось тревожнее. Навстречу нам катился поток беженцев, преимущественно старики, женщины и дети. Некоторые гнали скот, несли на спинах мешки с домашним скарбом. На остановках теперь никто не дарил нам цветов и не угощал молоком.

Прибыли на место под вечер, когда солнце уже висело над горизонтом. Я взглянул на маленькое железнодорожное здание и прочел: "Веймарн". Станция была окружена сосновым бором и находилась в ста тридцати четырех километрах от Ленинграда. Вокруг вокзала виднелись свежие воронки, лежали сваленные большие сосны. На перроне распоряжались представители штаба и политотдела дивизии, торопя нас и указывая места сосредоточения.

Среди штабистов своим пенсне в позолоченной оправе выделялся Николай Максимилианович Гамильтон. Бывший работник фабричного управления "Скорохода", занимавшийся перспективным планированием, теперь стал переводчиком при штабе дивизии. Как всегда вежливый, он не требовал, а просил быстрее рассредоточиться. При этом все время поправлял пенсне, то ли нервничая, то ли опасаясь, как бы оно не упало. Тут же расхаживал своей твердой походкой бывший директор вагоностроительного завода имени Егорова Павел Кузьмич Булычев, назначенный комиссаром штаба дивизии. На нем были аккуратно подогнанная по плотной фигуре, новенькая, перетянутая широким ремнем гимнастерка и пилотка, сдвинутая на лоб к густым черным бровям. Булычев не упрашивал нас, как Гамильтон, а повелительным директорским жестом указывал направление, куда следовать.

Едва мы успели удалиться от станции, как в воздухе послышался гул моторов. Застучали наши зенитки. Но они не остановили вражеских бомбардировщиков. На станции стали рваться бомбы. К счастью, батальон был уже вне опасности.

Место для командного пункта батальона выбрали на опушке леса. Под невысокой березой соорудили на скорую руку шалаш. О землянке, а тем более о надежном блиндаже и не помышляли. По соседству с нами разместилась кухня. От нее аппетитно пахло вкусным супом. А есть хотелось чертовски. С самого утра в рот ничего не брали. Пришлось срочно откомандировать на кухню вестовых Бориса Андреева и Мишу Морозова - студентов обувного техникума.

Не успели мы опорожнить котелки, как прибыл связной штаба полка и под расписку вручил комбату первый боевой приказ, напечатанный на папиросной бумаге.

Да, мы готовились к этому, и все же первый боевой приказ донельзя взволновал нас. В приказе задача батальона излагалась кратко и просто: на следующий день, в шесть утра, батальон должен был занять исходные позиции в деревне Белые Ключи. Был указан путь и порядок следования. Нам предстояло вступить з бой с одной из частей 122-й моторизованной стрелковой

немецкой дивизии. Казалось бы, все ясно. Построй людей, подай команду "Марш!" - и дальше все пойдет, как надо. Действительность оказалась намного сложнее. Чтобы построить бойцов и скомандовать "Марш!", потребовалось многое обдумать, проделать большую работу, во время которой возникали неожиданные трудности.

Начали мы с комбатом с того, что разложили карту-пятиверстку и, освещая ее электрическими фонариками, - было уже темно, - стали искать названные в приказе маршрут и деревню. Расстояние до Белых Ключей не ахти какое большое, всего пятнадцать километров, однако мы понимали, что преодолеть его без тренировки, да еще в полной боевой выкладке не так-то просто: у нашего батальона не было ни автотранспорта, ни лошадей с повозками, в которые можно было бы уложить груз. Только повара находились в привилегированном положении. В их распоряжении полуторка, к которой была прицеплена полевая кухня.

Что называется, до седьмого пота прошиб вопрос: что делать со списком личного состава, в частности со списком коммунистов и комсомольцев? Нельзя, чтобы они в случае чего попали в руки врага! Поколебавшись, решили уничтожить. Конечно, решение было поспешным, более того, неверным. Список нам потребовался уже на следующий день, когда мы пришли в Белые Ключи, и писарю, студенту авиаинститута Н. Тимиреву, пришлось заново его составить.

Батальон двигался в Белые Ключи в кромешной тьме, по лесной дороге, люди то и дело цеплялись ногами за древесные корни, спотыкались и падали. Нас предупредили, что не исключена возможность заброски к нам в тыл вражеских парашютистов, и это вызвало излишнее беспокойство. Мы шли, опасаясь наскочить на засаду фашистов, часто останавливались и прислушивались к каждому шороху. Километров за пять до деревни сделали привал. Тут же, у дороги, бойцы легли и мгновенно уснули. Подложив под голову противогаз, прилег отдохнуть на мох у сосны и я. И, конечно, тоже заснул. Проснулся от шума и озноба. Лил сильный дождь Правда, он скоро прекратился, но мы все промокли до нитки. У меня промокли даже хромовые сапоги, изготовленные новым методом - горячей вулканизацией. Их мне вручил перед отправкой на фронт начальник фабричной лаборатории А. С. Шварц. "Даю для опытной носки, - серьезно сказал он, - и чтобы через полгода вернул". Стянул я их с ног, чтобы вылить воду, довольно легко, а вот снова надеть не смог. Мокрые, они не налезали на ноги. Уже была отдана команда на марш, а я в полном отчаянии все еще

возился с экспериментальными сапогами: хоть иди босой!

Пришлось вместо портянок намотать на ноги носовые плетки. Теперь сапоги налезли, и я с облегчением вздохнул, но радость моя была недолгой. Не успел пройти километра, как носовые платки сползли, на них образовались складки. Идти опять стало трудно. Почувствовал, что натираю ноги. Остановиться было нельзя - мог отстать. Кое-как ковылял. Люди стали интересоваться причиной хромоты: не угодил ли, мол, осколок в ногу, когда бомбили Веймарн? Спасли меня только Белые Ключи. Здесь я зашел в первую попавшуюся избу, с трудом стащил еще не высохшие сапоги и ахнул, увидев на пятках и пальцах здоровенные пузыри. Пришлось командировать связного на поиски обуви номером побольше. Лишних сапог, однако, не нашлось. Хорошо, что хоть отыскали ботинки с обмотками. Как тут было не вспомнить известную поговорку: "Сапожник ходит без сапог". Ведь батальон был сплошь скороходовский. Фабрика наша выпускала семьдесят пять тысяч пар обуви в сутки. А вот про запас не взяли.

Не успел я привести в порядок ноги, перевязать потертые места и переобуться, как поступил новый приказ: прочесать лес, в который, по предположению командования, просочились гитлеровские солдаты, выловить их и доставить в штаб полка. Признаться, нас это удивило. Шутка ли, прочесать огромный густой лес! Но приказ есть приказ, и мы немедленно приступили к его выполнению. Для меня этот приказ был неприятен и тем, что предстояло пройти еще не один километр с натертыми ногами.

Я отправился с девятой ротой, комбат - с восьмой. Седьмую роту и штаб батальона оставили в Белых Ключах. Хотя мы добросовестно выполняли свою задачу, в лесу гитлеровцев не обнаружили; повстречалось лишь несколько красноармейцев, каким-то образом отбившихся от своих частей.

Но и здесь не обошлось без приключения. Когда мы выходили из леса, какой-то боец из восьмой роты увидел, как на горе, во ржи, замелькали зеленые каски. "Немцы!" - крикнул он, и тут же началась пальба из винтовок. Комбат не стал выяснять, действительно ли во ржи фашисты, и отдал приказ: "Короткими перебежками, атаковать врага!" Атака эта завершилась полным конфузом. Когда мы приблизились к предполагаемому врагу, оказалось, что в ржаном поле укрывалась группа бойцов какой-то советской воинской части, которая накануне прибытия ополченцев вела бои за село Ивановское - главный плацдарм фашистов на восточном берегу Луги.

В тот же день комбата Алексея Ивановича вызвали в штаб

полка и отстранили от командования батальоном. На смену ему прислали добровольца из Ленинского района, лейтенанта запаса М. В. Лукичева, в недавнем довоенном прошлом мастера спорта по фехтованию, преподавателя Института физкультуры имени Лесгафта. Замечу, что в нашей дивизии воевали и другие известные в стране спортсмены, среди них заслуженный мастер спорта, мировой рекордсмен по плаванию Леонид Мешков.

С Михаилом Васильевичем Лукичевым мы сразу же нашли общий язык. Этим "общим языком" оказался спорт, который мы оба любили, если не сказать больше, - были фанатиками спорта. Стоило одному начать разговор о спорте, как другой немедленно подхватывал. И пошло... Конечно, равняться с Лукичевым в спортивных делах я не мог. Он был мастер, эксчемпион, а я всего лишь рядовой физкультурник.

4

Едва Лукичев вступил в должность командира нашего батальона, как был получен новый, теперь уже по-настоящему боевой приказ - на рассвете следующего дня выбить противника из деревни Юрки. Итак, час боевого крещения настал.

Комбат вызвал начальника штаба лейтенанта Чеботарева и отдал распоряжение организовать разведку сил противника, занявшего Юрки несколько дней назад, и подступов к деревне. Для рекогносцировки местности времени не оставалось.

Разведчики вернулись быстро и доложили, что эта маленькая деревня почти полностью сожжена, уцелел лишь один жилой дом в центре да сарай на южной окраине. Деревня расположена на возвышенности, окружена множеством балок, кустарниками, незаметно переходящими в смешанный лес. Есть там и ржаное поле. Гитлеровцев в Юрках не больше роты, ведут они себя беспечно - ходят открыто, горланят, играют на губных гармошках и даже не выставили боевого охранения.

Комбат собрал командиров и политруков рот, пересказал им приказ командира полка и, учитывая данные разведки, изложил свой план действий.

- Исходные позиции займем на восточной окраине Юрков ночью, под прикрытием темноты, - сказал он, - атаку начнем на рассвете, когда враг будет еще спать.

Главная роль возлагалась на девятую роту, которой командовал лейтенант З. Б. Тамаркин, совсем еще молодой (о таких говорят - безусый), но очень деятельный, предприимчивый и смелый человек, обладающий твердым характером.

Под стать ему был и политрук - инженер со "Скорохода" Амитин. Правда, внешне они резко отличались друг от друга. Тамаркин рядом с Амитиным выглядел подростком, хотя Саул

Борисович Амитин роста был среднего. Его плотная фигура и широкие плечи придавали ему мощный вид, а смуглое лицо, большой с горбинкой нос делали похожим на одного из героев Отечественной войны 1812 года, прославленного полководца Багратиона. По возрасту Амитин был старше своего командира, опытнее, обладал выдержкой. Работа на фабрике, где он руководил коллективом в несколько сот человек, приучила его следовать золотому правилу: прежде чем отдать какое-либо распоряжение, подумай, взвесь все "за" и "против". За плечами Амитина был и немалый опыт общественно-политической работы. Партком фабрики часто давал ему серьезные поручения, и он успешно справлялся с ними.

Сочетание молодости и бьющей ключом энергии командира роты с выдержкой и большим жизненным опытом полит" рука благотворно сказалось на сплоченности бойцов, на боевитости роты. Вот поэтому-то мы и выбрали именно эту роту для атаки Юрков, придав ей батарею 76-миллиметровых пушек.

Восьмая рота должна была занять исходные позиции правее девятой роты, но вступить в бой, только когда потребуется закрепить успех. Седьмая оставалась в резерве.

Когда были определены задачи каждой роте, план действий нанесен на карту и установлено время начала атаки, Лукичев поднялся из-за стола.

- Товарищи командиры и политруки, - произнес он с подчеркнутой торжественностью, - завтра мы вступаем в бой. Для всех нас бой этот - первый в жизни. Он одинаково тревожит и вас и меня. Это чувствуется даже сейчас. Но каким бы трудным он ни был, мы должны его выиграть. Обязательно! Проигрыш для нас - катастрофа. Гитлеровцы тогда нас погонят...

Он глотнул воды из стакана, походил взад-вперед своей пружинистой спортивной походкой и, справившись с волнением продолжил:

- Враг силен. Он рвется к Ленинграду, надеясь его покорить. А наша задача, задача народного ополчения, вам известна. Дальше отступать некуда. Я надеюсь на вас, на вашу способность, наконец, на ваше мужество. Вперед без страха и сомненья, как сказал поэт!..

Командиры и политруки рот сидели задумавшись. Не встал из-за стола и я: выступать мне после патетической речи Лукичева или молчать? Пока я колебался, комбат снова заговорил. Теперь совсем тихо, доверительно:

- Прошу, дорогие товарищи, в своих действиях не допускать торопливости. Не забывайте о маскировке, когда двинемся к Юркам. Наш успех зависит от внезапности нападения и

решительности. Учтите, только победа вселит в людей уверенность, поможет преодолеть страх. Пожелаем же товарищам Тамаркину, Амитину и их бойцам победного боя!

И тут только все поднялись и начали расходиться.

Под вечер, в самый разгар подготовки к наступлению, случилось непредвиденное. Над Белыми Ключами неожиданно появилось звено вражеских истребителей. Самолеты снизились и обстреляли батальон из пулеметов. Все, естественно, бросились врассыпную. Кто успел укрыться в избах, кто залег в кюветы и кусты.

Я в это время шел в девятую роту, чтобы побеседовать с бойцами. Увидав самолеты, прыгнул в канаву и оттуда наблюдал, как фашистские стервятники обстреливали деревню. Пули, точно град, поднимали крохотные облачка пыли на дороге и цокали по булыжнику, высекая искры.

Хорошо, что этот внезапный налет не причинил нам большого вреда.

На исходные позиции батальон двинулся, когда стемнело. Шли цепочкой, один за другим, вдоль проселочной дороги, кустарниками, стараясь ничем не обнаружить себя. Сопровождать нас вызвался пожилой колхозник Иван Васильевич, который прятался с семьей в лесу. В Белых Ключах он появился поздно вечером, перед самым выходом рот на исходные рубежи.

Как известно, белые ленинградские ночи гаснут в июне. Теперь, в середине июля, было уже сравнительно темно, что облегчало наше продвижение.

Под наблюдательный пункт, где, кроме нас с Лукичевым, находились начальник штаба Чеботарев, вестовые и связные от рот, мы выбрали место на пригорке, метрах в двухстах от Юрков. Расположившись поудобнее, приникли к биноклям. Деревня была перед нами как на ладони - она спала. Лишь часовой маячил возле уцелевшего от пожара дома. Видимо, охранял покой кого-то из начальства.

Девятая рота притаилась у окраины восточной части деревни, в мелком кустарнике. Сюда же на руках подкатили и пушки. Батареей командовал инженер, конструктор завода имени Егорова М. Е. Лапковский. Перед артиллеристами была поставлена задача не выдавать себя до появления фашистских танков и расстреливать их прямой наводкой, чтобы уж наверняка.

И вот наконец над Юрками взвилась красная ракета, выпущенная связным комбата Морозовым. В то же мгновение предутренняя тишина взорвалась дружным "Ура-а-а!" и винтовочными выстрелами. Это девятая рота ринулась в атаку. Нам с Лукичевым было хорошо видно, как стремительно бежали

ополченцы. Они притормаживали бег лишь при стрельбе.

Как поведет себя противник? Он струсил! Мы отчетливо разглядели в бинокль, как по деревне забегали солдаты в касках. Фашисты торопливо заводили мотоциклы, вскакивали в них и удирали. Отстреливались неуверенно. Беспорядочные автоматные очереди не причиняли неприятностей нашим бойцам.

При виде бегущего врага у меня радостно забилось сердце: "Победа, победа!" Рота Тамаркина вихрем влетела в Юрки. За какие-нибудь полчаса деревня была очищена. Но враг, как выяснилось позже, укрылся неподалеку. За Юрками, в направлении к селу Ивановскому, сразу за возвышенностью пролегала балка. Там виднелся густой кустарник, а за ним - лес. Туда пули наших бойцов не достигали. Вот там-то и остановились гитлеровцы.

А пока что бой стих. Слышны были лишь стоны раненых, да где-то вдалеке одиноко бухало орудие. Рота Тамаркина, окрыленная первым успехом, не стала преследовать врага, да такую задачу перед ней и не ставили. Бойцы принялись "осваивать" деревню: собирали трофеи, осматривали окопы и блиндажи противника. Лишь сандружинницы трудились в поте лица, перевязывая и унося раненых в единственную уцелевшую избу.

Мы с Лукичевым решили было покинуть наблюдательный пункт и пойти в деревню, как вдруг у околицы появились вражеские автоматчики, открывшие бешеную стрельбу. Послышался рев приближавшихся танков.

Ополченцы, не ожидавшие такой быстрой контратаки, заметались в поисках укрытия. Я и комбат тоже растерялись.

- Если сейчас же не предпринять чего-нибудь сверхъестественного, вырвалось у Лукичева, - немцы сомнут нас. Как спасти положение?..

Что мог я ему посоветовать?

- Надо или бежать в девятую роту и самим поднимать бойцов, или немедленно пустить в ход восьмую роту...

Лукичев склонен был принять первое предложение. Но в это время возникла новая опасность: нервы бойцов девятой роты не выдержали. Кое-кто побежал. Но на их пути встали Тамаркин и Амитин. Они сумели остановить своих бойцов и снова повели их в атаку.

Обстановка менялась. Нужно было помочь девятой роте. Единственно правильным казалось решение дать команду восьмой роте, но мы опасались, как бы вражеские танки не повернули в ее сторону и не обратили в бегство. Тогда всему конец. Надо было выждать: быть может, девятая рота сдержит

натиск противника...

А гитлеровцы между тем наседали, хотя огонь, открытый нашими бойцами, которых остановили Тамаркин с Амитиным, замедлил их продвижение. Но когда на западную окраину Юрков вышли немецкие танки, автоматчики активизировались. Танки не стреляли. Очевидно, не видели цели. Но одним своим появлением они подняли дух у вражеской пехоты. Теперь пора было дать команду артиллеристам. Танки находились от них метрах в ста. Можно было стрелять прямой наводкой.

Командир батареи Лапковский, не дождавшись нашего приказа, сам открыл огонь. Резкие пушечные выстрелы следовали один за другим. И вот уже вспыхнул танк с ненавистной паучьей свастикой на башне. Несколько минут - и загорелся второй. Теперь заметались на поле боя фашистские солдаты. Уцелевшие танки повернули назад.

Рота Тамаркина ожила и решительно ринулась в повторную атаку.

Мы снова обрели уверенность и способность мыслить. В восьмую роту помчался связной с приказом атаковать отступавшего противника во фланг, и над Юрками в то утро вторично разнеслось русское "ура!".

Кое-кто, читая эти строки, может сказать: "Эх вы, вояки, раз не умели управлять батальоном, лучше не брались бы командовать!" Да, для нас с Лукичевым тот бой был первым в жизни. Опыт, решительность пришли позже. И все же этот первый бой мы выиграли не случайно. Почти все, что делалось ополченцами, было предусмотрено заранее. Заранее были замаскированы и пушки, которые должны были открыть огонь в критический момент. И они сделали это, предрешив исход боя.

Я понимал, что первый небольшой наш успех снял с бойцов груз скованности, ободрил их, заставил поверить в свои силы. Но он мог породить и излишнюю самоуверенность, расслабить людей. Значит, размышлял я, первейшая обязанность комиссара - моя, стало быть, - предостеречь их от ошибки, найти такие слова и аргументы, которые бы усугубили их бдительность, помогли все время держать себя настороже. И я, набросав план действий, вызвал к себе политруков и парторгов рот.

...Да, на войне все далеко не так просто и красиво, как иногда изображается. И героизм людей в действительности бывает не таким, как о нем иногда пишется в романах. Ведь никто не хочет умирать, добровольно подставлять свою грудь пулям. Конечно, и такое бывало в нашей дивизии. Но подобные случаи - исключение. Обычно воин осторожен, расчетлив и осмотрителен. Безоглядно, рискованно он действует (тем более сознательно

идет на смерть) лишь в случае крайней необходимости, а также когда видит, что враг дрогнул. Именно так действовал наш батальон в первом бою.

Когда враг снова был смят и бежал, мы с Лукичевым отправились в деревню. Пустующий сарай стал нашим командным пунктом. Лукичев приказал девятой роте окопаться на западной окраине деревни, а восьмой продолжать преследование врага вплоть до села Ивановского и только потом занять оборону. Но восьмая рота выполнила свою задачу лишь наполовину. В лесу гитлеровцы вновь оказали сопротивление. После боя, который длился весь день, восьмой роте пришлось закрепиться в километре от Юрков, вдоль просеки, за которой простирался редкий, далеко просматриваемый лес. Комбат отдал приказ командиру роты прорывать вблизи от просеки ходы сообщения и оборудовать огневые точки. Седьмая по-прежнему оставалась в резерве.

Теперь пора было подвести итог, подсчитать потери и доложить командиру полка о выполнении его приказа. Правда, места расположения его мы не знали. Не была еще установлена и телефонная связь с ним, ее только тянули.

Наше с Лукичевым первое желание - осмотреть подбитые танки. Это были средние машины с легко пробиваемой броней, сильно покалеченные снарядами наших артиллеристов и полусгоревшие. Из открытых люков тянулся удушливый дымок тлеющей резины. Экипажи танков были уничтожены...

В Юрках гитлеровцы оставили двенадцать трупов, два сожженных танка, несколько ручных пулеметов, мотоцикл, автоматы, гранаты и склад с продовольствием.

Понес потери и наш батальон. Шесть бойцов погибли, девять ранены. Особенно тяжелой была потеря стахановца "Скорохода" Николая Чистякова и заведующего личным столом фабрики Николая Филипповича Киреева. Жена Николая Филипповича перед отправкой дивизии на фронт приходила в партком с просьбой задержать ее мужа на фабрике, так как у него язва желудка да и семья большая. Киреева вызвали в партком и посоветовали остаться. Патриот-коммунист заявил, что не сможет сидеть дома, когда страна в опасности.

С мыслями о его жене, о том, что же я теперь ей напишу, ходил я по короткой, мощеной улице сожженных Юрков, на которой только что обильно пролилась кровь. Было это 15 июля, в разгар лета. Наши бойцы, возбужденные счастливо закончившимся боем, сидели на брустверах своих неглубоких окопов, подставив лица южному ветру, и любовались раскинувшимся за Юрками золотистым полем ржи, из которой

выглядывали синеглазые васильки. На опушке леса щебетала одинокая пичуга, тут же, на полянке, усеянной цветами, хлопотали пчелы. Как все это не вязалось с только что пережитым, с тем, что осталось от деревни, которую мы отвоевали! Да и надолго ли отвоевали? Что предпримут теперь гитлеровцы?..

5

А что делалось на других участках, где вели бои батальоны и полки нашей дивизии? Не буду описывать всего, что происходило в те июльские, исключительно трудные, полные драматизма дни, когда наша дивизия, высадившись на станции Веймарн, должна была с ходу, без подготовки двинуться навстречу врагу. Расскажу лишь об одном эпизоде - о боях за село Среднее, в центре обороняемого дивизией тридцатикилометрового рубежа.

Село Среднее расположено недалеко от реки Луги. Фашисты держались за него потому, что оно открывало путь к Копорью и Волосову, а там - и на Ленинград.

Бои за село Среднее вел первый стрелковый полк, состоявший в основном из электросиловцев. Без поддержки артиллерии выбить гитлеровцев из села ему не удавалось, так как враг располагал здесь надежными техническими средствами, в том числе и танками. Поэтому, как только в Веймарн прибыла батарея 76-миллиметровых пушек 2-го артполка, ей сразу же был отдан приказ занять исходные позиции в девяти километрах от Среднего и быть готовой к отражению танковой атаки противника. Политрук батареи П. Д. Бархатов, в прошлом работник районного жилищного отдела, участник боев с белофиннами, был немало удивлен этим приказом командира дивизиона. Ведь пехотинцам нужна помощь не тогда, когда их оборону прорвут танки, а для обеспечения успеха своей наступательной операции.

И бархатов (командира в батарее пока не было) обратился к командиру артполка капитану Кочатуряну за разрешением подтянуть орудия вплотную к селу, чтобы можно было стрелять по вражеским танкам прямой наводкой. Получив разрешение, он взял с собой самых опытных и смелых бойцов, в том числе бывшего солдата первого латышского полка времен гражданской войны Плавского, наводчика Мейеровича, заряжающего Богачева, медсестру Федорову. Подкатить пушки к селу было непросто. Дорога, ведущая к нему, находилась под пристальным наблюдением врага: с одной стороны этой дороги - густой лес, с другой - вязкое болото. Надо было рискнуть. И Бархатов рискнул. Под покровом ночи он проскочил опасный участок и выкатил ору дня за передний край стрелкового полка. Противник обнаружил

дерзкий маневр артиллеристов уже утром и направил против них несколько танков.

Наши смельчаки подпустили танки и открыли огонь. Гитлеровцы попытались обойти батарею и ударить по ней с фланга. Но и из этого ничего не вышло. Артиллеристы Бархатова действовали уверенно и умело: из шести атаковавших их танков они вывели из строя четыре и подбили две танкетки, на большой скорости ворвавшиеся в расположение батареи. Электросиловцы не замедлили воспользоваться этим - рванулись в атаку, заняли село Среднее и вплотную подошли к селу Ивановскому.

В разгар этих событий произошел, как это нередко бывает, и комический случай. Как только артиллеристы расстреляли танковую колонну, Бархатов поспешил с докладом к командиру стрелкового полка майору ветеринарной службы Добрякову. Быстрым шагом он шел мимо пасеки, как вдруг поблизости разорвался снаряд, взрывной волной разрушило несколько ульев, и вылетевшие пчелы набросились на проходившего политрука. Бархатов побежал. Но от пчел разве удерешь? Они еще яростнее стали жалить его. Так вместе с пчелами Бархатов и вбежал в дом, где находился командир полка и лежал раненный в голову комиссар штаба дивизии Булычев.

- Товарищ командир... - начал было докладывать Бархатов, но командир полка, отмахиваясь от наседавших на него пчел, ругнулся.

- Убирайся ко всем чертям... Какой еще рапорт!

Но мог ли политрук уйти, не сообщив о победе, о том, что его батарея подбила четыре фашистских танка и две танкетки! Находчивого артиллериста осенило: он кинулся к кровати, сдернул с нее одеяло и стал размахивать им, сшибая вившихся вокруг него и командира полка пчел. "Схватка" с разъяренным "врагом" длилась минут десять и закончилась в пользу отважного артиллериста, хотя его лоб, щеки и руки стали опухать и покрываться красно-синими пятнами.

Отдышавшись и видя, что командир полка, у которого лицо и руки тоже были искусаны, успокоился, Бархатов козырнул и встал по стойке "смирно"...

- Хоть ты и притащил ко мне этих пиратов, - выслушав рапорт, сказал командир полка Добряков, - все же большое тебе спасибо... А теперь давай натремся одеколоном. - И достал из чемодана флакон.

В тот же день в расположение первого стрелкового полка прибыл Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. Побывал он и в батарее Бархатова. Весть о приезде командующего мгновенно облетела всю дивизию, и каждый старался хоть в чем-то проявить

себя, отличиться.

Еще в ходе первых боев Бархатов понял, что надо разрушить мост через реку Лугу: по нему проходил тракт из Кингисеппа к селу Ивановскому, за которое, понимая значение этого плацдарма, крепко уцепились гитлеровцы.

Обстрел моста без корректировки ничего не дал: он по-прежнему стоял невредимым. Корректировать же стрельбу можно было, только находясь в тылу противника.

- Разрешите мне взять группу разведчиков, - обратился Бархатов к командиру полка. - Даю слово: ночью проберусь к немцам в тыл.

Командир полка оглядел коренастую, сильную фигуру политрука.

- Хорошо. Идите. Только будьте осторожны. Фрицев в Ивановском скопилось уйма. Рыщут и по лесу.

Бархатов сдержал свое слово. Глубокой ночью вместе с разведчиками он скрытно пробрался к высокому берегу Луги, откуда хорошо был виден мост, и тут же стал корректировать огонь своей батареи. В мост угодило несколько снарядов, и движение по нему приостановилось.

Возвращаясь, корректировщики неожиданно наткнулись на группу вражеских автоматчиков. Смельчаки не дрогнули, им удалось рассеять фашистов. Но и группа Бархатова понесла потери: погиб разведчик Ильин. Отважнее других действовал в этом бою рядовой Писарев. Он застрелил двух гитлеровцев, забрал их оружие и документы.

П. Д. Бархатов, как инициативный и смелый артиллерист, вскоре был назначен командиром батареи, а затем и дивизиона. Под его командованием дивизион стал одним из лучших в артполку.

...Получив чувствительный удар от добровольцев Московской заставы и бежав из Юрков, Забелья, Малые Пелеши, села Среднего, фашисты лишились важных опорных пунктов на восточном берегу реки Луги. В их руках осталось лишь село Ивановское, за которое уже несколько недель велись упорные бои. Солдаты и офицеры гитлеровской армии в своих дневниках и письмах домой в те дни писали, что встретили в лице ополченцев, которых называли не иначе, как "большевиками", сильных духом и хорошо вооруженных людей, оказывающих им упорное сопротивление. В дневнике убитого в районе села Ивановского лейтенанта 18-го пехотного немецкого полка фон Гогенбройча мы обнаружили такую запись: "На фронте кромешный ад. Мы несем большие потери от огня большевиков. Русские ведут очень сильный огонь".

Все в дивизии ожидали, что фашисты попытаются вернуть отбитые у них населенные пункты. Поэтому мы поспешили заняться укреплением своих позиций, подготовкой к новым боям. Заминировали наиболее опасные участки, оборудовали стрелковые ячейки и очистили сектора обстрела, подготовили противотанковые группы, начали строить дзоты. Наши предположения подтвердились, но как ни старались гитлеровцы вышибить нас, им это не удалось, более того, мы вынудили их перейти к обороне. Разведка доложила, что противник зарывается в землю, строит оборонительные сооружения. Следовательно, заключило наше командование, враг до прихода подкреплений решил устроить себе передышку, отдохнуть. Разумеется, мы обязаны сорвать эти планы, не давать гитлеровцам покоя ни днем, ни ночью, постоянно изматывать их силы дерзкими вылазками к переднему краю, засылкой диверсионных групп в тыл, методичным огнем из всех видов оружия.

Этот план был осуществлен: нам, сугубо гражданским людям, только-только надевшим шинели, плохо обученным и слабо вооруженным, удалось приостановить продвижение фашистов. На том месте, где мы задержали врага, он топтался более трех недель - с 15 июля по 10 августа. Своими решительными и, в общем, успешными действиями ополченцы Московского и других районов, пославших на фронт лучших своих людей, выиграли драгоценное время, помогли кадровым частям Красной Армии сорвать план гитлеровцев, носивший кодовое название "Север": согласно этому плану, их вооруженные силы должны были занять Ленинград через четыре недели со дня вероломного нападения. Они даже наметили на 24 июля заблаговременно отпечатав пригласительные билеты, банкет в "Астории" - лучшем ленинградском ресторане.

Командующий Северо-Западным направлением Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов на собрании партийного актива Ленинграда, состоявшемся 20 июля, сказал:

- Я с мальчишеского возраста солдат. Но никогда еще не видел, чтобы люди так стойко держались. Хорошо дерутся ополченцы Московской заставы.

6

На другой день после того, как батальон занял Юрки, наши связные Андреев и Морозов соорудили на окраине деревни землянку. По правде сказать, она служила защитой лишь от дождя и солнца, но мы с Лукичевым были довольны, поскольку до этого обитали в пустом старом сарае, который к тому же служил хорошей целью для вражеской артиллерии. Достаточно было одного меткого попадания, чтобы сарай вместе с нами взлетел на

воздух.

Перейдя в землянку - а день уже клонился к вечеру, - мы почувствовали себя спокойнее и стали думать, что же делать дальше. В это время явился адъютант командира полка Леня Кругман, в прошлом закройщик "Скорохода", работавший со мной в одном цехе. Его прислали выяснить обстановку и сообщить комбату и мне, что в 23.00 нам надлежит прибыть в штаб полка. На невоенный мой вопрос: "Почему так поздно?" - Кругман ответил: "Это вызвано соображениями безопасности".

Чтобы не опоздать, мы вышли загодя. На покрытой густым мелким лесом возвышенности около деревни Выползово, близ штаба полка, нас окликнул часовой: "Пароль?" Пароль мы знали от Кругмана, часовой пропустил нас дальше, по узкой тропе, ведущей в заросли; мы шли уже медленнее, чуть ли не на ощупь. Казалось, идем мы не в штаб полка, а на командный пункт спрятавшегося в лесной глухомани партизанского отряда.

Встретил нас все тот же Леня Кругман и провел по глубоким, в человеческий рост, извилистым траншеям в подземное, довольно просторное, с круглым столом и стульями помещение. Мысленно я попытался представить себе толщину слоя земли, под которым мы очутились, и решил, что не менее полутора метров. Такую крышу, спрессованную из вязкой красной глины, не прошибет даже крупная бомба. Надежное укрытие. И когда только успели соорудить такую "квартиру"? При тусклом свете коптилок, сделанных из гильз артиллерийских снарядов, я увидел всех командиров и комиссаров батальонов, в том числе скороходовцев Ф. А. Ковязина и С. А. Корсукова. Первый, как и я, был комиссаром, а Корсуков - секретарем партийного бюро полка.

Ровно в 23.00 адъютант исчез в боковом отводе землянки, и тотчас оттуда вышел невысокий, чисто выбритый человек средних лет, в новой, туго перетянутой широким ремнем гимнастерке. Это был командир нашего полка воентехник первого ранга Лифанов. Я видел его впервые и потому старался разглядеть и запомнить. Следом за ним вышли комиссар полка Гродзенчик и начальник штаба Румянцев.

Командир полка пояснил цель вызова командного и политического состава второго стрелкового полка и перечислил все, что нам незамедлительно следовало выполнить. В моем маленьком, сохранившемся по сей день блокноте записано двадцать восемь пунктов. Среди них значатся такие: "Составить и представить в штаб полка план боевой и политической подготовки", "Установить строгую воинскую дисциплину", "Соблюдать военную тайну", "Научить весь личный состав окапываться", "Ежедневно присылать в штаб боевые и

политические донесения", "Повысить ответственность комсостава за каждого бойца, его жизнь и боеспособность", "Наладить строгий учет потерь личного состава", "Захоронение убитых производить с почестями, составляя акты с указанием места погребения"...

Возвращаясь в Юрки, мы с Лукичевым разговорились, рассказали друг другу о себе. Лукичев оказался холостяком, хотя ему было под тридцать. В Ленинграде у него осталась мать. "Как-то она там?" - с грустью произнес он.

- А почему ты до сих пор не женат?

Лукичев ответил не сразу.

- Слишком был увлечен спортом. Каждый день тренировался, сохраняя форму, готовясь к соревнованиям. Кто согласится жить с таким фанатиком? К тому же я люблю кактусы... У меня все окна уставлены кактусами, а ведь они колкие...

- Не понимаю связи между женитьбой и кактусами, - искренне удивился я.

Лукичев пропустил это замечание мимо ушей. Видимо, в его личной жизни произошло что-то, о чем ему не хотелось вспоминать.

Он вообще был не очень-то разговорчивым человеком, пожалуй, даже замкнутым. А когда над страной нависла смертельная угроза, еще больше ушел в себя. Читая сводки Совинформбюро, он остро переживал неудачи наших войск. Даже высказывал мысль, что нам вряд ли удастся отстоять Ленинград. Насколько мог, я старался разубедить его. Порой мне это удавалось, и тогда глаза комбата начинали светиться радостью. К чести Лукичева, душевные переживания не сказывались отрицательно на его деятельности, не ослабляли его энергии. А энергия в нем била через край. Михаил Васильевич отличался собранностью, необычайной выносливостью и трудоспособностью. Для сна ему хватало вполне четырех-пяти часов в сутки. Остальное время было отдано работе, выполнению командирских обязанностей. Что и говорить, военных знаний ему недоставало, но если он чего-то недопонимал, не знал, никогда не стеснялся расспросить тех, кто служил в армии и обладал большим, чем он, опытом.

На следующий день после совещания у командира полка рано утром Лукичев вызвал командиров, а я - политруков рот, чтобы передать им все указания, полученные в штабе полка. Тут же условились о созыве партийного собрания: надо было избрать партбюро и поговорить с коммунистами о проведенном бое, об усилении их влияния на беспартийных. Каждый член партии должен был показывать пример соблюдения воинской

дисциплины, к которой ополченцы мало того, что еще не привыкли, порой просто и не понимали ее значения. А ведь без строгой дисциплины в армии, тем более на фронте, нельзя рассчитывать на успех. Только при беспрекословном повиновении воле командиров можно быть уверенным, что любые трудности, даже связанные с риском для жизни, будут преодолены. История учит, что побеждает то воинское подразделение, в котором люди не только хорошо знают свой маневр, проявляют смелость и отвагу, но и неукоснительно соблюдают воинскую дисциплину. Не случайно потом мы часто говорили: "Дисциплина - залог победы".

В ближайший же день мне пришлось откровенно потолковать обо всем этом с одним из бойцов, в недавнем прошлом, как мы бы сегодня сказали, типичным интеллектуалом. Он утверждал, что для него важен прежде всего сам человек со всеми его качествами и достоинствами, а потом уже все остальное - его служебный пост, ученое или воинское звание.

- Страшно не люблю тех, - говорил он, - кто раболепствует перед "авторитетами", перед людьми, занимающими более высокое служебное положение. Подхалимство - самое неприятное явление, оставленное нам в наследство старым обществом, потому что оно убивает личность, казнит человеческое достоинство.

- В отношении подхалимства наши взгляды совпадают. Но ведь в армии, тем более на фронте, нельзя строить отношения лишь на уважении или на неуважении, - возразил я. - Без подчинения одного лица другому армия не только не будет боеспособной, но вообще не сможет существовать. Дай некоторым волю, и они тут же пошлют своего командира на все четыре стороны, вместо того чтобы идти в бой, где их могут ранить или убить. Инстинкт самосохранения, трусость возьмут верх. От ваших рассуждений пахнет нигилизмом. Если руководствоваться ими, они породят анархию.

- Вы меня не совсем правильно поняли, - горячо заговорил боец. - Я за дисциплину и за строгий воинский порядок. Я только против того, чтобы унижать человеческое достоинство. Против грубости, ледяного равнодушия, зазнайства и чванливости. И людей, зараженных этими "качествами", просто презираю!

- Это уже совсем иное дело...

Быть может, потому, что он встретил понимание со стороны комиссара, боец заключил с поразительной прямотой, и настойчивостью:

- В армии я обязан подчиняться старшему начальнику независимо от того, добрый он или злой, скромный или

карьерист, наглец или честный. Но мне никто не может помешать иметь о нем свое мнение, уважать или не уважать его. Если он дрянь, то на всю жизнь и останется в моих глазах дрянью!

Такая запальчивость, резкость суждений могли сослужить этому бойцу плохую службу, ибо при известных условиях крайний скептицизм и нигилизм могли обернуться нарушением строгих армейских порядков, поэтому в откровенном разговоре с глазу на глаз я и предостерег его от ошибочных выводов и поступков.

Чем только не приходилось заниматься комиссару!

...На батальонное партийное собрание пришло более шестидесяти коммунистов. Всматриваясь в их лица, вдумываясь в их слова о только что проведенном бое и готовности к предстоящим, я еще острее почувствовал, насколько велика роль партийной организации в батальоне.

Вот взял слово рядовой Васильев, бывший слесарь "Скорохода". Там он был на хорошем счету, слыл отличным мастером своего дела и примерным коммунистом. Успел отличиться и в батальоне: он одним из первых поднялся в атаку. Не дрогнул, когда появились танки.

На таких можно положиться. Оки не подведут. Но все ли такие? Скажем, бойцы Мазуров, Ионов, Стронгин, Набиркин и Качан делом доказали, что достойны похвалы, как и Васильев, как командир роты Тамаркин и политрук Амитин. И все же кое-кто очень беспокоил меня. Рядовой Теленков не выдержал физической нагрузки, даже на марше отставал. Боец Гравчик обратился с просьбой отпустить его обратно на хлебозавод: мол, не может видеть крови и трупы убитых. Путилов испугался танков. Как быть с этими двумя? Будет ли от них толк, станут ли они отважными и выносливыми? Что нужно сделать, чтобы они стали настоящими воинами?..

И, как бы угадав мои мысли, комбат Лукичев в конце собрания сказал:

- Наш батальон выиграл бой. Не все вели себя смело. Думаю, это закономерно. Везде, в любом деле есть передовые, а есть средние и слабые люди. Наш батальон не является исключением. Давайте же равнять всех на лучших, средних поддерживать, а слабых подтягивать до тех и других.

Мне оставалось лишь поддержать комбата.

Нам с Лукичевым собрание на многое открыло глаза. Коммунисты, выступая в прениях, подмечали то, что нам не удалось своевременно увидеть и оценить. В частности, они подсказали, как можно повысить бдительность. Ведь враг был не только коварен, но умен, хитер и опытен. Коммунисты настаивали на том, чтобы круглосуточно действовали боевые

дозоры, чтобы людям было запрещено ходить днем по открытой местности, чтобы тщательнее маскировались землянки и траншеи. Эта подсказка была очень кстати, так как у некоторых бойцов от первого успеха закружилась голова, и они стали бравировать своей храбростью, не соблюдали маскировки, даже не хотели окапываться, за что поплатились жизнью. Расходились мы поздней ночью. Когда темнота начала поглощать людей, до моего слуха донесся диалог двух коммунистов, - чьи это были голоса, я не понял.

- Нет ни одного человека, - глуховато, с большой убежденностью говорил один, - который был бы умнее коллектива.

Его слова я расценил так: чтобы не наделать глупостей, надо чаще советоваться с коллективом. Что ж, мысль правильная.

- Даже гениальные люди, - с той же убежденностью продолжал он, опираются на опыт других, на мудрость своего народа.

- Ты изрекаешь старую истину, - бросил реплику идущий рядом с ним.

- Но ее еще не опроверг ни один мудрец!

Не скрою, этот разговор заинтересовал меня, я уже собрался было окликнуть собеседников, но Лукичев спросил, дам ли я ему рекомендацию в партию, и пока мы беседовали, те двое словно растаяли во тьме.

7

Вернувшись с собрания в землянку, мы с Михаилом Васильевичем долго еще обсуждали, как повысить боеспособность батальона и организовать учебу в условиях активной обороны, что предпринять для установления подлинно воинской дисциплины и высокой бдительности. Собрание как бы сбросило с плеч Лукичева груз сомнений. Он стал действовать более уверенно и решительно. На другой же день обошел все роты, придирчиво осмотрел окопы и приказал рыть глубокие ходы сообщений, выставить дозоры впереди линии обороны. Естественно, я все время был рядом, стремясь помочь ему, и, в свою очередь, наставлял наших политруков и их верных помощников - коммунистов и комсомольцев.

После этого на душе стало легче, улучшилось настроение. Начал прикидывать, что надо сделать в ближайшие дни. И вдруг узнаю, что Лукичева освобождают от командования батальоном. Тотчас же отправился к комиссару полка Гродзенчику и принялся отстаивать Лукичева, доказывая, что он может командовать, что из него получится хороший комбат. Гродзенчик не прерывал меня и, выслушав, разъяснил:

- Командование армии народного ополчения прислало к нам группу кедровых, опытных командиров. Назначен новый комдив - генерал-майор Любовцев. Командовать полком теперь будет майор Арсенов, а штаб возглавит капитан Лабудин. Более грамотными военными специалистами заменяются и комбаты. Командиром вашего батальона, - добавил он, - назначен капитан М. Г. Лупенков.

Это сообщение было для меня словно гром среди ясного неба. На фронте люди узнаются и сходятся быстро, за каких-нибудь несколько дней и даже часов привыкают друг к другу. Естественно, я успел привыкнуть и проникнуться уважением к Лукичеву. Жаль было расставаться. Но что поделаешь?! Не напишешь же письменный протест командованию! Успокоило и даже несколько утешило меня то, что Лукичев назначался адъютантом нового командира полка. Я подумал, что Михаил Васильевич может многому научиться у него, а потом, если позволит обстановка и он сам этого захочет, вернется в батальон, С Лукичевым мы расстались тепло и, казалось, навсегда. Но спустя полтора месяца военные дороги снова свели нас.

Новый комбат прибыл к нам на следующий день и, не теряя ни минуты, стал знакомиться с обстановкой на нашем участке обороны. По характеру вопросов Михаила Григорьевича Лупенкова видно было, что это и впрямь опытный командир. Его удовлетворил план обороны батальона и боевой учебы, составленный Лукичевым, и он не стал ломать этот план, вносить нечто принципиально новое, однако осуществлял его более грамотно, и батальон поверил в нового комбата.

Исходя из того, что линия обороны батальона была сильно растянута, а местность - хуже не сыщешь: лес, болото, овраги, пригорки, - Лупенков решил повысить роль взводов и отделений. Мера эта имела существенное значение: мелкие подразделения, да и каждый боец в отдельности начали действовать намного активнее, инициативнее. И потери уменьшились.

Лупенков учитывал, что ополченцы еще не привыкли к воинской дисциплине, и почти не употреблял слово "приказываю", я бы даже сказал, тактично обходил его. В то же время в нем заметно проглядывала присущая кадровым военным приверженность к субординации, и он строго следил за тем, чтобы приказания старших неукоснительно выполнялись младшими командирами.

- Терпеть не могу расхлябанности и своеволия, - заметил Лупенков, узнав, что какой-то командир взвода не выполнил вовремя приказ командира роты.

Военная "струнка" в Лупенкове чувствовалась во всем,

начиная с его внешнего вида. Всегда подтянутый, выбритый, он почти ежедневно подшивал чистый подворотничок. Доклады своих подчиненных выслушивал только стоя. Он был быстр на ногу и начинал свой день с того, что появлялся утром в одной, днем - в другой, вечером - в третьей ротах. Его указания были четки, а выдержка поразительна. Сердился Михаил Григорьевич, лишь когда кто-либо проявлял беспечность. А уж чего не терпел в людях - трусости.

- Охваченный страхом человек, - говорил Лупенков, - подобен опасному микробу, который заражает окружающих. От страха до паники один шаг. Трус легко становится дезертиром и изменником...

Помнится, в один из дней фашисты предприняли новое наступление, и начальник штаба батальона Н., которому было приказано заменить убитого командира восьмой роты, испугавшись массированного артиллерийского обстрела, вернулся с полпути на командный пункт батальона. Увидев его, Лупенков потерял дар речи, от возмущения побледнел и выхватил из кобуры пистолет. Для него невыполнение приказа в бою было равносильно измене Родине. Не знаю, чем закончился бы этот приступ гнева, если бы я не удержал его руку. Впервые тогда Лупенков повысил голос, бросил в лицо начальнику штаба: "Трус!" - и приказал немедленно отправиться в роту, оказавшуюся в критическом положении...

Усилия комбата не прошли даром. Наш батальон стал походить на тугую пружину, которую чем больше сжимаешь, тем она сильней сопротивляется. Перемену в батальоне почувствовали и враги. Теперь они всюду натыкались на жесткую оборону, терпели урон от наших активных действий. Не проходило дня, чтобы батальон не нанес врагу удар, чтобы кто-нибудь из наших бойцов или командиров не совершил подвига. Фронтовая и армейская печать неоднократно писали о боевых делах нашего батальона, и имя Лупенкова скоро стало известно не только в дивизии, но и всему фронту.

Уже на пятый день своего появления в батальоне Михаил Григорьевич сказал мне:

- С завтрашнего дня все силы сосредоточим на селе Ивановском.

- Почему? - не удержался я от вопроса.

- Потому, что это единственный объект на нашем, восточном, берегу Луги, где противник имеет надежный плацдарм. Вот смотри...

Он разложил на коленях карту и, водя по ней карандашом, стал развивать свою мысль.

- Село Среднее - его обороняет первый полк - и наши Юрки расположены на одинаковом расстоянии от Ивановского: в трех километрах. Видишь? Среднее стоит на шоссе, идущем от Кингисеппа через Ивановское на Копорье. Лес вдоль всего шоссе вырублен. Поэтому первому полку подобраться к позициям врага трудно - все на виду. От Юрков же до Ивановского через лес ведет узкая извилистая проселочная дорога. Так что наш батальон находится в более выгодном положении, чем первый полк. От нас в любое время суток можно вплотную подойти к позициям фашистов, причем подойти не во фронт, а с фланга. В этом тоже преимущество.

- Так. Что же дальше?

- А дальше то, что географическое положение обязывает нас к более активным действиям. Нам надо почаще долбить фрицев.

И комбат красным карандашом энергично провел жирную стрелу, острие которой упиралось в кружок с надписью "Ивановское".

- Мы, конечно, можем действовать и левее села Ивановского, - продолжал Лупенков, и его карандаш замедлил свой бег. - Но тут нас от противника отделяет река. Чтобы атаковать его здесь, надо сначала форсировать реку, то есть подставить себя под пули. И так при каждой атаке. - Он поразмыслил немного и добавил: - Нет, нам нельзя разбрасываться. Мы не можем позволить себе действовать там, где для нас это невыгодно; к тому же на второстепенном участке. Все внимание, все свои силы мы должны сосредоточить на одном, главном направлении. Такое направление - село Ивановское... По данным разведки, немцы подтягивают сюда свежие силы... Я уже составил план по дням, вперед на целую неделю. - И Лупенков протянул мне густо исписанный лист бумаги.

В плане предусматривался комплекс самых разнообразных мер, с включением всех огневых средств, которыми располагал батальон. Тут были и неожиданные налеты минометчиков на места скопления гитлеровцев, и вылазки снайперов, и ночные артиллерийские обстрелы фашистских объектов, и выдвижение на "нейтральную" полосу секретных дозоров, наконец, разведка боем. Заранее устанавливалась очередность участия в этих операциях каждой роты.

В тот же день мы с Михаилом Григорьевичем собрали командиров и политруков рот. Вместе с ними уточнили все детали плана, затем согласовали его с командиром полка. А на следующий день приступили к выполнению задуманного. Не трудно было убедиться, насколько прозорливым оказался наш комбат.

Неподалеку от батальона стали появляться мелкие группы гитлеровцев. Одна из них неожиданно обстреляла бойцов седьмой роты Михайлова и Викентьева, в свободную и, как думалось, спокойную минуту собиравших в лесу ягоды. Этот случай еще больше насторожил нас. Пришлось ускорить создание предусмотренных планом Лупенкова секретных дозоров, выдвинув их метров на триста за линию обороны. В дозоры посылали наиболее смелых и физически выносливых бойцов, снабдив их биноклями, полуавтоматами, ручными гранатами и финскими ножами.

Первый же дозор, возглавляемый комсомольцем из Кронштадта Борисом Ионовым, на рассвете обнаружил трех гитлеровцев, направлявшихся в расположение нашего батальона. Ионов подпустил их на близкое расстояние и выстрелил, сразив насмерть одного из них. Двое других обратились в бегство. Ионов взял трофейный парабеллум и, обыскав карманы гитлеровца, изъял солдатскую книжку, письмо и фотографии. Убитый оказался обер-ефрейтором Артуром Касселем.

Среди фотографий, найденных в его карманах, был снимок, на котором Артур Кассель сфотографирован с женой, на берегу моря. Он стоял в полной парадной форме, самодовольный, гордо вскинув голову. К правому его плечу прижалась, безмятежно улыбаясь, его жена в коротком, светлом, раздуваемом ветром платье. Левой рукой Кассель придерживал своего кудрявого отпрыска, который едва достиг восьми - десяти лет. Внизу на фотокарточке стоял штамп "Штральзунд" и дата "10 июня 1941 года". Выходит, обер-ефрейтор запечатлел себя и свою семью менее чем за две недели до вероломного нападения немецко-фашистской Германии на нашу страну. В тот день ему, по всей видимости, и в самом дурном сне не могло привидеться, что не пройдет и двух месяцев, как его жена получит извещение: "Ваш муж Артур Кассель погиб на Восточном фронте, храбро сражаясь за великую Германию".

Удачный "дебют" Бориса Ионова подстегнул других ополченцев. Иные из них даже стали приходить к комбату и предлагать свой план действий.

- Товарищ командир батальона! - обратился к капитану Лупенкову командир минометного взвода Петр Пьянков, в прошлом моряк Балтийского флота. - Мои бойцы установили, что фрицы начинают обедать ровно в два часа дня, без минуты опоздания. В это время к полуразрушенному зданию фабрики в селе подъезжает кухня, и около нее выстраивается очередь. Разрешите мне угостить их по-флотски. Накрою так, что и не

успеют даже сказать "папа-мама".

Михаил Григорьевич знал Пьянкова как умного и смелого командира взвода. В то же время о бывшем моряке поговаривали, что он еще не избавился от никому не нужного ухарства, нередко идет на риск, когда обстоятельства вовсе не требуют этого.

- У вас какие минометы? - счел нужным спросить комбат, хотя прекрасно знал это.

- Ротные.

- Следовательно, чтобы поразить цель, надо стрелять с позиции, расположенной почти у самого переднего края противника.

- Так точно! - мгновенно отозвался Пьянков. В его прищуренных карих глазах вспыхнул озорной огонек, и это не прошло мимо Лупенкова.

- А не очень рискован ваш план?

- Но ведь без риска и канаву не перепрыгнешь. Риск - благородное дело!

- Так-то оно так, и все же следует соблюдать осторожность.

- Товарищ комбат, разрешите, сделаю так, что комар носа не подточит!

- Ну, коли так, действуйте. Только договоритесь со своим ротным, чтобы он придал вам группу бойцов для прикрытия на случай, если немцы засекут и начнут преследовать вас. Лихость да еще без подстраховки может кончиться плохо.

- В драке, товарищ комбат, волос не жалеют, - с жаром проговорил Пьянков. - А на войне не просто дерутся, а и убивают друг друга.

- Все это верно, однако же осторожность не помешает, - повторил комбат.

- Есть, осторожность не помешает! - И Пьянков щеголевато повернулся и пошел своей раскачивающейся матросской походкой.

Он выбрал для своих минометов несколько скрытых от врага позиций. А чтобы проверить, попадают ли мины в цель, посадил на ель корректировщика с телефонной трубкой.

Первый же выход Пьянкова увенчался полным успехом. Несколько точно нацеленных мин угодило в группу выстроившихся около кухни гитлеровцев. Корректировщик подсчитал, что только убитых было человек пятнадцать. Взлетела в воздух и кухня. В стане врага поднялась паника, шум и крики. Пока гитлеровцы соображали, откуда выпущены мины, Пьянкова и след простыл. За несколько последующих дней Пьянков со своими бесстрашными минометчиками уничтожил, по нашим подсчетам, более пятидесяти гитлеровцев.

К общему нашему горю, четвертого августа во время боя, который вела восьмая рота за село Ивановское, Петр Иванович Пьянков погиб. Это была большая утрата. Героя похоронили с воинскими почестями. Заменил Пьянкова во взводе его друг, такой же отважный воин, коммунист Сергей Мазуров, в прошлом тоже краснофлотец, а после демобилизации - рабочий подсобного хозяйства Московского райсовета. Мазуров продолжил дерзкие налеты на врага, чем завоевал в батальоне такое же уважение, как и Пьянков. Он мстил фашистам за смерть своего товарища всюду, где только мог.

На "охоту" ходили и многие другие ополченцы. Они наводили страх на фашистов, уничтожали их, взрывали вражескую технику.

Лупенков искусно руководил действиями храбрецов, тщательно обсуждал с ними итоги каждой их вылазки, и эти разборы, как и его советы, отточили воинское мастерство ополченцев.

Явился к комбату и командир батареи 76-миллиметровых пушек лейтенант Шувалов. Эта батарея была придана нам для поддержки разведки боем, которую мы всегда готовили с особой тщательностью.

- Разрешите и нам, товарищ комбат, малость побеспокоить немцев.

- А не вызовете на себя ответный огонь?

- Выберем запасные позиции где-нибудь подальше от Юрков.

- Надо бы вам прежде всего согласовать это дело со своим командиром, посоветовал Лупенков.

- А я уже согласовал. К тому же действовать-то мы будем в ночное время, фрицы - люди пунктуальные. В одно и то же время ложатся спать и так же, по точному графику, встают утром. Вы же их знаете. Педанты до мозга костей... А мы будем устраивать им побудку не только рано утром, но и ночью. Я уж и объект наметил...

- Ночью без пристрелки снаряды могут и не попадать в цель.

- Пристрелку произведем днем.

- Раз ваше начальство разрешило - действуйте!

Первые же ночные артиллерийские обстрелы села Ивановского причинили фашистам немало неприятностей. Уже на следующий день вражеский воздушный разведчик долго летал над Юрками в поисках местонахождения нашей батареи. После него часа через два в воздухе появился и бомбардировщик. Но сбросил он свой смертоносный груз на ложные позиции, которые заранее оборудовал Шувалов.

Так длилось несколько суток. Ночью батарея Шувалова устраивала артналет, а днем прилетали бомбардировщики

противника.

- Раз немцы всполошились, - радуясь своему успеху, с гордостью говорил Шувалов, - значит, наши "гостинцы" пришлись им не по вкусу.

Бойцы батальона, встречая артиллеристов, уважительно приветствовали их и кричали вслед: "Успеха вам, ночная артиллерия!"

Убедившись, что авиация не в силах заставить замолчать батарею Шувалова, фашисты пустили в ход свою артиллерию. И как только наши батарейцы открывали огонь, со стороны противника тотчас летели ответные снаряды более крупного калибра. Однако Шувалов и тут перехитрил врага: он рассредоточил свои пушки, расставив их на двести - триста метров одна от другой. Выпустив по селу Ивановскому несколько снарядов, он немедленно менял позиции. Грузовые машины, которые использовались как тяга, всегда стояли наготове, с заведенными моторами.

Мы понимали, что в масштабе военных действий, развернувшихся на всех фронтах, в том числе и на Ленинградском, артиллерийские налеты батареи Шувалова, как и дерзкие вылазки наших дозорных, для гитлеровских войск - не больше чем булавочные уколы, но на более ощутимые удары у нас еще не было сил. И потом, разве могучие, полноводные реки были бы такими, если бы не вбирали в себя множество притоков, в том числе и совсем маленьких ручейков?.. Пусть это были пока уколы, но они беспокоили противника, держали его в постоянном нервном напряжении, выматывали его силы. И достигалось это почти не обученным батальоном, вооруженным преимущественно винтовками. Станковых и ручных пулеметов у нас насчитывалось по одному-два на роту. А минометы мы получили лишь в конце июля.

Между тем противник готовился к новому крупному наступлению. По кингисеппскому тракту, как доносила разведка, в Ивановское и Поречье стягивались мотопехота, артиллерия и танки. Сколько, какие части и соединения? Точно мы этого не знали. Поэтому перед каждым подразделением дивизии была поставлена задача: во что бы то ни стало добыть "языка". На такое дело послать можно было только добровольцев. Надо ли говорить, что их вызвалось намного больше, чем того требовала эта операция. Руководителя группы разведчиков прислали из штаба дивизии - им оказался бывший начальник цеха клеевой обуви "Скорохода" Аполлон Михайлович Шубин, уже ходивший в тыл врага.

Армейская разведка - это бой. Но бой особого рода. Он не

каждому по плечу. Тут все решают отвага, хладнокровие, выносливость. Надо обладать исключительной находчивостью, сообразительностью, быстротой реакции.

На фабрике Шубин не проявлял таких качеств. Порой он даже казался медлительным, флегматичным. Однако подкупала его душевность. В отношениях с людьми у него всегда было все ясно и просто. Такие отношения сложились и у наг с ним. И вот теперь, перед его уходом в тыл врага, мы долго и откровенно беседовали, усевшись на поваленную сухую березу.

- Не волнуешься, не нервничаешь? - спросил я его между прочим.

- Сам понимаешь, ходить к немцу в тыл - не к колодцу по воду. Такое чувство, будто ты все время соприкасаешься с током высокой частоты. Но стоит раз испытать это чувство, как потом оно уже целиком захватывает тебя...

А я, по правде сказать, переволновался за него: ведь он мог не вернуться. Однако Аполлон Михайлович вернулся. Вернулся через три дня, возбужденный и раздосадованный: "языка" добыть не удалось. Перед тем как уйти в штаб дивизии, подробно рассказал мне, почему. Вот его рассказ, как я его записал по памяти:

"Течение реки Луга, когда мы подошли к ней ночью, было тихим и спокойным. Я прикинул ширину - метров пятьдесят. Перейти обмелевшую реку было несложно. Важно перейти так, чтобы меньше было всплесков, меньше шума.

Лежу на берегу в кустах и размышляю, как перебраться, чтобы не заметили фашисты. Решил: надо снять сапоги и брюки, переходить босиком. И одежда осталась сухой, и шума не наделали. Когда достигли намеченного пункта, было уже совсем светло. Укрылись мы на опушке леса и стали осматривать местность. Перед нами - поле нескошенных, помятых, начавших уже осыпаться хлебов, а за ним как на ладони Полесье, большая деревня, где хозяйничали гитлеровцы. Они вели себя там как дома: свободно ходили по своим делам, разговаривали во весь голос и даже делали физзарядку. От возмущения и обиды у меня аж сердце заныло!

Но тут делать нам было нечего: кругом все открыто, а их много. И мы пошли дальше, в сторону Кингисеппа, к шоссе, ведущему в Ивановское. Шли лесом, но держались дороги, чтобы не заблудиться. К тому же дорога - кладезь для разведчика.

Километрах в пяти от Ивановского мы залегли в ложбинке и замаскировались. Скоро усилилось и передвижение противника. Долго со скрипом по шоссе ползли тягачи, таща за собой тяжелые орудия. Потом заревели своими мощными моторами танки. А во второй половине дня промчалась мотопехота. Мы все подсчитали, запомнили. Потом на некоторое время водворилась тишина. Пора было и подкрепиться. Однако слух уловил шум приближавшейся легковой машины.

- Может, рискнем? - спросил рядовой Седов, парень смелый и сильный.

Времени на раздумывание не оставалось.

- Давайте, - ответил я.

Седов вскинул винтовку. Раздался выстрел - и "оппель", резко свернув в кювет, с грохотом налетел на ствол толстой сосны и разбился вдребезги. Мы подбежали к машине. Увы, никто из ехавших в ней не уцелел. Их было трое полковник, капитан и шофер. Забрав у них документы, планшетки с картами и другими бумагами, мы скрылись в лесу, стремясь уйти как можно дальше. Нашли речушку, разулись и немного прошли по воде босыми, чтобы замести следы. Бумаги рассмотрели лишь вечером.

Исходили мы много и узнали немало. 122-я немецкая дивизия снимается. Видимо, наши здорово потрепали ее. Но на смену ей прибыла не одна, а целых три дивизии.

Возвращаться было труднее, чем идти туда. Все побережье Луги занято свежими частями противника. О том, чтобы захватить "языка", в таких условиях и думать было нечего. Уже неподалеку, чуть ли не у самой реки, нас заметили и обстреляли. Я с Алексеевым и Седовым проскочили. А Хапаев погиб. Жаль, не удалось вынести... Немцы были совсем рядом..."

Рейды в тыл к гитлеровцам - с целью разведки и диверсий - совершали группы из других подразделений нашей дивизии. Одной из таких групп во главе со старшим лейтенантом Петровым удалось атаковать с тыла вражескую роту во время марша. Противник потерял тогда около полусотни убитыми и ранеными.

"Язык" был все-таки добыт, - к сожалению, не нашим батальоном. Его взял военфельдшер Градусов, возглавивший группу разведчиков другого полка. Пленным оказался рядовой Вернер Кох, давший ценные показания. Это произошло за несколько дней до возобновления наступления фашистов на

Ленинград.

9

В конце июля и в начале августа 1941 года гитлеровцы, стремясь деморализовать, сбить с толку ополченцев, предприняли ряд идеологических диверсий. В один из дней над Юрками, как это часто бывало, повис самолет противника, но на сей раз сбросил не бомбы - на нас обрушился с неба дождь листовок. Я поднял одну из них, быстро пробежал глазами и задохнулся от возмущения. Мало того, что эта состряпанная на геббельсовской пропагандистской кухне листовка призывала прекратить сопротивление, поскольку, мол, немецкие вооруженные силы намного превосходят вооруженные силы Советского Союза, под ней стояла искусно воспроизведенная подпись сына Сталина - артиллериста Якова Джугашвили. Ополченцы понимали, что эта листовка - гнусная, грязная и грубо сработанная фальшивка. Мы допускали, что сын Сталина мог попасть в плен, но не допускали и мысли, чтобы он мог поставить свою подпись под предательским призывом.

Что и говорить, листовка эта произвела тяжелое впечатление. Но из откровенных разговоров с бойцами и командирами я вынес твердое убеждение, что они восприняли и оценили ее именно как вражескую диверсионно-идеологическую атаку, цель которой - посеять в наших рядах сомнения, неверие, сломить силу духа защитников Ленинграда. В те дни дел у политработников, естественно, прибавилось. Мы побывали в каждом подразделении, как всегда, не скрывая от людей трудностей, еще и еще раз разъясняли сложившуюся обстановку, требовавшую от каждого из нас огромной выдержки, самообладания, мужества, готовности держаться до последнего, но не пропустить фашистов, отстоять город Ленина. Ополченцы хорошо понимали это: ведь они сплошь, до одного были добровольцами! И все же, как ни горько вспоминать об этом, единичные случаи нездоровых настроений, трусости были. Не знаю, то ли под воздействием листовки, то ли по другой причине, в те дни исчез из батальона некий Куперман. Нам не удалось установить, куда он скрылся: возможно, уехал в Ленинград, а может быть, переметнулся к врагу. Нездоровые настроения появились у Николаева, студента авиационного института. Он бросил свой комсомольский билет, заявив: "Все равно, кем умирать". В те же дни в одном из батальонов второго стрелкового полка самовольно оставил поле боя, уничтожил свой партбилет некий Лезник, Его, конечно, исключили из партии, а за трусость предали суду Военного трибунала.

Но, повторяю, это были редкие, единичные факты. В целом

же морально-политическое состояние в батальоне было высоким, и дальнейшие события, та борьба, которую мы вели, стократ подтвердили это. Что же касается листовок, они уничтожались бойцами с брезгливостью. А минометчик Пьянков - тогда он еще был жив - попросил у меня разрешения вернуть ее фашистам с таким же письмом, какое в свое время запорожские казаки сочинили и послали турецкому султану. И, разумеется, я разрешил ему сделать это.

...Какой бы сложной ни была обстановка на фронте, время для разговоров по душам находилось. Больше всего людей волновало: выстоим ли? Этот "вопрос вопросов" многократно обсуждали и мы с Лупенковым. Вот и в этот раз, сидя на скошенной, пахнущей полевыми цветами траве, Михаил Григорьевич спросил:

- Как думаешь, боевой, выстоим?

Наедине он почему-то называл меня "боевым". Видимо, так было принято называть замполитов в военно-медицинском училище, где он работал до войны.

- Мы? - уточнил я. - Мы же ленинградцы! А ленинградцы - как бы это сказать? - люди особого склада, особой закалки... В нашем городе родилась Советская власть, - размышлял я вслух. - Отсюда начала свое шествие социалистическая революция. Да разве можно сдать такой город?! Нет. Этому не бывать. Ленинград мы не сдадим!.. Армия Гитлера будет разбита на берегах Невы, как были разбиты в свое время псы-рыцари дружинами Александра Невского на льду Чудского озера.

- Все это так. Но чтобы разбить гитлеровскую армию, надо иметь огромные силы, иметь танки, самолеты, а их у нас...

- Будут и танки, - перебил я Лупенкова, - и самолеты, и свежие силы! Мобилизация резервов, видимо, не закончена. Полностью еще не перестроилась на военный лад и промышленность. Для этого время нужно. Время!.. К тому же и у фашистов есть предел. Думаю, они скоро, во всяком случае, к зиме или зимой, выдохнутся.

- Возможно... Но пока что они занимают наши города и деревни, вот уж почти вплотную подошли к Ленинграду... - И, помолчав, спросил меня в упор: Как думаешь, долго продержимся в Юрках?

- - А это уже зависит от нас с тобой и от тех, кем мы командуем.

- Если бы только от нас!.. Нам долго не продержаться, если немцы перейдут в наступление, - продолжал Лупенков. - Мы вооружены плохо. На голом энтузиазме далеко не уедешь.

- Верно, сейчас мы вооружены плохо. Но убежден: Урал и

Сибирь скоро дадут танки и самолеты. Да и руководство Ленинградом не сидит сложа руки. В помощь Красной Армии создана многотысячная народная армия, и наш батальон ее частица.

Лупенков посмотрел на меня долгим взглядом.

- Боюсь, немцы в ближайшие дни перейдут в наступление. По данным разведки, они стягивают большие силы. Что тогда будем делать?

- Драться. Драться до последнего!

- А дальше, когда не останется последнего?

- Придут другие и сделают то, что не удастся нам.

- Твоими бы устами да мед пить. - Он тяжело вздохнул.

В те дни я, как и многие советские люди, был убежден, что вот-вот наша армия перейдет в наступление и разгромит фашистские полчища. Должны же быть где-то резервы! Ведь наша страна превосходит Германию и по территории и по численности населения. Я был также уверен, что и из Ленинграда скоро подойдет подкрепление. Хотя мы, ополченцы, в обороне Ленинграда играем большую роль, однако же это вспомогательная сила. Ополченческие дивизии сделают свое дело, выиграют время. Но, чтобы разбить фашистов, нужны хорошо обученные и хорошо вооруженные войска. И они довершат начатое нами. Я непоколебимо верил в это и потому с - такой убежденностью отвечал Лупенкову.

- В сущности, я такого же мнения, что и ты, - вновь, после долгого раздумья, заговорил комбат. - Но давай на вещи смотреть трезво. Сейчас мы воюем еще не ахти как хорошо, хотя и покалываем фашистов. Нам позарез нужны танки и самолеты, - - настойчиво, как заклинание, повторил он. - Что касается меня, я смерти не боюсь. За Родину, за ее свободу готов отдать жизнь. И сделаю все, чтобы за смерть каждого из нас, кто в батальоне, фашисты уплатили втридорога...

Тут мы оба притихли в изумлении: откуда-то прилетел соловей и опустился на ветку березы, под которой мы сидели. Почесал маленьким клювом под крылом, перепорхнул на другую ветку и неожиданно завел свою трель. Соловьиная песнь - в августе?! Мы слушали затаив дыхание. Но вот лесной певец умолк и улетел.

- А жизнь идет, - философски заметил Лупенков. И добавил: - Запоздалая песнь. Наверное, остался без подруги... - Голос его смягчился: - И не передать, до чего люблю соловьиную песню! Мальчишкой частенько бегал в березовую рощу на берегу Волги, чтобы послушать, понаслаждаться... Казалось бы, совсем невзрачная на вид птаха, а стоит ей запеть - создает какое-то

особенное, поэтическое настроение...

Эти неожиданные в устах комбата слова были созвучны и моим мыслям, я тоже с детства люблю соловья, и только было раскрыл рот, чтобы сказать это, как перед нами выросла фигура связного: начальник штаба послал его сообщить нам, что в батальон прибыл с подарками и письмами представитель Московского района.

- Пойди к гостю ты, - попросил Лупенков, - а мне с начальником штаба надо составить программу занятий на завтра.

10

Гость из Ленинграда - участник гражданской войны Николай Борисович Бойков - приехал с делегацией в дивизию по поручению первого секретаря райкома партии Г. Ф. Бадаева. Он уже успел кое с кем познакомиться. И, когда я подошел к нему, о чем-то оживленно разговаривал с телефонистом и связным Андреевым. Бойков, хоть и был солидного возраста, выглядел бодро, и даже борода с проседью, которую он отпустил, по-видимому, чтобы не очень бросались в глаза следы оспы на лице, не старила его.

- Как воюете? С каким настроением?

- Воюем пока средне, - чистосердечно ответил я. - А вот настроение неплохое. Главное - драчливое.

- О, это уже хорошо! Раз "драчливое", можно вручить вам и подарки, - пошутил посланец райкома партии.

В блиндаже еще до моего прихода были разложены пакеты с пряниками, папиросы, бритвенные приборы и письма, адресованные ополченцам. Некоторые из писем пришлось отложить в сторону. Бойков понизил голос:

- Адресаты погибли?

- Да, их уже нет...

Старый рабочий молча склонил голову... Затем протянул мне письмо секретаря райкома, написанное от имени трудящихся нашего Московского района. В нем говорилось, что они с чувством глубокой гордости узнали о нашей первой схватке с врагом, о храбрости и геройстве ополченцев, об их беспредельной преданности Родине: "Мы уверены, что своим подвигом вы приумножите героические традиции отцов - питерских рабочих, уготовивших могилу для врага на подступах к Петрограду в 1919 году".

С этим письмом мы с Николаем Борисовичем отправились по ротам и там, в землянках, читали его ополченцам. Потом Бойкову всякий раз приходилось отвечать на множество вопросов. Фронтовиков интересовало все: часто ли город подвергается бомбежке, выпускает ли все еще "Скороход" обувь или перешел на

изготовление военной продукции. Ополченцы расспрашивали, как живут их семьи, что слышно у товарищей по работе. Мы сообща написали ответное письмо, под которым подписалось более ста ополченцев, заверивших райком, что "ни один фашист не переступит черты города. Ленинград был, есть и будет стоять гордым, а ленинградская земля станет для фашистов могилой".

На второй день, когда мы угощали гостя фронтовым завтраком, в блиндаж вошел юноша лет семнадцати. Гимнастерка свисала с его узких плеч, пилотка налезала на уши. Он лихо козырнул комбату:

- Товарищ капитан, по вашему вызову боец Бойков... Лупенков, не дав бойцу договорить, подошел к нему и мягко сказал: "Не надо, Юра, доклада".

Отец и сын бросились друг другу в объятия. Затем Бойков-старший отстранил и критически осмотрел своего сына. "Ишь ты, вояка" - только и сказал он.

Мы пригласили за стол к завтраку сына Бойкова.

- Николай Борисович, что же вы раньше не сказали, что у нас в батальоне воюет ваш сын? - осторожно спросил я.

- Сначала дело надо было сделать, а потом уж и с сыном свидеться. К тому же он ушел на фронт тайком от меня и матери...

- Не надо, папа! - взмолился Юра.

А я подумал о том, что война пробудила не только ненависть к врагу и готовность выполнить долг перед Родиной, но и романтическую тягу к подвигу. Особенно у таких вот подростков, как Юра Бойков.

- Как, Юра, служится? - поинтересовался я.

Юноша помолчал, а потом ответил спокойно, серьезно, и мне даже показалось, будто он прочитал мои мысли:

- Не думайте, что я пошел в народное ополчение из-за какой-то романтики. Я такой же, как и все. Из нашей школы многие комсомольцы на фронт ушли сразу, как только началась война.

- Это правда, - подвердил Бойков-старший, решивший, видимо, поддержать сына. - То, что он тайком сорвался, виновата мать. Не пускала добром.

Чтобы отец с сыном могли поговорить о своем, мы оставили их в землянке одних. Выйдя на воздух, Лупенков обернулся ко мне:

- Давай отпустим Юру домой. Он же еще мальчик.

- Не возражаю. Но полагаю, что и младший и старший Бойковы не пойдут на это. Скорее и отец останется в батальоне.

Так и случилось.

Спустя несколько дней я встретил в седьмой роте Бойкова-

старшего с санитарной сумкой за спиной. Он остался в батальоне с разрешения Лупенкова. Думаю, не только из-за несовершеннолетнего сына. Он собственными глазами видел, как воюют ополченцы, понял, что врага можно остановить только общими усилиями, если каждый ленинградец, кто мог, возьмется за оружие.

Теперь в батальоне была уже не одна семья, а две: в девятой роте служила молодая чета - А. А. Немиров и В. Н. Кучкина, сыгравшие свадьбу всего за несколько дней до войны. Увы, молодоженам не суждено было счастье. В первых числах августа Немиров был убит. Жена его, служившая сандружинницей, пришла на следующий день к комбату и попросила отпустить ее в другой батальон: ей невмочь было оставаться там, где погиб и похоронен муж. Лупенков пошел ей навстречу...

В начале августа обстановка на рубеже, который обороняла наша дивизия, накалялась не то что с каждым днем, с каждым часом. Накопив кое-какой опыт и привыкнув к фронтовой жизни, ополченцы теперь действовали более умело. Но заметно активизировались и фашисты. Не было дня, когда бы над нашими позициями не кружил "костыль" (так бойцы прозвали фашистские самолеты-разведчики), нас чаще стали обстреливать из орудий и минометов, мешая вести оборонительные работы: рыть противотанковые ловушки, ставить мины и проволочные заграждения.

Перед третьим батальоном нашей дивизии в те дни была поставлена сложная задача: провести разведку боем. Но на ее подготовку давались только сутки. И вот на рассвете 3 августа два взвода седьмой роты под командованием лейтенанта Томина заняли исходные позиции. Мы с Лупенковым, взяв с собой связных Морозова и Андреева, тоже отправились туда. К нашему наблюдательному пункту протянули телефонную связь.

В августе под Ленинградом рассветает быстро, и по земле обычно стелется легкий туман - зрелище сказочное. Атака вражеских позиций была приурочена к моменту восхода солнца, в расчете застать фашистов врасплох.

План действий был таков: сперва короткими перебежками, а затем смелым броском ворваться в окопы врага перед селом Ивановским, захватить двух-трех "языков" (в зависимости от обстановки) и под прикрытием двух выдвинутых вперед станковых пулеметов вернуться.

Пока мы снова и снова вглядывались в карту, на которую был нанесен план разведки боем, нам казалось, что план этот неуязвим, и в мыслях уже рисовалась победа. В нее верили и бойцы и их командир, перед которыми мы накануне ставили

задачу. Но взять "языка" оказалось далеко не просто.

Началось с того, что противник засек продвижение наших разведчиков и открыл сильный огонь, прижав их к земле. Томин с несколькими бойцами поползли вперед, но вскоре вынуждены были залечь в неглубокой ложбинке. При сложившихся условиях "языка" было не взять, больше того, следовало как можно быстрее вывести взводы из опасной зоны: они несли большие потери. Мы это поняли, увидев поспешные перебежки наших дружинниц, перевязывавших раненых.

Первое, что сделали, - вызвали минометчиков и указали цель, которую надо было уничтожить. Затем через начальника штаба полка связались с артиллеристами и попросили подавить фашистские огневые точки из дальнобойных орудий. Обязанности корректировщиков взяли на себя.

На все это было потрачено немало времени. Только к полудню фашисты приутихли, и нам удалось вывести своих бойцов. В этом бою было немало раненых. Были и убитые. Одному из бойцов осколком оторвало нижнюю челюсть. Он не кричал, хотя было видно, что ему невыносимо больно. Дрожащими от слабости руками он достал из кармана гимнастерки заранее написанное письмо и протянул его мне. Он тщетно пытался что-то сказать, и я не без труда понял его просьбу: переслать письмо домой. Как это было тягостно!

Лупенков тяжело переживал нашу неудачную попытку провести разведку боем и добыть "языка". Всю ответственность за это он брал на себя.

- Прежде чем идти в бой, надо было тщательно разведать все подступы к врагу, а мы этого не сделали, и это моя вина. Время атаки выбрали неудачное. Нельзя было атаковать утром. Надо было ночью, в темноте...

Командир полка Арсенов, прибывший к нам в тот же вечер, был настроен более оптимистически. Неудачу он объяснил сосредоточением здесь больших сил противника и усилением его бдительности.

- Из этого следует, - заключил он, - что немцы готовятся к наступлению. Надо быть готовыми отразить его. В этом смысле разведка была полезной.

И все же комбат не успокаивался. Настаивал, чтобы в политдонесении я указал, что разведка боем сорвалась из-за плохой подготовки и недостаточно продуманного плана, но я просьбу его не выполнил: изложил лишь факты и мнение командира полка майора Арсенова о результатах боя.

Хотя никто из вышестоящих командиров не ставил нам в вину, по сути дела, невыполнение задачи, и мне и Лупенкову не

давала покоя мысль, что всякая неудача в бою независимо от ее причин чревата нежелательными и опасными последствиями, отрицательно сказывается на настроении, а значит, и на боеспособности подразделения. Кроме того, подобная неудача создает определенные преимущества противнику, который обычно старается сразу же закрепить или развить свой успех.

Поэтому я счел необходимым на следующий же день собрать коммунистов седьмой роты, чтобы успокоить их и рассказать о том, что ожидает батальон впереди. Честный, доверительный разговор с подчиненными людьми не раз выручал нас с Лупенковым.

Собирались коммунисты роты в балке, на окраине Юрков, молча. Чувствовалось, что они жалеют погибших товарищей, находятся под впечатлением пережитого накануне.

- Как дела, товарищи? - спросил я, когда они уселись на землю.

- Плохо, - после небольшой паузы ответил за всех командир роты Томин. Не можем прийти в себя после вчерашнего. Вот кое-кто и повесил головы.

- А это уж никуда не годится, - заметил я. - Нечего нос вешать. Надо готовиться к более серьезным боям.

Тут встал и попросил слово пожилой боец, санитар роты Шевяков.

- Нам, понятно, хвалиться нечем. Прав комроты, все мы вчерашнее приняли очень близко к сердцу. Но ведь на войне как бывает? Сегодня - неудача, завтра - успех. Попереживали и хватит. Надо взять себя в руки, настраиваться на боевой лад. Это не первый и не последний бой!

Слова Шевякова вызвали оживление. В том же духе высказались и другие. И у меня отлегло от сердца. А дальше пошел уже серьезный разговор о наших партийных делах, о задачах коммунистов в этот острый для всех нас период.

11

Шли двадцатые сутки нашего пребывания на фронте, нам же казалось, что мы воюем уже давно: фронтовые дни и ночи длиннее мирных. Не случайно во время войны год службы в армии приравнивался к трем. Иногда за всю ночь удавалось поспать какой-нибудь час-два, но мы уже не испытывали той усталости, которая так сильно давала себя знать в первые дни, а в первые фронтовые сутки буквально придавливала каждого к земле. И вот минуло всего двадцать дней, и то, что прежде казалось невозможным, стало обычным, будничным. Как будто бы от рождения ты не знал никакого домашнего уюта - ни теплой комнаты, ни чистой постели. И откуда только взялись силы? Куда

девался страх, который вначале испытывали все мы, вчера еще штатские люди, пока не прошли, пусть совсем небольшую, "школу войны"?..

Словом, за короткое время мы свыклись с трудной фронтовой жизнью. У нас даже сложился свой фронтовой режим: просыпаясь, первым делом выясняли обстановку, а уж потом мылись, брились и завтракали. Плохо было лишь с баней. За двадцать дней только раз пришлось мыться в чудом уцелевшей бане в Белых Ключах.

Однако настоящие испытания были еще впереди.

Седьмого августа в батальон прибыл парторг полка С. А. Корсуков, чтобы составить список отличившихся в предыдущих боях для представления их к правительственным наградам. Весь день и значительную часть ночи мы поочередно вызывали политруков и вместе с ними писали боевые характеристики. Корсукову пришлось заночевать.

В эти сутки на переднем крае было спокойно.

Артиллерия противника всего лишь раз обстреляла Юрки. Снаряды разорвались в центре деревни, где в тот момент никого не было, а один угодил в подбитый нами при занятии Юрков вражеский танк, что вызвало у ополченцев иронические улыбки: "Сильны, раз бьют по своим".

На рассвете Лупенков вышел из землянки немного поразмяться и с наслаждением втянул в себя свежий, густо настоянный лесными ароматами воздух. Навстречу шагнул охранявший землянку боец Андреев.

- Как идет дежурство, товарищ Андреев? - совсем не по-уставному спросил комбат.

- Пока нормально. Только что-то подозрительно тихо". Точно перед грозой.

- Именно подозрительно... - согласился Михаил Григорьевич.

Тут же вернувшись в землянку, он стал звонить командирам рот:

- Поднимите людей и усильте наблюдение. Будьте наготове...

Тревога оказалась не напрасной. Ровно в девять часов утра все загрохотало, с потолка землянки посыпался песок. Начался массированный артобстрел. Тут и там вздыбливались черные, чем-то похожие на фонтаны нефти столбы земли. Казалось, после такого артиллерийского шквала не должно остаться ничего живого. Может быть, так оно и случилось бы, если бы наши оборонительные сооружения и землянки находились в Юрках. К счастью, они были выдвинуты метров на пятьсот вперед. В деревне, вернее, на ее окраине, находилась только штабная землянка.

Артиллерийская обработка длилась сорок минут, после чего

появились "мессершмитты". Ну и бомбежка это была! Снова то здесь, то там взметались ввысь земляные столбы, плотно застилая собою небо. Когда "мессеры" отбомбились и улетели, Лупенков взял телефонную трубку и тут же с досадой ее бросил: связь не действовала.

- Пошли, боевой, - сказал комбат, - здесь больше делать нечего. А парторгу лучше вернуться в полк.

...Проселочную лесную дорогу из Юрков в Ивановское, по которой мы шли с комбатом, пересекала линия обороны восьмой роты. Еще на полпути нам стали встречаться то один, то другой санитар с ранеными бойцами.

- Что там у вас? - Лупенков остановил пожилого санитара, который вел привалившегося к нему всем телом раненого с забинтованной головой: видимо, ранение у бойца было тяжелое, бинт весь пропитался кровью.

- Товарищ капитан, в наши траншеи ворвались немцы...

В роте царила полная неразбериха. Где командир? Никто толком ответить не мог: его нашли потом убитым. Бойцы мелкими группами рассредоточились по уцелевшим окопам и действовали по собственному разумению, кто как мог. Создалось критическое положение: еще немного, и фашисты вклинятся в оборону батальона, ворвутся в Юрки. Ликвидировать эту угрозу можно было, лишь немедленно собрав бойцов: пойти в контратаку. Нам с Лупенковым удалось сделать это. Одновременно мы послали ординарца к командиру девятой роты с приказом ударить фашистам во фланг. Только мы поднялись в контратаку, как гитлеровцы возобновили артиллерийский обстрел. Но теперь уже они стреляли не по Юркам, а по боевым порядкам восьмой роты. Подобно гигантскому трактору, вражеская артиллерия "прошлась" по укреплениям роты. Глубокие воронки, вырванные с корнем деревья, смятые, искореженные огневые точки, искалеченные тела убитых - так выглядела теперь позиция восьмой роты. Признаться, я думал, что рота больше неспособна сопротивляться врагу. Но когда вновь показались фашистские пехотинцы, они были встречены хотя и редкими, но меткими выстрелами. Вражеская пехота, не ожидавшая такой живучести ополченцев, вынуждена была залечь...

И только тогда мы сообразили, как это все произошло.

Когда вторично начался артиллерийский обстрел, уцелевшие бойцы, да и мы с Лупенковым, повинуясь инстинкту самосохранения, скатились в воронки от снарядов и припали к земле. По теории вероятности, снаряд дважды в одну и ту же точку не попадает. Поэтому те, кто укрылся в воронках, оказались в относительной безопасности, и это позволило встретить огнем

фашистов, предпринявших еще одну атаку. Как видим, недавние штатские люди уже научились кое-чему на войне.

Первой нашей с Лупенковым заботой было заменить убитого командира роты. Наш выбор пал на политрука Клюшина. И отнюдь не случайно: мы давно хотели выдвинуть его на должность командира роты. Не делали этого только из-за его активного сопротивления новому назначению.

- Политработа, - доказывал он, - моя стихия. Я привык не командовать, а беседовать, отвечать на вопросы...

Федор Николаевич скромничал. У него был богатый военный опыт, накопленный за долгие годы службы в пограничных войсках. На него можно было положиться.

Мы дали Клюшину указание в течение ночи отправить в медсанбат раненых и похоронить убитых. Помогли ему собрать в одну группу оставшихся в строю, и порядком поредевшая рота за эту ночь сумела снова организовать оборону, успела даже восстановить часть разрушенных огневых точек, приготовить к бою пулеметы и винтовки, поднести боеприпасы.

Когда все это было сделано, перед тем как уйти из роты, комбат спросил Клюшина:

- Как будете действовать, если гитлеровцы возобновят атаки?

- Контратаковать. Биться до последнего!

Иного ответа от него мы и не ожидали.

Гитлеровцы возобновили свои атаки десятого августа, и камнем преткновения для них снова оказался участок, обороняемый восьмой ротой. Нас не могло не радовать это. Ведь стоило противнику занять Юрки, как перед ним открывался путь к ряду крупных населенных пунктов.

Как и за два дня до этого - восьмого августа, гитлеровцы несколько раз атаковали позицию батальона, но их атаки захлебывались. Был момент, когда им удалось вплотную подойти к нашим окопам, они даже начали забрасывать их гранатами. Одна попала в окоп Клюшина. Он не растерялся, мгновенно подхватил шипящую гранату и бросил обратно, и она разорвалась, поразив нескольких гитлеровцев.

Немало гитлеровских солдат полегло на этом узком участке обороны батальона. Поредели и наши ряды. Переползая из окопа в окоп, Клюшин подбадривал оставшихся в живых. Он успел отдать распоряжение поднести боеприпасы, и в это мгновение его накрыла мина. Батальон лишился не только отважного политрука, прекрасного партийного организатора, но и отзывчивого, честного, доброго человека. Похоронили его на кладбище около деревни Выползово.

До сих пор фашисты, предпринимая попытки уничтожить наш

батальон, обходились без танков, которые, по всей видимости, были нужнее на других участках, в частности на главном тракте, ведущем через село Среднее, деревню Мануйлово и далее на Веймарн, откуда дороги вели на Котлы и Волосово, то есть к ближним подступам Ленинграда. Но наша стойкая оборона вынудила их пойти в очередную атаку под прикрытием танков.

Танки ползли впереди, а за ними почти вплотную шла пехота. С нашей стороны ни единого выстрела. Об этом нам с Лупенковым доложил прибежавший командир пулеметного взвода седьмой роты, испуганный, взмокший от пота, растрепанный.

Выслушав сбивчивый доклад комвзвода, Лупенков первым долгом спросил:

- Где пулеметы?

- Разбиты, - не совсем уверенно ответил тот.

Комбат не поверил.

- Сейчас же возвращайтесь в роту и без пулеметов не показывайтесь!

Отдавая свой приказ, Лупенков исходил из того, что оставить врагу оружие всегда считалось в нашей армии позорнейшим поступком.

Комвзвода стал объяснять комбату, что не может выполнить его приказ:

- Там уже немцы!..

- Если вы не вернетесь на передовую и не добудете брошенное вами боевое оружие, я отдам вас под суд! - пригрозил комбат.

Комвзвода побледнел и вышел из землянки.

День клонился к вечеру. Кроме Лупенкова, меня, двух наших связных и сандружинницы Соловьевой, никого больше у командного пункта батальона не было. Лупенков тщетно пытался связаться с командиром полка: связь не работала.

- Вот что, боевой, - обратился ко мне комбат, - ты пробирайся в девятую роту, а я - в восьмую. Под покровом ночи выведем людей в деревню Выползово и там организуем оборону.

12

С болью в сердце мы покидали деревню, которую пятнадцатого июля отбили у врага и защищали свыше двадцати дней. Жаль, что нам не довелось увидеть и познакомиться хотя бы с одним из ее жителей. Пробравшись траншеями в овраг, мы разделились на две группы: я пошел со связным Андреевым, а Лупенков - с Морозовым и Леной Соловьевой. Прибыв к нам в батальон из Кронштадта, она сумела каким-то образом собрать вокруг себя девушек, которые так же, как и мы, мужчины,

добровольно ушли на фронт. Их труд на войне был не менее тяжелым и опасным, чем труд бойцов.

Нам с Лупенковым удалось отыскать роты и вывести их в район деревни Выползово. Правда, сделать это было невероятно трудно. Фашисты, уже занявшие Юрки, стали заходить нам в тыл. Кое-кто из бойцов оказался в окружении, и им пришлось пробираться к своим с боем. Не вышел из окружения, будучи тяжело раненным, наш славный комсомолец Борис Ионов. Позже очевидцы рассказывали, что Борис отстреливался до последнего патрона, и когда понял, что еще мгновение - и фашисты схватят его, он, не желая попасть в плен к врагу, пустил единственную оставшуюся пулю себе в сердце.

Так же поступил, когда над ним нависла угроза пленения, боец Осипов. Для таких патриотов, как эти отважные люди, не было ничего выше, ничего дороже, чем честное, незапятнанное имя гражданина Советского Союза, защитника Родины, во имя свободы которой они бесстрашно сражались с врагом и отдали свою жизнь. А раненый красноармеец Либер, оказавшийся в тылу противника, несколько дней пробирался в свою часть, поддерживая гаснущие силы ягодами. Это о нем в те дни сложил стихи ленинградский поэт Александр Гитович:

Его душой, не знающей измен,
Владел один закон непобедимый
Красноармеец не сдается в плен!

Попав с группой бойцов в окружение, политрук девятой роты Саул Борисович Амитин, сохраняя самообладание, сумел организовать круговую оборону. Гитлеровцы предложили смельчакам сдаться. В ответ ополченцы открыли огонь. А с наступлением темноты, предприняв смелый рывок, прорвали кольцо врага и вышли из окружения. Амитин нашел нас в Выползове, когда мы готовились дать бой наседавшим на нас фашистам.

Мужество Ионова, Осипова, Либера, бойцов из подразделения Амитина и им подобных беспредельно. И, отдавая должное людям, не щадившим свои жизни, командиры и политработники в то же время старались внушить ополченцам, да они и сами хорошо понимали это, что врага могут победить только живые. Надо было жить, чтобы бороться, прожить столько, чтобы хватило сил изгнать оккупантов со своей земли. "Хорошо бы дожить до конца войны, - мечтал Лупенков, - отпраздновать победу..."

Каждому хотелось дождаться этого дня. А чтобы он наступил поскорее, надо было воевать. Зло. Умело. Так, чтобы умирал не ты, а твой лютый враг.

...Батальон наш сильно поредел. Во всех трех ротах

насчитывалось не более ста пятидесяти человек. Часть наших людей погибла в первом бою за Юрки и в двадцатидневных стычках во время обороны. Но больше всего потерь батальон понес в боях восьмого - десятого августа. В те дни погибли и оба Бойковы - отец и сын.

Занимая оборону в Выползове, на новом рубеже, мы сразу же окопались. К нашей радости, командование полка еще ночью прислало нам две 76-миллиметровые пушки, и наши бойцы искусно замаскировали их.

Мы тщательно готовились к отражению возможной атаки.

Долго ждать не пришлось. Не успела с травы сойти утренняя роса, как на пригорке показались гитлеровцы. На этот раз они шли без предварительной артиллерийской подготовки. Вперед пустили танки, а за ними мелкими группами кралась пехота.

Наши артиллеристы только тогда открыли огонь, когда фашисты были уже совсем близко и можно было бить по ним наверняка. Первыми же выстрелами были подбиты два танка. Затем бойцы открыли стрельбу по пехоте. И гитлеровцы бросились врассыпную... В тот день противник больше не появлялся. К сожалению, я не могу назвать фамилий артиллеристов, подбивших танки: по приказу командира артиллерийского дивизиона они спешно снялись с позиций и умчались - их помощь требовалась в другом месте.

Но и положение нашего батальона оказалось, что называется, критическим. У нас не было связи со штабом полка и его боевыми подразделениями, действовавшими на флангах. А не зная обстановки, мы в любой момент могли очутиться в мышеловке. К тому же во взводах осталось лишь по нескольку человек. И даже отправлять в тыл раненых было некому. Получил ранение и начальник штаба Чеботарев при необычных обстоятельствах. Во время очередного минометного налета мы вынуждены были укрыться в вырытых на скорую руку окопах. Чеботарев несколько замешкался, и в окопе, куда он спрыгнул, едва хватило места, чтобы, поджав длинные ноги, согнуться ничком. В таком положении, головой вниз, с торчащим из окопа туловищем, наш штабист был ужален осколком, причинившим такую острую боль, что он пробкой выскочил из окопа и заковылял в медсанбат.

В тот же день был легко ранен Лупенков. Однако поле боя не покинул. Сандружинница Соловьева, изрядно попотев, извлекла засевшую в предплечье пулю, залила рану иодом и перевязала комбата. И все же ночью у него поднялась температура. Мы настаивали, чтобы Михаил Григорьевич отправился в медсанбат, где ему могли оказать квалифицированную помощь. Однако он был непреклонен и остался в батальоне: "Заживет и так..."

Взвесив столь неблагоприятно сложившуюся для батальона обстановку, мы с Лупенковым сочли нужным выяснить мнение младших командиров и политруков, после чего было принято решение еще до рассвета оставить Выползово, отойти к Большим Корчанам и там закрепиться.

13

Ничего не может быть тягостнее для воина, чем отступление. При отходе всегда испытываешь чувство горечи и в известной мере беспомощности. Словно скользишь по гладкому льду, на котором не за что зацепиться. При отступлении и спишь в тревоге. Некогда привести себя в порядок, поесть, побриться... Перед глазами только и мелькают что дороги, леса, поля и болота. Правда, мы не все время отступали. Часто переходили в контратаки. Но это был бой, в котором, как правило, в более выгодном положении оказывался не ты, а враг. И не ты, а он диктовал тебе условия, навязывал бой там, где это ему было выгоднее.

Отступление тяжко еще и тем, что остановиться, собраться с силами невмочь. Нужна огромная сила воли, чтобы преодолеть этот психологический барьер и перейти в контратаку. Отступающие легко поддаются панике. Когда мы стали уходить из деревни Выползово, кто-то распустил слух, будто батальон в ловушке, что и справа и слева враг, далеко впереди - тоже враг. Этот слух распространился мгновенно, и кое-кто стал предлагать разбиться на мелкие группы и самостоятельно пробиваться к своим. Но где свои, где полки и батальоны дивизии, никто не знал. Только сплоченность, дисциплина могли спасти нас. И люди поняли это.

Наконец мы вышли к какой-то горящей деревне, которая пылала, как стог сена; рушились крыши изб, с треском взвивались к небу красные языки пламени, кругом было черно от пепла. Пожар тушила какая-то артиллерийская часть, руководимая незнакомым артиллерийским генералом.

Генерал встретил нас страшной бранью, приказал занять оборону, а сам вскоре покинул деревню, потому что делать артиллеристам здесь было нечего. Нечего делать было и нам: от деревни ничего не осталось; к тому же мы были лишены какой-либо информации о местонахождении и действиях других подразделений дивизии. Оказались и без продовольствия. Самым разумным было попытаться разыскать штаб полка. И мы отправились в соседнюю деревню, по иронии судьбы носившей никоим образом не соответствовавшее нашему настроению название - Утешенье. Вошли мы в нее утром следующего дня. И, как в Юрках, уже не застали жителей. Очевидно, близкая стрельба

и пожары в соседних деревнях заставили их уйти в лес, бросив на произвол судьбы и домашний скарб, и мелкую живность: в огородах спокойно рылись свиньи, тут и там горделиво расхаживали петухи, кудахтали куры.

Изрядно проголодавшиеся, наши бойцы устремились в огороды, стали выкапывать и варить картошку. Но утолить голод не пришлось. Прибежал связной из девятой роты, посланный лейтенантом Тамаркиным, и сообщил, что к деревне приближаются фашистские танки и автоматчики.

Покидая деревню, связной Морозов со злостью пнул ногой котел с картошкой и пошел позади нас, с комбатом, предусмотрительно выдергивая на ходу морковь и засовывая ее в полевую сумку. И как же мы потом благодарили его за это!

Боя в этой деревне мы не могли принять и потому, что у большинства бойцов были израсходованы все патроны, и потому еще, что заранее наметили закрепиться в другой деревне - Больших Корчанах: она стояла на одной из главных магистралей, ведущих к Ленинграду.

Отступали лесом, по труднопроходимой для танков местности, под проливным дождем. Гитлеровцы нас не преследовали. Штаб полка отыскали только к вечеру, в березовой роще, вблизи от деревни Большие Корчаны. Командир полка Арсенов и комиссар Гродзенчик были довольны, что мы сами разыскали их. Наше с Лупенковым предложение оседлать шоссе в районе Больших Корчан они одобрили. Командир полка лишь предупредил: "Надо удержать Большие Корчаны во что бы то ни стало". В подкрепление своего приказа он познакомил нас с письмом командования Северо-Западного направления, подписанным К. Е. Ворошиловым и А. А. Ждановым. В письме говорилось:

"Наступил решительный момент. Враг приближается к Ленинграду. Здесь родилась и победила Великая Октябрьская социалистическая революция... Здесь каждый камень, каждая горсть земли политы кровью и потом рабочих и крестьян.

Ленинград был, есть и навсегда останется городом Великого Октября!

И на этот раз он будет могилой для фашистских полчищ.

Мы сильнее врага. Мы должны победить!

Ни шагу назад! Бесстрашия, мужества, отваги ждет от вас родной народ!"

Для Ленинграда настало трудное время. Мы были живыми свидетелями того, что творилось на фронте. Хотя участок, на котором ополченцы батальона дрались с неприятелем, был сравнительно небольшим, мы не могли не оценить сложившейся

обстановки, а она была поистине чрезвычайной: над Ленинградом нависла смертельная опасность.

Лупенков, любивший точность и правду, когда мы вышли из палатки командира полка, заметил:

- Говорить сейчас, в момент отступления, что мы сильнее врага, это не более как утешать. Здесь нужны какие-то другие слова.

У меня не нашлось в тот момент других слов, других аргументов, кроме тех, которые я приводил в том нашем памятном разговоре в минуту откровенности, когда Лупенков только-только вступил в командование батальоном, и я, будучи глубоко убежден в своей правоте, еще раз перечислил экономические, демографические и политические преимущества нашей страны по сравнению с фашистской Германией.

- Наконец, мы сильнее духом, - уверенно заключил я. - Мы победим! В этом не может быть никакого сомнения. Не получилось у гитлеровцев "блицкрига". Установленные ими сроки захвата Ленинграда давно и бесславно прошли. Не состоялся двадцать четвертого июля и банкет в "Астории". Ленинграда им не видать, как своих ушей!

- Блажен, кто верует. Тепло ему на свете, - отозвался Лупенков. Но, видимо, не желая быть ложно понятым, открыто посмотрел мне в глаза: - Я, кажется, неудачно сострил. Ленинград мы отстоим" Я тоже верю в это. - И задумался.

Несколько минут мы шли молча. И лишь поблизости от Больших Корчан комбат заговорил со мной о том, что надо сделать для выполнения призыва командования фронтом.

- В целом мы, безусловно, сильнее немцев. Тут двух мнений быть не может. Здесь же, под Ленинградом, пока слабее, - произнес он спустя какое-то время вне всякой связи с только что состоявшимся разговором о вполне конкретных мерах, которые нам надлежит осуществить. Видимо, рассуждая вслух, он отвечал уже не столько мне, сколько самому себе. - Поэтому-то противник и теснит нас. Но пусть у нас сейчас меньше сил, все равно мы должны не только остановить его, а и подумать, как одолеть. Придется маневрировать, одному воевать за двоих, а то и за троих. Другого выхода в данный момент я не вижу.

Вот за это-то умение находить правильное решение я и уважал комбата.

На пути в Б. Корчаны наш батальон в какой-то деревне застал первую роту первого батальона нашего полка. Бойцы рыли на юго-западной окраине деревни траншеи и сооружали огневые точки. Лица у них были усталые и потные, одежда - вымазана глиной.

Командира роты не оказалось на месте - он был вызван к комбату. Работой по сооружению оборонительной полосы руководил политрук, в прошлом скороходовец, секретарь парторганизации электроцеха, член фабричного парткома Н. В. Бергсон. При своей плотной фигуре и солидном весе Бергсон быстро перебегал от окопа к окопу, торопил бойцов, давал им какие-то указания. Заметив меня, он поспешил навстречу:

- Откуда? Какими судьбами оказался здесь?

Мы по-солдатски обнялись и тут же направились к небольшому крестьянскому дому, в котором находился штаб роты. У крыльца стоял человек, лицо которого показалось мне знакомым. Это был слесарь электроцеха "Скорохода", того самого цеха, в котором прежде работал и Бергсон, коммунист Анатолий Иванович Зверев.

Зверев козырнул нам и тут же стал просить Бергсона снять несколько бойцов с оборонительных работ и дать ему для доставки мин с дивизионного склада, находившегося в семи километрах от деревни.

- А чем заняты твои люди? - поинтересовался Бергсон.

- Товарищ политрук, их же у меня раз-два и обчелся. Отделение понесло вчера потери. К тому же...

Бергсон прервал его:

- Найди местных колхозников, они где-то недалеко в лесу, и попроси у них пару подвод. Так будет быстрее и надежнее.

Зверев повторил приказ и уже повернулся, чтобы уйти, но Бергсон окликнул его:

- Проси больше мин. Ночью фрицам устроим тарарам, Я было начал прощаться с Бергсоном, так как время привала батальона истекало. Но мой скороходовский товарищ не захотел отпустить меня просто так, без угощения. Мы зашли в дом и выпили по рюмке водки, закусив свежими огурцами и черствым хлебом. И тут Бергсон тихо, точно боясь, что его кто-нибудь услышит, сказал:

- Плохо, Степан, жмут гады, даже передыху не дают. Надо их остановить, а чем? И людей мало, и с боеприпасами становится хуже. Что же будет дальше?

- Не знаю, - честно признался я.

- Хитришь, - сказал он, как-то недоверчиво посмотрев на меня.

- Какая же в нашем положении может быть хитрость?! Мы с тобой в равных условиях. Я хоть и комиссар батальона, а знаю столько же, сколько и ты.

- Да... - вздохнул Бергсон. - А ты веришь, что мы их остановим?

- Конечно, верю.

- Ну, хорошо. Жму руку.

На этом наш разговор прервался. Прибежал связной из взвода, находившегося в дозоре, и впопыхах доложил: "Товарищ политрук, показались немецкие автоматчики!"

Позже я узнал, что первая рота сдерживала натиск гитлеровцев в районе деревни более двух суток. В одной из контратак Николай Владимирович Бергсон был ранен, его отправили в военный госпиталь, а командир минометчиков А. И. Зверев погиб.

14

Отходя, наша ополченческая дивизия продолжала наносить удары неприятелю. За два месяца боев с нами фашисты потеряли убитыми и ранеными несколько тысяч солдат и офицеров, несколько десятков танков и бронемашин, а также много другой техники. За двенадцать дней отступления от оборонительного рубежа на реке Луге до Ораниенбаума мы пять раз останавливались, возводили инженерные сооружения, минировали поля и вели ожесточенные бои у Выползова, Больших Корчан, Копорья, Гостилиц и наконец Петергофа. Враг прорвался к Финскому заливу. С выходом гитлеровцев к заливу Приморская группировка, в которую входила и наша добровольческая дивизия, оказалась отрезанной от основных сил нашего фронта. Образовался подковообразный Ораниенбаумский выступ, или, как его назвали, "Ораниенбаумский пятачок". Из Петергофа фашисты пытались наступать на Ораниенбаум. Но путь им преградила 8-я армия.

Наш комдив генерал-майор И. М. Любовцев имел все основания гордиться ополченцами. Позже, вспоминая о первых боях дивизии, он рассказывал:

- Много лет прослужил я в Советской Армии, немало видел примеров героизма и храбрости, и все же меня удивляло и радовало, как героически дерутся ополченцы, совсем недавно надевшие военную форму. Да, так могли сражаться только люди, у которых есть светлая цель и любовь к своей социалистической Родине, в плоть и кровь которых вошли идеи Коммунистической партии, которые готовы стоять насмерть за ее идеалы...

Из всех рубежей, на которых мы останавливались и заставляли останавливаться врага, наиболее драматические для нашего батальона события разыгрались на рубеже у Больших Корчан. Окажись эта деревня несколькими днями раньше в руках противника, и ему была бы открыта дорога на Гостилицы один из крупнейших на пути к Ленинграду сельских пунктов, расположенный на господствующей возвышенности. Поэтому-то

нашему батальону и было приказано любой ценой задержать здесь фашистов. "Ни шагу назад!" - повторил строки из письма К. Е. Ворошилова и А. А. Жданова комдив Любовцев, который примчался к нам со своим адъютантом на замаскированном зеленой сеткой "виллисе", как только батальон вошел в село и начал окапываться. А окапываться ополченцы уже научились. Надежные землянки в несколько накатов бревен, глубокие траншеи, соединяющие огневые точки, спасли жизнь многим из нас.

Наш комдив был невысокого роста, с голубыми, навыкате, умными глазами. Позже я узнал, что он большой знаток поэзии Пушкина. В кармане кителя генерал носил томик с избранными стихами великого поэта.

Прибыв в Большие Корчаны, комдив выслушал доклад нашего комбата и, задав несколько вопросов, распорядился показать ему позиции батальона.

Осмотрев обширный участок, который нам предстояло оборонять столь убавившимися силами, генерал пообещал прислать подкрепление и слово свое сдержал. Наутро к нам была прислана полурота, только что сформированная из рабочих и служащих Выборгского района. Командовал ею бывший старший тренер по гимнастике с телефонного завода "Красная заря" (фамилии его, к сожалению, я не запомнил), а политруком был работник многотиражной газеты завода "Светлана" Маркович. Эта полурота, через несколько дней куда-то исчезнувшая - должно быть, ее внезапно отозвали, - успела сделать для нас одно чрезвычайно важное дело: помогла перехватить приказ о плане дальнейшего наступления гитлеровцев на Ленинград. А случилось это так.

Маркович заметил, как на большой скорости через Большие Корчаны проскочил вражеский мотоциклист. Политрук тотчас сообщил об этом мне и Лупенкову. Комбат приказал встретить мотоциклиста, который, по-видимому, должен был скоро вернуться, и перехватить его. И действительно, уже минут через пятнадцать мотоциклист с бешеной скоростью летел обратно. Меткий выстрел сразил его наповал. Убитый оказался офицером связи. При нем в планшетке был приказ, подписанный фельдмаршалом фон Леебом - командующим группы немецких войск "Север". Амитин быстро снял копию с этого приказа, после чего подлинник был сразу же отослан в штаб полка.

В течение первых двух суток нашего пребывания в Больших Корчанах гитлеровцы особенно не тревожили нас. Видимо, ожидали подхода основных своих сил. Правда, во время одной из перестрелок был ранен командир девятой роты Тамаркин, и было

жаль в такой трудный момент расставаться с хорошим командиром.

Воспользовавшись временной передышкой, мы с Лупенковым решили собрать командно-политический состав батальона и коммунистов, чтобы, как всегда, разъяснить обстановку и поставить перед каждым подразделением конкретную боевую задачу. Небольшой отдых и отсутствие атак со стороны противника, как мы заметили, настроили людей на спокойный лад. Это было чревато серьезными последствиями.

- Товарищи, - начал комбат, как только все собрались, - положение создалось крайне опасное. Дальше отступать некуда. Там, - он показал в сторону северо-востока, - уже близок Ленинград. Фашисты рвутся захватить его. - И, развернув планшетку, стал читать перехваченный нами приказ за подписью фон Леeба. А прочитав, на какое-то мгновение умолк, очевидно, подыскивая единственно верные, точные слова. - Слышите? - Голос комбата окреп. - Гитлеровский генерал приказывает захватить Ленинград в ближайшие же дни!.. Пусть мы здесь все ляжем, но врага не пропустим!

Перед совещанием мы с Лупенковым на скорую руку составили текст клятвы. Теперь он вынул этот листок из кармана и стал медленно читать, а собравшиеся, стоя, повторяли за ним слово в слово:

"Мы, добровольцы Московской заставы, даем клятву, что не отступим назад ни на шаг. Мы будем драться до последней капли крови. А если кто-то из нас струсит, оставит боевые позиции без приказа, пусть покарает такого рука справедливости.

Смерть фашистским оккупантам!

Ленинград был советским городом и останется им навечно!.."

Эти сутки выдались на редкость спокойными. Мы даже ухитрились помыться в бане и сменить белье. Впервые за время отступления командиры и политруки рот собрались поздним вечером в штабной землянке - представилась возможность узнать последние новости из только что доставленных мне газет. Нам с Лупенковым хотелось избежать разговора на "больную" тему: удастся ли удержаться на занятом рубеже?

И все же разговор завертелся вокруг этого. А кое-кто пошел дальше.

- Интересно, - мечтательно произнес кто-то, - если победим, какова будет жизнь после войны? Что скажут о нас лет через двадцать - тридцать? Как оценят наши военные усилия дети и внуки? Вспомнят ли добрым словом погибших и будут ли окружены почетом оставшиеся в живых?..

- Об этом ли сейчас думать, - возразил Лупенков. - Перед

нами стоит более близкая задача: отбить очередную атаку фашистов.

Разговор, однако, на этом не прекратился. Мои товарищи по оружию развили свою мысль, полагая, что все фронтовики будут пользоваться особым уважением, их окружат особыми почестями. Каждый из нас получит такой орден, который будет выделять нас, давать ряд преимуществ. Что же касается Ленинграда, то его фашистам не взять!

О том, что гитлеровцы изменят свой план, откажутся от штурма и перейдут к длительной осаде, пытаясь взять Ленинград измором, никто, конечно, в то время не предполагал. Все ждали генерального сражения на ближних подступах к Ленинграду.

Отношения между мной и Михаилом Григорьевичем Лупенковым, как я уже отмечал выше, с первого дня совместной службы сложились как нельзя лучше. И он и я были откровенны и искренни друг с другом, не скрывали один от другого свои даже самые сокровенные мысли. Михаилу Григорьевичу очень хотелось дожить до победы еще и потому, что он мечтал вырастить приемную дочь, дать ей образование. Они с женой взяли ее в родильном доме на Ржевке совсем слабым младенцем: мать девочки умерла во время родов. Назвали дочь Лизой и очень полюбили ее.

- Знаешь что, - вдруг обратился ко мне Лупенков. - Давай загадаем. Я буду бросать монету. Упадет вверх гербом - будем жить, цифрой - погибнем. Бросать буду сам, - повторил он, - а если следовать алфавиту, начну с тебя.

К затее Лупенкова я отнесся как к шутке, а сам он вполне серьезно.

Моя жизнь оказалась "в безопасности": монета упала гербом кверху. Комбат сердечно поздравил меня со "счастливой судьбой" и пожал руку. Брошенная им второй раз монета обернулась другой стороной. Михаил Григорьевич побледнел.

Стараясь развеять предубеждение своего фронтового друга, я с жаром доказывал, что из боя человек выходит живым вовсе не потому, что дурацкая монета сулит ему "счастливый исход", не в монете же дело! И чтобы отвлечь от мрачных мыслей, предложил дружить всю жизнь, вместе отпраздновать победу, даже в том случае, если "судьба" разведет нас в разные края. Лупенков согласился, и мы обменялись адресами. В изрядно потрепанном блокноте, сохранившемся у меня до сих пор, значится: "Ленинград, Ржевская улица, дом 52, кв. 4, Лупенков Михаил Григорьевич".

Предположения комбата о том, что фашисты готовятся возобновить наступление, сбылись. Следующий день начался с

того, что в небе над нами стало темно от вражеских бомбардировщиков. Бомбовозы по своему обыкновению сделали заход и, перейдя в пике, начали бомбить позиции батальона. Одна за другой с воем стали падать бомбы. Мы с комбатом не успели даже добежать до свежевырытой траншеи и бросились плашмя на землю прямо в открытом поле, вниз лицом, чтобы не видеть, как прямо в тебя летит смерть. Разорвавшаяся буквально в нескольких метрах бомба, к счастью, обошлась с нами "ласково". Взрывная волна задела нас лишь частично, а осколки полетели выше. Острая же боль в ушах за ночь прошла.

Воздушный налет, хотя и был мощным, не причинил батальону серьезного урона. Пострадало лишь несколько чело-* век: они были контужены или легко ранены.

Когда бомбежка кончилась и вражеские бомбардировщики скрылись, на нас двинулись танки, а за ними - пехота. Как и в Выползове, бойцы не торопились открывать огонь. Мы с Лупенковым поспешили на НП и оттуда стали управлять боем. Главная задача состояла в том, чтобы подпустить врага как можно ближе и потом только расстреливать его в упор. Хотя в этой тактике ничего не было нового, для нас она оказалась наиболее верной.

С НП хорошо были видны действия противника. Танки двигались медленно, осторожно и неотвратимо, Чувствовалось стремление неприятеля поиграть на нервах наших бойцов. Несмотря на то что мы с комбатом на фронте привыкли ко многому, в частности перестали "кланяться" каждой пуле, сейчас нам стало жутковато: заволновались, опасаясь, что нервы бойцов не выдержат.

Но и на этот раз никто раньше времени не открыл стрельбы. Когда танки и пехота подошли почти вплотную к переднему краю, Лупенков приказал своему связному Мише Морозову зарядить ракетницу и выстрелить. Взмывшая ввысь зеленая ракета не успела еще погаснуть, как окрест разлетелась дробь винтовочных и пулеметных выстрелов. Около танков взметнулась земля. Это "заговорила" замаскированная пушка Арсеньева, которую мы получили вместо обещанной батареи. Вскоре Арсеньев метким выстрелом угодил в ведущий танк. От следующего выстрела он загорелся. Пехотинцы, лишившись прикрытия, отбежали в сторону и попали в сектор обстрела наших пулеметчиков. Прошло еще несколько минут - и вспыхнул второй танк. Фашисты начали отходить. Это, означало: их атака отбита. Стрельба так же неожиданно прекратилась, как и началась. Воцарилась мертвая тишина.

В этих боях наш батальон потерял более двадцати человек

ранеными и убитыми. Потери были не столь уж велики, однако ослабили подразделение, и по приказу командира полка нас вывели на отдых в деревню Ратчино, где батальон вскоре получил некоторое пополнение. В тот же день командир полка предоставил мне трехдневный отпуск в Ленинград. Мы с Лупенковым тепло распрощались. Он передал мне для своей семьи маленькую посылку и письмо.

15

Добирался я в Ленинград так. До Копорья доехал на попутной машине. Там удалось сесть в стоявший на путях несколько часов эшелон, переполненный моряками. Едва эшелон тронулся, в вагон вошел патруль: началась проверка документов. В шумной матросской компании я оказался единственным, носившим "сухопутную" форму, и потому ко мне было проявлено особое внимание. Старший патрульный долго, с пристрастием рассматривал мое удостоверение, а затем перешел к допросу, пытаясь выведать, не шпион ли я. Лишь после того, как я назвал имена известных партийных и советских работников и показал партийный билет, меня оставили в покое. Дальше я ехал уже без приключений.

Балтийский вокзал был переполнен беженцами из оккупированных фашистами районов. В залах, словно в разворошенном муравейнике, царили сутолока и неразбериха. Люди - а здесь маялись и одинокие и целые семьи с чемоданами, тюками, свертками - были взволнованы. Да и в самом Лениграде ощущалась несвойственная прежде этому величавому городу возбужденность. Пешеходы куда-то торопились. От размеренной, спокойной жизни не осталось и следа. Стекла окон (а сколько их в Ленинграде!) были заклеены крест-накрест полосками белой бумаги. На некоторых улицах сооружались баррикады, устанавливались "ежи" с колючей проволокой, входные двери первых этажей и даже окна были завалены мешками с песком.

Я обратил внимание на то, как много людей на улицах и площадях одеты в шинели - признак того, что город становился фронтовым.

Но это были чисто внешние впечатления. Фактически ленинградцы еще перестраивались. Поэтому городские предприятия и учреждения работали в том же ритме, как и прежде. Правда, характер их деятельности во многом изменился: заказам и нуждам фронта всюду были открыты двери. И еще одна существенная разница. Если прежде ту или иную работу выполняли двое-трое, то теперь - один. Это означало, что нагрузка каждого удвоилась, если не утроилась, и пала в основном на хрупкие плечи женщин и подростков.

Магазины по-прежнему были открыты, но купить в них что-либо можно было только по карточкам. Ходили трамваи и троллейбусы. В театрах шли спектакли. Царил порядок и на улицах: как и прежде, на перекрестках стояли регулировщики в милицейской форме. Раздавались и свистки, когда нарушались правила уличного движения. Но война уже наложила на город неизгладимый отпечаток. Вражеская авиация к этому времени успела причинить ленинградцам немало бед. От ее налетов пострадали главным образом жилые дома. На Невском, около кинотеатра "Титан" недвижно застыл стащенный с рельсов разбитый трамвай, а на асфальте остались следы крови.

Везде, где я проходил в те предосенние дни, четким шагом маршировали воинские подразделения, проносились грузовики, везущие в кузовах женщин и пожилых мужчин с лопатами и кирками в руках. Они ехали возводить оборонительные сооружения и рыть противотанковые рвы. На крышах домов несли вахту дежурные ПВО с противогазами на боку, преимущественно девушки, только-только расставшиеся со школьной партой. По Невскому проспекту на вытянутых тросах, концы которых держали опять же девушки из ПВО, плавно плыли огромные грушеобразные аэростаты. Их поднимали в ленинградское небо в момент объявления воздушной тревоги.

Во всем этом виделась подтянутость, целеустремленность и организованность ленинградцев, которыми руководили умело и расчетливо; отсюда - везде строжайший порядок, высочайшая дисциплина, бдительность и беспрекословное повиновение режиму военного времени. После бомбардировок ленинградцы незамедлительно приступали к залечиванию ран города: расчищали улицы от завалов, кирпича и мелких обломков стен, разбитую мебель и стекла стаскивали во дворы и складывали в кучи. Снесенную взрывом бомбы стену в доме на Невском проспекте, рядом с "Елисеевским гастрономом, заделали фанерой и покрасили под прежний цвет. На Литейном проспекте вражеская бомба, точно ножом, срезала полдома, и на шестом этаже я с изумлением увидел аккуратно застеленную кровать, над ней на стенке раскачивалось на ветру полотенце и блестело, отражая свет, маленькое зеркало. Поэт Вадим Шефнер посвятил этому зеркалу такие стихи:

Как бы ударом страшного тарана
Здесь половина дома снесена.
И в облаках морозного тумана
Обугленная высится стена...
И пусть я все забуду остальное
Мне не забыть, как на ветру, дрожа,

Висит над бездной зеркало стенное
На высоте шестого этажа.
Оно каким-то чудом не разбилось,
Убиты люди, стены сметены,
Оно висит - судьбы слепая милость
Над пропастью печали и войны.

Больше всего меня тронуло спокойствие ленинградцев. Как и прежде, люди продолжали трудиться на своих фабриках и заводах, стремясь быстрее перестроить производство для военных нужд. На "Скороходе", куда я поехал сразу же, как только нога моя ступила на перрон Балтийского вокзала, никто и в мыслях не держал, чтобы оставить привычную работу. На лицах рабочих я не заметил и тени растерянности и страха. Все до единого с присущими ленинградцам выдержкой и деловитостью выполняли свой гражданский долг: одни по-прежнему изготовляли обувь, другие выехали на строительство противотанковых рвов и укрепрайонов.

В закройном цехе меня встретила пожилая седая женщина, коммунистка Мария Бойцова, и по-матерински обняла. Затем, отступив на шаг, строго посмотрела в глаза:

- Как, выстоите?

- Постараемся, - ответил я.

- Надо постараться, - понизив голос, мягко сказала она. И, взяв под руку, повела меня по цеху. - Смотрите, он жив. А слух прошел, будто убит. Живы и наши мужья и сыновья. Не верьте слухам!

На прощание она опять меня обняла и прошептала:

- Будешь жить. Когда молва хоронит человека, он обязательно долго живет.

Видя, как бороздят ленинградское небо фашистские разведчики, насколько изменился облик города, нетрудно было догадаться: фронт приближается к Ленинграду.

16

И надо же было случиться такому: на второй день после моего отъезда батальон потерял своего замечательного командира! Произошло это вот как.

Ранним утром, когда бойцы еще отдыхали, в расположении нашего батальона неожиданно появились фашисты. Лупенков объявил боевую тревогу и организовал круговую оборону. Но деревню удержать не удалось. Пришлось отступить, чтобы, собравшись с силами, отбить Ратчино у врага. В разгар этих событий пришел почтальон и вручил Лупенкову газету "На защиту Ленинграда", издаваемую политотделом армии народного ополчения. В газете был помещен портрет Лупенкова и напечатан

очерк С. Бойцова о нем. Михаил Григорьевич положил ее в полевую сумку. "Почитаю потом", - сказал он и стал готовить батальон к контратаке.

В середине дня на помощь пришли танки. Комдив приказал комбату самому возглавить контратаку. Капитан Лупенков вскочил на ведущий танк и увлек за собой бойцов. Это только сказать легко: "...вскочил на танк и увлек за собой бойцов". На деле же это крайне рискованный, требующий огромной воли и мужества поступок. Если танкист защищен броней и вооружен, что называется, до зубов - и пушкой и пулеметом, то стоящий на танке, по существу, беззащитен. Он - открытая мишень для врага. В войну командиры решались на такой шаг лишь в критический момент, когда надо было увлечь за собой людей своим личным примером, презрением к смерти. Именно так и поступил Михаил Григорьевич. Когда ему приказали: "Лично возглавьте атаку", - он сделал это, не колеблясь. Деревня у врага была отбита благодаря бесстрашию, отваге комбата. Но эта победа стоила ему жизни.

Сперва продвижение батальона шло успешно. Видя своего командира во весь рост стоящим на танке с поднятой рукой, ополченцы смело бросились вперед и выбили из Ратчина фашистов. Но тут в танк, на котором стоял комбат, угодил вражеский снаряд. Осколки впились в тело Лупенкова, и он повалился на башню. Бойцы подхватили его на руки...

Комбат скончался, не приходя в сознание. Похоронили его в этой же деревне, где все еще дымилось и горело, дышало едва затихшим боем. Когда тело Михаила Григорьевича, бережно завернутое в шинель, было предано земле, бойцы обнажили и в минутном молчании склонили головы. Некоторые из них не могли сдержать слез.

Дружный трехкратный залп из винтовок был той почестью, какую ополченцы могли оказать своему комбату, и с возгласами "Отомстим за капитана!" они снова пошли в бой.

О гибели Лупенкова я узнал еще в Ленинграде, от секретаря парткома "Скорохода" Смирновой. Сообщение это потрясло меня. Мысленно я представил себе Михаила Григорьевича в лучшие его минуты - всегда жизнерадостного, с сияющей улыбкой, человека подкупающей доброты и отзывчивости, серьезного и собранного в трудные часы. Ожило в памяти и наше расставание перед моим отъездом в Ленинград, прикосновение его теплой ладони и брошенные вдогонку слова: "До скорой встречи, комиссар!"

Выйдя от Смирновой, я долго, бесцельно ходил взад-вперед по Международному проспекту. Но прийти в себя, успокоиться не мог. Не мог смириться с мыслью, что больше никогда не увижу своего верного фронтового друга. Не мог представить себе и

батальон без любимого командира. Волновало меня и то, что через пару часов ко мне домой должен был приехать отец Михаила Григорьевича. Что я ему скажу о сыне? Нелегкая предстояла встреча. Хватит ли у меня мужества сообщить отцу правду?

И вот я дома. Звонок. Открыл дверь - предо мною стоял высокий, худощавый человек. Если бы он был моложе, право же, я не отличил бы его от Михаила Григорьевича. Извинившись и оставив гостя в комнате, я побежал на кухню поставить чайник. Умышленно задержался там, чтобы выиграть время и принять решение: сказать о гибели сына или утаить эту страшную для отца весть?

Григорий Иванович, обрадованный возможностью разузнать о своем сыне от человека, с которым тот делит тяготы фронтовой жизни, стал расспрашивать меня буквально обо всем, даже о том, чем питается сын, поскольку перед отъездом на фронт у него началось обострение язвы желудка. Стараясь держаться, я ответил на все вопросы. Однако главного не сказал. Возможно, поступил неправильно. Но иначе не мог. Не хватило сил нанести ему такой удар.

...Свой батальон я разыскал с большим трудом, он держал оборону в маленькой деревушке Заболотье, неподалеку от Копорья. Первый, кого увидел, был начальник штаба полка капитан Лабудин, давний друг Лупенкова по совместной службе в армии. Он ждал меня, чтобы передать командование батальоном.

Первым делом мы с ним сели и написали письмо семье Лупенкова и его родителям, сообщив, при каких обстоятельствах погиб Михаил Григорьевич, рассказали о его подвиге. Вложили в конверт и газету "На защиту Ленинграда", которую перед роковым для него боем он так и не успел прочитать.

Остается добавить, что в сентябре 1941 года Михаил Григорьевич Лупенков посмертно был награжден орденом Красного Знамени.

Тревожные это были дни, тяжелые. Преследуемый фашистами батальон отступал. Мы блуждали по деревням, лесам и полям, пока наконец не подошли к Гостилицам - большому селу, которое соседствовало с глубоким оврагом, решив в нем закрепиться и отдохнуть. Но ни закрепиться, ни отдохнуть не успели. Не прошло и нескольких часов, как мы услышали характерный рев моторов приближавшихся вражеских танков, одновременно нас начала обстреливать артиллерия. Пришлось покинуть и Гостилицы - это удобное для организации обороны, расположенное на возвышенности село, стоявшее на одной из главных автострад, ведущих к Ленинграду. Мы ушли в

близлежащий лес, сумели там закрепиться и сразу же осуществили несколько контратак и вылазок в тыл противника. Фашисты превратили Гостилицы в плацдарм и начали накапливать здесь силы. Беспрерывно, сплошным потоком по шоссе в сторону Гостилиц перебрасывались войска, подвозились боеприпасы и продовольствие. Это породило у нас дерзкий план - ударить по стекавшимся в Гостилицы вражеским резервам с тыла. Но кому поручить эту сложную, требующую смелости и точного расчета вылазку?

Выбор пал на наш батальон. И я тут же был вызван к командиру полка, который поставил передо мной задачу сформировать отряд добровольцев в сорок - пятьдесят человек и ночью, оседлав шоссе между Гостилицами и деревней Новая Буря, совершить налет на колонну противника с боеприпасами и продовольствием.

Вечером того же дня вместе с комиссаром батальона Амитиным и начальником штаба Качаном, владевшим немецким языком, мы выстроили бойцов и командиров, согласившихся отправиться в тыл врага.

- Может быть, кто передумал? Еще не поздно. Если есть такие, шаг вперед!

Ни один человек из строя не вышел.

Разделив отряд на две группы, низинами и кустарниками, тщательно маскируясь, подошли к позициям противника, а едва приостановились, вблизи взорвались два случайно залетевших артиллерийских снаряда. Не поспей мы броситься на землю, нам пришлось бы худо. Отделались мы в общем-то легко: были ранены только двое.

Обойдя Гостилицы с запада, отряд пересек предполагаемую линию, разделявшую наши и немецкие войска, и пошел дальше через болото, поросшее сосняком, низенькими березами и мхом. Ноги вязли, временами бойцы погружались по колени, а то и по пояс в топкую жижу. Но упорно, безостановочно продвигались к намеченному на карте пункту, который, по нашим расчетам, находился в километре от шоссе. Выбравшись из болота и наткнувшись на поляну, как бы прижавшуюся к возвышенности, сделали привал. Сушить одежду и обувь не стали: разводить костер было опасно, да и рассвет близился. Ограничились тем, что наскоро перевязали потертые ноги и позавтракали. Посланные нами разведчики довольно скоро вернулись и доложили, что автострада свободна и что по ее обочинам плотной стеной простирается кустарник, переходящий в лес.

Но вот небо стало розоветь, взошло солнце, и лес начал просыпаться. Мы снова вытянулись в цепочку и направились к

шоссе. Головная группа шла впереди, метрах в двадцати - тридцати. Шоссе по-прежнему было безлюдным, что оказалось нам на руку. Одну группу мы переправили без происшествий на противоположную сторону дороги, а другую рассредоточили на окраине леса, из которого вышли. Расположили бойцов так, чтобы в случае перестрелки не поразить огнем своих.

Движение по шоссе началось нескоро. Только ближе к полудню, часов в одиннадцать, где-то послышался и все более нарастал шум моторов - мимо проползала колонна мотопехоты. Напасть на нее мы не рискнули. Вновь наступила тишина. Погода была теплая, солнечная, и люди невольно начали расслабляться, кое-кто даже вздремнул. Мы с Амитиным забеспокоились. Но тут опять расслышали шум моторов, на этот раз - натужный. Значит, решили мы, машины везут снаряды. И не ошиблись. Впереди шли автомашины с автоматчиками, сидевшими в кузовах. Как не воспользоваться столь удачным случаем! Я подал команду: "Гранаты!"

В тот же миг полетели сильно брошенные "лимонки". Одна из них угодила в кабину головной машины. Раздался взрыв. Грузовик, словно поперхнувшись, резко остановился. На него, не успев сбавить скорость, налетели катившие следом, мгновение - и из покореженных машин образовалось нечто вроде баррикады. Фашисты - шоферы и автоматчики - выскочили и в панике заметались, еще не сообразив, что же произошло. Этого-то мы и ждали. Наши пулеметчики выпустили несколько очередей, зачастили винтовочные выстрелы. Не прошло и пяти минут, как с вражеской колонной было покончено. Гитлеровцы даже не успели открыть ответный огонь: многие из них, распластавшись на шоссе или в кювете, так и не поднялись; раненые кричали от боли; оставшиеся в живых ошалело подняли руки.

Забрав трофеи и пленных, мы углубились в лес. Вышли на старый свой след и ускорили шаг. Надо было успеть перебраться через болото, пока фашисты не обнаружили нас и не перерезали нам путь.

Возвращались мы в приподнятом настроении. Успех придал бодрости. Казалось, мы не шли, а летели, как на крыльях. Хотелось скорее сообщить командиру полка Арсенову хорошую новость.

Наш удачный рейд был встречен, что называется, "на ура": такого успеха командование полка не ожидало.

Майор Арсенов, выслушав рапорт, поблагодарил нас и приказал хорошо накормить и выдать двойную норму "ворошиловского пайка", иными словами, водки, а Амитина, Качана и меня пригласил к себе в землянку, подробно

расспросил, как был осуществлен задуманный нами план, дал указание начальнику штаба представить отличившихся к наградам и только потом позвонил комдиву - генерал-майору Любовцеву.

Спустя несколько дней рейд в тыл врага был повторен уже значительно большими силами. Возглавил его сам Арсенов. Фашисты, однако, стали более бдительными. Их колонны сопровождались теперь танкетками и более крупными подразделениями автоматчиков. Но все равно фашисты несли ощутимые потери, более того, мы вынудили их даже приостановить на несколько дней передвижение по этой дороге.

17

Неизвестно, как развивались бы дальше бои за Гостилицы, если бы не ухудшились дела на соседних участках фронта. Нам предложили срочно сняться со своих позиций, передав их другому соединению. В батальон прибыл инструктор политотдела дивизии Георгий Смыкунов, чтобы разъяснить положение, создавшееся на всем Ленинградском фронте.

- Фашисты почти вплотную подошли к городу, стремясь обложить его со всех сторон, зажать в клещи и уничтожить, - сообщил Смыкунов коммунистам. Гитлеровские войска приблизились уже к Колпину, к Пулковским высотам и к Пушкину. А нашу дивизию пытаются прижать к Финскому заливу. Сейчас бои идут на подступах к Петергофу.

Смыкунов сообщил также, что в последнее время усилилась бомбежка Ленинграда. Враг беспощаден. Он сбрасывает бомбы на жилые кварталы, на театры, варварски рушит памятники архитектуры.

Такие горькие вести могли посеять уныние и даже растерянность. Но Смыкунов, не принадлежавший к числу людей, которые в трудный момент теряют присутствие духа, учитывал это, к тому же речь его была окрашена неподдельным пылом. И он любил, как мы сказали бы сегодня, звонкую фразу. Не в смысле пустозвонства, нет, наверное, он был поэтом в душе, наш Юра Смыкунов, как мы его обычно называли.

- Фашистам под Ленинградом скоро придет капут, - настойчиво повторял он. - Уверяю вас! Вы сами увидите, как будут валяться в пыли и в грязи знамена с паучьей свастикой. А в Ленинграде, в нашем Московском районе, где, собственно, начинается город, соорудят триумфальную арку, под которой победным маршем пройдет наша дивизия. Будет греметь оркестр, и воинов забросают цветами. И я, ребята, въеду в свой район верхом на белом коне, а товарищ Бадаев (первый секретарь райкома. - С. Б.) будет с балкона махать мне рукой.

Георгий Смыкунов мечтал дойти до Берлина, водрузить над рейхстагом советский красный флаг и лично присутствовать на процессе, когда будут судить гитлеровских заправил. Этот судебный процесс, по его мнению, должен обязательно проходить в Ленинграде.

И в этот раз около Гостилиц, когда мы ходили из роты в роту, чтобы познакомить бойцов с обстановкой на Ленинградском фронте, он старался вселить в ополченцев уверенность.

- Немцам не бывать в Ленинграде, - убежденно говорил он. - Советский народ не допустит, чтобы гитлеровцы захватили город русской славы, город трех революций, город, носящий имя великого Ленина. Ведь Ленинград - это не только форпост страны на северо-западе, но и символ великой России. Вспомните Петра Первого, - что он сказал, заложив город на берегу Финского залива? Он сказал, что этим мы прорубили окно в Европу. Нет, друзья, фашистам не бывать в Ленинграде. Мы не отдадим его на растерзание врагу.

Воодушевляя других, Смыкунов воодушевлялся и сам. Подчас казалось, что философствованию Юры не будет конца, и тем не менее его любили слушать потому, что он словно заряжал людей оптимизмом, энергией и верой.

На новые позиции батальон шел долго, и времени для разговоров было предостаточно. И вот Смыкунов - мы шли с ним бок о бок - пустился в рассуждения о долге советского воина:

- Что значит защищать свое Отечество, свое народное государство? Прежде всего проявлять бесстрашие, не жалеть себя. А раз не жалеешь себя, честно выполняешь воинский долг перед народом, который вручил тебе оружие и доверил защищать свою землю, отстаивать честь и свободу Родины, - значит, ты герой. Бой - это ведь не игра в кошки-мышки. Если ты не убьешь врага, он убьет тебя. В бою, как нигде, раскрывается характер человека: презренный ли ты трус или отважный солдат партии и народа, надежный воин или слизняк, прячущийся за спины других...

Вслушиваясь в слова Смыкунова, я невольно "прикладывал" их к людям, которых знал, с которыми воевал, делил тяготы военных будней. Среди бойцов, ходивших со мной в тыл врага, был рослый, белокурый парень с карими добрыми глазами, комсомолец Иван Перегуд. Он никогда не бравировал смелостью, не лез на рожон, не хвастался. Просто был очень исполнительным бойцом. Но вот однажды потребовалось скрытно подобраться к Гостилицам и разведать, есть ли и где проходят у гитлеровцев траншеи, где установлены батареи и пулеметные гнезда. Поручено это было Перегуду. Он попросил разрешения взять с собой своего друга, бывшего связного Лупенкова Мишу Морозова, и вместе с ним отправился на задание. В тот день моросил холодный дождь, трава полегла, было грязно, под ногами хлюпала вода. Большую часть пути до Гостилиц они проползли, что заняло у них несколько часов, хотя, напомню, до этой деревни было чуть больше километра. Вернулись насквозь промокшие, исцарапанные, грязные и усталые, но задание выполнили. Арсенов разрешил им пойти в тыл полка - отдохнуть, но они от отдыха отказались.

Наутро артиллерийский налет противника прервал связь батальона с ротами и штабом полка. Срочно восстановить было некому: боец из взвода связи получил ранение. Сделать это вызвался Иван Перегуд. И вскоре связь заработала. Когда Перегуд возвращался, близ него разорвался снаряд. Ранение в живот оказалось смертельным. Мы похоронили Ивана Пере" гуда на пригорке у деревни Гостилицы, с которой он начал свой поиск, восстанавливая связь...

Старые народные пословицы гласят: "Чтобы узнать человека,

надо с ним пуд соли съесть", "Чужая душа - потемки". А вот на фронте, где без взаимной выручки не проживешь и дня, где делятся друг с другом последним сухарем, последней папиросой, человек раскрывается сразу. Таков уж закон фронтовой жизни. А о взаимовыручке в бою и говорить нечего: товарищ товарищу последний патрон отдаст, в момент опасности прикроет своим телом. Встречались, конечно, и дрянные людишки. Но их быстро распознавали и окружали всеобщим презрением.

Нам, командирам и политработникам, не надо было тратить много времени на изучение людей. Они были перед тобой как на ладони, ты понимал их, видел так же хорошо, как если бы видел в зеркале самого себя. И не случайно люди на фронте быстро сближались. Мы с капитаном Лупенковым чуть ли не на второй день после знакомства прониклись взаимным уважением, сдружились. Так было у меня и с политруком Амитиным.

Нельзя сказать, что до войны я не знал Саула Борисовича Амитина. Оба мы работали на "Скороходе". Часто встречались на партийных собраниях и совещаниях у директора. И все же знакомство это было, как говорится, шапочным. Когда же мы с Амитиным попали на фронт и здесь, в военной обстановке, что называется, столкнулись лицом к лицу, он предстал передо мной Человеком с большой буквы. Честным, откровенным, трудолюбивым и смелым. Когда мы попадали в сложное, а порой даже казавшееся безвыходным положение, он всегда был на месте - там, где всего нужнее. Сутуловатый, широкоплечий, он словно и не знал, что такое усталость. И никогда нэ жаловался на трудности. А темные, как сливы, глаза его будто читали твои мысли. Окинет тебя взглядом - и сразу распознает, что ты за человек. Признаться, я иной раз побаивался его глаз, хотя совесть моя была чиста, и в то же время питал к нему глубокую симпатию, верил в него. Он был надежным товарищем, никогда не подводил.

18

Итак, в начале сентября наш полк совершал марш в район Урицка. Шли более суток. Вымотались. А тем временем вблизи Урицка оказался враг. Мы попытались ударить во фланг фашистам, но, видимо, заметив наше передвижение, они подготовили контрудар. Пришлось отойти и обосноваться поблизости от Петергофа в деревне Сашино, обозначенной на карте как "высота С.", откуда открывался хороший обзор. Другие подразделения дивизии заняли оборону в северной части Старого Петергофа.

Мы обнаружили, что высота С. превращена в укрепрайон. Здесь были доты с противотанковыми пушками и дзоты,

соединенные траншеями. Ни в дотах, ни в дзотах никого не было, и мы не замедлили занять их. Ночь и первую половину следующего дня чувствовали в них себя как дома, в полной безопасности. Даже ходили, не прячась. Но вот к вечеру, это было, кажется, второго или третьего сентября, с западной стороны на нас двинулись танки и длинная цепь фашистской пехоты.

- Неужели разнюхали, что наш укрепрайон "однорукий"? - не сдержал удивленного возгласа Амитин, подразумевая под "однорукостью" тот немаловажный факт, что все сооружения укрепрайона были сосредоточены на одной, восточной, стороне.

- Выходит, что разнюхали, - зло отозвался кто-то из командиров рот, которых мы созвали, чтобы принять решение, как выйти из этого критического положения. Почему-то фашисты шли в атаку на нас очень медленно. И мы сумели наспех вырыть мелкие окопы, так как почва оказалась мягкой, здесь колхозники сажали капусту, морковку и огурцы. Мы уже могли разглядеть атакующих пехотинцев, открыли огонь из винтовок и пулеметов, однако разить их на таком расстоянии не смогли. Зато их снаряды, изрыгаемые танками, достигали цели. Мы стали нести потери - появились убитые и раненые. Кое-кто из бойцов не выдержал психической атаки противника и стал перебегать на противоположную сторону высоты в надежде укрыться в дзотах и дотах. Но ведь повернуть дзоты и доты в сторону неприятеля было невозможно!.. Присланный Арсеновым начальник штаба полка капитан Лабудин, оценив обстановку, пришел к выводу, что батальону необходимо сменить позиции, иначе гитлеровцы расстреляют нас в упор.

Я отдал команду мелкими группами перебираться на восточный склон, разминировать проходы и отойти в деревню Санино - в нескольких километрах от нее был Старый Петергоф.

Высоту С. батальон покинул с наступлением темноты. Пришлось уходить через минное поле. В любую минуту каждый из нас мог подорваться, но выбора не было. Когда мы миновали опасную зону и приблизились к околице села Санино, нас встретил бронетранспортер, из которого вышел комдив. Я доложил генерал-майору Любовцеву обстановку, в глубине души опасаясь, что командир дивизии накричит на нас и заставит вернуться на оставленную высоту. Но генерал этого не сделал. Он знал сложившуюся там обстановку не хуже нас: я понял это по его замечаниям и тем уточнениям, которые он нанес на свою карту.

- Старший политрук Бардин, вы назначаетесь комиссаром полка. - Голос комдива звучал ровно, словно ничего особенного в моем назначении и не было, но меня, сроднившегося с батальоном, в первую минуту больно ударило в сердце. А генерал

между тем продолжал давать свои указания: - Батальон сдайте старшему политруку Амитину, а сами разыщите майора Арсенова и организуйте оборону на подступах к Старому Петергофу в деревне Луизино.

В течение всей ночи мы с командиром полка и начальником штаба устанавливали связь с батальонами, которые тем временем подтягивались к Старому Петергофу, закрепляли за ними участки, отдавали распоряжения о создании огневых точек и сооружении ходов сообщений между ними.

Фашисты дали о себе знать лишь во второй половине следующего дня. Завязавшаяся перестрелка длилась до позднего вечера. Преимущество, однако, опять оказалось на стороне противника, располагавшего танками и бомбардировочной авиацией. Как нам не хватало тогда средств поддержки! Если бы у нас были танки, если бы нас поддерживала авиация и артиллерия, фашистам не удалось бы теснить нас. Стиснув зубы, мы дрались с ними, восполняя недостающую военную технику огнем своей ярости, ненависти к врагу, отвлекая на себя и выматывая его силы, нанося ему удары, замедлявшие его продвижение к Ленинграду. Во избежание больших потерь и окружения командир полка майор Арсенов приказал под покровом ночи отойти к Старому Петергофу, занять оборону на его окраине и одновременно готовиться к уличным боям. Но в Старом Петергофе нам не пришлось задержаться. На рассвете поступил приказ отойти в Новый Петергоф и организовать оборону вдоль Финского залива, чтобы не дать фашистам высадить морской десант.

Во исполнение этого приказа полк, разбившись на мелкие группы, стал спускаться к заливу через Петергофский парк, по-прежнему ухоженный и чистый, а над ним вдруг повисли вражеские бомбардировщики. Как всегда методично, они сбрасывали одну за другой крупные, противно воющие бомбы.

Попытки наших зенитчиков помешать фашистским пиратам, были тщетны. Бомбы рвались по всему парку. Падали статуи. Рушились павильоны. Высоко взлетала вода из Морского канала. Одна из бомб попала в угол дворца вспыхнул пожар. Мы были бессильны приостановить этот поистине варварский разбой. Чтобы рассеять и отогнать воздушных пиратов, нужны были истребительная авиация и зенитная артиллерия.

Мы заняли позиции вдоль залива и стали оборудовать огневые точки, используя неровный, усеянный булыжниками и плитами рельеф берега. Увы, то был сизифов труд, ибо мы оказались оторванными от остальных частей дивизии.

Возможно, бои за Петергоф шли в другом месте. В парке же,

где мы заняли оборону, было пустынно. Да и с залива, защищать который выпало Балтийскому флоту, противник тоже не появлялся. Не случайно в тот же день поступил приказ, предписывающий нашему полку снова перебазироваться в район восточнее Старого Петергофа.

Переход этот занял целый день. Ночь мы провели в лесу, под открытым небом. Рыть окопы и строить землянки не было смысла, да и не хватало сил. Люди устали и проголодались. Мы стали окапываться только утром. Мелкий и редкий лес не мог нас укрыть от воздушных разведчиков. Не окапывался только третий, совсем еще недавно "мой" батальон, перед которым командир полка поставил задачу произвести разведку боем. С батальоном пошли начальник штаба полка капитан Лабудин и я.

За лесом простиралось чистое поле, а за ним виднелись дома Урицка. Туда мы и направились с Лабудиным на рекогносцировку, взяв с собой лишь связных.

Бойцы батальона в ожидании нашего возвращения кто прилег, кто уселся под деревом. Одни, вскрыв консервные банки, стали подкрепляться, другие скручивать "козьи ножки", третьи растянулись на опавших листьях, чтобы дать отдых ногам.

Но не успели мы в Лабудиным отойти на какую-нибудь сотню метров, как за нашей спиной, там, где расположился на привал батальон, начали с треском рваться мины. Мы побежали назад, предчувствуя непоправимое.

Пока мы бежали, налет прекратился. Но то, что мы увидели, привело нас в ужас. Что сделали гитлеровцы с нашими людьми! В большинстве своем ополченцы были изуродованы, а многие из них уже мертвы. Тяжелораненые корчились от боли и взывали о помощи. Мы оставили здесь около пятидесяти своих товарищей по оружию, а уцелело всего несколько бойцов, и вот теперь в полной растерянности они метались между пострадавшими...

Да, надо было обладать огромной силой воли, чтобы не закричать, не предаться отчаянию.

- Что же будем делать?! - вырвалось у Лабудина.

- Что делать? - еще ничего не соображая, машинально повторил я. И, видя, как бегают, хлопочут прибежавшие на помощь сандружинницы, ответил по инерции, как подсказал выработанный фронтом условный рефлекс: - Надо срочно уносить раненых, а у мертвых забрать красноармейские книжки, партийные и комсомольские билеты.

Но подготовить раненых к выносу и собрать документы у убитых мы не успели: с опушки леса нас обстреляли фашистские автоматчики. Одна из пуль задела сандружинницу Комарову. Она упала, обхватила живот руками и закричала. Лабудин подбежал к

ней, расстегнул ремень и осмотрел рану: к счастью, пуля прошла по касательной, лишь разрезав кожу, что и причинило такую адскую боль. Мы перевязали, успокоили девушку и предложили ей самой добираться в полк. Между тем нежданно-негаданно подоспела помощь: майор Арсенов, узнав о случившемся, послал нам на выручку роту бойцов, которые отбросили автоматчиков.

Гибель значительной части батальона сильно отразилась на настроении личного состава полка, затруднила и дальнейшие его действия. Видимо, поэтому приказ о прорыве обороны неприятеля в районе Урицка был отменен: полк отводился в район Ораниенбаума.

19

Возвращение в район Ораниенбаума мы восприняли как наказание. Но ошиблись. Войска фашистского рейха пытались не только прижать нашу 8-ю армию к Финскому заливу, но и ликвидировать ее, сбросить в воду. Потому-то и понадобилась наша дивизия. Обозленные неудачами в районе Петергофа и Урицка, горя желанием отомстить гитлеровцам за гибель наших людей, мы с ходу выбили неприятеля из нескольких мелких населенных пунктов, заняли позиции вдоль шоссейной дороги, ведущей из Гостилиц в Петергоф, между населенными пунктами Порожки и Костино.

В районе Ораниенбаума вели упорные бои и другие наши подразделения.

Штаб нашего полка обосновался в лесу, примерно в километре от деревни Костино. С залива дул холодный ветер. Все время моросил осенний мелкий дождь. И мы вынуждены были заняться сооружением землянок, в которых можно было бы укрыться от дождя, отдохнуть и организовать работу штаба. Правда, и землянки не спасли от холода и сырости. Но зато на тебя не лил дождь, не продувал насквозь пронизывающий ветер, не страшен был тебе и осколок разорвавшегося вблизи снаряда или мины. Да, в землянке было относительно спокойно и безопасно. Ведь ее потолком служили два, а то и три наката бревен, засыпанные сверху землей и обложенные дерном.

Для меня, командира полка и его адъютанта Михаила Лукичева землянку соорудили в сосновом лесу. Заботливые связные раздобыли маленький столик, пару венских стульев и кровати с матрацами. Под лампы, как всегда, приспособили гильзы из-под артиллерийских снарядов. А чтобы не сыпался сверху песок, под потолком натянули брезент. "Уютно, - подумал я. - Надолго ли?" И будто в ответ на мой невысказанный вслух вопрос дверь землянки распахнулась, и я увидел лейтенанта Качана. Он прибежал сообщить, что меня срочно вызывают в

политотдел дивизии, и я, взяв с собой связного Андреева, отправился в Мартышкино.

У почерневшей крестьянской избы меня окликнул заместитель начальника политотдела В. А. Колобашкин, чему я очень обрадовался, так как за два месяца боевых действий дивизии мы с ним еще ни разу не виделись.

Всегда жизнерадостный, энергичный, бодрый и розовощекий, Колобашкин на этот раз был хмур и очень расстроен.

- Тебе известно... - Голос Колобашкина дрогнул. - Тебе известно, что немцы перерезали северную железную дорогу между Усть-Тосно и Мгой и вышли к Неве?

- Нет, - не совсем уверенно ответил я, хотя слух об этом уже прошел.

- Так вот... - Владимир Антонович умолк. Ему, видимо, трудно было говорить. - Ленинград блокирован, окружен со всех сторон. Обстановка сложилась чрезвычайная, очень опасная... - И уже более доверительно добавил: - Как бы нам не пришлось сооружать плоты и перебираться в Кронштадт. Будем, однако, надеяться, что окружение продлится недолго... Сейчас главная задача для нас, политработников, заключается в том, чтобы не допустить растерянности. Дисциплина, вера в победу, готовность к решительным боям - вот что должно отличать каждого бойца и командира.

Мы крепко обнялись, и я, не заходя в политотдел, поспешил в обратный путь.

Шел и лихорадочно думал: удастся ли нам прорвать блокаду? Как будут развиваться дальнейшие события? Ведь фашисты вплотную подошли к Пулковским высотам, а там - до города недалеко. Они уже в Пушкине, Гатчине и Урицке. К старой границе вышли и союзники Гитлера, белофинны. И вот уже враг у Невы, перерезал последнюю артерию, связывающую многомиллионный город со страной...

Метельная зима

1

Правду говорят, у дурных вестей длинные ноги. Что мы оказались во вражеском кольце, об этом уже знали все. И с молниеносной быстротой стали распространяться слухи, будто бы противник намерен столкнуть нас с Ораниенбаумского пятачка в залив. Я не мог поверить своим ушам, когда заместитель начальника штаба полка капитан Г. Г. Павленко, зайдя в землянку, где мы с парторгом полка Амитиным обдумывали, как лучше расставить в ротах коммунистов, заявил:

- Зря мы гробим людей. Все равно немцев не сдержать. Нечем нам отбиваться. Боеприпасы на исходе... Надо же что-то

предпринимать... Потом будет поздно.

Слова Павленко настолько нас поразили, что мы даже не сразу среагировали на них. Прав был Колобашкин, предупреждая о возможности появления нездоровых настроений. Первым нашелся Амитин:

- Да, нам трудно. Мы несем большие потери. У нас не хватает боеприпасов. Плохо с продовольствием. Возможно, немцы и попытаются столкнуть нас в залив. Все это верно. И все же для паники оснований нет. Успокойся, капитан! В Ленинграде и в Москве сейчас думают, как помочь нам. Назначен новый командующий фронтом.

Разговор с Павленко был острым. К чести заместителя начальника штаба, он сразу понял свою ошибку, пообещал драться с фашистами до последнего патрона - и сдержал слово.

Ораниенбаумский пятачок, а точнее выступ, был крайне нужен для наших войск на случай перехода в наступление. Потому-то фашисты и не могли смириться с тем, что на их пути к Ленинграду образовался этот выступ. Он был для них что кость в горле: отвлекал на себя значительные силы, мешал вести с суши борьбу с Балтийским флотом. Бои в районе Ораниенбаума в ту пору носили ожесточенный характер, особенно за те населенные пункты, которые нам удалось отбить у фашистов и тем затруднить их передвижение по шоссе от Гостилиц до Петергофа.

Перед нашим полком была поставлена задача: овладеть деревней Костино, находившейся на противоположной от нас стороне дороги. Необходимо было лишить врага одной из главных шоссейных магистралей на подступах к Ленинграду. Бои за Костино велись упорные, иногда они длились круглые сутки. Однако враг не давал нам перебраться через шоссе. Стоило нам перейти в очередную атаку, как фашисты открывали бешеный огонь. И так до бесконечности...

Одним утром Арсенов сам повел бойцов в бой, оставив на командном пункте Лабудина и меня. Весь день он не выходил из боя, и полк шаг за шагом вгрызался в оборону врага. Вечером бойцы принесли Арсенова на плащ-палатке, раненного в обе ноги. Выбыли из строя и наши связные Морозов и Андреев. Командование полком взял на себя капитан Лабудин и тут же отправился на передовую, чтобы лично руководить боем. Хотел пойти и я с ним, но Лабудин считал, что мне следует остаться на КП вместе с Павленко, только что назначенным начальником штаба. На беду, под утро принесли и Лабудина: рана его оказалась серьезной - пуля пробила легкое. Капитан тяжело, хрипло дышал и... ругался на чем свет стоит.

Я доложил по телефону о случившемся комдиву.

- Принимай полк, - услышал в ответ.

И поступил так же, как Лабудин: отправился в боевые порядки батальонов, в которых к тому моменту насчитывалось всего по нескольку десятков человек. Со мной был адъютант Лукичев, с которым мы в один из первых наших фронтовых дней вместе прошли боевое крещение в деревне Юрки. В связные мне дани молоденького паренька из прибывшего пополнения - худенького, но рослого черноглазого украинца. Пошел со мной и рядовой Садовой, смелый и умный связист, сумевший обеспечить бесперебойную связь с командирами батальонов и артиллеристами.

Совсем близко от переднего края наше внимание привлекли какие-то странные, каркающие звуки. Это кричали на своих солдат гитлеровские офицеры: заставляли их идти в атаку. Гитлеровцы поднимались, но прицельный огонь наших бойцов прижимал их к земле.

Я посоветовал командиру первого батальона Савкину пустить в ход гранаты. Расчет наш оправдался. Пока вражеская солдатня в смятении спасалась, как могла, от разрывов "лимонок", наши бойцы поднялись и побежали к шоссе, но вынуждены были залечь: из дзотов застрочили фашистские пулеметы. Подавить их можно было только пушками. А пушек в полку не было. Артиллерия поддерживала нас с закрытых позиций, находившихся далеко от передовой.

Этот бой продолжался беспрерывно в течение семнадцати часов. На ночь я принял решение остаться со связным в маленькой землянке комбата Савкина, а своему адъютанту Лукичеву и связисту Садовому приказал отправиться на НП.

- Товарищ командир полка, - обратился ко мне Савкин, - шли бы и вы на НП, а еще лучше - на командный пункт. Здесь опасно.

- На войне никто от опасностей не застрахован. Давай-ка лучше пораскинем мозгами, как будем действовать дальше...

Мы долго сидели молча, уставшие от боя и от тяжелых мыслей, мучивших каждого из нас в эти минуты.

- Послушай, комбат, - чувствуя, что тот уже начинает клевать носом, спросил я, - ты в шахматы играешь?

- Играю. Только неважно.

- Не кажется ли тебе, что бой похож на шахматную игру? Хороший шахматист видит вперед не только свои ходы, но и ходы противника, заранее намечает контрмеры. Хорошо бы и нам обдумать несколько ходов вперед, предусмотреть действия противника. Давай попробуем.

Почти всю ночь мы обсуждали с Савкиным возможные варианты-"ходы" батальонов, которыми командовали он и его

сосед Петров, был продуман план предстоящего боя. Оставалось перенести его на карту и согласовать со штабом дивизии. Для этого я вызвал к себе капитана Павленко. Замысел наш был прост. Отказаться от лобовой атаки деревни Костино. Выбрать участок в стороне от нее и атаковать, выражаясь языком шахматистов, не на королевском фланге, а на ферзевом. Когда же враг повернет оружие на ферзевый фланг, молниеносно, неожиданно атаковать королевский. Для осуществления этого замысла требовалась передислокация наших небольших сил.

В это время с командного пункта сообщили, что вместе с инструктором политотдела Сергеевым прибыл старший политрук, назначенный на должность комиссара полка: его надо принять и включить в работу. Это был партийный работник из Невского района М. Г. Алексеев.

Было уже светло, когда мы вышли из сооруженной на скорую руку землянки. Под ногами похрустывал ледок. Начались заморозки, ведь была середина октября - холодного для наших мест месяца. Пора бы выпасть и снегу...

Прежде чем пойти на командный пункт, я решил заглянуть на наш наблюдательный пункт, до которого, сгибаясь в три погибели, мы добрались кустарниками и мелкими траншеями: углубить их не позволяла болотистая почва.

На НП застали за завтраком адъютанта Лукичева, связиста Садового и двух представителей артполка. Подсел к ним и я. За едой договорились о переносе НП в другое место. Здесь оставаться теперь было рискованно: лес тек поредел, что место, где находился НП, свободно просматривалось противником.

Командный пункт полка находился в километре от передовой в сосновом бору. Нам надо было преодолеть поле, поросшее низким и редким кустарником. Шли с вестовым и адъютантом.

Мы не сделали и двух-трех десятков шагов, как послышались щелчки капсюльных взрывов - минометы! И мгновенно справа, совсем рядом разорвалось несколько мин. Мы не придали особого значения этому, даже что-то сострили в адрес фашистов, решивших "из пушек бить по воробьям". И все же мелькнула мысль: "Как быть? Возвращаться ли? Ложиться? Бессмысленно". Оставалось одно - бежать вперед, в лес, до которого было каких-нибудь сорок - пятьдесят метров. И мы побежали...

Не помню, как и отчего упал. Шумело в голове, и ныла поясница. Поворачиваюсь, и - лучше бы мне не видеть этого! - на расстоянии вытянутой руки лежит Лукичев с посиневшими губами и сдвинутой на лоб каской.

Я окликнул его - он не шелохнулся... Трудно было верить... Ведь только что мы вместе вышли из землянки, советовались...

Но это, оказывается, не все. Мой вестовой, обсыпанный землей, тщетно пытался приподняться на локте и что-то сказать. Вместо слов из горла вылетали хрип и сгустки крови. Он напрягся, и я не успел опомниться, как этот и жизни-то еще не повидавший мальчик тяжело осел на землю.

Так из троих в живых остался один я. Через час меня доставили на командный пункт, а оттуда - в медсанбат.

Более двух недель пролежал я на койке в теплой палате медсанбата, разместившегося в одном из домов Ораниенбаума. Военврач второго ранга Е. Т. Могилевская поставила такой диагноз: контузия и нервное потрясение...

Когда я выписался из медсанбата, стояла уже зима. Под ногами поскрипывал свежий снег. Приехавший за мной на санях Амитин сообщил, что полк выведен на отдых и будет пополняться. Но прежде чем ехать в штаб полка, мы отправились к командиру дивизии. Генерал Любовцев приказал мне ехать и принимать у Павленко полк.

- Составьте план учебы без промедления, как только получите пополнение: долго полк отдыхать не будет, - предупредил он напоследок.

От Любовцева я узнал, что наша дивизия переименована. Теперь ее номер восемьдесят пять, и она считается кадровой.

2

Наш новый комиссар старший политрук Алексеев, секретарь партбюро Амитин и начальник штаба Павленко во всем помогали мне. Кадровый статут дивизии был встречен с одобрением. Воины увидели в этом признание их боевых заслуг, того, что ополченцы научились бить врага не хуже, чем давно сформированные, сложившиеся и обученные соединения.

Вскоре дивизию вывели во второй эшелон и укомплектовали в соответствии с новым штатным расписанием. И все же основной ее костяк по-прежнему составляли ветераны-ополченцы, прошедшие трехмесячную боевую закалку. Наш стрелковый полк теперь числился под номером 103. Так же как и другие части дивизии, мы получили пополнение.

Сначала пришла рота политбойцов, состоявшая в основном из интеллигенции - инженеров, учителей школ, преподавателей вузов, юристов, работников советских учреждений и даже ученых, в том числе кандидатов и докторов технических наук, историков.

Часть из них оставили на штабной работе и назначили политруками рот. Кое-кого послали в хозяйственный взвод и во взвод связи. Правда, в штабе и политотделе дивизии нам за это сделали внушение, даже попытались принудить нас составить из присланных специальную стрелковую роту. Но мы отстояли свое

решение - и оказались правы: вскоре штаб фронта стал срочно отзывать некоторых политбойцов - они понадобились для выполнения более важных заданий. Позже, года через полтора, я встретил в Ленинграде одного из ученых, отозванного командованием фронта. Он сказал, что выполняет задание, имеющее стратегическое значение.

В 8-й армии, удерживавшей Ораниенбаумский пятачок, наша дивизия пробыла недолго. Военные транспорты перебросили нас через Финский залив в Ленинград.

Высадились в Торговой гавани еще до рассвета. Нам предстояло вместе с другими полками и дивизиями готовиться к наступательным боям, чтобы прорвать кольцо блокады, очистив от гитлеровских захватчиков хотя бы одну железнодорожную ветку, связывавшую Ленинград с Большой землей. Затянутое тучами небо было хмуро и неприветливо. Дул холодный, пронизывавший до костей ветер. Каково было в такую погоду поднимать людей, которые прикорнули в складских помещениях гавани, тесно прижавшись друг к другу, но мы не имели права терять время. Да и опасно было оставаться на открытом берегу. Фашисты могли заметить нас и атаковать с воздуха. И вот уже дана команда: "Ма-арш!"

Я пошел с первым батальоном, которым по-прежнему командовал Савкин, обладавший драгоценным для воина качеством - он никогда не терялся и не падал духом. Его оптимизм поднимал настроение бойцов, помогал трезво смотреть на вещи, правильно оценивать обстановку.

Чтобы попасть на Большой проспект, надо было пройти Гаванскую улицу. Она была совершенно пустынной, и, лишь дойдя до самого ее конца, мы увидели, как из дома, сложенного из потемневшего от времени кирпича, вышли двое мужчин и подросток. Ленинградцы... Они поравнялись с нами: как бледны их худые лица! Все трое были в видавших виды ватных фуфайках и таких же брюках. На головах - ушанки, на ногах - обшитые кожей валенки. Чем-то озабоченные, они не проявили к нам никакого интереса. И это нас поразило. В мирное время появление на улицах города воинской части всегда вызывало любопытство. У меня в памяти еще не изгладились дни, когда мы отправлялись на фронт: каждый, кто попадался навстречу, я уже не говорю о знакомых и близких, старался поприветствовать нас, махал рукой. А сейчас, в ранний час ленинградского ноябрьского утра никто не обращал на нас внимания. К военным в городе привыкли. Лишь у Дворцового моста нас остановил патруль коменданта города. Документы проверяли молча. Бросили несколько скупых слов, возвращая мое удостоверение:

- Значит, к нам на подмогу. Это хорошо.

Чем ближе к центру, тем тяжелее становилось на душе.

Полуразрушенные жилые дома. Заколоченные фанерой окна. Истощенные люди, еле переставлявшие опухшие от голода ноги. Кое-где на тротуарах лежали трупы.

Мы знали, что в домах ленинградцев уже не было ни воды, ни электричества, ни тепла. Из форточек торчали трубы железных печек-"буржуек". Вскипятить чашку принесенной из Невы воды или сварить похлебку было проблемой. Поднявшийся ветер гнал дым обратно в комнату, вызывая у людей удушливый кашель и слезы...

А ежедневные обстрелы!.. Фашисты по нескольку раз в день обрушивали на город десятки и сотни крупнокалиберных снарядов. Стреляли не столько по военным объектам, сколько по жилым кварталам. Не оставляла ленинградцев в покое и фашистская авиация. Размеренный стук метронома - радио не выключалось - то и дело прерывался тревожным завыванием сирены, и голос диктора оповещал: "Воздушная тревога!"

Мы достигли Дворцовой площади и стали выходить на главную городскую магистраль - на Невский, и у меня стеснило сердце. Вот он, знаменитый, всемирно известный проспект! Когда-то величественный, шумный и многоголосый, сверкавший по вечерам рекламами и электрическими фонарями, сейчас он был пустынным, застывшим. Невский был похож на гигантский высохший канал.

Бездействовали Гостиный двор и Пассаж, гастрономы и множество других магазинов, которыми так богат Невский. Закрылись рестораны и столовые, ювелирные магазины и кинотеатры. Пустовал Дворец пионеров, расположенный в бывшем Аничковом дворце. Осиротевшим выглядел Аничков мост, лишившийся своей красы - вздыбленных чугунных коней: ленинградцы сняли и укрыли в земле бесценные творения Клодта. Остались на месте памятники Екатерине Второй, фельдмаршалу Михаилу Кутузову и князю Барклаю-де-Толли.

Когда колонна изрядно уставших бойцов втянулась в проспект и переходила горбатый мост Мойки, я оглянулся. По-прежнему уходила высоко в небо своей иглой, похожей на меч, Адмиралтейская башня. Как любили ленинградцы в свободные от работы часы пройтись по Невскому, посидеть в уютных, щедро засаженных цветами зеленых скверах и парках! Особенно любила Невский молодежь. По вечерам она стекалась сюда со всех районов города, так же как на набережную Невы и на Кировские острова, допоздна проспект звенел молодыми голосами, веселым смехом, шутками. Любил прогуливаться по Невскому в юные годы

и я. Для меня и моих товарищей он был местом свиданий, товарищеских споров и диспутов.

Не доходя до Московского вокзала, батальон сделал привал на Пушкинской улице, в сквере, где стоял памятник великому русскому поэту. Выбрали это место потому, что тут было где рассредоточиться при воздушной тревоге. А меня оно привлекло еще и тем, что совсем рядом, через два дома, жила сестра. Как было не воспользоваться, быть может, единственным случаем узнать о своих! Вбежал в подъезд и принялся стучать в дверь. Послышались неторопливые шаги.

К моему появлению сестра отнеслась совершенно спокойно. На ее истощенном лице я не заметил ни радости, ни удивления. Она повела меня в комнату. В центре ее стояла железная печь, труба которой тянулась к окну. Растерянный, не ожидавший такой безразличной встречи, я не сразу заметил мать; она лежала на старом диване, почти с головой укутанная в теплое одеяло. Это еще больше поразило меня - я был убежден, что она осталась в оккупированной Луге, где жила до войны. Мать лежала недвижимо. И даже увидев меня, не шевельнулась. Не хватило сил. На меня лишь смотрели добрые ее глаза, из них по впалым щекам катились слезы.

- Умираю, сынок, - прошептала мать. А слезы все текли и текли.

У меня сдавило горло. Чтобы не расплакаться, я еще крепче прижал к себе мать и стал гладить ее седые волосы.

- Как тебе удалось уехать из Луги?

Мать не ответила на этот вопрос. Заговорила совсем о другом:

- Ноги не слушаются, отяжелели... Не встать мне больше, сынок...

Несколько недель спустя сестра сообщила, что мать скончалась в больнице, и я поехал проститься. Сколько я стоял перед застывшим телом матери, не помню. Как она заботилась о нас, детях! А было нас пятеро братьев и четыре сестры. И мать всегда успевала накормить, обшить и обстирать всех. Малограмотная женщина, с загрубелыми от неустанного труда руками, она обладала добрым, отзывчивым сердцем, способностью вовремя сказать нужное слово, мягко приструнить, когда кто-то из нас делал глупости или плохо вел себя, подбодрить, когда у тебя что-то не ладилось. Мы любили ее, оберегали, как могли, помогали в ее трудном деле - хозяйки, всегда занятой до поздней ночи...

Кто-то из служителей больницы подошел и тронул меня за рукав: "Пора". Я очнулся и в последний раз поцеловал исхудавшее

до неузнаваемости лицо матери...

- Мама была похоронена, - рассказывала потом сестра Зина, - как и другие умершие от дистрофии ленинградцы: завернули в старенькое одеяло и на салазках отвезли на Волковское кладбище.

И по сей день никто из нас, ее детей, оставшихся после войны в живых, не смог отыскать ее могилу.

Вскоре до меня дошло еще одно, не менее скорбное известие. По доносу предателя фашисты расстреляли в Стругах Красных моего старшего брата, Николая. Ему было предъявлено единственное обвинение - принадлежность к Коммунистической партии. Хотя формально брат в партии не состоял, ни на допросах, ни перед расстрелом он не стал рассеивать заблуждение врагов видимо, гордился тем, что его признали коммунистом. Таковым он и был по своим убеждениям.

3

От Пушкинской улицы, мимо Московского вокзала и по площади Александра Невского, а затем вдоль Невы по проспекту Обуховской обороны и до Щемиловки, где был назначен пункт сбора и большого привала, полк шел медленно, с трудом. Казалось, усталых людей в военных шинелях несет каким-то слабым течением к обрыву, с которого потом сбросит в бурно кипящий котел. Фактически так оно и было. Рубеж от Ижорского завода до Невы был похож на котел, где чудовищная машина войны перемалывала полки и дивизии. Заняв удобные позиции и сосредоточив большие силы, хорошо вооруженные гитлеровцы почти в упор стреляли в наступавших советских бойцов, предпринимавших попытки прорвать кольцо вражеской блокады, очистить от неприятеля хотя бы тот "коридор", по которому проходила спасительная железная дорога, чтобы можно было вывозить истощенных жителей города и доставлять в Ленинград продовольствие, оружие, боеприпасы...

Шли мы вдоль Невы вымотавшиеся, озабоченные. Мысленно я спрашивал сам себя: "Хватит ли сил, чтобы выстоять? Придет ли помощь, а если придет, то когда? Или нам самим надо разрывать железное кольцо врага? Судя по всему, рассуждал я, - на большую помощь в ближайшее время рассчитывать не приходится. Ведь трудно всюду. Москве тоже грозит опасность. Фашистские полчища забираются все дальше и дальше в глубь страны..." И все-таки где-то в душе теплилась надежда. Ведь сумели же наши войска недавно освободить Тихвин!

А люди в Ленинграде умирали и умирали. В сентябре и октябре было еще терпимо, а с ноября голод цепко брал за горло почти каждого. В обиход ленинградцев вошло страшное слово

"дистрофия", от которой люди гибли, точно от чумы. Тогда мы не знали числа умерших от этой болезни, но теперь знаем: после войны цифры были опубликованы. Больно их называть. В ноябре сорок первого года умерло одиннадцать тысяч восемьдесят пять человек, в декабре пятьдесят два тысячи восемьсот восемьдесят один, а в январе и феврале сорок второго года - сто девяносто девять тысяч сто восемьдесят семь человек. В ноябре в день умирало примерно триста семьдесят человек, в декабре - тысяча семьсот шестьдесят два, а в январе и феврале сорок второго года - по нескольку тысяч...

Понимают ли серьезность положения бойцы, с которыми мы идем на такое ответственное дело? И взгляд мой упал на политрука первой роты Евгения Васильевича Богданова, который шел, чуть опередив меня, так глубоко погруженный в свои мысли, что, когда я его окликнул, он вздрогнул.

До войны Богданов был парторгом на кожевенном заводе "Скорохода". Вот я и решил поговорить с ним о настроении бойцов в роте: каково их душевное состояние?

Мой вопрос не застал Богданова врасплох. Но ответ был лаконичен и неутешителен:

- Состояние угнетенное.

- А у вас самого какое?

- Сейчас трудно, а будет еще труднее. Надо выдержать.

- Ваше мнение разделяют все в роте?

- Нет. Рота пополнилась в Ораниенбауме. Есть люди, которые открыто говорят, что наши попытки прорвать блокаду ни к чему не приведут.

- Им возражает кто-нибудь в роте, кроме вас?

- Никишин заявил: "Если суждено умереть, то лучше умереть героем".

- Вы не пробовали поговорить с народом?

- Думаю это сделать по прибытии в Понтонную.

Разговор с Богдановым несколько успокоил меня: молодой политрук был откровенен, тверд, вел себя разумно. Когда пришли на станцию Понтонная, я поговорил с комиссаром полка Алексеевым и попросил обратить внимание на пополнение, прикрепив к каждому из них коммуниста.

Когда полк поздним вечером дошел до Щемиловки, чтобы отсюда начать заключительную часть марша, в городе завыла сирена: воздушная тревога! По темному небу заскользили лучи прожекторов. Застучали зенитки. А с юга нарастал гул моторов вражеских бомбардировщиков. Где-то в городе начали рваться сброшенные фашистами бомбы.

- Ва-ар-ва-ры! - выкрикнул кто-то из бойцов.

Да, сбрасывать бомбы на мирное население, разрушать город, снискавший всемирную славу, могли только каннибалы XX века - фашисты.

4

На станцию Понтонная полк прибыл глубокой ночью. К счастью, разместили нас в большом теплом кирпичном доме. В этом же доме временно поселился и политотдел дивизии, куда я и направился, намереваясь узнать, где находится штаб дивизии. Здесь я застал начальника политотдела, батальонного комиссара И. Е. Ипатова и уже устроившихся кто как мог секретаря партийной комиссии Г. Тернового, инструкторов Г. Смыкунова, А. Тихвинского, И. Мирлина, М. Страхова.

- Садись, пока не остыл чай и есть сахар, - немного окая на уральский манер, пригласил меня Ипатов, - а искать штаб дивизии сейчас не советую. Тут пока неразбериха, к тому же чертовски темно.

Иван Евграфович Ипатов к нам в дивизию прибыл с Ленинских партийных курсов, которые были открыты в Ленинграде незадолго до начала войны. Как сугубо штатский человек, был прост в обращении, не любил чинопочитании. Поэтому разговаривать с ним было легко. Я откровенно рассказал ему о трудном для душевного состояния бойцов переходе через Ленинград, о настроениях в полку, о пополнении.

От Ипатова узнал, что наш полк займет позиции во втором эшелоне, в бой вступит лишь после тщательной подготовки. Затем я лег на пол, подложил под голову полевую сумку и шапку-ушанку и сразу же уснул.

Первые дни пребывания на Понтонной были заполнены всевозможными заботами и хлопотами. Не так-то просто обосноваться на новом месте и разобраться в обстановке. Всякие мелкие и не мелкие вопросы, связанные с подготовкой к бою, не могли заглушить той тревоги, той душевной боли, которую испытывал каждый из нас под впечатлением всего происходящего в Ленинграде.

Вместе с болью росла и ненависть к фашистам.

Не могу не рассказать об одном эпизоде, который потряс всех, кто узнал о нем. Как-то в холодный зимний день, часов в двенадцать, пришел в штаб нашего полка только что побывавший за спирто-водочным заводом, где дислоцировался наш второй батальон, инструктор политотдела Г. П. Смыкунов. Пришел страшно расстроенный и злой. Он весь негодовал. Я уже подумал, что в батальоне случилось ЧП. Но причина была иной.

- Какие изверги эти фашисты! - возмущался Смыкунов. - Только подумай, что они делают! На поле за заводом, видимо,

осенью не выкопали картошку. Сейчас она лежит в мерзлой земле под толстым слоем снега. Уже несколько ночей на это поле ходят женщины и дети с Понтонной. А сегодня женщины вышли утром. Фашисты тут же открыли артиллерийский огонь. Женщины заметались между разрывами, а потом побежали. Но какие из них бегуньи! Они едва переставляют ноги. И, конечно, тут же были настигнуты. Я видел, как вместе с землей взлетали в воздух разорванные их тела. Погибли все. Никто не уцелел.

За все свои зверства фашисты заплатят нам! Мы их заставим заплатить! продолжал возмущаться Георгий Петрович.

Передышка в Понтонной была короткой. Не успел я следующим утром побриться, как вызвали к командиру дивизии.

Генерал-майор Любовцев и его заместитель по политчасти старший батальонный комиссар Смирнов поселились в большой землянке, сооруженной на откосе глубокого оврага, замаскированной и хорошо оборудованной внутри. Она была оклеена обоями и походила на городскую квартиру.

"Недурно устроились, - подумал я, когда вошел в отсек, служивший приемной, где находился адъютант комдива, его шофер и телефонисты. Обосновались, видимо, надолго. Тут можно и перезимовать".

Генерал не стал слушать мой доклад о передислокации. Указал на карте место и пояснил:

- Здесь сосредоточивается второй эшелон. Ваш полк получит дополнительное подкрепление, и сразу же приступайте к занятиям. На подготовку даю неделю.

И тут же комдив приказал выделить тридцать опытных бойцов в распоряжение командира 59-го полка Краснокутского, который включен в ударную группу прорыва.

За пять месяцев войны это был третий командир дивизии. Первый командовал нами недолго. Незаметно промелькнул и второй. А вот третий, генерал-майор Любовцев, командует дивизией с сентября, и командует хорошо. Правда, о нем почему-то сложилось мнение как о командире-неудачнике - мол, ни одного крупного боя дивизия при нем не выиграла. Да и 8-я армия, которой он командовал до прихода к нам, особых успехов не добилась. "А кто в первые месяцы войны выигрывал сражения?" - спрашивали более трезвые люди.

Давать оценку командиру - значит, в какой-то мере оценивать и действия соединения или части, которой он командует. Дивизия вела тяжелые бои. Во всех этих боях роль генерал-майора Любовцева была ощутимой. Он терпеливо передавал свой опыт молодым кадрам, учил их методам современного боя.

Помнится, еще на Ораниенбаумском пятачке, вскоре после

того как страна отметила 24-летнюю годовщину Октября, поздним темным вечером он собрал нас, командиров полков, и наших заместителей по политчасти. Мы шли к нему с чувством некоторой вины и тревоги, ибо никто из нас не выполнил за последние дни его приказа по расширению плацдарма. Но Илья Михайлович настроен был миролюбиво. Встретил он нас так, как будто пришли мы к нему не с докладом, а в гости. Он вышел из-за своего небольшого рабочего столика и каждому из нас пожал руку. Тут же предложил располагаться, кто как может.

Поинтересовавшись, кого мы оставили в полках за себя, Любовцев встал, осмотрел каждого из нас, как бы спрашивая, о чем мы думаем, и неторопливо повел разговор:

- На днях начальник политотдела дивизии Ипатов мне доложил, что в некоторых подразделениях среди нового пополнения раздаются голоса, что якобы наша дивизия драпанула с Лужского рубежа без особого сопротивления и теперь, прижатая к Финскому заливу, не знает, как удержать плацдарм.

Произнеся эти слова, он умолк и снова обвел нас своим пристальным взглядом. Сказанное комдивом не было для нас новостью. Такие разговоры среди новичков ходили. Поэтому мы с напряжением ожидали, что же по этому поводу скажет командир дивизии, мнением которого мы дорожили.

- Мне нет нужды вам доказывать, что это не так, потому что вы не хуже меня знаете, как сражалась дивизия и каждый ее полк на Лужском рубеже, а затем, под натиском превосходящих сил врага вела упорные оборонительные бои во время отступления. Действиями нашей дивизии в штабах армии и фронта довольны. Она не только справилась с возложенной на нее задачей, но и сохранила свою боеспособность.

После этих слов мы вздохнули с облегчением. Кто-то даже бросил реплику: "Мы пресекаем эти демобилизующие разговоры".

Любовцев не любил, когда его перебивали. Однако замечания на этот раз не сделал. Он продолжал развивать свою мысль спокойно, уверенный в своей правоте.

- Наша дивизия, - говорил он, - прошла за свою короткую историю три славных этапа. Первый - в районе села Ивановского, второй - от села Ивановского до деревни Большие Корчаны, третий - между Большими Корчанами и Ораниенбаумом.

Мы внимательно слушали комдива. То ли не было у нас времени для размышления, то ли не хватало опыта и знаний, чтобы оценить и обобщить действия дивизии так, как это сделал комдив.

Мы, конечно, понимали, что каждое подразделение дивизии без боя не сдало ни одной позиции, что каждый воин бьется с

врагом в полную меру своих сил. Но теперь, слушая своего командира, я, как и все присутствующие, смотрел на проведенные за три с лишним месяца бои иными глазами - наши жертвы были не напрасными.

Бои в районе села Ивановское - это первое боевое крещение только что созданной дивизии. Без героизма, без самопожертвования ополченцев, видимо, не удалось бы задержать дальнейшее продвижение вражеской пехоты и танковых соединений, помешать им выйти к Приморью.

- Этот участок, где героически сражалась дивизия, - отметил генерал Любовцев, - войдет в историю боев под Ленинградом яркой страницей. Маршал Ворошилов, когда я принял дивизию, сказал мне, что благодаря стойкости ополченцев Московского района наша 8-я армия избежала окружения, выйдя из Эстонии без ощутимых потерь.

Второй этап, который длился два месяца, отличался от первого подвижной обороной. Противник превосходящими силами, опьяненный угаром своих успехов, напирал на нашу дивизию, стремясь расчленить ее, а потом по частям пленить или уничтожить. Но это фашистам не удалось. Дивизия отходила с упорными боями, маневрируя, порой переходя в контратаки. Пока отходил один полк, другой держал оборону. И так до самого Ораниенбаума. Скорость продвижения фашистских войск в результате сопротивления частей нашей дивизии не превысила в среднем двух километров в сутки.

Очень большую роль в этих боях сыграли артиллерийские подразделения. Они стреляли по противнику, как правило, прямой наводкой, поражая не только живую силу, но и технику, особенно танки.

Этот этап боев требовал большого искусства всех звеньев, ибо надо было уметь маневрировать и взаимодействовать, чтобы отступление не превращалось в бегство. Организованность, собранность и величайшая стойкость - вот те качества, которые проявили наши бойцы в этот критический момент. И это понятно. Одно дело, когда сидишь в окопах, занимая неподвижную оборону. Тут главное - ни шагу назад. "Стоять насмерть" - приказывали командиры. Другое дело при отступлении, в постоянном движении, когда в лучшем случае удается закрепиться и держать оборону два-три дня, а потом снова менять позицию, строить временные укрепления.

Одним из таких участков, где удалось задержаться на несколько дней, несмотря на сильное давление врага, был район у деревни Большие Корчаны, который переходил из рук в руки несколько раз. Здесь пришлось водить бойцов в бой не только

командирам батальонов и полков, но и самому командиру дивизии. На этом участке впервые сажали ополченцев на танки и переходили в контратаки, возвращая отбитые врагом позиции.

Рассказав все это, комдив объявил перекур.

- Теперь, - сказал Илья Михайлович, когда мы вернулись в его землянку, - мы во что бы то ни стало должны удержать Ораниенбаумский пятачок. Отступать дальше некуда. Сил у нас осталось немного. Недостает и боеприпасов. Придется маневрировать теми силами, которыми располагаем. Чаще менять позиции, делать вид, что у нас сплошной фронт, на стыках полков держать небольшие подразделения. Там надо немедленно соорудить долговременные доты.

Все это я вспомнил сейчас, слушая наставления И. М. Любовцева, зная, что здесь, вблизи Усть-Тосно, нам будет не легче, чем в районе Ораниенбаума, а, пожалуй, труднее, так как на подготовку к прорыву блокады дается всего лишь 8-10 дней, к тому же лучших людей надо было отдать в ударный полк...

Когда комдив закончил инструктаж и спросил меня, все ли мне понятно, я торопливо ответил "да" и попросил разрешение приступить к исполнению.

Моя поспешность вызвала у него улыбку.

- Не спешите. Послушайте теперь моего заместителя.

Заместитель по политчасти, которого мы по старой привычке называли комиссаром, пришел в дивизию почти одновременно с командиром. Если Илья Михайлович Любовцев был маленького роста и быстр в движениях, то Иван Иванович Смирнов имел фигуру плотную, был высокого роста и производил впечатление человека медлительного, всегда спокойного. На лице у него сохранился глубокий шрам - след ранения, полученного не то во время войны с белофиннами в 1940 году, не то в боях с самураями у озера Хасан.

- Положение в Ленинграде вам, конечно, хорошо известно, - начал он медленно, внимательно разглядывая меня. - Люди гибнут не столько от обстрелов и воздушных налетов, сколько от голода. Если мы в ближайшие дни не очистим железную дорогу, норма хлеба и других продуктов снова будет урезана, в том числе и в армии. Следовательно, у нас только один выход - прорвать блокаду, отбросить противника на юг. Выполнить эту задачу мы можем, лишь приложив величайшие усилия. От всех нас требуется исключительная выдержка, воля и готовность к самопожертвованию. Сделайте все, чтобы это понял каждый командир и боец вашего полка.

5

Не успели мы разместиться на новом месте, как в полк

прибыли два корреспондента "Ленинградской правды" - Всеволод Кочетов и Михаил Михалев, которых я знал еще до войны, когда Кочетов был собственным корреспондентом областной газеты по Пскову, а Михалев заведовал корреспондентским пунктом в "Легкой индустрии". Знал я их как смелых, квалифицированных, вездесущих журналистов. Появление их на самом переднем крае, причем на "жарком" участке, меня не удивило. К тому же и обрадовало, потому что от них многое можно было узнать.

Внешне Кочетов и Михалев выглядели плохо - они были скорее похожи не на корреспондентов, а на сбившихся с дороги путников, потерявших надежду найти свой дом. У них, видимо, как и у всех ленинградцев, началась дистрофия, характерным признаком которой были скованность движений и бледность кожи, похожей на пергамент. Шинели на их полусогнутых спинах висели, а животы были туго затянуты ремнями.

Начпрод полка Я. Дворян накормил гостей горячим мясным супом. Это приободрило их, придало энергии, хватившей на длинный разговор. От них мы узнали, что горком партии и исполком Ленсовета делают многое. Только что были открыты при столовых, в заселенных жилых домах и на некоторых улицах пункты кипяченой воды. Люди страдали не только от холода и голода, но и от отсутствия кипяченой, горячей воды. На действующих предприятиях создаются органами здравоохранения стационарные профилактории, а силами комсомола бытовые отряды для оказания помощи ослабевшим людям.

Потом наступила наша очередь с Алексеевым рассказывать о прошедших боях, об отличившихся воинах, трудностях и лишениях, которые героически переносили защитники Ленинграда. Кочетов и Михалев уговорили меня написать для газеты "Ленинградская правда" статью, которую я им и вручил через два дня, к моменту их отъезда. Эта статья вскоре была напечатана под названием "Школа войны", в ней говорилось о том, как мы учились воевать, преодолевать страх, воспитывать выдержку и волю к победе.

Журналисты - люди дотошные, умеющие наизнанку вывернуть душу. Разговор с ними настолько взбудоражил, что я долго не мог успокоиться. Думал о том, какое труднее, поистине нечеловеческое испытание выпало на долю ленинградцев. Какую выносливость, какую силу духа надо иметь, чтобы так стойко переносить все ужасы осады многомиллионного города.

Мне часто приходилось бывать в Ленинграде, ходить по затемненным ночным улицам, покрытым толстым слоем снега и льда, укрываться во время воздушных тревог в бомбоубежищах... Я видел, как наиболее слабые и больные не выдерживали режима

блокады - эвакуировались или умирали, а те, которые были выносливее и покрепче, те, которые сумели сохранить хотя бы часть сил и энергии, постепенно привыкли к трудной, требующей большой физической выносливости и силы воли обстановке. Эти люди работали у станков или выполняли иные задания, связанные с обороной, постепенно мужали и мало чем отличались от воинов.

Многие ленинградские предприятия в обстановке постоянных обстрелов и бомбежек работали круглые сутки, снабжая фронт оружием, боеприпасами и снаряжением. Причем без всяких промежуточных инстанций. Действовал один принцип: завод - фронт. Представители армии приезжали непосредственно в цеха заводов и фабрик, где получали оружие, снаряды и новую технику.

Взаимодействие фронта и тыла проявлялось во всем. На место мужчин, ушедших на фронт, к станкам встали их жены и дети. И что удивительно - новые для себя профессии они осваивали в предельно короткие сроки. Причем многие из них переселились жить в общежития, организованные на предприятиях. Так было удобнее. Экономили силы. К тому же в общежитии, если ослабнешь или заболеешь, есть товарищи: не оставят в беде.

В эти дни на берега Невы пришла радостная весть - наши войска перешли в контрнаступление под Москвой. Гитлеровские вояки, понеся большие потери в живой силе и технике, были отброшены от столицы нашей Родины на десятки километров.

Тут же во всех подразделениях нашего полка состоялись политинформации. Разъясняя сводку Совинформбюро, мы старались воодушевить своих бойцов и командиров, рассказать о взаимодействии родов войск в зимних условиях, призывали к отваге в предстоящих боях, к которым мы настойчиво готовились.

6

Предстояла повторная операция по овладению Усть-Тосно с последующим выходом на станцию Мга. Тогда была бы освобождена Кировская железная дорога, связывающая Ленинград со страной. Такие попытки были предприняты в октябре и начале ноября, но успеха не имели.

Повторная усть-тосненская операция была назначена на вторую половину декабря. С этой целью и была переброшена сюда наша дивизия.

Штурм вражеских позиций силами ударной группы начался 20 декабря с артиллерийской подготовки. Мы были убеждены в успехе. Однако выбить противника с занятых позиций не удалось. Группа бойцов нашего полка, выделенная в ударную группу, с

задания не вернулась. Погибла.

После неудачи наступило состояние психологической депрессии. Но гнетущая обстановка вскоре была разряжена приятной вестью. Через Ладожское озеро проложена протяженностью в 140 километров ледовая дорога, по которой началась эвакуация населения Ленинграда и усиленный подвоз продуктов. Результаты этого сразу же дали себя знать. Через несколько дней в Ленинграде была увеличена норма хлеба и некоторых других продуктов питания. Рабочим и инженерно-техническим работникам норма хлеба увеличивалась на 100 граммов, служащим, иждивенцам и детям - на 75. Теперь рабочие стали получать 350 граммов, а служащие и иждивенцы - 200.

"Дорога жизни", конечно, не сняла с повестки дня задачу по освобождению Кировской железной дороги. Командование фронтом продолжало готовить части и подразделения к штурму Усть-Тосно. Подошла и наша очередь.

Наш сто третий полк, получив пополнение, готовился к наступлению в условиях, приближенных к боевым. На занятия выходили почти все три тысячи бойцов и командиров, приписанных к полку. Освобождались лишь больные.

В один из декабрьских дней к нам прибыл командир дивизии Любовцев. Перед полком была поставлена задача: занять исходные позиции в противотанковом рву за большим полуразрушенным кирпичным зданием "Спиртстроя" в километре от Усть-Тосно и рано утром, под прикрытием артиллерийского огня, начать атаку. Наступать предстояло на узком участке шириной в 300-400 метров несколькими эшелонами. Эффект атаки во многом зависел от быстроты действий.

В канун наступления я отправился с командирами батальонов на рекогносцировку. Участок, который нам предстояло преодолеть, был болотистый, покрытый замерзшим мхом, мелким кустарником и низенькими соснами, подстриженными пулями, снарядными и минными осколками. Он хорошо просматривался и простреливался противником. Обороняла его 86-я дивизия, но ее бойцов мы не видели. Стоял тридцатиградусный мороз, и они укрылись в нишах траншей, в землянках и дзотах.

В эту ночь никто из нас не спал. Ее нам хватило лишь для того, чтобы занять исходные позиции в упомянутом рву за "Спиртстроем", который тянулся от Невы до железной дороги, а также для того, чтобы вырыть в нем ниши и подготовить людей к атаке.

Она началась ровно в девять часов. С криками "Ура!", "Вперед, за Родину!" первой выскочила изо рва девятая рота, за ней с

небольшим интервалом восьмая... И так одна за другой все девять основных боевых подразделений полка. Я с заместителем по политчасти Алексеевым занял место на правом фланге, у железной дороги, начальник штаба Павленко и парторг полка Амитин - на левом, ближе к Неве.

Начало атаки, поддерживаемое артиллерийским огнем, развивалось успешно. За полчаса мы преодолели половину дистанции, отделявшей нас от противника. Расстояние между цепями рот не превышало десяти-пятнадцати метров. Поэтому колонна наступающих, вытянувшаяся по фронту примерно на триста-четыреста, а в глубину - на сто метров, выглядела внушительно и грозно. Трехтысячная масса вооруженных людей могла, как нам казалось, сокрушить оборону врага и выйти на заветный противоположный берег Усть-Тосно. Все бойцы и командиры полка были настроены решительно и воинственно.

Фашисты долгое время молчали. Пока мы не достигли середины разделявшего нас расстояния, они не сделали ни единого выстрела. Когда же полк оказался в низине, в центре болота, со страшным воем посыпались на наши головы снаряды. Фашисты открыли огонь из поселка Красный Бор, который находился невдалеке от нас, справа, на возвышенности, откуда хорошо просматривалось наше движение. Стреляли фашисты с ожесточением, одновременно из нескольких батарей.

Под огнем оказались все девять рот. Там, где только что находились бойцы, вздыбились черные столбы земли, всю местность заволокло огнем и дымом, как на пожаре. Над болотом, по которому прошел артиллерийский ураган, стоял сплошной грохот. Крики командиров и вопли раненых были еле слышны в раскатистом гуле взрывов.

Все это произошло так мгновенно, что в первые минуты ничего нельзя было понять. Что делать? Собрать уцелевших и повести их на штурм вражеских укреплений? В создавшихся условиях сразу собрать людей не так-то просто. Не успеешь собрать людей, как фашисты снова накроют артиллерийским огнем, ведь мы у них на виду. К тому же значительная часть командиров, в том числе и мой заместитель по политчасти Алексеев, выбыли из строя. Нарушилась телефонная связь. Управлять дальнейшим боем можно было только через связных, но их у меня - по одному от батальона.

К двенадцати часам дня бой затих. Не прекращали своего труда лишь санитары и дружинницы, выносившие раненых и убитых.

- Плохи дела, - не то спросил, не то констатировал Г. Смыкунов, присланный политотделом взамен раненого

Алексеева.

- Очень.

- Не отчаивайся. У Краснокутского было еще хуже.

- Разве легче от того, что у кого-то "хуже"? Ведь на нас так надеялись!

Смыкунов не стал больше ни возражать, ни успокаивать. Он вынул из кармана новенького полушубка флягу с водкой. Но я пить не стал - до водки ли в такой момент?

Короткий декабрьский день уже кончался. Надо было самому отправляться в батальоны и лично во всем разобраться.

Не успел я все это изложить Смыкунову и разделить с ним "сферы деятельности", как из штаба дивизии прибыл капитан Трофимов; он тяжело дышал, видимо, очень спешил. Трофимов торопливо передал устный приказ комдива: ночью сменить на переднем крае обороны полк 86-й дивизии, который с наступлением темноты начнет сниматься. И второй приказ - немедленно приступить к созданию штурмовых групп. Они должны начать действовать уже на следующие сутки. Приказано снабдить их гранатами, ручными пулеметами и трофейными автоматами.

- А как же с людьми? - вырвалось у меня. - Они еще где-то там. Сначала надо их собрать, накормить и...

- Сначала, - перебил представитель штаба дивизии, - надо пойти к командиру сменяемого полка и принять по акту огневые позиции. Его землянка недалеко. Он ждет нас. Со мной пришел и его связной.

- Георгий Петрович, - обратился я к Смыкунову, - найди Павленко и с ним иди в батальоны. Меня ищите здесь. Вернусь чеса через два. Тогда и обсудим, как и что дальше делать...

Вскоре на мою пятиверстку была нанесена позиция обороны, которую должен занять ночью полк. Выйдя на передний край, я увидел закованное льдом устье небольшой реки. На ее поверхности, точно заплаты, расплылась и замерзла в местах пробоин вода. На противоположном берегу, который был намного выше нашего, виднелись силуэты вражеских оборонительных сооружений.

Вернулся на командный пункт, временно оборудованный под железнодорожной насыпью, поздно вечером. Меня уже поджидали здесь Смыкунов с Павленко. Мы обсудили план действий, на скорую руку поужинали, и я пошел в первый батальон. Со мной отправился и Смыкунов. Он не любил сидеть в землянке.

Комбата Савкина мы застали лежащим на нарах в низкой холодной землянке, слабо освещенной где-то добытым фонарем. Голова и правая ключица были у него перевязаны. Из марли

сочилась кровь. Лицо бледное, глаза воспаленные. Чувствовалось, что он сильно устал и измучен. И все же отважный комбат продолжал отдавать распоряжения. Даже попытался встать, когда мы пришли.

- Не беспокойся, лежи, - сказал я ему, устроившись рядом с ним на краешек нар. - Сейчас тебя отвезут в медсанбат.

- Не надо, - взмолился Савкин. - Рана чепуховая. Скоро заживет.

- Заживет, только не здесь, - поддержал меня Смыкунов.

- Кто тебя может заменить? - спросил я, не обращая внимания на его просьбы оставить в батальоне.

- Политрук Богданов. Больше никого нет. К тому же он, действительно, потянет.

- Вот это деловой разговор, - перейдя на полушутливый тон, похвалил я его. - А теперь помолчи.

Но Савкин не мог молчать. Он еще жил дневными событиями.

- Как же так, товарищ командир, - тихо спросил Савкин, - взяли да и подставили свои бока?

- Об этом потом. Тебе говорить нельзя, - ответил ему Смыкунов. - Фрицам тоже досталось. Наша артиллерия вспахала их передовую, хоть засевай горохом. Не зря они приутихли.

Действительно, гитлеровцы приутихли почти сразу, как наше движение застопорилось. Лишь изредка они обстреливали передний край из минометов. Видимо, для острастки.

Привести в боевую готовность полк удалось лишь в течение суток. Люди остро переживали неудачу, и мне не легко было управлять ими в эти дни.

Вновь не выдержали нервы у начальника штаба Павленко. В следующую ночь он со связным, взяв несколько противотанковых гранат и никому не сказав о своем намерении, пополз по льду Усть-Тосно к переднему краю врага. Там, конечно, его заметили и открыли огонь...

Связной приволок Павленко на своей шубе с простреленным животом. Капитан еще дышал, но был без сознания. На следующий день мы его похоронили на берегу Невы. На небольшом холмике промерзшей земли установили столбик и прибили к нему кусок фанеры, на котором химическим карандашом крупно написали: "Здесь похоронен славный сын Отечества, капитан Г. Г. Павленко, отдавший свою жизнь за спасение любимой Родины. Вечная слава тебе, наш дорогой товарищ!"

В эти дни случилось еще одно чрезвычайное происшествие. Пришел как-то ко мне лейтенант С. А. Качан, недавно назначенный заместителем начальника штаба полка, и сообщил,

что в небольшом деревянном домике, затерявшемся среди елей и сосен недалеко от "Спиртстроя" и случайно сохранившемся, вот уже вторые сутки укрывается группа бойцов.

В тот же день я отправился туда с секретарем партбюро полка С. Б. Амитиным, взяв только своих связных. Информация Качана оказалась правильной. В домике мы застали всю эту компанию. Открыли они нам дверь не сразу. Пришлось пригрозить. Их главарем оказался командир взвода из третьего батальона лейтенант Н.

- Что вы здесь делаете? - спросил я, как только они нас впустили.

Тягостное молчание. Пришлось повторить вопрос. Лейтенант Н. стал сбивчиво объяснять, что от их роты остались в живых только они, а сюда, в дом, попали случайно, после боя, и вот задержались...

- Почему не сообщили о себе и не вернулись в свой батальон, который занимает оборону на левом фланге полка?

Опять молчание.

- Что же с вами делать? Ведь вы дезертировали с передовой.

Слово "дезертировали" их, видимо, испугало. Им, конечно, было известно, как поступают с подобного рода людьми на фронте.

- Товарищ командир, - снова заговорил лейтенант Н., - наш поступок достоин самого строгого осуждения. Сначала нам захотелось выспаться здесь в тепле. Когда отдохнули, выпили и захмелели. А потом уже не хватило мужества прийти с повинной.

- Думаю, - после паузы предложил Амитин, - что их надо отправить в свой батальон. Пусть командир батальона решит сам, как с ними поступить.

Так мы и сделали.

7

Одну из штурмовых групп, которой предстояло действовать вдоль железнодорожного полотна, укомплектованную из электросиловцев и скороходовцев, вызвался возглавить исполняющий обязанности командира первого батальона политрук Е.В. Богданов. В штабе полка эту кандидатуру одобрили: более надежного человека не подыщешь.

В распоряжение Богданова выделили командира лучшего орудия артполка Сергея Фирсова, который по своим боевым качествам и характеру был под стать Богданову. В первых боях на Лужском рубеже в один из критических моментов Фирсов оказался один у своего орудия. Собирать расчет, отпущенный им на полевую кухню, было некогда - фашисты наседали. И Фирсов стал действовать один за всех - сам подносил снаряды, сам

выполнял обязанности правильного, заряжающего и наводчика. Правда, его орудие стреляло реже обычного, но по-прежнему метко. Даже сумел поразить вра(жескую пушку, Сергей Фирсов слыл у нас артиллеристом-снайпером, за полгода боев на его счету было немало уничтоженной вражеской техники и около двухсот пятидесяти солдат и офицеров. За мужество и искусные действия секретарь ЦК партии и член Военного совета фронта А.А. Жданов вручил ему орден Красного Знамени.

Группа Богданова, получив инструктаж, отправилась выполнять приказ поздним вечером. Она скрытно подошла к Усть-Тосно, установила для стрельбы прямой наводкой орудие Фирсова. Так же незаметно переползла по льду реку, проделала проход через проволочное заграждение.

В середине ночи усилился мороз и подул сильный ветер. Началась вьюга. Но бойцов Богданова это не остановило. Они даже обрадовались - вьюга загонит часовых в землянки.

Перед решительным броском, по команде Богданова, группа отдохнула минут десять, по рукам пошла фляга с водкой. Каждый делает затяжной глоток и заедает галетой, предусмотрительно взятой с собой. Короткий отдых и глоток водки успокаивают бойцов, да и вьюга переносится легче.

Теперь наступил наиболее трудный момент - по одному проползти сквозь образованный в проволочном ограждении лаз и спуститься в опустевшую на ночь траншею противника. Бойцы и с этой задачей справились. По-кошачьи, тихо, неслышно, не задев проволоки, они скоро оказались в траншее и разделились на две группы, обойдя с двух сторон большой блиндаж, около которого, несмотря на вьюгу, продолжал ходить часовой.

Тихая команда, и в логово врага летят гранаты. Их разрывы были сигналом и для Фирсова. Пушка давно была наведена им на цель, и снаряды почти одновременно с гранатами один за другим рвутся на переднем крае. Третий выстрел точен. Блиндаж взлетает в воздух.

В немецких землянках и траншеях переполох поднялся. Крики, автоматная перестрелка, грохот от разрывов снарядов и гранат. Длился бой минут пятнадцать-двадцать. Мы со Смыкуновым следили за ним с замиранием сердца.

И вдруг неожиданно все стихло. Что случилось? Строим различные догадки. Потом выяснилось: наши перестали стрелять потому, что на исходе оказались боеприпасы и был убит командир группы, фашисты же - потому, что замолчали наши. Пока фашисты выясняли что к чему, бойцы стали отходить назад, бережно таща труп своего командира. Только тогда, когда группа пересекла Усть-Тосно, враги опомнились и возобновили стрельбу.

Но Фирсов и на этот раз оказался начеку. Выпущенные им несколько снарядов заставили противника замолчать.

В следующую ночь вышли с заданием три штурмовые группы. Эта тактика в тот период была гораздо эффективнее, чем описанная выше атака на Усть-Тосно.

8

Участок обороны, который занимал наш полк, оказался очень трудным и плохо укрепленным. Полноценных дзотов и дотов не было. Соорудить их мешала заболоченная местность. Непрочными были и землянки. Спали мы, как правило, сидя. Подходы к линии обороны хорошо просматривались врагом. Стоило кому-либо показаться из траншеи - и фашисты открывали огонь.

Беспрерывный обстрел позиций, усилившиеся морозы, плохое питание ослабляли боеспособность подразделений. Пришлось об этом доложить комдиву, который для уточнения обстановки послал в полк начальника оперативного отдела штаба дивизии Полянского.

Только он прибыл, как начался массированный минометный налет. Не прошло и десяти минут - мина угодила в нашу перенаселенную землянку, в которой, кроме меня и исполняющего обязанности комиссара полка Смыкунова, находились секретарь парторганизации Амитин, только что прибывший Полянский, капитан Трофимов и два наших связиста.

Мина перебила перекрытие отсека, где сидели телефонисты, и разорвалась. Связистам это стоило жизни, остальные отделались легкой контузией. Естественно, что в этой землянке оставаться было нельзя, и мы поодиночке стали вылезать из нее. Первым выбрался Амитин. Не успел он оказаться в траншее, как рядом с ним разорвалась мина. Его тут же положили на носилки и отправили в медсанбат. Но не донесли. По пути Саул Борисович скончался. Полк лишился отличного партийного работника, я - хорошего товарища, а фабрика "Скороход", где он работал до войны заместителем начальника цеха рантовой обуви, - умного и опытного инженера.

После того как минометный налет прекратился, Полянский отправился осматривать позиции полка.

Командиров и бойцов, как правило, мы заставали в нишах, ходы в которые были занавешены плащ-палатками. В них было темно и холодно, но зато не так опасно. Крышами ниш служили не перекрытия из бревен, а естественный слой земли толщиной в метр и больше.

Почти в каждую такую нишу пришлось заглядывать или влезать, чтобы обнаружить в них людей. С обеспечением

боеприпасами дело обстояло более или менее сносно. Хуже было с телефонной связью. Она была установлена только между командирами батальонов. Во всех других случаях телефон заменяли связные. Такая связь на случай боя не обеспечивала оперативности.

То ли по результатам доклада Полянского, то ли по какой другой причине накануне Нового года наш полк был выведен во второй эшелон. Нас опять разместили в жилых домах Понтонной.

Сразу же встал вопрос о бане.

Теперь кое-кому может показаться наивным это признание, но тогда, в дни блокады, помыться горячей водой было почти несбыточной мечтой. В поселке Понтонная была баня. Но в ней не действовал водопровод; с наступлением морозов трубы полопались. Не действовала и кочегарка. А баня нужна была нам позарез.

Когда казалось, ничего придумать нельзя, ко мне пришел заместитель начальника штаба полка Качан и предложил простой выход. Левый берег Невы, прилегающий к нам, был почти отвесный и высокий, в нем не сложно соорудить и оборудовать помещение таких размеров, в котором одновременно могло мыться по десять-пятнадцать человек. Практичность этого предложения состояла еще и в том, что рядом была невская вода.

К ночи следующих суток баня была готова. Опробование ее было предоставлено командованию полка и, разумеется, Качану с его связным. Мылись мы с ожесточением и упоением, радовались и смеялись, как дети. Хвалили инициаторов. Кто-то шутя предложил представить старшего лейтенанта Качана к правительственной награде.

В ротах в баню готовились как к торжественной церемонии. Душевная угнетенность последних дней сменилась радостным настроением, оживленными разговорами, шутками. Многие стали вспоминать, в каких банях они мылись прежде, как любили париться.

Баня оказалась хорошим новогодним подарком, который поднял общий тонус в полку. Вымывшись, люди точно преобразились - заметно подтянулись и повеселели.

Как ни тяжело нам было в конце 1941 года, все же встречу Нового года мы устроили. В спортзале средней школы на станции Понтонная собрали актив полка и поздравили его с наступающим 1942 годом. С докладом выступил вездесущий и никогда не унывающий Г. П. Смыкунов, по-прежнему исполняющий обязанности комиссара полка. Тут же были вручены подарки, присланные коллективами предприятий Московского района. Затем накрыли праздничный стол, очень скромный,

провозгласили тост в честь Родины и партии, за победу над фашистской Германией.

Когда до Нового года остались считанные минуты, кто-то принес радиоприемник и настроил на Москву. Мы услышали знакомый, немного приглушенный, взволнованный голос Михаила Ивановича Калинина.

Слушали мы его, затаив дыхание. Сказано было немного, но емко. Михаил Иванович не утаил трудностей, которые испытывает страна, ее армия и флот и которые придется еще испытать. Он подвел краткий итог войны за шесть месяцев. (Сказал, что истекшие полгода наш народ и армия пережили тяжело. При этом он подчеркнул, что Красная Армия сражается героически, что, несмотря на неудачи и отступления, у нас нет сомнений в окончательной победе. На ряде участков фронта враг, теснимый Красной Армией, отступает, теряет инициативу. Когда М. И. Калинин провозгласил здравицу в честь Коммунистической партии и Родины, мы встали и закричали "Ура!".

Речь М. И. Калинина, а затем Гимн Советского Союза как бы сблизили нас с Москвой, со всей страной, от которой мы были отрезаны фашистскими войсками. В тот момент еще более осязаемым стало чувство, что мы не одиноки, что за нами - наша великая страна, которая поможет разорвать огненное кольцо врага.

Смыкунов предложил поднять тост за Верховного Главнокомандующего Иосифа Виссарионовича Сталина. Тост этот был горячо поддержан.

Завершилось наше короткое новогоднее празднество курьезным случаем. Мы уже стали расходиться "по домам", как связной попросил меня к телефону.

- Товарищ пятый{1}, - прозвучал в трубке знакомый голос комиссара штаба дивизии П. К. Булычева, - приглашаем вас на новогодний спектакль.

Взял своего связного Белова и отправился в штаб дивизии. Ночь была темная, морозная и тихая. Не стреляли ни наши, ни гитлеровцы. Такого затишья, казалось, не было за все время войны. К тишине мы не привыкли...

"Что за "спектакль"?" - думал я по дороге в штаб дивизии.

Но долго томиться в догадках не пришлось. Комендант штабного взвода Николай Перов доверительно сообщил, что недавно привели пленного фрица, допрос которого ведут начальник политотдела Ипатов, комиссар штаба дивизии Булычев и начальник дивизионной разведки Гамильтон.

Вот на этот-то "спектакль" и пригласил меня Булычев, зная, что я веду дневник важнейших событий из жизни дивизии.

Как же удалось взять в плен этого фашистского молодчика, да еще на Новый год?

Оказалось, гитлеровские офицеры из дивизии, которая противостояла нашему соединению, встречая Новый год, изрядно выпили. А выпив, стали друг перед другом хвастаться. Один так вошел в раж, что заявил: он сейчас же отправится в расположение красных и приведет пленного. Его обозвали хвастуном. А "герой" - лейтенант, отпрыск известной немецкой династии, встал из-за стола и отправился на передний край, перелез через бруствер траншеи и оказался в расположении нашей дивизии.

Каким-то образом гитлеровец незамеченным прошел передний край и вскоре оказался вблизи землянки инструкторов политотдела дивизии, где и был замечен часовым, который выстрелил в воздух. На выстрел выскочили политрук Махаметджанов, бойцы Кладов, Семейников, Кравцов и Лебедев. Обезоружили гитлеровца и сдали коменданту штабного взвода Перову.

Сначала пленный гитлеровец вел себя высокомерно, не желал отвечать на вопросы - мол, ему это не позволяет честь офицерского мундира. Более того, он потребовал дать ему кофе и сигарету. В кофе отказали, а вместо сигареты предложили махорку. Но махорку гитлеровец не взял, сказав, что по родовому положению ему не пристало курить то, что курят солдаты. Нахальный и требовательный тон пленного возмутил И. Е. Ипатова. Он размахнулся и готов был дать ему по физиономии. Такой поворот дела протрезвил фашиста. Он извинился, взял со стола кисет с махоркой, свернул папиросу и закурил.

Когда я вошел в землянку, пленный стоял навытяжку, с бледным испуганным лицом и послушно отвечал на вопросы. На лбу у него выступила испарина, ремень с портупеей и офицерская книжка лежали на столе.

- Начертите, - Гамильтон протянул пленному карту, - расположение ваших частей, огневые позиции и укажите квадрат, где находится командир дивизии и его штаб.

Пленный заколебался. Но, подумав, стал чертить.

На этом процедура допроса фактически была закончена. Гамильтон предложил фашисту подписать карту. Но он начал выторговывать условия - пусть за это ему помогут списаться с матерью, которая живет в Швейцарии и может выкупить его или обменять на кого-нибудь из советских военнопленных; его мать графиня, обладает большим состоянием и имеет надежные связи в ставке Гитлера.

После того как ему разъяснили, что решение подобных вопросов не входит в компетенцию командования дивизии, он

поставил свою подпись и все спрашивал: сохранят ли ему теперь жизнь?

Длинная, худая фигура пленного гитлеровца, когда повели его из землянки, ссутулилась, весь его вид был жалким.

Вернувшись в полк, я во всех деталях рассказал о "ночном спектакле" Смыкунову. Это развеселило его. Особенно он смеялся, когда услышал, что фашист оказался у землянки политотдельцев.

- Жаль, что этому "фону" не дали явиться к ним в землянку! - хохоча, выкрикивал Смыкунов. - Вот была бы умора, как в гоголевскую "Ночь перед рождеством".

9

1942 год принес ленинградцам немало обнадеживающего, Правда, положение по-прежнему оставалось во многом тяжелым. Голод продолжал косить людей. По-прежнему Ленинград находился в огненном кольце. Внешне как будто ничего не произошло, все оставалось таким, каким было в конце только что минувшего года.

Но если присмотреться пристальнее, то нельзя было не заметить того глубинного, скрытого от внешнего взгляда процесса, который в корне менял ситуацию, вернее - создавал предпосылку для новой, более благоприятной для нас обстановки. Враг, хотя он по-прежнему был опасен, вынужден был глубже зарываться в землю, совершенствовать свои оборонительные сооружения. Он нес большие потери в связи с переходом наших войск к более активным действиям.

И не случайно уже в конце 1941 года многие гитлеровцы стали посылать к себе на родину панические, слезливые письма. Кое-какие из них попали к нам вместе с другими трофеями. Инструктор политотдела капитан Сергей Комаров использовал их в своей работе и передавал мне.

Вот некоторые выдержки из этих писем.

Солдат Вернер Шлик: "На родине считают, что сила русских сломлена. Я уверяю вас, что они каждый день дают нам почувствовать, сколько у них еще сил. Новые наши подкрепления начинают удирать при первой атаке... Я не дал бы теперь и гроша за свою жизнь. Все равно мы все полетим к черту. Таково общее убеждение".

Обер-ефрейтор Г. Таше: "Из моей роты я остался один с шестью солдатами".

Обер-ефрейтор Август Пфефер: "Лучше один хороший бой, чем это ужасное ожидание смерти, чем ежедневная гибель от русских одиночных выстрелов. Казалось, можно было бы уцелеть, ибо больших боев нет, а выбито почти полроты. И кто только

научил русских проклятому снайперскому огню?!"

Солдат Эрнст: "У каждого человека должна быть надежда, без нее невозможно жить. Но какой может быть надежда в войне, где сама тишина и военное затишье только бесконечный фон ежедневных незаметных одиночных потерь от русского снайперского огня".

Карл Бехнер: "Как грязные мыши, забились мы в блиндажи. Боимся дня, боимся солнца, боимся высунуть не только голову, но даже руку. Позиционная война оказалась страшнее, чем я думал. Наверное, против наших частей находятся опытные русские охотники".

Ефрейтор Гельмут Кальцбах: "Обстановка создалась исключительно тяжелая. Под Ленинградом мы действительно поняли, что такое истребительная война. Разгром наших войск под Тихвином заставил нас думать не о движении вперед, а о другом, о спасении жизни".

На эти письма приходили соответствующие ответы из Германии. Усталость и разочарование солдат доходили до тыла, несмотря на строгую цензуру. Солдату Артуру Тингермюнде родные писали: "Нам ничего не нужно, славы и чужих земель, только бы кончилась война с Россией. Как угодно, но только скорей". Аналогичное письмо получил от родных из Берлина и ефрейтор Гуго Пастеркатер: "Судьба немецкой военной молодежи повторяется снова. Надо полагать, что конец этой многолетней войне не так далек. Сейчас все так же печально и безнадежно, как и в конце 1918 года".

Признание гитлеровских солдат и офицеров в том, что против них под Ленинградом ведется истребительная война, радовало нас.

В приказе от 1 января 1942 года Гитлер благодарил своих солдат за создание "невиданной в истории человечества блокады" и нагло заявил, что не позднее, чем через 3-4 недели, "Ленинград, как спелое яблоко, упадет к нашим ногам... Ленинград мы не штурмуем сейчас, Ленинград выжрет самого себя".

Но нет, не тем обернулся для фашистов наш Ленинград!

...Вскоре после Нового года я получил приказ отправиться в Ленинград за пополнением. В помощь мне был дан работник штаба дивизии. Кроме того, я взял и своего связного, уже не молодого, но исполнительного и аккуратного красноармейца Белова. Белов, конечно, обрадовался этой поездке - ему предоставлялась возможность побывать в семье, взглянуть на жену и детей, которые не успели эвакуироваться и жили где-то на Литовской улице вблизи Обводного канала.

В Ленинграде я не был более месяца. Срок вроде бы небольшой, но мне показалось, что прошли чуть ли не годы.

Ехали мы по Ленинграду ночью. Погруженный во мрак, он, казалось, скрывал в себе что-то таинственное. Многие дома были разрушены, многие обгорели. Таких домов стало больше. Улицы были совершенно безлюдны. Лишь изредка встречались патрули. В районе Московского вокзала и Лиговки полыхало огромное зарево пожара.

На распределительный пункт, организованный в Доме культуры завода имени Карла Маркса, приехали под утро. Дежурный отвел нам отдельную комнатушку, и мы тут же уснули.

Утром узнал неприятные новости. Фашисты усилили обстрел города из дальнобойных орудий и бомбежку с воздуха. Одна из бомб угодила в Гостиный двор, где в это время выдавались по карточкам продукты. Сто сорок восемь человек получили ранения, девяносто восемь было убито. На площади Стачек разорвался крупнокалиберный снаряд. И тут были большие жертвы: шестнадцать раненых и четырнадцать убитых.

Предполагалось, что моя поездка займет не более трех суток: не так уж сложно принять людей, распределить по подразделениям и двинуться с ними в обратный путь. Но мы ошиблись. Почти каждого пришлось пропускать через медицинскую комиссию: у многих еще не зажили раны, были и истощенные голодом. Мы боялись, что у них не хватит сил дойти до Понтонной, не то что воевать. В итоге моя командировка в Ленинград затянулась, пришлось пробыть здесь почти неделю. Воспользовавшись этим, я решил сходить на Московский проспект, в дом № 79, где жил до войны в двухкомнатной квартире. Меньшую комнату занимал я, а другую - техник из закройного цеха Н. И. Любицин с женой, студенткой второго медицинского института. Незадолго до войны у них родился сын. Я надеялся застать их всех дома, так как Любицин был снят с военного учета по болезни.

Дом показался мне каким-то осиротевшим. Я медленно поднимался на седьмой этаж, но никто не встретился мне на лестнице, ни за одной дверью не услышал я обычного в мирное время шума, звонкого крика детских голосов. Тихо было и в нашей квартире. Прежде чем открыть дверь, прислушался: в квартире ни звука. Вошел... в нос ударил запах дыма. Через минуту из тускло освещенной ванной выходит жена Николая Ивановича. "Как изменилась?!" - чуть не сорвалось у меня с языка: длинные черные волосы распущены, похудела так, что и не узнаешь, взгляд какой-то потусторонний.

С минуту мы стояли друг перед другом молча. Первой заговорила соседка.

- Это вы? Надолго? - Ее голос звучал монотонно и

безжизненно.

- Нет. Зашел, чтобы посмотреть.

- А у нас дела плохи.

- Вижу, - согласился я и спросил: - А как чувствует себя Николай Иванович, где он сейчас?

Соседка удивленно посмотрела на меня и беззвучно заплакала.

- Нет Николая Ивановича, - прошептала она. - Умер. Скоро и мы там же будем, голод косит всех...

Она недоговорила: из ванной раздался слабый детский плач. Он показался неестественным в этой мертвой квартире.

- Это сын. Голодный, - так же тихо произнесли ее губы. В моем противогазе лежало несколько сухарей и кусочков сахара. Я достал их и протянул соседке, она взяла их худыми руками, на минуту вышла. Мальчик в ванной замолчал, видно, мать дала ему сухарь. Скоро она вернулась.

- Что же вы не эвакуировались? - спросил я.

- Сначала не хотела оставить одного Николая, а потом железную дорогу перерезали немцы. Вчера приходили с фабрики, просили приготовиться к отъезду. Говорят, что эвакуировать будут через Ладогу. Я согласилась ехать, но все же побаиваюсь: а вдруг попадем под бомбежку? - Она немного оживилась.

- В Ленинграде оставаться опаснее. Тут и голод, и немцы бомбят и обстреливают. - Я старался ободрить ее.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что Любицин потерял свою продуктовую карточку. А от скудного пайка жены и сына отрывать не хотел, вот и умер голодной смертью.

Уходя, я выставил на кухню стол и стулья из своей комнаты, чтобы соседка использовала их для растопки "буржуйки". Что еще мог я сделать для этой женщины, для ее сына? К сожалению, ничего. Почти в каждом доме, за каждой дверью жили такие же изможденные люди, измученные голодом и холодом. Что будет с ними, если в Ленинграде не изменится положение, если не увеличится в ближайшее время подвоз продуктов, если не удастся эвакуировать тех, у кого еще остались силы, кто способен передвигаться? Представить себе судьбу всех этих людей было не так уж трудно.

Ясно было и другое. Жизнь населения Ленинграда, его будущее во многом зависит от нас, кому Родина вручила оружие. Мы должны выстоять и победить.

10

Заставская! Это - небольшая, узкая и не очень привлекательная улица. Особенно невзрачна та ее часть, которая проходит между корпусами "Скорохода" и завода имени Егорова.

Здесь она, упираясь в забор, образует тупик. И все же до войны, в "часы пик" - ранним утром перед началом работы и днем на стыке смен - она была шумной и людной. По ней шли мастера обуви, большей частью женщины. Такой я ее и запомнил. Но на этот раз здесь не было ни души, почти вся улица была завалена сугробами снега.

В проходной вахтер с поднятым воротником и старенькой винтовкой за плечами, похожий на часового у важного объекта, признал во мне прежнего скороходовца, но на фабрику без пропуска не пустил.

- Не имею права - война, - извинился он. - Звоните директору. Даст указание - тогда никакого препятствия.

М. Н. Бельский оказался на месте, и охранник, лихо козырнув, открыл дверь.

Кабинет директора находился теперь не в административном корпусе, угол которого был снесен артиллерийским снарядом, а в полуподвальном помещении бывшего цеха дачной обуви. Здесь же стояли столы и кровати для управленческого аппарата. Руководящие кадры предприятия были переведены на казарменное положение.

Михаил Николаевич встретил меня радушно. Видимо, гости с фронта не часто заглядывали к нему.

- Здравствуй, Степан! Надолго ли? - Вышел из-за стола и протянул руку Бельский.

- До вечера.

- Молодец, что зашел. Садись.

- Лучше пойдем. Хочется взглянуть на людей и на цеха.

- Шоковое состояние, которое пришлось нам пережить в первые месяцы блокады, - стал рассказывать Михаил Николаевич, как только мы вышли из его кабинета, - позади. А тогда нам пришлось очень туго. Коллектив, насчитывающий до войны пятнадцать тысяч, таял на глазах. Сейчас осталось только полторы тысячи. Производство почти замерло. Сырье оказалось на исходе, кончилось топливо, замерзла котельная. Перестали получать электроэнергию. Всюду погас свет. Пришлось изготовить керосиновые фонари и парафиновые свечи. А для отопления цехов соорудили времянки, трубы которых вывели в окна, а где их не оказалось, прорубили отверстия в кирпичных стенах. Попытались эвакуировать часть оборудования и людей в Казань, чтобы там наладить производство обуви. К месту назначения добралась лишь небольшая группа специалистов во главе с главным инженером М. И. Магидом. А станки и машины потерялись в дороге. Часть, видимо, утонула в Ладожском озере во время бомбежек. Кое-что оказалось на севере Тюменщины...

Грустную историю рассказывал директор. Говорил он как будто не о фабрике, а о больном человеке, который только что перенес серьезный недуг и все-таки жив остался. Несмотря на чрезвычайно трудное положение фабрика все же жила и действовала. Фабричный коллектив по-прежнему трудился, помогал нам, фронтовикам.

По предложению Московского райкома партии на фабрике организовали производство военной продукции. Это позволило занять рабочих. А чтобы обеспечить фабрику электроэнергией, по Варшавской железной дороге была подвезена небольшая передвижная электростанция и установлена на рельсах рядом с фабрикой.

Военный заказ поднял дух коллектива. Жизнь на фабрике постепенно стала входить в нормальный ритм. Теперь сюда зачастили представители штаба фронта, партийных и советских организаций. Мины и пулеметные ленты на складе не залеживались. Их прямо с конвейера отправляли на фронт. "Из цеха - на выстрел!" - гласил призыв.

- Организовать выпуск военной продукции на обувном предприятии оказалось делом не простым, - продолжал директор. - Пришлось спешно перестраивать производство, поломать голову над тем, как использовать имеющееся оборудование. Не завозить же его с других заводов. Для этого не было ни времени, ни транспорта. Наши инженеры нашли выход, переоборудовали металлорежущие станки. Болванки отливали на заводе имени Лепсе и привозили на "Скороход"...

И вот мы в цехе военной продукции. Раньше в нем вырубали подошвы для обуви. Теперь он стал даже лучше, чем до войны. Во всю его длину точно по ленточке выстроились станки, за которыми стояли преимущественно женщины и подростки, худые, истощенные. Но работали они все же проворно, подбадривали друг друга шутками, поторапливали менее опытных. Готовую продукцию рабочие тут же выносили на улицу и укладывали на грузовики. Ее ждали наши воины. Михаил Николаевич Бельский заметил:

- Так что уже в конце сорок первого года наша фабрика активно стала помогать фронту.

- А как было с обувью, ведь фронту нужна и обувь?

- Фабрика ни на один день не прекращала ее выпуск. Конечно, обуви изготовлялось меньше, чем до войны. В прежнее время с конвейеров "Скорохода" ежедневно сходило в среднем семьдесят пять - восемьдесят тысяч пар, а в отдельные дни - даже восемьдесят пять тысяч. В начале сорок второго - лишь несколько сот. Но и это мизерное по сравнению с довоенным временем

количество давалось нелегко. Для машинной затяжки заготовок или для прикрепления подошв на машинах нужно, чтобы вращались трансмиссии. И рабочие сами, по собственной инициативе, стали вращать их вручную. Иного выхода не было.

Как и другие предприятия Московского района, "Скороход" почти вплотную примыкал к пинии фронта. До Вороньей горы, Урицка и Стрельно, где находились фашисткие войска и откуда они вели постоянный обстрел города, всего несколько километров. Не удивительно, что "Скороход" очень часто подвергался артиллерийскому обстрелу и бомбежке с воздуха. М. Н. Бельский рассказывал, что только в течение августа сорок первого на территорию фабрики было сброшено сто зажигательных бомб. После одного из обстрелов сгорел склад готовой обуви. Полуразрушен был цех детской обуви. А поздней осенью тяжелый снаряд влетел через окно в зал заседаний, пробил пол и разорвался на первом этаже, в районе вестибюля и машиносчетной станции. В это время там находились рабочие и члены медико-санитарной команды. Большинство, их было ранено или убито. От разрыва снаряда лопнули пожарная и паровая трубы, проложенные вдоль стены вестибюля. Из них хлынул мощный поток воды и пара. Только быстрые действия пожарников и отряда МПВО предотвратили крупный пожар.

Когда мы с Михаилом Николаевичем проходили мимо наблюдательной вышки, он с какой-то отцовской теплотой сказал:

- Это постоянный боевой пост Вали Смирновой из швейного отделения. Она у нас за главного наблюдателя в штабе МПВО. Удивительно смелая и неустрашимая девушка. На вышке, несмотря на холод, ветер, частые обстрелы и бомбежки, находится большую часть суток. Как-то бомба попала в цех детской обуви, и взрывной волной чуть не снесло вышку, она зашаталась и вот-вот могла рухнуть. Смирнова и ее подруги не испугались, не побежали вниз по лестнице, они мужественно продолжали нести свою боевую вахту.

Правда, на фабрике объявились и такие люди, которые в самый трудный момент стали искать местечко потеплее и полегче. Таким, например, оказался начальник сандального цеха Николай Андреевич Андреев, в прошлом кладовщик. До войны он слыл богомольцем. Прежде чем начать работу в цехе, он несколько раз перекрестится. На фабрике не придавали этому значения, считали чудачеством. И никто не мог подумать, что в годину испытаний он бросит цех и свою профессию. Именно так и случилось. Андреев взял на фабрике расчет и пошел на службу в одну из ленинградских церквей старостой. На новом поприще обувщик пошел в гору и скоро стал священником, а после войны -

настоятелем. Говорят, разбогател.

На фабрике шутили: "Из сапожников да в попы".

Трудности блокады сплотили людей, создали в коллективе атмосферу дружбы и взаимной помощи. Администрация и общественные организации делали все, чтобы помочь наиболее истощенным, ослабевшим.

- Стараемся наладить общественное питание, - рассказывал М. Н. Бельский. - Конечно, возможности наши скудные... Для тех, кто живет далеко или остался один, при фабрике есть общежитие. Недавно оборудовали баню. Приспособили под нее помещение бывшей столярной мастерской: настлали на цемент доски, соорудили полок, сложили из кирпича печку и установили большой котел. Желающих попасть в баню, естественно, много. Пришлось составить график. Недавно в одном из бывших цехов открыли ночной стационар. Это полусанаторий-полубольница. Помещаем туда наиболее слабых, в первую очередь дистрофиков. Там они получают усиленное питание, за ними наблюдают врачи и медсестры. Стационар помог нам спасти жизнь многим.

Я познакомился с заведующей стационаром Надеждой Михайловной Коржик. В ее хозяйстве было четыре мужских и две женских палаты - всего на шестьдесят человек. Вот что я записал с ее слов в свой блокнот.

Сначала срок пребывания здесь установили десять дней, но потом пришлось продлить. Кое-кто пробыл полтора месяца. .. Зарплату получает только одна она - Надежда Михайловна. А ее помощники - двенадцать активистов - выполняют эту тяжелую работу бесплатно, до или после работы на производстве. Особенно много сил и труда вложили комсомолки из санитарной дружины Анна Гопаненко, Мария Семенова, Леля Забияко, Дуся Колесова. Все они были прикреплены к определенным палатам, куда приходили рано утром или вечером.

Посещение фабрики раскрыло мне глаза на многое. Я, что называется, воочию убедился: в Ленинграде, в условиях блокады, большого различия между тылом и фронтом нет.

Об этом свидании с близкой моему сердцу фабрикой вспоминаю я часто. Приезжал на "Скороход" во время войны еще несколько раз. Каждый новый приезд был для меня волнующим, незабываемым.

Помнится, зимой того же года, когда наша дивизия обороняла участок перед Стрельне, руководители фабрики пригласили группу воинов-скороходовцев на товарищеский вечер. Поводом для организации такого вечера послужило, кажется, награждение тружеников фабрики правительственными наградами. Командование дивизии послало тогда на "Скороход"

Ф. Ковязина, И. Мирлина и меня.

Поехали мы на полуторке. Выехали вечером, когда стемнело. Крупными хлопьями шел снег, потому двигались медленно, боясь застрять в рыхлом снегу. От Автова до Обводного канала добрались благополучно. Хотя, как говорится, не было видно ни зги. Фары включать не разрешалось. Когда выехали на Международный проспект, усилившийся снегопад совсем закрыл дорогу, ее не стало видно. Младший лейтенант И. Камолитдинов, сидевший за рулем, еще сбавил скорость. Однако ехать было все равно опасно. И вот когда до "Скорохода" осталось с километр, Федор Андреевич Ковязин предложил:

- Остановитесь, я встану на подножку машины и буду указывать дорогу.

Но не успели мы снова тронуться в путь и выехать на площадь у Московских ворот, как раздался крик. Оказалось, наша машина натолкнулась на идущий впереди грузовик, о борт которого Ковязин ударился грудью и сломал несколько ребер. Наш приезд на фабрику был омрачен. Федора Андреевича пришлось уложить в кровать. Он мужественно переносил боль, молчал, пока мы выступали перед тружениками фабрики. И все же пришлось быстро свернуть вечер, так как состояние Ковязина ухудшилось, резко подскочила температура.

Встречались с трудовыми коллективами фабрик и заводов воины и других частей и соединений, оборонявших Ленинград.

Это сближало фронт и тыл. Здесь, в Ленинграде, фронт и тыл в сущности составляли одно неразрывное целое: тот, кто был на фронте, защищал город оружием, а тот, кто стоял у станка, - трудом. Взаимная поддержка сплачивала и объединяла людей в непобедимую армию труда и борьбы.

Не знаю, как другие скороходовцы, ушедшие на фронт и потом по разным причинам не вернувшиеся на свою фабрику, а я часто вспоминаю ее. Она до сих пор для меня близкая, своя. Годы, проведенные на фабрике, были для меня прекрасной трудовой и общественной школой. Здесь я стоял у станка, учился, принимал участие в общественной жизни... И теперь, по истечении многих лет, когда слышу или читаю в печати об успехах "Скорохода", я радуюсь так, будто по-прежнему являюсь членом славного коллектива скороходовцев.

11

В полк я вернулся десятого января. Положение на нашем участке фронта не изменилось. По-прежнему был скуден солдатский паек. Ломоть суррогатного хлеба да мучная похлебка - много ли для человека, притом на лютом морозе, когда даже нет возможности как следует обогреться.

А население Ленинграда питалось еще хуже. Голод - самая страшная пытка. Когда голоден, ни о чем не хочется думать, кроме еды. Вялость и усталость сковывают тебя. Дышать трудно. Непослушными становятся руки и ноги, одолевает сон. Засыпаешь охотно, но сон голодного скоротечен. Просыпаешься и вновь лихорадочно начинаешь думать, как бы поесть.

На Кузнецовской улице, сразу за "Электросилой", в большой квартире, куда нас временно поселили, жила женщина лет тридцати пяти с сыном. И мать, и сын были сильно истощены. Двигались они медленно. Смотрели на все странным взглядом, не то испуганным, не то чего-то ожидавшим. Хлеб они ели, запивая холодной кипяченой водой, и озирались, словно боясь, как бы кто не подошел сзади и не отнял у них этот бесценный дар, каким казался им тогда маленький кусочек, испеченный из ржаной муки с большой примесью целлюлозы, жмыха и отрубей. Поэтому на вкус он был горьковатым, а по цвету походил на темно-серую глину.

Вероятно, никто так бережно не обращался с хлебом, как ленинградцы в годы войны. Прежде чем съесть принесенный из магазина хлеб, его клали на чистую белуга тряпочку или бумагу, тщательно осматривали и начинали делить на несколько долек, чтобы растянуть на целые сутки. Многие разрезали его на дольки не столовым ножом, а бритвой, у которой лезвие тонкое, и поэтому хлеб меньше крошился. Эта священная операция проделывалась обычно в безмолвии.

Трудное время переживали ленинградцы. Голод был страшен и беспощаден. И все же людей не покидала вера в то, что настанет лучшее время и снова хлеба будет досыта. Вспоминали довоенные годы - 1940 и начало 1941-го, когда зерновая проблема в результате победы колхозного строя в стране была решена и хлеба можно было купить столько, сколько хотелось, сколько было нужно.

Мы, в воинских частях, нередко в свободные часы мечтали о настоящем, довоенном хлебе, вкусно пахнущем, аппетитном.

- Не плохо бы сейчас отрезать ломоть ржаного хлеба, положить на него кусок сала, посыпать сольцой, - начинал кто-нибудь, раскладывая на коленях скромный солдатский паек.

- А я мечтаю о горчичном. Любил с ним чайку попить. Вот вкуснота-то! откликался другой.

- Бросьте дразнить! - вмешивался кто-нибудь из строгих. - Не портите настроения. Будьте рады тому, что хоть этот, суррогатный, есть, а то, может статься, и его не будет. Скоро весна, растает "Дорога жизни", как после этого доставишь его, ведь блокада еще не снята.

И на этом мечты обрывались. Мы знали, какой ценой оплачивался хлеб, который доставляли по Ладоге в Ленинград. Сколько шоферов, отправляясь в 140-километровый путь по льду, не достигали заветного берега: или замерзали в пути, или тонули вместе с машинами в полыньях при разрывах вражеских бомб. Дорого, очень дорого обходился хлеб, доставляемый в осажденный город!

Да, хлеб есть хлеб. Его можно сравнить только с жизнью. Он всему начало. Можно прожить без мяса или картошки, без сахара или жиров, а без хлеба жить нельзя. Ленинградцы это испытали на себе.

В самый трудный момент партизаны ближайших районов собрали около двух с половиной тысяч пудов хлеба и доставили в Ленинград на 223 подводах. Для большого города не так уж много, но важен сам факт братской заботы колхозников, у которых, надо полагать, не было излишков. Но они готовы были поделиться последним, лишь бы помочь голодающему населению города-героя. Партизанский обоз шел через Валдай, Боровичи, Тихвин, через Ладожское озеро. И, наверно, этот хлеб, доставленный в Ленинград кружным и рискованным путем, спас кого-то от смерти, кому-то вернул силы, и они снова встали к станку, снова взялись за оружие.

12

В феврале нашу дивизию перебросили из-под Усть-Тосно на Пулковские высоты, граничащие с родной Московской заставой.

Передислокация совпала с изменением в руководстве дивизией: командиром был назначен полковник Лебединский, в прошлом кавалерист, комиссаром старший батальонный комиссар Орлов.

Дивизия не сразу заняла оборону под Пулковом. Ей была дана возможность передохнуть. Поэтому некоторые части, в том числе и наш полк, разместились в землянках и блиндажах, вырытых на пустыре за "Электросилой"{2}. Штаб и политотдел дивизии - в административном здании мясокомбината имени С. М. Кирова, а мы для штаба полка стали искать свободную квартиру на Кузнецовской улице.

В райкоме нам сказали, что жители этой улицы почти все эвакуированы. У меня оказался свободный час, и я с адъютантом и связным отправился по домам.

Первое, что нас поразило, - это то, что квартиры в большинстве случаев не были закрыты. Видимо, их оставляли не запертыми для бытовых комсомольских бригад, которые ежедневно обходили дома, оказывая помощь слабым и больным.

Спустя два месяца мне попал в руки дневник одной бытовой

бригады. Вот что в нем я прочел:

14 марта 1942 года: "Тебе, бойцу комсомольской бытовой бригады, поручается забота о повседневных бытовых нуждах тех, кто наиболее тяжело переносит лишения, связанные с вражеской блокадой нашего города.

Эта забота о детях, женщинах и стариках - твой гражданский долг".

Так говорится в памятке, которую вручили каждому из нас в райкоме комсомола.

18 марта 1942 года: Нет, никогда не забудем мы того, что видели сегодня.

Большая квартира. Темно. Окна зашиты досками и фанерой. Сквозь щели проникает слабый свет. Обходим комнаты. Пусто, ни души. Только в одной из них находим человека. Он лежит совершенно неподвижно. Заботливая рука давно уже не касалась его постели. Подушки были сбиты - он не в силах их поправить. С головы, ног одеяло сорвано, как потом оказалось, крысами. Обе ступни были в крови, пальцы на ногах обгрызаны. У человека не было сил защитить себя от крыс.

Мы сказали, что пришли ему помочь. Он нам не поверил. Безмолвно и недоверчиво следил за нами, за всем тем, что мы делали. Но когда мы убрали и согрели комнату, обмыли его, забинтовали израненные ноги, напоили чаем человек потеплел.

Он сказал, что его зовут Павлом Андреевичем Шевцовым. Он радист, работал до последнего момента, боролся с недомоганием, пока совершенно не обессилел. Сначала соседи приносили хлеб, воду. Затем он остался один. Силы уходили с каждым днем. Приближалась смерть... появились крысы.

Мы слушали этот страшный рассказ. Мы проклинали фашистов. И каждая из нас про себя думала: "Этот человек должен жить. Мы вырвем его из смерти". Мы решили его навещать каждый день, вызвали врача.

Когда мы уходили, Павел Андреевич улыбался нам на прощанье. Лицо его было спокойно, В глазах светилась надежда.

19 марта 1942 года: Пришли мы сегодня в дом № 105 по проспекту Римского-Корсакова. Управхоз попросила нас зайти прежде всего в квартиру № 54, где жила семья работницы Н-ской фабрики Слесаревой. Идем в квартиру. В темноте натыкаемся на маленького мальчика, сидящего на полу, совершенно закоченевшего и промокшего. У стены, опершись на палку, стоит мальчик лет 14. Взгляд его безразличен и туп. На кровати - женщина и двое малюток.

Мы нагрели комнату, вымыли всех ребят, напоили всю семью горячим чаем. Хлеба не было. Мы вынули по кусочку его, который

каждая из нас несла своей семье, отдали детям. Надо было видеть радость матери, когда дети перестали плакать и просить хлеба.

В тот же день мы перенесли всю семью в чистую, свободную светлую комнату во втором этаже этого дома.

11 апреля 1942 года: Сегодня у нас особенно радостный день. Приходим к товарищу Шевцову, смотрим - кровать пуста, а в углу с торжественным видом, побритый, опираясь на палку, стоит Павел Андреевич и так ласково, так хорошо смотрит на нас. Потом он впервые заговорил о том, что хочет как можно скорее выйти на работу.

Старый врач Александр Иванович Шабанов также чувствует себя совсем бодро. Когда мы с ним прощались, он сказал, что хотя ему и 62 года, но он решил вступить в партию.

Порадовала нас сегодня и семья работницы Слесаревой. Все уже на ногах. Слесарева написала мужу на фронт, что уже совсем здорова и вышла на работу. Она со старшим сыном провожала нас до двери. Маленьких мы устроили в детский сад.

17 апреля 1942 года: Если бы бойцы, защищающие Ленинград, видели своими глазами хотя бы малую долю того, что видели мы за этот месяц...

Набережная Фонтанки, 109. Заходим в дом. Управхоз дает нам несколько номеров квартир, где живут семьи ушедших на фронт. Идем в квартиру краснофлотца Малафеевского. Жена его больна. Около нее греются, крепко прижавшись, трое детей. Двое совсем маленькие. Через несколько минут на столе уже стоял горячий чай, и мать счастливыми глазами смотрела, как мы поили из блюдец малышей. Ребята оживились. Мы не заметили, как открылась дверь и на пороге появился рослый краснофлотец.

- Папа приехал! - закричал вдруг пронзительно старший мальчик и бросился к отцу.

Моряк стоял неподвижно и плакал...

Вечером мы отнесли двух малышей в Дом малютки, а старшего устроили в детский дом. К матери вызвали врача.

* * *

Кто они, эти бескорыстные молодые люди, так заботливо ухаживавшие за больными, детьми, женщинами, помогавшие им превозмочь недуг, встать на ноги, победить смерть? К сожалению, подпись в дневнике оказалась неразборчивой. А ведь таких комсомольских бытовых бригад в Ленинграде были сотни, они были в каждом районе. Благодаря им - спасена не одна жизнь. Знает ли этих рыцарей блокады современная молодежь Ленинграда, известны ли их имена сегодняшним жителям города на Неве?!

Шел февраль 1942 года. Приближалась 24-я годовщина Красной Армии. Мы решили отметить этот праздник вместе с рабочими и служащими Московского района. Для этого в райком партии были командированы заместитель начальника политотдела В. А. Колобашкин, комиссар штаба дивизии П. К. Булычев, комиссар 141-го полка В. И. Белов и я. Принял нас первый секретарь райкома Георгий Федорович Бадаев.

Г. Ф. Бадаев принадлежал к тому поколению советских и партийных профессиональных кадров, к числу тех представителей интеллигенции, которые только что вышли из рабочего класса и крестьянства. Они прошли суровую школу жизни. Этим, видимо, и объяснялось то, что они очень бережно, я бы сказал, свято относились к социальным завоеваниям советского строя. В их взаимоотношениях не существовало скидок, С каждого строго спрашивали за любой промах и недостаток. Не было извинительности и сглаживания острых углов. Вещи назывались своими именами, а критика была прямой и обоюдоострой, как сверху, так и снизу. Бадаев был требователен, временами даже резок, но и справедлив. Поэтому на его критику с трибуны собраний и совещаний никто не обижался. В этом отношении он в какой-то мере напоминал С. М. Кирова, выступления которого неоднократно я слушал. Правда, Бадаев не обладал ораторским искусством. Речи его были суховаты, но он говорил конкретно, деловито.

После окончания Ленинградской промышленной академии, куда он был послан с Обуховского завода, Георгий Федорович избирался секретарем парткома машиностроительного завода имени Карла Маркса на Выборгской стороне. Потом, когда набрался опыта партийной работы, его избрали первым секретарем Московского райкома партии. Здесь он рос у всех на глазах. Быстро завоевал авторитет и уважение.

- Очень правильно решило ваше командование отпраздновать День Красной Армии вместе с нами, - выйдя навстречу нам, сказал Бадаев.

Набросав вчерне план совместного празднования, условились об обмене делегациями между предприятиями и подразделениями дивизии, а затем разговор сам по себе переключился на волнующий всех вопрос - о положении в Ленинграде.

- Хотя положение в городе до крайности тяжелое, - признал секретарь райкома, - все же мы не падаем духом. Как только была сооружена дорога через Ладогу, продолжили эвакуацию населения. Правда, кое-кого вывезти не успели, очень уж низкая была норма хлеба, жиров и сахара. Теперь нормы продовольствия

немного повысили. Если в декабре и январе пульс производственной жизни с каждым днем падал, заводы один за другим останавливались, то теперь картина иная. "Электросила", "Скороход", завод имени Егорова и другие предприятия стали выполнять заказы фронта. Но работать на заводах и фабриках Московского района не так-то легко. Как Кировский и Колпинский районы, он вплотную прилегает к переднему краю обороны. С Дудергофских высот фашисты свободно наблюдают не только за передвижением транспорта, но и за жизнью предприятий. Район фактически является вторым эшелоном обороны наших войск на линии Мясокомбинат Пулково - Стрельно.

Бадаев расспросил нас, как ведут себя в бою коммунисты, о состоянии политической работы. Он ведь знал, что ее проводят бывшие секретари и члены парткомов, парторги цехов, пропагандисты и агитаторы предприятий района.

...День 24-й годовщины Красной Армии был для нас не только праздником, но и днем подведения итогов восьмимесячной борьбы с фашистскими оккупантами.

Несмотря на крупные неудачи, на отступления и потери, к концу февраля 1942 года начал вырисовываться перелом в пользу Красной Армии, все зримее развенчивался миф о непобедимости гитлеровской военной машины. Это укрепляло уверенность в неизбежности нашей окончательной победы над фашизмом, разрушало тот психологический барьер, который подчас мешал решительности действий наших бойцов и командиров. С особой силой мы это ощутили на Ленинградском фронте. Убедившись в том, что Ленинград не выбросит белый флаг, фашисты стремились выместить свою злобу и бессилие на мирном населении города, ежедневно обстреливая и бомбя жилые кварталы. Ленинград в период блокады сто семьдесят три раза подвергался бомбардировкам с воздуха и в течение шестисот одиннадцати дней - артиллерийскому обстрелу. На город было сброшено больше ста тысяч фугасных и зажигательных бомб. В черте города разорвалось около ста пятидесяти тысяч артиллерийских снарядов и возникло около тридцати тысяч пожаров. В результате было разрушено почти одиннадцать тысяч жилых домов.

Перед каждым бойцом Красной Армии, перед каждым защитником Ленинграда ставилась задача: постоянно изматывать врага, не давать ему спокойно отсиживаться в своих укреплениях и безнаказанно обстреливать город. Вот об этом-то и шла речь в беседах с бойцами и на собраниях трудящихся района в канун юбилея Красной Армии.

Ранним зимним вечером в большом зале Дома культуры имени Капранова собрались представители трудящихся Московского района и нашей дивизии. Вечер открыл первый секретарь райкома партии. В краткой вступительной речи он приветствовал от имени райкома воинов нашей дивизии, пожелал им успеха в выполнении священного долга...

14

В канун юбилея Красной Армии мне было поручено выступить на собрании коллектива ликеро-водочного завода, о существовании которого, а тем более о его деятельности вблизи передовой никто и не подозревал. Руководствуясь правилом "вдвоем лучше", я пригласил на это собрание редактора нашей дивизионной газеты В. Л. Мольво.

Мы вошли в небольшой, но чистый и хорошо освещенный зал. Он был уже заполнен. Не госпиталь ли, подумал я, так как перед нами сидели одни женщины в белых халатах. Тут были и пожилые, и женщины средних лет, и совсем еще молоденькие.

Мы смотрели на них и невольно думали о судьбе, выпавшей на долю ленинградских женщин, о том, какая огромная тяжесть легла на их слабые плечи.

Женщины Ленинграда взяли на себя огромную ношу и несли ее безропотно, выполняли любую тяжелую работу, которая раньше считалась под силу только мужчинам. Они заготавливали дрова и торф, чтобы согреть больницы и военные госпитали, поддержать топку котлов на действующих предприятиях, на единственной тогда оставшейся в строю Охтинской электростанции. Они лечили больных и ухаживали за ранеными. Стирали и шили белье. Дежурили на крышах и бесстрашно гасили зажигательные бомбы, разбирали завалы после бомбежек и оказывали помощь раненым. Они же были и донорами. В блокноте у меня записано: "Санитарка одной больницы за сто пять раз отдала тридцать пять литров крови". Ничуть не приукрашивая, газеты тогда писали: "Мужеством и героизмом ленинградских женщин, как зарей, освещена эпопея обороны Ленинграда".

Женщины Ленинграда заменили мужчин на фабриках и заводах. Только на одном Ижорском заводе, вблизи которого проходила линия обороны, мужскими профессиями овладели сто пятьдесят девушек. Завод дрожал от гула вражеских орудий, но работа не прекращалась ни на минуту.

Работницы, домохозяйки, студентки, служащие, школьницы возводили оборонительные рубежи вокруг Ленинграда. Они рыли землю до кровяных мозолей на ладонях, возводили эскарпы, стоя по колено в воде.

Не последнюю скрипку играли ленинградские женщины и на фронте. В нашей дивизии, например, прославились своим мужеством и неутомимой энергией хирурги Кац-Ерманок и Уточникова, заместитель начальника по политчасти дивизионного медпункта Мария Иванова, работница "Красного треугольника" Надежда Ефимова, которая первой в дивизии была награждена орденом Ленина. Прославились как бесстрашные сандружинницы двадцатидвухлетняя Прасковья Комарова - работница завода "Электросила", операционные медсестры Женя Константинова и Лидия Савченко, а также работницы "Скорохода" Вера Чертилова и Вера Сараева, Клава Павлова, Лена Матросова, Аня Никифорова, Зоя Овсянникова, Таисия Бойцова, Лена Соловьева из Кронштадта, студентка мединститута Фаина Новак, Женя Паршина, Валентина Бугрова.

Женщины дивизии были отличными снайперами. Больше всего здесь отличились Мария Кошкина и Агния Хаблова.

Был и такой случай. Когда артполк вошел в поселок Мартышкино, недалеко от Ораниенбаума, бойцы увидели посреди улицы худенькую девочку лет пятнадцати, заливавшуюся горючими слезами. Она только что потеряла мать и отца. Что было делать с девушкой в горящем поселке, куда ее деть? Решено было оставить пока Машу Шишакову в полку, рассчитывая при случае эвакуировать. Но она никуда не уехала, прижилась в роте связи. Потом стала сандружинницей, умело оказывала первую помощь раненым. Однако и этого ей было мало.

- Я должна рассчитаться с фашистами за папу и маму, - твердила она.

И добилась, что ее назначили в орудийный расчет. Девушка упрямо училась у бывалых солдат, стала наводчиком, а затем и командиром орудия. Ее расчет славился в армии как один из лучших. Шишакова била по фашистам не только с закрытых позиций - не раз выкатывала свое орудие на прямую наводку, сопровождала в бою пехоту огнем и колесами. Так прошла она всю войну, была награждена несколькими орденами и медалями. Мария Шишакова и сейчас живет и работает в Московском районе Ленинграда, растит двух дочерей, очень похожих на ту девочку, которую артиллеристы нашли плачущей в пылавшем Мартышкине тридцать лет тому назад.

...Внимательно слушали женщины ликеро-водочного завода нас, представителей дивизии, на вечере в канун 24-й годовщины Красной Армии. В их глазах можно было прочесть лишь один вопрос: выстоим ли, одолеем ли фашистов, когда?

15

Когда мы с Мольво, возвращаясь в дивизию, подходили к

недостроенному зданию Дома Советов, недалеко от "Электросилы", послышался нарастающий гул авиационных моторов.

Тут же по радио объявили воздушную тревогу. По открытому проспекту идти стало опасно, разорвавшиеся на большой высоте и со свистом падающие осколки зенитных снарядов могли угодить в голову. Поэтому мы поспешили к Дому Советов, рассчитывая укрыться в его подъезде. Но подъезд оказался закрытым, и нам ничего не оставалось делать, как встать около стены этого здания и ждать окончания налета.

Тем временем фашистские бомбардировщики, сопровождаемые истребителями, надвигались на Ленинград. Как только они пересекли линию Пулково - Стрельно, темное февральское небо осветили прожекторы. Одновременно застучали зенитки. Появились и наши "ястребки".

Бомбардировщики, воспользовавшись боем между истребителями, перешли в пике и стали сбрасывать бомбы, и ленинградское небо осветилось заревом.

Мы с Валентином Леонидовичем стояли и ждали, что наши зенитчики или летчики вот-вот собьют кого-нибудь из фашистов. Но фашистские стервятники, сбросив бомбы, поспешили на свои базы. Без груза их скорость увеличилась, и они, видимо, уже считали, что удачно отбомбились.

И вдруг один из удирающих фашистских самолетов вспыхнул и через какое-то мгновение взорвался. Скоро загорелся еще один бомбардировщик и, потеряв скорость, стал падать, оставляя позади себя длинный след пламени и дыма.

Так закончился этот налет. Стих гул моторов. Перестали стрелять зенитки. Погасли прожекторы. Лишь где-то в центре города в нескольких местах бушевал пожар. А мы все стояли, и не было сил двинуться в путь. Хватило их только на то, чтобы подойти к подъезду и сесть на холодные каменные ступеньки. До чего же больно было в те дни за Ленинград, за его разрушенные здания, под обломками которых погибали ленинградцы и их дети!

Как-то в ту пору в "Ленинградской правде" я прочитал и переписал себе в блокнот письмо группы ленинградских врачей - К. Гаврилина, В. Соловской, Б. Свержинской.

"Мы пишем эти строки в ясный летний день. Мы пишем их в стенах детской больницы, где в светлых, просторных палатах стоят маленькие койки. На этих койках - раненые дети, невинные жертвы фашистов.

Только фашисты способны на такое - вымещать на беззащитных свою злобу, свои военные неудачи... Ленинградские

ребята, познавшие ночные бомбежки, наравне со взрослыми страдают от варварских артиллерийских обстрелов. Мальчики и девочки, еще не знающие азбуки, уже прекрасно научились различать "по нам бьют или от нас", дальнобойные или зенитки.

Эти маленькие, не по годам опытные граждане Ленинграда поступают к нам в больницу с глубокими рваными ранами, с мышцами, запекшимися от раскаленных осколков, с раздробленными костями. Искалеченные детские тела вопиют о мщении. Каждый день на наших глазах разыгрываются тяжелые, хватающие за сердце истории.

Четырехлетний Игорь Хицуп во время прогулки был ранен осколком снаряда. Мальчику оторвало левую ногу. Когда рана зажила и его стали выписывать из больницы, он задал вопрос: "А как я пойду домой, если я без ножки?"

Геня Микулинос был ранен ночью в постели, где спал вместе с матерью. Мать была убита наповал, и пятилетний Гена хорошо знает теперь, что такое смерть.

Василюк Витя, шести лет, вместе с братьями и сестрами сидел в комнате за столом, собравшись завтракать. Осколок влетел в окно и раздробил череп ребенка. Никогда уже больше не увидит Витя ни матери, ни ребят. Он умер в нашей больнице.

Майорова Люся, 14 лет, была в булочной вместе с матерью и шестилетней сестрой Надей. Разорвался снаряд. Мать Люси упала, и девочка увидела, как матери оторвало голову. Сестре Наде оторвало руку. Сама Люся была ранена в живот.

Сейчас девочка поправляется. Забудет ли она, забудут ли остальные дети все пережитые ими ужасы?.."

Партийные и советские органы Ленинграда вместе с командованием фронта делали все для спасения детей. О них проявлялась особая забота. Большая часть детей была эвакуирована в безопасные, отдаленные районы страны в первые же дни войны. Даже тогда, когда фашисты блокировали город, детей вывозили самолетами. Массовая эвакуация детей и женщин возобновилась сразу, как только начала действовать ледовая трасса через Ладожское озеро.

Но часть детей все же не была вывезена из Ленинграда. Они испытали бомбежки, привыкли к обстрелам, пережили голод, холод, смерть близких. Они вместе со взрослыми переносили все тяготы и лишения блокады, продолжали учиться и в этих условиях.

Вот как описывала тогдашние занятия в одной из ленинградских школ журналистка "Ленинградской правды" М. Кропачева:

"В 208-й школе 3-й класс начинал учебу в бомбоубежище...

Занимались серьезно. Каждому хотелось в письме на фронт порадовать отца хорошими и отличными отметками.

Особенно трудно пришлось зимой. На уроки ребята приходили замерзшие, сидели нахохлившись, как воробьи. В перемену их надо было заставлять встать, разогнуться, пройтись. Им совсем не хотелось двигаться. Сама собой прекратилась ребячья возня, даже разговаривать они стали рассудительно, спокойно, как маленькие старички. У Лени от голода умерла мать, у Веры фашисты убили отца. Все печальнее становились детские лица. У каждого в семье было горе.

Румянец давно сбежал со щек. Ребята худели, слабели, но учились упорно. Держались друг за друга. Их было 22, и самому старшему из них - одиннадцать лет.

Соседний отсек бомбоубежища залила вода. От сырости ломило в суставах. Учительница Лариса Васильевна Васильева предложила ребятам заниматься у нее в комнате. Ей тоже тяжело далась зима, распухшие ноги отказывались ходить. После долгой болезни умер муж. Дети сердцем понимали ее горе и трогательно старались утешить Ларису Васильевну и помочь. За всю зиму не было случая, чтобы кто-нибудь из школьников не приготовил урока. Они не только учились. После занятий все вместе шили кисеты, обвязывали носовые платки для бойцов, все вместе писали им письма, а лучшие художники класса Слава и Коля старательно разрисовывали их. Все научились обращаться с противогазом, делать простейшие перевязки. Свою стенную газету ребята назвали "Боец". Они действительно стали бойцами, мужественно и стойко переносили тяжелые испытания войны и осады".

Ленинградские дети, как и их родители, были активными защитниками своего города. Свои чувства и дела они излагали в письмах на фронт, в первых, пусть неумелых, но взволнованных стихотворных строках. Школьница Валя Воронцова писала тогда:

При тусклом свете меркнущей коптилки
Учились мы в блокадный, тяжкий год...
Работали на трассах... Сердцем пылким
Всегда, везде стремились мы вперед.
И где б мы ни были - в тимуровских отрядах,
Иль у ворот в тревоги грозный час,
Мы знали лишь одно: мы - дети Ленинграда,
Мы - внуки Ленина. Ничто не сломит нас.

Советские люди все делали для того, чтобы спасти эвакуированных из Ленинграда детей. Зачастую они брали их на свое иждивение, усыновляли и удочеряли. Немало осело ленинградских детей во время блокады в Средней Азии, на

Кавказе, Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке.

Очень трогательная история произошла в высокогорном черкесском ауле Бесленей Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края. В августе 1942 года сюда прибыло около ста детей из Ленинграда. В Армавире их выгрузили из теплушек, затем доставили на грузовиках в аул.

На беду местных жителей и только что прибывших ребят, исхудалых, измученных и замерзших, вблизи от аула появились фашисты. Детям из города на Неве грозила неминуемая смерть - фашисты немедленно расправились бы с ними.

Тогда жители аула кинулись в школу, где находились ребята, и стали брать к себе: кто одного, а кто и двоих, переодели их в национальную одежду и спасли от фашистов.

Гитлеровцы, занявшие аул, недолго задержались на Северном Кавказе. Красная Армия скоро выкурила их оттуда. Решение вопроса - что делать с детьми? - пришло само собой. Все они были усыновлены или удочерены. А тем малышам, которые не помнили своих русских имен, присвоили черкесские.

Это был акт милосердия к беззащитным детям блокированного Ленинграда, проявление нерасторжимой дружбы народов Советского Союза.

После войны те, которые были постарше и помнили своих родных, вернулись в Ленинград. Некоторые навсегда остались в Карачаево-Черкессии. Вот что сообщил в своем письме на мой запрос заведующий отделом пропаганды и агитации Хабезского райкома партии Ф. Пафов:

"Некоторые из ленинградских детей после войны, став взрослыми, нашли своих родителей или родственников, уехали к ним. Но часть до сих пор живет в Черкессии".

Среди оставшихся Пафов называет Екатерину Ивановну Иванову, 1932 года рождения, удочеренную Охтовым Абдурахманом Эльмурзовичем и Охтовой Шашей Патовной. У Кати, когда ей было 10 лет, погиб на фронте отец, а мать умерла во время блокады в феврале 1942 года. В ауле Бесленей Катя училась в школе, а затем пошла работать на небольшой завод, который потом разросся и именуется теперь "Гидропневмонормаль". Работает на этом предприятии бессменно до сих пор. В честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина награждена юбилейной медалью. Екатерина Ивановна вышла замуж за Гукова Муха Лаховича, черкеса. У них уже 6 детей - два мальчика и четыре девочки.

На этом же предприятии шофером работает Хенсев Рамазан Хаджимурзович. Его усыновили колхозники Хежев Хаджимурза Ильясович и Хежева Фатимат Камботовна.

На "Гидропневмонормали" трудится и еще один воспитанник черкесов Адзинов Рамазан Магометович.

В ауле Бесленей работает учителем средней школы Агаржаноков Муса Якубович, усыновленный и воспитанный черкесской семьей Агаржанокова Якуба Урусбиевича.

16

Войска Ленинградского фронта зимой 1941/42 года не вели боев большого масштаба. Командование фронтом поставило задачу изматывать врага малыми силами. Особенно большой урон живой силе врага наносили наши снайперы-истребители.

Приведу несколько примеров. Группа бойцов нашей дивизии во главе с коммунистом Росик 3 января скрытно подползла к окопам врага и гранатами уничтожила 8 фашистов. 6 января артиллеристы командира Калачева уничтожили орудие, которое гитлеровцы выкатили из укрытия, чтобы открыть огонь по нашим позициям прямой наводкой. Весь расчет врага был уничтожен. 16 февраля младший лейтенант Пурнятный с наблюдательного пункта заметил, что группа фашистов скрытно подползает к нашим позициям, об этом он дал знать батарее. Артиллеристы открыли огонь и уничтожили всю вражескую группу.

Коммунист-пулеметчик Герой Советского Союза Александр Заходский за два месяца уничтожил более 200 оккупантов.

Только с 9 по 31 марта снайперами, пулеметчиками, артиллеристами и минометчиками было уничтожено на Ленинградском фронте 28 тысяч гитлеровских солдат и офицеров.

Один из снайперов нашей дивизии Петр Дятлов, на счету которого уже числилось свыше пятидесяти истребленных оккупантов, рассказывал товарищам:

- Когда я учился в школе, всегда защищал слабых мальчишек, не давал их в обиду. Увлекался поэзией, любил Пушкина, пробовал сам писать стихи. Но главная моя мечта была стать врачом. Нет на свете другой такой гуманной профессии.

Но Дятлов не стал врачом. Он стал воином. Теперь его задачей было не исцеление недугов у людей, а защита Родины, требующая по сравнению с врачеванием совсем иных качеств.

- У меня теперь одна цель, - продолжал Петр Дятлов, - уничтожать фашистов.

Так же думали и действовали все защитники города Ленине", все воины Красной Армии и Флота, на долю которых выпала трудная задача - отстоять Отечество от фашистской коричневой чумы.

И Петр Дятлов стал грозой для фашистов. Стоило появиться ему где-либо на переднем крае, как враги сразу узнавали его

"почерк". Он заставлял их передвигаться по траншеям только на корточках, в согнутом положении. Стоило кому-либо в траншее противника подняться во весь рост, как он тут же падал от пули Дятлова.

17

Начала наносить более ощутимые удары по врагу и наша авиация, особенно морская, которая охраняла ленинградское небо со стороны Балтики. Отличались своими смелыми рейдами летчики командира полка Героя Советского Союза полковника Преображенского.

Впервые о Преображенском я услышал еще в начале войны, в августе сорок первого, когда летчики Балтийского флота совершили несколько мощных налетов на Берлин. Об этих воздушных рейдах сообщалось в печати. Были помещены портреты героев. Среди них - Преображенский, Хохлов, Фокин, Гречишников. Я, как журналист, мечтал с кем-нибудь из них познакомиться, узнать подробности этих рискованных и, конечно, очень трудных для того времени полетов. И вот моя мечта в апреле 1942 года сбылась. На квартире моего товарища на Васильевском острове оказался и Петр Ильич Хохлов, который на флагманском корабле вместе с полковником Евгением Николаевичем Преображенским летал на Берлин в качестве штурмана.

С Хохловым мы сразу нашли общий язык. Мне он понравился своей скромностью. Слава, которой герои-летчики были тогда овеяны, не вскружила ему голову. Петр Ильич словно бы даже стеснялся своих заслуг. Его открытое спокойное лицо, живые глаза и простота располагали, вызывали симпатию и уважение.

Когда я начал писать о блокаде Ленинграда, то, конечно же, вспомнил о Хохлове, отыскал свой старый блокнот, куда занес наш разговор с ним. Вот как он представил картину первого воздушного рейда в тыл врага.

...Августовская ночь на Балтике короткая. Она длится лишь немногим более шести часов. А предстояло на большой высоте пролететь почти две тысячи километров над территорией врага, отбомбиться и вернуться на свою базу, которая была тогда оборудована на эстонском острове Эзель.

Приказ о готовности к боевому вылету был получен за сутки. Но куда лететь, что бомбить - никто из летчиков определенно не знал. Знал только командир полка Преображенский.

- Но мы, - признался Хохлов, - догадывались. Догадывались по тщательности и сверхсекретности подготовки к полету. Открыто мы не называли объект. Однако каждый про себя думал, что им является Берлин. Так и случилось. Официально нам

сообщили о бомбежке гитлеровского логова лишь за несколько часов. Летели на бомбардировщиках ИЛ-4 около трех часов. Летели на высоте шесть тысяч метров. Когда увидел Берлин, у меня заколотилось сердце и сжались кулаки. В этот момент слышу Преображенского: "Иду к цели". Я открываю бомболюк и снимаю сбрасыватели с предохранителя. И самолет ложится на боевой курс. Через несколько секунд, освобождаясь от бомбового груза, он вздрагивает. Смотрю вниз и вижу: точно из недр спящего доселе вулкана вырвались огромные языки пламени. Бомбы попали точно в цель - военный объект поражен!

На душе стало как-то легко. Мы с Преображенским торжествуем, продолжал свой рассказ Петр Ильич, - и делаем разворот, ведь медлить нельзя. Самолет круто наклоняется, и я вижу освещенный электричеством Берлин. Но он тут же погружается в темень. Теперь он виден лишь там, где полыхает пламя пожара...

Радист Рудаков под диктовку Преображенского посылает на остров Эзель радиограмму: "Мое место - Берлин. Задача выполнена. Возвращаюсь на базу".

Но не так-то легко было вернуться на базу. Враг открыл зенитный огонь. Путь самолетам преградили и аэростаты. Советский бомбардировщик пытается обойти заградительный огонь. Но куда бы он ни свернул, всюду возникают красные пучки разрывов. Преображенскому надоедает эта игра, и он, решает лететь прямо, напролом. Скоро самолет вырывается из клещей прожекторов...

Приземлились наши герои-летчики, когда над островом Эзель заиграла утренняя заря. Теплая встреча, крепкие объятия. Радуются и те, кто бомбил Берлин, и те, кто руководил их полетом. Но не обошлось и без огорчения. На базу не вернулся экипаж летчика Сипягина.

Налеты на Берлин с острова Эзель совершались несколько раз, в четырех из них участвовал флагманский штурман капитан Петр Ильич Хохлов. Правительство высоко оценило его заслуги, присвоив ему, как и его товарищам, звание Героя Советского Союза.

18

С наступлением весны к бомбежкам, обстрелам и голоду могла добавиться эпидемия. Ведь за длинную холодную зиму квартиры, лестницы и дворы не очищались от грязи и нечистот. Слой утоптанного снега и льда на улицах и площадях Ленинграда был больше метра. До начала таяния его надо было убрать, иначе вместе с вешними водами могла возникнуть любая эпидемия.

Первой тревогу подняла печать. В одном из номеров

"Ленинградская правда" писала: "Жилец, выбрасывающий нечистоты на лестницу, наносит серьезный ущерб городу и окружающим... Повсюду, где трудятся и бывают ленинградцы, - на улицах, на предприятиях и в учреждениях, в театрах и столовой, в магазине и бане, - во всех общественных местах нужно поддерживать строгий порядок".

Но ленинградцы и сами понимали значение очистки домов, дворов и улиц от грязного снега и нечистот. До войны Ленинград был самым чистым городом, о порядке и чистоте заботилось все его население.

Поход за чистоту начали молодежные бригады. По заданию райкомов комсомола они ежедневно делали обход квартир и лестниц, очищали их от мусора, приводили в порядок водопровод.

Затем городские власти подключили к этому делу и домоуправления. Начало было положено общегородским собранием управдомов, которое состоялось в середине марта в театре имени Пушкина. Речь на этом собрании шла о том, чтобы до наступления тепла навести во всех домах элементарный порядок. Перед собравшимися выступил председатель исполкома Ленинградского Совета депутатов трудящихся П. С. Попков. Он же вручил грамоты Ленсовета тридцати лучшим управляющим домами.

Вскоре при домоуправлениях были созданы санитарно-бытовые комиссии.

В Ленинграде начался всеобщий поход за чистоту и порядок. Звучит это парадоксально. Война. Город окружен врагом. Почти ежедневно на него сбрасываются бомбы и снаряды, от которых рушатся дома, а улицы, мостовые, площади и дворы покрываются осколками кирпича и тучами пыли. И в то же время объявлен поход за чистоту и порядок, ибо приближение теплых дней требовало профилактических мер. Только порядок, железная дисциплина и чистоте могли предотвратить вспышку эпидемии. Вот почему главным орудием для населения города снова стали лом, лопата, скребок и метла. Уже в середине марта на очистку города стали ежедневно выходить десятки тысяч людей.

Чтобы в работу по очистке города включилось все население, Ленсовет принял постановление о мобилизации населения в порядке трудовой повинности на работы по очистке домов, улиц, площадей и набережных Ленинграда. Этим постановлением объявлялось мобилизованным все трудоспособное население: мужчины от 15 до 60 лет, а женщины от 15 до 55 лет. Рабочий день по очистке устанавливался 8-часовой, а для домохозяек и учащихся - 6-часовой. Работающие на фабриках, заводах и

учреждениях обязаны были после рабочего дня отработать два часа на улицах и дворах города.

Каждому жителю Ленинграда вручалась специальная повестка. Маленькая листовка-бумажка с приглашением явиться на работу призывала к выполнению гражданского долга. И люди отзывались на это приглашение, выходили на работу, чтобы с чистой совестью сказать: "Я выполнил свой долг, хотя мне было и очень трудно, не хватало сил, чтобы колоть лед, сбрасывать в кучи мокрый снег, вывозить мусор и нечистоты, но у меня радовалось сердце, когда я видел чистый асфальт, поднимался по чистой лестнице, с радостью слушал звон трамвая, прошедшего по освобожденной от снега колее".

Не осталась в стороне во время очистки города и армия, в том числе и наша дивизия, которая находилась в это время во втором эшелоне. Она помогала очищать от снега и льда Московский проспект. Наши бойцы, среди которых были жители Московского района, писали тогда труженикам своего района:

"Ценою своей крови мы защищаем город Ленина. Берегите его, дорожите им. Дорожите своим городом, любите его. Цените каждый его камень, квартиру, дом, улицу, предприятие, как свою жизнь. Помните и не забывайте, что все это построено на наши деньги, нашими руками, защищено от врага ценою крови наших отцов, сыновей, братьев, мужей. Помните, дорогие наши товарищи: одно только сознание того, что в городе нашем порядок, что вы бережно относитесь ко всему, что есть в нем, сохраните его, - это сознание будет ободрять нас в борьбе с ненавистным врагом, будет умножать наши силы в борьбе за разрыв блокады, за полное уничтожение врага".

Эпидемии в Ленинграде не было. Она была предотвращена героическим трудом гражданского населения и армии. Люди радовались, что им удалось проделать колоссальную работу, не меньшую, чем во время создания оборонительных рубежей.

Приближающаяся весна поставила перед ленинградцами еще одну неотложную проблему - надо было засадить картофелем и овощами каждый клочок свободной земли в городе и его окрестностях. По призыву областного и городского комитетов партии, Ленсовета каждый житель Ленинграда должен был за лето вырастить столько овощей, чтобы обеспечить ими себя на весь год. Прежде всего были выделены земельные участки предприятиям, которые стали создавать подсобные хозяйства.

Под индивидуальные огороды отводилось 10 тысяч гектаров.

Мне приходилось наблюдать, как ленинградцы старательно обрабатывали землю, тщательно ухаживали за своими участками, на которых были посажены картофель, капуста, огурцы, лук,

свекла. Огороды были разбиты даже в Летнем саду, между вековыми деревьями и статуями. Собранный урожай потом был хорошей прибавкой к тому, что люди получали по карточкам.

С наступлением весны в Ленинграде возобновили деятельность некоторые театры и дома культуры. По многим улицам пошел трамвай. Он вызвал настоящий переполох во вражеском стане. Захваченный нашими разведчиками "язык" рассказывал:

- В одну апрельскую ночь мы увидели над городом какие-то странные вспышки. Не ракета, нет, нечто совсем другое! "Курт, - говорю я, - что это за странная иллюминация?" Мы долго смотрели в сторону города. Потом Курт воскликнул: "Черт меня возьми! Они пустили трамвай!" Пришло время удивляться мне: "Пустили трамвай? Русские? В Ленинграде, на седьмом месяце блокады? Зачем же мы мерзли здесь всю зиму, в этих страшных болотах? Зачем мы кричали об их неизбежной гибели, о нашей победе, если они... пустили трамвай?"

* * *

Первого мая не было, как в предыдущие годы, демонстрации и военного парада на Дворцовой площади. Не было и массовых спортивных соревнований. Не был запружен веселыми, одетыми по-летнему ленинградцами Невский проспект. Наоборот, в тот день фашисты усилили обстрел города из дальнобойных орудий.

Но это не помешало нам отметить Первое мая. Верные революционным традициям, ленинградцы украсили, как могли, улицы и дома, во многих местах развевались красные флаги. Состоялся в городе и митинг. Но он был несколько необычен: проводился не на площади, а по радио. Его открыл председатель Ленсовета Попков. Попкова у микрофона сменил генерал-майор Гусев. Затем слово было предоставлено стахановцу завода имени Карла Маркса Можаеву, герою-артиллеристу Красногвардейского Балтийского флота капитану III ранга Левченко и поэту Николаю Тихонову.

Митинг закончился звуками "Интернационала". Участниками этого митинга были не только горожане, но и воины Ленинградского фронта. Мы с большим волнением слушали выступающих по радио, и нам казалось, что мы, как и в мирные годы, стоим на Дворцовой площади, украшенной флагами, знаменами, лозунгами и портретами передовых людей.

В первомайские дни, впервые после долгого перерыва, в Ленинграде звучали песни, музыка, состоялись концерты. Был концерт и в нашей дивизии. Правда, артистов оказалось немного, всего лишь двое: начальник артснабжения штаба дивизии, в прошлом инженер по холодной обработке металла,

преподаватель обувного техникума из нашего Московского района Шухман и боец комендантского взвода Битов. Шухман пел, а Битов аккомпанировал на рояле.

После каждого номера их награждали бурными аплодисментами, у некоторых бойцов даже блестели на глазах слезы. Опровергалось старое изречение: "Когда говорят пушки, то музы молчат".

И Манштейн не помог

1

Июнь сорок второго года в Ленинграде был относительно спокойным. Рядовые и младшие командиры нашей дивизии разбирали на дрова старые дома за Невской заставой, а средний и старший командно-политический состав совершенствовал знания, обобщал опыт, накопленный за время войны.

В пору белых ночей, когда бесконечно тянутся дни и совсем не ощущаются ночи, начальник политотдела дивизии Ипатов пригласил к себе заместителей командиров полков по политчасти, работников политотдела, редактора дивизионной газеты и начальника клуба.

Собрались не в его маленьком кабинете, оборудованном на скорую руку в небольшом одноэтажном доме, укрытом распустившимися деревьями, а в садике, огороженном ветхим деревянным забором и кустами сирени. В нем, как говорится, можно было сочетать приятное с полезным - подышать свежим воздухом и обсудить текущие дела. К тому же сохранился старенький дощатый стол и несколько скамеек. Видимо, жильцы этого дома любили природу, свободные вечера проводили на открытом воздухе, в окружении деревьев и цветников.

Время шло уже к вечеру, и жара стала постепенно спадать.

- В такие дни, - мечтательно заметил Смыкунов, любивший вспомнить прошлое, - я до войны амуры разводил, выезжал за город, чтобы насладиться природой, погулять с приятной девушкой.

- И часто? - не то шутя, не то серьезно спросил Булычев.

Смыкунов собрался что-то ответить комиссару штаба дивизии, но начальник политотдела предложил приступить к делу.

Первое слово было предоставлено заместителю командира по политчасти артиллерийского полка Алексею Гусеву.

Гусева мы хорошо знали. В дивизии он с первого дня. И все время в одной и той же должности. У него был грудной, но довольно громкий голос. Говорил складно. Умел выгодно подать то, что делалось в полку, подбросить какую-нибудь мысль, вызывающую споры, обобщить мелкие разрозненные факты и

придать им весомость.

Он встал, снял пилотку, пригладил ладонью темные волосы и, обернувшись к начальнику политотдела, спросил:

- Каким временем я располагаю, товарищ начальник?

- Тридцать минут. Не больше, - ответил Ипатов.

Гусев говорил, не заглядывая в конспект, который на всякий случай держал в руках. Я позавидовал его способностям выступать и хорошей памяти. Сначала он рассказал об участии полка в боях на Лужском рубеже, потом в боях на Ораниенбаумском пятачке и в районе "Спиртстроя", сообщил количество выведенных из строя артиллерией полка инженерных сооружений противника, его техники и живой силы, перечислил отличившихся. И только после этого начал говорить по существу, то есть о политической работе в условиях боя. Никто его не перебивал.

- Основное, - переходя к главной теме своего сообщения, сказал он, готовясь к бою, мы обращаем внимание на то, чтобы поддержать высокое морально-политическое состояние у личного состава, высокую дисциплину и готовность выполнить воинский долг.

Далее он назвал наиболее важные темы политбесед, проведенных за последние месяцы, вопросы, которые обсуждались на партийных собраниях дивизионов, назвал цифры роста парторганизации, рассказал о работе полкового клуба и ансамбля песни и пляски, которым руководил командир взвода старший лейтенант Алексей Иосько, рассказал о выпусках батарейных боевых листков.

Заключил Гусев эффектно:

- В момент воодушевления, в ярости и упоении воя наши артиллеристы способны на подвиги и жертвы, на самопожертвование и самоотречение. Вот почему, оглядываясь на прошедшие месяцы боев, я часто думаю: почему мы выстояли, не позволили врагу овладеть Ленинградом? Потому, что в наших рядах не было уныния. Потому, что бойцы Московской заставы не теряли веры в победу и не давали страху овладеть сердцем, не проявили даже минутной трусости.

После перерыва начался обмен мнениями.

Говорить в нашей дивизии о морально-политическом состоянии, в которой основное ядро по-прежнему составляли ополченцы, было просто. Ведь ленинградцы всегда обладали высоким сознанием и всегда были готовы исполнить священный долг по защите своего Отечества. Даже в самый тяжелый первый год войны у нас не было ни одного серьезного ЧП и, конечно, ни одного самострела. Взаимопомощь и взаимовыручка в бою были

возведены в закон. Эти качества особенно пригодились во время первых боев, когда не хватало физической выносливости и военного мастерства.

Войска Ленинградского фронта находились в особых условиях - в условиях блокады. Естественно, что это обстоятельство наложило определенный отпечаток на характер ведения боя и, конечно, на содержание и формы политической работы.

Известно, когда боец знает не только "свой маневр", но и настроен по-боевому, когда хорошо осведомлен о происходящих событиях, разбирается в них, когда он понимает значение поставленных перед ним задач, тогда он идет в бой с чувством ответственности за его исход. А это порождает такие качества, как собранность, смелость и решительность, то есть то, что принято называть наступательным порывом. Без этих качеств не могло быть и победы.

Летом сорок второго года перед нами была поставлена задача - готовиться к наступательным операциям. Значит, менялась тактика боя, менялась и политическая работа. Вот об этом-то и шел прежде всего разговор у начальника политотдела.

Заместитель командира по политчасти 141-го полка В. И. Белов, говоря об этом, образно заметил: "Хороший хирург никогда не начнет оперировать больного, пока психологически его не подготовит, не убедит, что операция неизбежна и что окончится она благополучно. Так должен поступать и наш брат, - развивал свою мысль Василий Иванович. - Хороший политработник постарается перед боем настроить своих людей так, чтобы они шли в бой без колебаний и без страха, шли с одним желанием - выиграть бой, победить врага".

Исход боя зачастую зависел от личного примера командира и политработника. Встанет в решительный момент и ринется вперед командир или политработник - ринутся на врага и остальные. Этот вопрос остро встал потому, что предстояло вести не оборонительные, а наступательные бои. И как тут было не вспомнить комиссара дивизии полкового комиссара Тихонова. Павел Тихонович в самые критические моменты оказывался среди солдат, был душой многих контратак, первым в бою поднимался и увлекал за собой воинов.

Как-то Тихонов пришел в один из батальонов 1-го стрелкового полка, когда тот готовился к выполнению боевого задания.

Комиссар пошел в бой вместе с батальоном. Враг оказывал упорное сопротивление. Бойцы одной из рот под огнем противника залегли.

И тут среди них появился Тихонов. Подняв над головой автомат, он крикнул:

- Вперед, за мной, товарищи!

И бойцы устремились за ним.

Вместе с ополченцами и моряками комиссар дивизии ворвался в окопы фашистов, однако осколок снаряда сразил его. Тихонов упал. Но тут же, превозмогая боль, вскочил и крикнул:

- Постойте, товарищи, за Ленинград, постойте за нашу землю!

Это были последние его слова.

Мужественно вели себя и отдали свои жизни в борьбе с врагами нашей Родины парторг 1-го стрелкового полка, бывший редактор многотиражной газеты "Электросиловец" Наумов, комсорги полков Пашков и Миша Косарымов, политрук роты Мченский, инструктор политотдела Дворян.

В нашей дивизии, особенно в первые месяцы войны, существовала очень важная проблема - преодолеть гражданские привычки, научить людей беспрекословно выполнять приказания командиров, соблюдать субординацию. Это было вызвано тем, что многие ополченцы никогда не служили в армии, не знали требований воинского устава. Поэтому первейшая обязанность политработников состояла в том, чтобы добиться высокой дисциплины, понимания ее значения каждым воином. На первых порах были даже случаи, когда вместо повторения приказа командира взвода или отделения рядовой начинал обсуждать его. Чтобы навести воинский порядок, нужно было провести большую разъяснительную работу, на примерах показать пагубность гражданских привычек в условиях фронтовой обстановки. Об этом говорилось на партийных и комсомольских собраниях, во время политбесед. В дальнейшем ополченцы твердо усвоили, что приказ командира не подлежит обсуждению, а его нарушение является тягчайшеим преступлением.

На совещании кто-то вспомнил такой случай.

Прибыв в дивизию, новый заместитель командира дивизии по политчасти старший батальонный комиссар Орлов очень круто повернул дело в общении между подчиненными и командирами, не допускал даже малейшего отступления от "табели о рангах".

Однажды ответственный секретарь дивизионной газеты "За победу" Иосиф Альбац обратился к Орлову не по уставу, а запросто, по-граждански, назвав его по имени и отчеству. Орлов возмутился и заставил обратиться по уставу.

Альбац, конечно, тут же с подчеркнутой официальностью выполнил требование заместителя командира дивизии. Но когда Иосиф Михайлович вернулся в редакцию и рассказал о происшедшем, в небольшом редакционном коллективе разгорелся

спор.

Литсотрудник Давид Золотницкий, окончивший перед войной Ленинградский педагогический институт имени Герцена и еще не избавившийся от студенческих замашек иронизировать по каждому поводу, заметил:

- Вам, товарищ старший лейтенант, еще повезло. За такие вольности, какие вы допускаете, нетрудно попасть и в штрафную роту.

Взволнованный и еще продолжавший переживать случившееся Альбац, не поняв дружеской иронии Золотницкого, решил дать бой этому "молокососу", как он в порыве гнева назвал его, злясь на то, что Золотницкий часто правит его статьи.

- Окажись ты на моем месте, - ответил он Золотницкому, - наверняка угодил бы на гауптвахту! Армия тебе не институт и не средняя школа. Здесь, дорогой мой мальчик, не похлопаешь по плечу и не возразишь старшему по званию, а тем более по должности. Я из тебя вышибу гражданскую распущенность!

- Это же солдафонство, Иосиф Михайлович, - парировал Золотницкий.

- Вы оба преувеличиваете, - решил погасить спор редактор газеты.

- Нисколько, - не сдавался Альбац, - "табель о рангах" касается не столько этикета, сколько воинской дисциплины. Ты видел, как перед генералом тянутся полковники и подполковники. Никогда не перебивают его. Больше слушают. А если и высказываются, то очень коротко: "Слушаю, товарищ генерал!", "Выполним, товарищ генерал!"

- Пора, друзья, привыкать к воинским порядкам, - подвел итог развязавшейся полемике Мольво. - Мы же работаем не в "Скороходовском рабочем", где могли позволять в отношениях между собой вольности, а находимся в армии, да еще на фронте.

Слушая рассказ об этом эпизоде, мы вдоволь посмеялись. Когда воцарилась тишина, Ипатов спросил:

- Кто следующий?

Слово взял Георгий Смыкунов.

- Если армейский политработник лишен вдохновения, выступает без огонька, без подъема, если его слова не окрашены эмоциональными красками и не подкреплены яркими примерами и доводами, то, как бы он ни старался, коэффициент его воздействия будет равен нулю или почти нулю. Большая часть его слов пролетит мимо, не заденет ни души, ни разума человека. Вот почему я против холодного академизма в политической работе. Мы, политработники, обязаны нести в красноармейские массы идеи нашей партии, пробуждать и развивать у воинов

наступательный порыв. Другими словами - обязаны разжигать энтузиазм и жажду действий, бесстрашие и готовность к самопожертвованию ради спасения своей Отчизны. А этого не достичь, если вместо горячего и страстного призыва, задушевного и откровенного разговора бубнить что-то невразумительное, произносить по бумажке избитые, монотонные фразы.

Георгий Смыкунов высказал все это на одном дыхании. Речь свою он закончил такими словами:

- Бой, если хотите, это игра нервов, требующая колоссального напряжения физических и духовных сил, предельной выдержки и воли к победе. Побеждает в этой борьбе тот, кто решителен и напорист, кто не боится погибнуть. Стоит человеку заколебаться, на какое-то мгновение проявить нерешительность, как им может овладеть страх и он либо начнет прятаться за спины своих товарищей, либо пятиться назад. Необходимо вдохнуть в бойца уверенность в победу, смелость и, безусловно, воинственность.

Речь Смыкунова вызвала оживление. Кое-кто возразил Смыкунову. По их мнению, поддавшись эмоциональным чувствам, Смыкунов забыл о воспитании убежденности и высокой сознательности, о том, что сила слова агитатора и пропагандиста не только в яркости красок, но главное - в аргументах, в умении просто и доходчиво разъяснить политику партии, приказы Верховного Главнокомандующего. Начальник политотдела, подытоживая прения, решил сделать некоторые свои замечания.

Соглашаясь с высказыванием Смыкунова, Ипатов отметил, что политработник, являясь идейным бойцом партии, должен обладать горячим сердцем, уметь зажигать людей, уметь убеждать воина и оберегать его от дезинформации и влияния враждебной пропаганды.

- Если, - говорил он, - роль командира состоит в том, чтобы разработать план предстоящей операции, поставить конкретную задачу перед подчиненными частями и проинструктировать исполнителей, то обязанность политработника заключается в том, чтобы разъяснить значение этого плана, подготовить личный состав нравственно и политически. Вместе с тем политработник обязан проявить заботу о солдатах. Политическая работа в армии многогранна, она охватывает все стороны нелегкой солдатской службы, касается и быта. А быт солдата на фронте не прост. Спит он урывками. Вместо мягкой постели служат ему несколько веток, сорванных с дерева, а то и их нет. Городскую квартиру или колхозный дом заменяет сырая землянка или холодная ниша в траншее.

Вот почему на эту сторону дела мы обращаем большое внимание. Во всех взводах у нас оборудованы сейчас теплые ;

землянки, под постоянным контролем держим питание, санитарное обслуживание. Даже следим за сменой белья и мытьем бойцов. Уделяем внимание и культурному обслуживанию. В дивизии регулярно устраиваются вечера отдыха, встречи с артистами, учеными и представителями подшефных предприятий, проводятся концерты армейской самодеятельности. Активно действует дивизионный клуб и ансамбль красноармейской песни и пляски, а в полках - художественная самодеятельность. Кроме дивизионной многотиражки, выпускаем боевые листки. Есть своя кинопередвижка. Даже имеются свои поэты и композитор.

И. Е. Ипатов был прав. Политработники нашей дивизии всегда были в гуще масс, активно влияли на боеспособность частей и подразделений.

Немаловажную роль в деятельности политработников нашей дивизии играла героическая история Ленинграда, его революционные и трудовые традиции. Бойцы и командиры дорожили тем, что им доверена защита колыбели Великого Октября, города русской славы.

Деятельность политработников в дивизии направляли заместитель командира дивизии по политчасти и политотдел.

Долгое время политотдел дивизии возглавлял Иван Евграфович Ипатов воспитанник Свердловской партийной организации, участник гражданской войны на Урале. В дивизии Ипатова уважали за простоту, отзывчивость и умение ценить мнение подчиненных.

Аппарат политотдела был невелик. Кроме начальника и его заместителя, в штате состояли секретарь партийной комиссии и несколько инструкторов. Инструкторы Смыкунов, Страхов, Сергеев, Тихвинский, Телятников, Родионов - в прошлом партийные работники. А должность секретаря партийной комиссии отлично выполнял бывший секретарь парткома Ленмясокомбината имени С. М. Кирова Г. И. Терновой.

В штат политотдела не входил комиссар штаба дивизии П. К. Булычев. Однако его деятельность была тесно связана с политотделом. Он являлся связующим звеном между штабом дивизии и политотделом, помогал работникам политотдела направлять свои усилия туда, где их больше всего требовала фронтовая обстановка.

2

С совещания я уходил вместе с Георгием Смыкуновым. После боев в районе Усть-Тосно мы с ним сблизились и прониклись взаимным уважением. С тех пор каждый из нас стремился выказать другому внимание, помочь в случае необходимости,

даже просто сообщить новость. Вот и на этот раз Георгий Петрович, взяв меня под руку, зашептал:

- Ну и новость я вчера узнал!

- Какую же?

- Очень серьезную и абсолютно пока секретную.

- Раз очень секретная, то и не стоит мне о ней рассказывать, мы же с тобой на фронте.

- Думаю, что о ней скоро все узнают.

- А откуда ты ее узнал? Не от штабистов же?

- Конечно, нет. Вчера я ездил с поручением в Смольный. Вот там и рассказали.

- Она касается нашей дивизии? Что, опять к нам приходит новый комдив?

- Да нет. А вообще-то не плохо бы нашего конника заменить пехотинцем.

Наш комдив полковник Лебединский до войны все время служил в кавалерийских частях, поэтому в стрелковой дивизии чувствовал себя неуверенно. Зато оживлялся, когда рассказывал о нравах лошадей и верховой езде. Даже завел себе лошадь, на которой выезжал на тренировки каждый день. Вот поэтому-то его и прозвали "конником".

- Пойдем к тебе, там и расскажу. "Ворошиловский паек" есть? - спросил Смыкунов, как только мы переступили порог моей комнатушки, которую мне отвели для временного жилья в одном из домов вблизи от политотдела дивизии.

- Значит, новость, о которой ты хочешь рассказать, неприятная, раз начинаешь с водки.

- Ты прав. Неприятная.

И он сообщил, что гитлеровцы снова намерены штурмовать Ленинград. Для этой цели решили перебросить из Крыма 11-ю армию, которой командует фельдмаршал Манштейн. Тот Манштейн, который получил от фюрера свое высокое звание за Севастополь и за зверства, учиненные над защитниками славного города.

Сообщение Смыкунова через несколько дней подтвердилось. Гитлер отдал приказ штурмовать Ленинград, как только 12 дивизий Манштейна с осадной артиллерией будут переброшены из Крыма к берегам Невы. Затянувшаяся блокада гитлеровцам ничего хорошего не сулила. Как они ни пыжились, гордый город по-прежнему для них был неприступной крепостью. А войска, обложившие его, с каждым днем таяли, теряли боеспособность. Вот и решил Гитлер снова испытать счастье, попробовать овладеть Ленинградом, чтобы не только спасти свой престиж, но и получить немалые стратегические выгоды. Во-первых, в тяжелое положение поставить наш Балтийский флот, базировавшийся в Кронштадте, и, во-вторых, получить возможность перебросить

дивизии из-под Ленинграда на Московское направление.

Готовясь к новому штурму города Ленина, гитлеровцы с особой яростью и жестокостью вели обстрелы и бомбежки с воздуха.

Но фашисты не застали врасплох защитников Ленинграда. Своевременно предпринятые контрмеры сорвали план Гитлера.

Одной из таких контрмер явилась Старопановская операция, проведенная с 20 июля по 2 августа, в которой участвовала и наша дивизия.

3

В начале июля командиры нашей и 21-й дивизий получили приказ сосредоточиться вблизи Койровской лощины, которая тянулась вдоль Литовского канала до шоссе Ленинград - Стрельна, соорудить опорные пункты и вырыть ходы сообщений. А что за сим последует, никто пока не знал. Можно было лишь догадываться, что позиции создаются на случай наступления.

Этот район был выбран для атаки с расчетом, в случае удачи, выхода к Урицку, а оттуда - на Петергоф.

Фашисты заметили сосредоточение наших войск и чаще, чем обычно, обстреливали поселок Дачное и больницу имени Фореля. Под непрерывным обстрелом они держали также насыпь Балтийской железной дороги, то есть те самые места, где передвигались и сосредоточивались подразделения и части наших войск.

На войне, когда перед атакующими частями простирается заминированная и опутанная колючей проволокой полоса земли, первыми в "дело" вступают саперы. Их задача - проделать проходы для пехоты и танков. Это требует бесстрашия, быстроты действий и тонкой, поистине ювелирной работы. Недаром же существует поговорка, что "сапер ошибается только один раз". Поэтому-то саперные подразделения комплектовались из людей смелых, находчивых, физически сильных и выносливых.

Саперы нашей дивизии, возглавляемые капитаном Монаковым, бывшим ополченцем, ставшим за время войны опытным командиром, пользовались у бойцов и командиров особым уважением, были людьми решительными и надежными, в совершенстве знающими свое дело. Это их искусными и крепкими руками перед самым носом противника в течение одной ночи минировались поля, устанавливались столбы с колючей проволокой. Они же в большинстве случаев сооружали укрепленные оборонительные сооружения - долговременные огневые точки, надежные блиндажи и наблюдательные пункты.

Вот и на этот раз, когда готовилась Старопановская операция, саперы первыми получили боевое задание. Ночью, за несколько

часов до атаки, незаметно для врага они проползли нейтральную полосу, разминировали ее во многих местах и разрезали проволоку. Одновременно саперы Монакова тянули за собой длинные шесты, на концах которых были прикреплены головые шашки. Эти замысловатые и не очень удобные в обращении сооружения нужны были для того, чтобы в наиболее важных местах подложить под проволочное заграждение взрывчатку. Во время артиллерийской подготовки она взрывалась, образуя дополнительные проходы.

После выполнения задания наши саперы рассказывали, что противник расставил на этом участке прыгающие мины. Особенность их в том, что к ним прикреплялась изогнутая проволока, концы которой разбрасывались по полю. Достаточно было задеть эту проволоку ногой или рукой, как мина подпрыгивала и рвалась в воздухе. Осколки ее очень опасны потому, что стелились пег земле, поражая не только идущих или сидящих, но даже и тех, кто полз или лежал.

- Много ли вам удалось обезвредить таких мин? - спросили Монакова, когда он вернулся со своими саперами с задания.

- Несколько штук. Хорошо, что мы знали о их существовании, а то бы поплатились жизнями.

Теперь настала очередь артиллеристов. Орудийный грохот раздался с первыми лучами солнца. Засверкали молнии орудийных выстрелов. В этот момент весь передний край от Урицка, Старо-Паново до Горелово и Володарки сплошь был покрыт огненными взрывами, тучами дыма, столбами взлетающей земли.

Артподготовка длилась около часа. Снаряды один за другим рвались в расположении противника, разрушая его огневые точки, проволочные заграждения, перепахивая ходы сообщений, поражая технику и живую силу.

В Старопановской операции впервые было применено новое реактивное оружие страшной разрушительной силы и огромного психологического воздействия. Это оружие получило у бойцов кличку "Иван-долбай", хотя официально оно называлось очень скромно и кратко "М-31". Каждая такая мина по своей мощи превосходила снаряды "катюши" более чем в три раза. Мы были приятно удивлены, когда вслед за очередью "катюш" раздался залп из какого-то незнакомого нам оружия и над головами пролетели серого цвета чудовища с огненными хвостами. От их разрывов дрожала земля. Даже на нашем переднем крае обвалились землянки и осыпались брустверы.

Как только утихла артиллерия, в воздухе появились наши штурмовики. В это же мгновение пошли в атаку пехота и танки.

Атака была решительной и быстрой. Бойцы, возглавляемые старшим лейтенантом Жириным и батальонным комиссаром Тутуркиным, первыми поднялись и с возгласом "Ура!" ринулись вперед. Одновременно танкисты открыли из своих пушек стрельбу по огневым точкам фашистов. Среди танкистов был уроженец Старо-Паново Павел Фокин. Перед боем он говорил: "Не дождусь наступления. Я ведь вырос в этой деревне, там и дом наш. Интересно, стоит он или его уже нет?" И вот танки, преодолев первую вражескую линию обороны, ворвались в деревню. Павел остановил танк у родного дома, открыл люк и вылез из машины. От волнения у него выступили слезы на глазах. Он сделал несколько шагов и замертво упал. Его скосила автоматная очередь фашиста, спрятавшегося на чердаке соседнего дома...

Бойцы 59-го полка, которым командовал полковник Краснокутский, выбив гитлеровцев из Старо-Паново, стали преследовать и теснить их в глубь обороны, форсировали Дудергофку и ворвались в Урицк.

- Урицк мы уже считали взятым, потому что немцы, завидев нас, покинули его, - сетовали потом бойцы, - но неожиданно поступил приказ от командира дивизии - отойти назад и закрепиться на правом берегу Дудергофки.

Да, планом предусматривалось выйти только к Дудергофке и закрепиться. Однако подразделения полка, почувствовав панику у врага, увидев, как он драпает, и преследуя его, ворвались в Урицк. Как должен был реагировать на это комдив? Изменить свой первый план и сделать все, чтобы закрепиться в Урицке и расширить клин, образовавшийся в обороне противника.

Но у Лебединского для этого не хватило смелости. Он испугался, как бы не зашли его подразделения слишком далеко. Поэтому-то и отдал приказ выровнять фронт, то есть вернуть из Урицка первый батальон 59-го полка. Как и следовало ожидать, через некоторое время фашисты опомнились и, конечно, поспешили вернуться в добровольно оставленный нами населенный пункт.

Секретарь партийной комиссии майор Г. И. Терновой, вернувшись ночью из полка, возмущался: "Если бы в помощь 59-му были брошены дополнительные силы, то нам бы удалось полностью разгромить 215-ю пехотную дивизию противника и глубоко вклиниться в их оборону. Однако вместо этого вернули наши подразделения из отбитого у гитлеровцев Урицка. Что это - ошибка или глупость?!"

4

Первым в Урицк ворвался батальон 59-го полка, действиями

которого руководил старший политрук Михаил Давыдов. Ему-то и было приказано вернуться из Урицка к Дудергофке. Давыдов хотя и не сразу, но выполнил этот приказ. А через сутки, когда наши части снова атаковали Урицк, Давыдов был ранен и доставлен в медсанбат. Узнав об этом, я поспешил к нему. Хотелось узнать подробности боя за Старо-Паново и Урицк.

Старший политрук лежал на койке с забинтованной головой и правой ключицей. Мне показалось, что передо мной не Давыдов, а известный в стране боксер Градополов, которого не раз видел на ринге. Так они были похожи. Те же очертания лица, те же чуть прищуренные и все время следящие за тобой глаза, небольшой прямой нос, коротко подстриженные "под бокс" черные волосы, упрямый, слегка вытянутый вперед подбородок.

Сначала разговор не клеился. Михаилу Ивановичу не очень-то хотелось вспоминать о том, как был оставлен Урицк. Лишь немного успокоившись, комиссар батальона стал рассказывать о том, как все случилось.

- В Старо-Паново мы ворвались быстро. Первое, что бросилось в глаза, полыхающие дома. Их немцы подожгли при отступлении. Всюду торчали почерневшие печные трубы. Фашистов здесь уже не было.

- Выходит, что деревня была взята без боя?

- Нет. Деревню сначала атаковали бойцы 141-го полка. Но они, встретив сильный огонь противника, залегли. Вот тогда-то наш командир полка Герой Советского Союза полковник Краснокутский и обратился к командиру дивизии за разрешением пустить в бой два наших батальона. Второй возглавил комбат Жирин и комиссар полка Тутуркин. А я - свой, первый.

Тут Давыдов замолчал. Он, видимо, еще не мог освободиться от пережитого. Чувствовалось, что он хотя и разговаривал со мной, а сам в мыслях все время был там, на поле боя.

- На фрицев мы наткнулись сразу же за Старо-Паново. Они открыли по нам страшный огонь. Затарахтели пулеметы и автоматы, кругом рвались мины и гранаты. Но мы, охваченные азартом боя, не прекратили наступления. Я бежал, не помня себя, точно завороженный. Со мной рядом мчался наш батальонный парикмахер Саша Тихомиров. Ему бы сидеть в землянке и стричь бойцов. Ведь его никто не принуждал идти в атаку. Но он пошел. Пошел, чтобы отомстить фашистам за мать и сестру, которые погибли в Ленинграде от голода, за раны своего города. Если бы вы видели, сколько в нем было решимости, жажды мести!

Давыдов снова умолк. Глаза его повлажнели. Глотнув из стакана воды, он продолжал:

- Не могу сказать, сколько Тихомиров поразил фашистов. А

вот сам не уцелел. За деревней его сразила пуля. Жаль парня. Очень уж был душевный, заботливый. Его у нас все любили. А сандружинницы все время вздыхали красавец... Немцы не выдержали нашего напора и пустились наутек. Нам все же удалось несколько человек взять в плен. Нашивки у них были эсэсовские.

- Что же было дальше?

- В деревне мы останавливаться не стали и побежали в сторону Дудергофки. По приказу наш 59-й полк и 141-й должны были здесь остановиться и закрепиться. Но, увидев, как фашисты побежали к Урицку, покинув противоположный берег реки, мы решили продолжать преследование врага. Переправиться через Дудергофку было не сложно - речка небольшая. Все же вымокли. Но денек был жаркий. На шоссе, по пути в Урицк, заметили два броневика, автобус и несколько легковых машин, около которых суетились немцы. Я отдал приказ пулеметчикам открыть огонь по отступающему противнику, поразить легковые машины и автобус. И тут же одна из легковых машин загорелась. Видимо, пробили бак с бензином. Броневики пустились наутек. Остался стоять лишь автобус, около которого толпилось несколько гитлеровцев. Наверное, заглох мотор. Видя растерянность фашистов, я подозвал командира третьей роты лейтенанта Осипова и приказал немедленно атаковать... И вот мы у автобуса. Фашисты, не успевшие бежать, побросали автоматы и в испуге подняли руки. Автобус оказался штабным. В нем были разные документы, карты, и канцелярские принадлежности. Мы не сразу заметили, что под машиной, притворившись мертвым, лежал гитлеровский подполковник. Наши ребята вытащили его за ноги, и он тоже поднял руки. Возиться мы с ним не стали. Некогда было. Отправили в штаб полка.

- Что же было дальше?

- Продолжали наступать. Не останавливаться же, когда противник бежит. Правда, впереди был большой населенный пункт - Урицк. Мы понимали, что в Урицке встретим упорное сопротивление. Но очень уж велик был соблазн. И мы подбежали к полотну железной дороги, продолжая атаковать отступавших. Но здесь неожиданно затарахтел вражеский пулемет, уложивший весельчака-дагестанца лейтенанта Гусейнова, бойцов Антонова, Удалова и Кирюшина. Тогда старший лейтенант Румянцев, взяв несколько гранат, пополз к вражескому пулемету. Я знал его жажду отомстить фашистам. У него, как и у Саши Тихомирова, в Ленинграде умерли от голода мать, отец и маленькая сестренка. За продвижением лейтенанта наблюдал с большим волнением. Мне было видно каждое его движение. Вот Румянцев уже у цели.

Взмах руки, и... взрыв. Но вражеский пулемет продолжает действовать, прижав нас к насыпи железной дороги. Румянцев бросил вторую гранату. И тут я увидел, как он растянулся, сраженный вражеской пулей. Но своего добился. Пулемет замолчал. В Урицке схватка была недолгой... Я уже хотел послать связного с рапортом о взятии Урицка. Но кто-то из бойцов подбежал ко мне и сообщил, что в овраге замаскированы крупнокалиберные пушки. Пришлось собрать комсостав батальона и наметить план захвата вражеских дальнобойных орудий, которые, как оказалось потом, вели огонь по Ленинграду. Подробно рассказывать не стану, как мы их захватили. Лишь скажу, что атаковали с двух сторон - с обоих флангов.

- И что же вы сделали с пушками?

- Очень просто. Подорвали гранатами. Эту операцию осуществил с группой бойцов политрук Филиппов.

- Вы донесли об этом командиру полка?

- Да. Доложил устно.

Давыдов вновь замолчал. Вытащил из-под подушки пачку папирос и закурил.

- Теперь мы стали ждать подкрепления, без которого трудно было удержать Урицк. Но вместо подкрепления примчался связной от командира полка с приказом оставить Урицк, переправиться через Дудергофку и окопаться на ее восточном берегу. Я не поверил. Но через два часа снова прибежал этот же связной и вновь повторил приказ командира. Что же было делать? Выполнить приказ - значит оставить только что отвоеванный крупный населенный пункт, за который столько пролито крови! Оставаться в Урицке - значит нарушить приказ. Я сам бойцов учил, что приказ командира - закон, что тот, кто его не выполняет, совершает преступление. Пока я колебался, прибыл новый связной все с тем же приказом: "Отойти на левый берег Дудергофки и закрепиться". Пришлось подчиниться. Собрал командиров и политруков рот и сообщил им о приказе. Правда, не обошлось без шума и возражений. Но приказ был выполнен. Ночью мы оставили Урицк. Жаль было его покидать. Очень жаль. Я до сих пор не могу понять причину такого решения командира дивизии. Правда, когда мы заняли позиции вдоль Дудергофки, в батальон пришел начальник политотдела подполковник Ипатов, который пояснил, что отвод батальона из Урицка был вызван стремлением выровнять фронт... Ночь, конечно, была ужасной. Мы чувствовали себя скверно. А на рассвете, когда наступательный порыв ослаб, и мы еще не успели прийти в себя, отдохнуть и собраться с силами, поступил приказ: "Наступать на Урицк". Это было настолько неожиданно и нелогично, что даже

вызвало в батальоне открытое возмущение. Теперь наше наступление было вялым и безрезультатным.

5

Действительно, 23 июля наступление на Урицк возобновилось. Но овладеть им не удалось. Отбили лишь восточную часть. Однако 2 августа противник подтянул свежие силы, вклинился в расположение наших войск, пришлось оставить и эту небольшую часть города.

Несмотря на промахи, допущенные в Старопановской операции, в частности с захватом Урицка, в целом она прошла успешно. В ней фашисты потеряли только убитыми полторы тысячи солдат и офицеров. Немало было уничтожено и техники. Несколько десятков фашистов было взято в плен. Потом их провели по улицам Ленинграда. Правда, наше командование опасалось, как бы население не отбило их у наших бойцов и не учинило самосуд. Но этого не случилось. Лишь на Литейном полетели в пленных камни, да какая-то женщина подбежала и плюнула одному из гитлеровцев в лицо.

Этих пленных я тоже видел. Это были грязные, оборванные люди. Они не шли, а плелись с опущенными головами. Мне казалось, что каждый из них думал:

Зачем я шел к тебе, Россия.
Европу я держал в руках,
Теперь с понурой головою
Плетусь в блокадный Ленинград.

...После того как пехота противника, взаимодействуя с артиллерией и танковыми частями, не смогла вернуть утраченных позиций в районе Старо-Паново, бои как-то незаметно утихли. Гитлеровцы решили ударить по нашим частям с воздуха, тем более что в авиации они по-прежнему имели некоторое превосходство.

И вот 3 августа ясным солнечным утром, в девять часов, послышался зловещий гул моторов. В это время мы с начальником политотдела Ипатовым направлялись в один из пехотных полков. Разумеется, тут же остановились, увидев в небе огромное количество черно-серых бомбардировщиков. "Этажом" выше, маневрируя и кружась, точно в вихре, носились юнкерсы - постоянные спутники бомбардировщиков.

Вскоре появились и наши легкокрылые, шустрые "ястребки". Их явно было меньше. У Ипатова даже вырвалось:

- До коль же наша авиация будет в меньшинстве!

Расстояние между воздушной армадой противника и нашими эскадрильями с каждой секундой сокращалось. То, что произошло дальше, даже трудно передать. В мгновение все перепуталось,

смешалось и закружилось. Лишь, обремененные тяжестью груза, продолжали "спокойно" лететь бомбардировщики. Правда, их четкий строй скоро расстроился. Отдельные машины, преследуемые советскими асами, раньше времени начали снижаться и, не переходя в пике, сбрасывать бомбы. Но вот загорелись одна, затем вторая, потом третья тяжелая машина со свастикой и, резко снижая скорость, пошли вниз, таща за собой хвост огня и белого дыма. Юнкерсы иначе падали - сначала вспыхивали, как факел, затем разламывались и тут же по частям летели вниз. Показались а воздухе и купола парашютов. Это спускались летчики, успевшие покинуть горящие машины.

Мы уже устали смотреть вверх, заболели шеи, и запестрило в глазах. Пришлось сесть на траву, а потом и лечь. А бой все не прекращался. Казалось, ему не будет конца...

"Ожесточенный семичасовой воздушный бой" - на следующий день гласили заголовки ленинградских газет. А под ними ремарки: "Наши летчики рассеяли восемь эшелонов вражеских бомбардировщиков и уничтожили 21 самолет".

В одной из корреспонденции этот бой был описан так:

"Пытаясь вернуть занятые нашими частями рубежи, противник бросил вчера на наши передовые позиции свыше 120 самолетов. Вражеские бомбардировщики шли эшелонами под прикрытием истребителей. За несколько километров от цели их встретили истребители подразделений Павлова, Мищенко и Боговещенского. Одна группа наших летчиков на большой высоте взяла в железные клещи истребители противника, а другая ринулась в атаку и врезалась в первый эшелон бомбардировщиков, завязав с ними ожесточенный бой. В первые же минуты воздушной схватки отличилась истребители командира подразделения Павлова. Летчики старших лейтенантов Литаврина и Плеханова встретили десять машин "Ю-88", которых сопровождали и прикрывали истребители, и немедленно пошли в атаку. Лейтенант Шестаков сбил "юнкерс", но сам был атакован "МЕ-109". Удачным маневром Шестаков вышел из угрожаемого ему положения и с короткой дистанции поджег напавший на него самолет. Старший лейтенант Плеханов, отогнав из строя, поджег два "Ю-88". Летчики Высоцкий, Головач, Литаврин уничтожили по одному "Ю-88". Старший лейтенант Кудрявцев, выйдя из боя с истребителями, настиг два неприятельских бомбардировщика и сбил их. Так в течение 50 минут первый эшелон противника был разгромлен...

Но вскоре начали появляться следующие эшелоны воздушных пиратов. Их встретили наши истребители. Летчик Мищенко в паре со старшим лейтенантом Карповым сбил два

бомбардировщика. Капитан Жадов расстрелял два "МЕ-109". Пять самолетов, которыми командовал Герой Советского Союза капитан Подтыкин, были атакованы десятью "МЕ-109". Умело маневрируя и прикрывая друг друга, наши летчики вырвались из кольца вражеских самолетов и немедленно бросились на фашистские бомбардировщики. Подтыкин уничтожил "Ю-88". Четыре наших самолета под командой капитана Оскаленко вступили в бой с четырьмя "юнкерсами", когда те пикировали на передний край нашей обороны. В результате один "юнкерс" был подожжен, другой, преследуемый старшиной Бачиным, расстрелян с короткой дистанции пулеметным огнем. Старший лейтенант Занин, несмотря на тяжелое ранение, полученное в схватке, благополучно привел свой самолет на аэродром."

...Август и сентябрь, пожалуй, были самыми активными месяцами воздушных боев на Ленинградском фронте. Наши летчики все чаще и чаще залетали во вражеские тылы, подвергая бомбардировке скопления транспорта, танков, живой силы, а морская авиация наносила удары по артиллерийским и минометным батареям, узлам сопротивления противника, кораблям и подводным лодкам.

Летом сорок второго года войска Ленинградского фронта вели также наступление из района Путролово и Колпина в направлении Ям-Ижоры, расположенного на Московском шоссе, и овладели им.

Активные наступательные операции вели и войска Волховского фронта. Они начали их в день прибытия армии Манштейна. Удар был нанесен севернее станции Мга. К 4 сентября войска Волховского фронта, которыми командовал генерал Мерецков, захватили участок фронта шириной более 12 километров и продвинулись в глубину обороны противника на 15-20 километров.

Одновременно перешла в наступление и Невская оперативная группа Ленинградского фронта, которая форсировала Неву на участке Пески - платформа Теплобетон, захватила плацдарм в районе Московской Дубровки. Бои здесь велись до 9 октября. Они заставили Манштейна перебросить в этот район ряд соединений и значительную часть артиллерии.

Боевые действия, проведенные летом и осенью 1942 года под Ленинградом, сорвали замыслы фашистов. К осени от 11-й немецкой армии, переброшенной из Крыма, ничего не осталось, и она фактически перестала существовать. Ее остатков хватило лишь для укомплектования сильно поредевших частей и соединений 18-й армии, блокировавшей город. Штаб во главе с Манштейном был отозван Гитлером в район Витебска.

За промахи и нерешительность в боях во время Старопановской операции командир нашей дивизии полковник Лебединский и его заместитель по политчасти полковой комиссар Орлов были отстранены от своих постов. Комдивом был назначен полковник Введенский, а его заместителем - полковой комиссар Лукашук. Смена командования произошла сразу, как только наше соединение вывели на отдых в район Охты.

Я в это время находился в военном госпитале, поэтому не видел, как происходила смена этих постов. Не был и на первом совещании командно-политического состава дивизии, которое проводилось на следующий день новым начальством.

Узнал я об этом с некоторым опозданием от уже известного читателю инструктора политотдела Г. П. Смыкунова, который приехал навестить меня и заодно поздравить с назначением на должность заместителя начальника политотдела дивизии в связи с отзывом В. А. Колобашкина на партийную работу. Он был избран вторым секретарем Московского райкома партии.

- Ну и красавец наш новый комдив, - таинственным тоном сообщил Смыкунов. - Смуглый, с черными волосами, как цыган. Глаза тоже черные. На вид щеголеватый. Аккуратный. Одет с иголочки. Рассказывают, что в 1937-1938 годах участвовал в боях в Испании.

- А как его заместитель? - поинтересовался я. - Ведь нам придется дело иметь не столько с командиром, сколько с его заместителем.

- Совершенная противоположность. Во всяком случае, по внешности. У него будто бы больное горло. Правда, когда говорит, этого не скажешь: голос чистый. А в общем, поживем - увидим.

Новости, сообщенные Смыкуновым, взбудоражили. В ту ночь я спал мало. Думал о новой работе, о новом командире и его заместителе. Лебединского и Орлова освободили правильно. Но все же по-человечески их было жаль. Видимо, ошибка была допущена тогда, когда Лебединского, специалиста по кавалерии, назначили командовать стрелковой дивизией. К тому же он был и не молод. Ему, кажется, перевалило за 50 лет.

Когда я выписался из госпиталя, начальник политотдела Ипатов встретил меня радушно и в тот же день представил новому командиру дивизии и его заместителю. Действительно, внешне это были совершенно разные люди. Да и по характеру своему резко отличались друг от друга. Если комдив был быстр в движениях, четок, любил отточенность и блеск во всем, то его заместитель оказался малоподвижным, говорил медленно, точно

на весах взвешивал каждое свое слово.

Но оба руководителя соединения понравились всем нам простотой в обращении, а самое главное - деловитостью. Когда дивизия вышла из боя, перед комдивом и его заместителем была поставлена задача: доукомплектовать полки и батальоны и приступить к боевой и политической учебе. За выполнение этой задачи они и взялись. Взялись горячо и со знанием дела. Все занятия были подчинены одной цели - подготовить каждый полк, батальон, роту, взвод, отделение к жесткой, активной обороне. Учеба заняла все дни августа и часть сентября.

Хватило работы и для нас, политотдельцев. И все же мы находили время поговорить по душам. На этот счет особенно проявлял себя комиссар штаба дивизии П. К. Булычев. Правда, он не отличался ораторским искусством, не умел говорить так красиво, с таким пафосом, как это делали Георгий Смыкунов и Алексей Гусев. Зато всегда был осведомлен о всех делах в дивизии и политических событиях "на мировой арене", как он любил выражаться.

Как-то мы встретились в поселке Сосновка, где расквартировались многие наши службы, относящиеся ко второму эшелону. Вместе поужинали и засели до поздней ночи в большой благоустроенной, но пыльной квартире: семья, жившая в ней, видимо, давно выехала на Большую землю.

Разговаривали о том о сем, и вдруг Булычев спрашивает:

- А ты знаешь, что сказал Рузвельт, когда его спросили журналисты, кому будут помогать в этой войне Соединенные Штаты?

Павел Кузьмич любил огорошить своего собеседника. Вот и на этот раз он решил, если не огорошить, то загнать меня в тупик.

- Нет, - честно признался я. - Хотя и ем американскую тушенку, получаемую по лендлизу.

- Между прочим, такие вещи заместителю начальника политотдела полагается знать.

- Я еще молодой заместитель, поэтому буду благодарен, если просветишь меня.

- Так вот слушай: Рузвельт сказал, что США будут играть роль запасного игрока в футбольной команде, чтобы в решающий момент забить гол.

- Из каких же источников ты это узнал? Наши газеты не сообщали об этом.

- Из немецких.

- Хорош источник!

Павел Кузьмич вынул из кармана записную книжку и прочитал мне:

- "Нацистское движение Гитлера - наилучший способ покончить с мировым коммунизмом". Эти слова выписаны мною из газеты "Нью-Йорк таймс" - глашатая американских толстосумов.

И все же советские люди, в том числе и мы, фронтовики, верили, что в самое ближайшее время будет открыт второй фронт. Однако этого не случилось. Обещанный второй фронт все еще открыт не был, чем воспользовались гитлеровцы. Бросив против СССР все свои силы, они летом 1942 года вышли в район Воронежа, Сталинграда, Новороссийска, Пятигорска и Моздока. Своей целью они ставили захват нефтяных районов страны - Грозного и Баку.

В том, что этот план гитлеровцев был сорван, в какой-то мере сыграли свою роль наступательные действия войск Ленинградского фронта. Перемолов армию Манштейна, наши войска тем самым не позволили перебросить из-под Ленинграда на другие фронты ни одной дивизии.

Естественно, что после Старопановской операции о боях под Ленинградом, которые не прекращались до поздней осени, о их значении говорилось между нами много и горячо. Каждый стремился предсказать события ближайшего будущего и роль в них нашей дивизии. А дивизией своей мы гордились. Давно ее перестали называть ополченческой. Мы же, в прошлом ополченцы, дорожили своим "происхождением", не забывали того, что сделало для Ленинграда народное ополчение в самое трудное время, не могли забыть те памятные дни, когда почти двухсоттысячная армия добровольцев грудью заслонила город от врага.

В военном отношении ленинградская армия народного ополчения, особенно в первые дни, была, конечно, недостаточно боеспособной. Зато в морально-политическом, духовном - стойкая и надежная сила.

Кадровые части и соединения Северо-Западного направления сумели сначала затормозить быстрое продвижение фашистской военной машины, а затем и остановить. Сумели они это сделать благодаря самоотверженной помощи добровольцев - ленинградских рабочих и интеллигенции. Факт этот неоспорим. Правда, успех обошелся не дешево. Ополчение понесло большие потери. Но они были неизбежны.

Народная армия Ленинграда просуществовала недолго - около трех месяцев. Многие соединения, понесшие большие потери, были преобразованы, влиты в кадровые части. А наша дивизия сохранила и самостоятельность, и боеспособность.

С Булычевым мы зашли в редакцию дивизионной газеты,

отыскали редактора Мольво, который только что закончил свой рабочий день и собирался что-то сочинять в следующий номер.

Когда мы пришли к нему, он достал из шкафа бутылку водки.

- Хоть с тебя и причитается, однако пить не будем, - успокоил засуетившего редактора Павел Кузьмич, имея в виду восстановление Мольво в должности редактора, от которой он был отстранен бывшим заместителем командира дивизии Орловым.

Мольво ответил Булычеву притчей.

- Один мудрец сказал: "Если хочешь, чтобы подчиненный тебя всегда почитал, создай ему такие условия, чтобы он взвыл. А потом, при случае, верни прежние. Но сделай это как величайшее благодеяние. Тогда он всю жизнь будет считать тебя своим благодетелем".

- Ого! - только и сумел произнести Булычев. - А вообще-то ты правильно сказал. Ладно, не будем тебе мешать творить.

Пожав Мольво руку, мы пошли по своим "домам": я в политотдел, а Булычев в штаб дивизии.

7

В начале сентября дивизия заняла позиции второго эшелона в районе Ново-Сергеевки около Колпино.

За полтора года боев под Ленинградом наша дивизия держала оборону почти на всех участках Ленинградского фронта. На отдельных рубежах по нескольку раз. Вели бои на Невской Дубровке, под Пулковом, в районе Артиллерийской высоты возле Авиагородка, за Старо-Паново, Урицк и Стрельну, на берегу Усть-Тосно.

На этот раз дивизия не занимала первую линию обороны и, таким образом, не входила в непосредственное соприкосновение с противником. И все же в бой с ним вступала часто, так как учеба проводилась не отвлеченно, а с выходом на передний край. Части и подразделения во время учебы сближались с врагом, отрабатывали отдельные элементы боя, учились блокировать и подрывать инженерные сооружения противника, проводили разведку боем, оттачивали действия стрелков, саперов, артиллеристов, минометчиков и пулеметчиков. При этом всегда стремились нанести чувствительный удар по фашистам. Не обошлось без потерь и в наших рядах. Здесь 5 сентября погиб любимец бойцов инструктор политотдела, старший батальонный комиссар Георгий Петрович Смыкунов, которого мы называли между собой просто Юрой.

Гибель Смыкунова до некоторой степени была случайной. К нам в дивизию прибыл полковник из штаба фронта для проверки хода учебы. Сопровождать его вызвался Смыкунов. На пути

следования в часть они попали в зону артиллерийского обстрела. Один из снарядов разорвался близко от них. Полковник, услышав свист снаряда, бросился в траншею с водой, а Георгий Петрович почему-то замешкался.

Смыкунов очень хотел дожить до дня победы. Он не допускал и мысли, что может погибнуть. Верил, как он выражался, "в свою счастливую звезду". Он не боялся ранений, так как был убежден, что смерть его не возьмет. И все же Юра ошибся.

Мы сильно переживали, что смерть вырвала Г. П. Смыкунова из наших рядов. Для его похорон была создана комиссия под моим председательством. Тело Георгия Петровича по просьбе его матери, у которой он был третьим сыном, убитым в эту войну, сутки простояло в гробу в его квартире, недалеко от Колпино - за Невской заставой, на проспекте Смоленского, около завода "Большевик". Похоронили мы его на кладбище Памяти жертв революции 1905 года. Прибыл попрощаться с верным сыном партии, бывшим ополченцем и секретарь райкома партии Г. Ф. Бадаев, которого любил и уважал покойный.

8

На всю жизнь запомнилась мне встреча с советскими писателями, состоявшаяся в Московском районе в октябре 1942 года, с участием Александра Фадеева, Николая Тихонова и Веры Инбер.

Встреча состоялась в большом зале Московского райкома партии, где обычно проходили партийные активы, пленумы райкома и сессии районного Совета депутатов трудящихся.

Зал был переполнен. Мы, прибыв за несколько минут до начала встречи, с трудом отыскали свободные места. Встречу открыл кто-то из секретарей райкома и сразу же предоставил слово Фадееву, который от имени правления Союза писателей СССР горячо приветствовал нас, защитников Ленинграда. Затем Фадеев рассказал о вкладе, который вносят писатели и художники страны в дело борьбы с фашизмом. При этом он высоко оценил деятельность писателей и всей творческой интеллигенции Ленинграда. Особенно отметил плодотворную работу бригады писателей, созданную при Политуправлении Ленинградского фронта в составе Николая Тихонова, Виссариона Саянова, Александра Прокофьева и других, высоко оценил выступления по радио Ольги Берггольц.

Все эти писатели пользовались популярностью у ленинградцев, в особенности Николай Семенович Тихонов. Его публицистика своей политической остротой и художественной правдой вдохновляла защитников Ленинграда на самоотверженную борьбу, воспитывала ненависть к врагу.

Николая Тихонова по праву называли в те годы "глашатаем Ленинграда". Вместе с его рабочим классом, служащими и воинами он делил все тяготы блокады. Он жил и боролся вместе с нами, испытал все сам на себе. Николай Семенович с величайшей тщательностью и любовью, с упорством исследователя собирал все, что касалось защиты родного города. Это позволяло ему повседневно вести летопись героической эпопеи на Неве.

Фронтовые очерки Тихонова отличались точностью, были проникнуты уверенностью в победе, ненавистью к врагу. Он острым взглядом подмечал все, видел каждое изменение в жизни населения и фронтовиков, ярко и зримо отражал в своих статьях и очерках мужество и неутомимую деятельность ленинградцев. Писал ли он о бойцах переднего края, о женщинах, заменивших своих мужей у станков и ухаживающих за ранеными, о детях, перенесших все ужасы блокады вместе со взрослыми, о рабочих, кующих оружие для фронта, о бытовых молодежных отрядах, спасающих больных и слабых, - он для всех находил нужное слово, для всех умел сказать именно то, что требовалось сказать в эти дни. "Они - мои земляки, - писал он после разгрома фашистов под Ленинградом. Нас всех сроднила великая борьба и великая ненависть. Мы ходили и голодали, мы хоронили друзей и близких, все вместе мы знали одно горе, и все вместе мы увидели желанный день окончательного освобождения нашего любимого города".

Но Ленинград был не только фронтом. В нем была жива вся гамма самых нежных человеческих чувств. У плотно забитого фанерой окна, в темной комнате, аккомпанируя себе на рояле, поет девушка. Поет вполголоса. Ей кажется, что ее никто не слышит. Но поэт слышит и пишет: "Она утверждает право на песню". Николай Тихонов пишет о трудностях быта, о борьбе за воду и чистоту, о пожарниках, спасающих подожженные врагом дома, о воинском долге, о героических традициях, о силе русского духа, о железной когорте Октября в дни двадцатипятилетия Великой Октябрьской социалистической революции, о фашистских душегубках на оккупированной территории... Пожалуй, не было ни одной стороны быта, труда и борьбы ленинградцев, которой не коснулось бы перо писателя-патриота. А кто не помнит его героической поэмы "Киров с нами"?!

Время в блокадном городе летело огненным вихрем. И Николай Тихонов успевал за всем, что происходило, находя, что сказать, как выразить мысли и чаяния своих земляков, своих соратников по труду и борьбе, с которыми жил и трудился все 900 дней блокады. В очерке "В железных ночах Ленинграда...",

написанном через долгие годы после войны, Николай Семенович вспоминает:

"Человек шел глухой зимней ночью по бесконечной пустыне. Все вокруг было погружено в холод, безмолвие, мрак. Человек устал, он брел, вглядываясь в темное пространство, дышавшее на него с такой ледяной свирепостью, точно оно задалось целью остановить его, уничтожить. Ветер швырял в лицо человеку пригоршни колючих игл, обжигавших ледяных углей, выл за его спиной, наполнял собой всю пустоту ночи.

Человек был в шинели, в шапке-ушанке. Снег лежал на плечах. Ноги плохо повиновались ему. Тяжелые думы одолевали. Улицы, площади, набережные давно слились в какие-то неощущаемые массы, и, казалось, остались только узкие проходы, по ним и двигалась эта крошечная фигурка, которая, оглядываясь и прищуриваясь, упорно продолжала свой путь...

Он шел спотыкаясь, из последних сил. Дома вокруг были похожи на груды пепла. Они могли упасть и рассыпаться... В домах, однако, было что-то знакомое. Прохожий инстинктивно остановился и взялся за висевший на груди фонарик. Яркий луч вырвал из темноты стену, всю в морозных узорах, плакат, изображавший страшную фашистскую гориллу, шагающую по трупам на фоне пожаров, и надпись: "Уничтожь немецкое чудовище!"

Прохожий вздохнул, как будто проснулся. Мучительный бред мрака кончился. Плакат возвращал к жизни. Он был реальностью. Человек спокойно посмотрел вверх. Он узнал дом, свой дом! Он дошел!

Этим человеком был я".

В этом очерке есть еще абзац, который я не могу не привести, ибо он характеризует Тихонова как борца и как гражданина, который до сих пор всем сердцем, всей душой слит с ленинградцами.

"Когда я вспоминаю ленинградцев - защитников города, - пишет Николай Тихонов, - я тоже вижу неисчислимые лица, не жалея сил отдавшие себя делу защиты города Ленина. Посмотрите на их лица, на которых горит солнце незакатной славы, на лица непокоренных, гордых людей, победителей страшного врага".

9

В первых числах октября 1942 года неожиданно поступило распоряжение срочно сняться с запасных позиций и занять линию обороны на рубеже Володарская слобода - южное побережье Финского залива - Лиговский канал.

- Переезжаем на зимние квартиры, - пошутил комиссар штаба

дивизии П. К. Булычев, когда я пришел к нему, чтобы выяснить, где будет располагаться штаб и политотдел дивизии.

И впрямь было похоже, что переезжаем на "зимние квартиры". Во-первых, уже выпал снежок, запорошивший улицы, дороги, поля и крыши домов. Во-вторых, участок обороны отводился надолго, так как было приказано утеплить землянки, укрепить оборонительные сооружения и усилить их огневую мощь, во весь рост вырыть хода сообщений, отвести "усы". Шутка Булычева оказалась пророческой. Этот участок дивизия обороняла не только в течение всей зимы, но даже и часть лета - до июля 1943 года.

Штаб дивизии со всеми своими службами и политотдел разместились в новых жилых корпусах Автово, которые почти полностью пустовали. Семьи, занимавшие в них квартиры, либо эвакуировались, либо переехали в северную часть города, куда реже залетали снаряды. Штабисты и политотдельцы старались занять комнаты, выходящие на север или северо-запад. В них было менее опасно, так как снаряды поражали чаще южную часть домов, обращенную к противнику. Лишь я не придал этому значения. Выбрал небольшую, но светлую и уютную комнату, обставленную новой мебелью. Тот же Булычев, осматривавший занятые нами квартиры, посоветовал переехать. Но я не послушался. Потом пожалел. Эта небрежность чуть не стоила мне жизни...

Приближалась вторая блокадная зима. По сравнению с предыдущей она была не столь трагичной. И все же блокада давала себя знать во всем. По-прежнему не прекращались обстрелы и бомбежки города. По-прежнему не хватало продуктов питания. Как и раньше, голод морил людей.

И все же люди легче переносили трудности. Они научились приспосабливаться к ним, жили как бы на втором дыхании. Существенное облегчение в жизнь ленинградцев внес трамвай, который ходил по основным магистралям города. Теперь люди меньше тратили сил на длинные, изнурительные переходы. Правда, ленинградцы уже привыкли ходить пешком. Расстояние в десять километров, скажем из Автово до центра города, преодолевалось запросто, так, будто бы люди ходили пешком всю жизнь. Трудней было совершать переходы в тридцать-сорок километров. И все же такие переходы до пуска трамвая приходилось совершать.

Мы, воины, вторую блокадную зиму встретили, пожалуй, даже оптимистически. Не только потому, что за лето крепко поколотили фашистов под Ленинградом, лишив их всякой надежды овладеть городом, но и потому, что Красная Армия

перешла к контрнаступлению под Сталинградом. Мы делали все, чтобы помочь нашим войскам сокрушить гитлеровскую 500-тысячную армию на Волге. В связи с этим снова активизировались действия частей и соединений Ленинградского фронта. Между защитниками героических городов произошла перекличка. Воины обоих фронтов дали клятву разгромить фашистские орды, отстоять твердыни на Волге и на Неве. В одной из армейских газет Ленинградского фронта поэт Иван Муха (Владимир Иванов) писал: "Не жалей свинца, товарищ, бей фашиста-сатану. На Неве его ударишь, отзовется на Дону".

Под Ленинградом по-прежнему самым сильным, самым действенным оружием против врага был снайперский огонь. В августе 1942 года снайперы Ленинградского фронта уничтожили 4737 фашистов, в сентябре - 5704. Даже девушки-сандружинницы стали истребителями.

Была у нас в дивизии неприметная, скромная сандружинница, в прошлом штукатур, комсомолка Мария Кошкина. Ее имени в течение первого года войны почти никто не знал. Она, как и многие другие девушки-патриотки, перевязывала и выносила с поля боя раненых, помогала врачам в полковом медицинском пункте.

И вдруг Мария заставила заговорить о себе, А началось все так. Как-то она попросилась пойти с разведчиками в засаду. "Может быть, будут раненые, убеждала она, - окажу им медицинскую помощь на месте". И ей разрешили. Вышли на рассвете и вскоре... напоролись на противника. Разведчиков, не считая Кошкиной, было шесть, фашистов пятнадцать. С первых же выстрелов три вражеских солдата оказались сраженными. Остальные стали отстреливаться. Но их стрельба была беспорядочной, и ни один из наших разведчиков не пострадал. Но через какое-то время фашисты опомнились. Завязался упорный бой. В перестрелке был убит один наш боец. Кошкина взяла его винтовку и впервые в жизни стала стрелять из боевой винтовки. Начало оказалось удачным подстрелила гитлеровца.

Возможно, этот эпизод и не отразился бы на ее будущей военной биографии. Может быть, так бы и случилось, не окажись в ее руках "Комсомольская правда", с первой страницы которой смотрела снайпер Людмила Павличенко, на счету которой было 309 уничтоженных вражеских солдат и офицеров.

Мария Кошкина заявила: "Буду такой же, как Павличенко". И она стала истребителем. Правда, не сразу. Пришлось сначала окончить снайперскую дивизионную школу.

Новой профессией Кошкина была довольна. Она гордилась, что ей доверили винтовку с оптическим прибором. Первый раз

Мария вышла на передовую в холодное ноябрьское утро в паре с опытным снайпером Егоровым.

С этого дня Кошкина и стала снайпером-истребителем. Выходила она на передовую почти ежедневно и каждый раз возвращалась с удачей. Счет уничтоженых ею фашистов быстро рос и скоро достиг цифры восемьдесят. Росла ее популярность. Узнали ее имя и в стане врага.

Однажды наши разведчики, с которыми отправилась и Кошкина, взяли "языка" - солдата, стоявшего на часах у блиндажа. Пока разведчики расправлялись с гитлеровцами в блиндаже, Маша охраняла разоруженного пленного. Немного оправившись от страха, тот пытался заговорить с девушкой, спросил ее имя.

- Мария Кошкина, - ответила она.

Гитлеровец переменился в лице.

- Но, но, нихт!.. Машка-кошка во!

Он высоко поднял руки над головой, ткнул себе пальцами в глаза и показал кулак. Все это означало, что страшная девушка-снайпер, по представлению фашистских солдат, более чем саженного роста и каждый глаз у нее со здоровенный мужской кулак. Маша рассмеялась. "Машка-кошка" совсем была не великан, а маленького роста, худенькая, совсем еще молоденькая, чернявая. А вот походка у нее была действительно мягкая, да и глаза острые.

Я впервые встретил Марию Кошкину, когда у нее уже был двухнедельный снайперский стаж, 1 декабря 1942 года на втором дивизионном слете снайперов-истребителей. Она была по-прежнему застенчивой и робкой. Когда назвали ее имя и похвалили за первые успехи, она опустила глаза и покраснела. Невольно подумалось: "Такое хрупкое существо, а истребитель, взялась за столь опасное, не женское дело, требующее огромной воли и бесстрашия".

Да, характер на войне у Марии Кошкиной оказался богатырский. В то же время к нашим бойцам она была доброй и отзывчивой, никогда не оставляла раненого в беде, даже если ей грозила смерть. Могла сутками напролет просидеть у его кровати, готовая в любую минуту прийти на помощь, отвлечь от невеселых мыслей, от страданий и боли.

Из мужчин снайперов-истребителей самым знаменитым у нас в то время был грузин Дурсун Ионошвили. За две недели он отправил на тот свет 60 фашистов. За ним шел боец Безродных. У него на счету было 43 фашиста. Далее рядовой Канев - 36, четвертым Авазов - 34, пятым Морянин - 25.

Среди артиллеристов-истребителей наиболее отличался А. Серебряков. На слете он сказал: "320 немецких солдат и офицеров

истреблено огнем моего орудия. Кроме того, уничтожено 9 орудий противотанковой обороны, 2 миномета, 7 пулеметных точек, один крупнокалиберный пулемет, один танк, 2 склада с боеприпасами. Как это достигнуто? Абсолютное владение пушкой. Кроме того, на "отлично" изучил винтовку, пулемет и миномет..."

Имена этих славных мстителей были названы на слете. Всем участникам слета командир дивизии полковник Введенский вручил награды и подарки.

После слета редакция дивизионной газеты взяла у некоторых истребителей интервью, попросив ответить на три вопроса: 1. Как фашисты стали вашим личным врагом? 2. Какое из зверств гитлеровцев потрясло вас больше всего? 3. Сколько немецких оккупантов вы истребили?

Вот некоторые из ответов, опубликованные на следующий день в газете.

Младший лейтенант В. А. Лапшин: "Один мой брат Иван погиб на фронте. Четыре других брата пропали без вести.

Все это сделали фашисты. Страшная ненависть закипела во мне, когда я узнал, что фашисты привязали шестидесятилетнего колхозника к двум танкам и разорвали его на части. Я уничтожил из винтовки 18 фрицев".

Старший сержант В. Н. Подойницин: "По вине оккупантов я разлучен с женой и сыном. Два моих брата убиты, а третий стал инвалидом. В освобожденном Тихвине, среди сожженных домов я видел обгоревшие трупы советских людей. Я уничтожил из винтовки и гранатами более 50 фашистов и подбил два вражеских танка".

Красноармеец И. Ф. Котин: "Я разлучен с семьей, уже дважды ранен. Я однажды был в тылу у немцев. Видел, как фашисты убивали и сжигали живьем на костре раненных красноармейцев. Я уничтожил из винтовки пятерых гитлеровцев".

Сержант М. С. Блинов: "Погиб мой брат Михаил. Другой брат ранен. Фашисты убивают детей. Я читал, что фашистские изверги на глазах у матери убили трехлетнего ребенка. У меня мурашки пробежали по телу. Я убил из винтовки шесть гитлеровцев".

Снайперское движение было лишь частью активной обороны, которую вела наша дивизия. Немаловажное значение имела и разведка боем, она держала противника в напряжении, помогала узнать его опорные пункты и, конечно, добыть "языка". Особенно удачно закончилась разведка боем, проведенная в декабре. На этот раз наши разведчики захватили семь "языков", которые сообщили ценные сведения, в частности, о том, что фашисты готовятся прорвать нашу оборону и выйти к Кировскому заводу,

до которого от Лиговского канала танки могли проскочить за десять минут. Признания пленных заставили нас повысить бдительность, укрепить оборону.

Одной из таких мер было создание укрепленных пунктов и образование резервного батальона из рабочих и служащих на Кировском заводе. Учебные занятия в резервном батальоне проводили командиры, выделенные штабом дивизии. Территория завода была разбита на несколько секторов, за каждым из них закреплена специальная рота. На территории завода соорудили доты, снабженные крупнокалиберными пулеметами и противотанковыми пушками. Бойцы и командиры нашей дивизии часто навещали завод, мы устраивали совместные вечера, концерты художественной самодеятельности. Рабочие завода изготовили стальные щитки, сохранившие жизнь многим нашим снайперам, за которыми фашисты установили постоянное наблюдение. Как только они засекали место нашего снайпера, по нему открывался прицельный огонь из пулеметов и автоматов. Именно таким способом они подкараулили нашего лучшего снайпера Дурсуна Ионошвили.

10

В конце 1942 года наша дивизия получила пополнение из среднеазиатских республик и Казахстана. Прибыла небольшая группа, что-то порядка роты. Но сам факт явился знаменательным. Руку помощи Ленинграду протянули далекий Ташкент, Алма-Ата, Ашхабад и Фрунзе.

Парней из Средней Азии и Казахстана разбили на маленькие группы и распределили по ротам. Ветераны дивизии, опытные наши бойцы взяли над ними шефство. Так им легче было привыкнуть к фронтовой обстановке, освоить оружие, научиться воевать.

Посланцев среднеазиатских республик и Казахстана политотдел собрал в клубе для беседы за чашкой чая, и велась она по-восточному, сидя на коврах.

Вспоминаю, как в зимний вечер в дивизионный клуб, оборудованный в жилом доме, группками стали стекаться чернобровые, со смуглыми лицами солдаты. Клуб огласился радостными приветствиями: "Салам алейкум!". А из большой комнаты, пол которой был устлан коврами, доносилось позвякивание посуды. Это начпрод полка Гирштель с группой самых красивых сандружинниц расставлял на специально изготовленных по этому случаю низких столиках чайники с кипятком и крепкой заваркой.

Прежде чем войти в комнату с коврами, в коридоре снимали не только полушубки, но и валенки. Садились на ковер по-

восточному, скрестив ноги. У гостей эта процедура не вызвала затруднений - они чувствовали себя как дома, улыбались от удовольствия. А вот мы, ленинградцы, оказались "не в своей тарелке". Никак не могли подобрать под себя ноги, да еще скрестить. У меня они никак не слушались, поминутно выпрямлялись. Скоро заныла от непривычки и спина. Но терпел. Инструктор-информатор политотдела Илья Мирлин и редактор дивизионной газеты Валентин Мольво, которым надо было записывать беседу, умоляли, чтобы им разрешили сесть на стулья. Но им в этом было отказано: никаких исключений. Больше всех извелся заместитель командира 141-го полка по политчасти В. И. Белов. Полная его фигура с трудом согнулась, когда он садился на пол. Чтобы не свалиться на бок и чтобы не вытягивались вперед ноги, он крепко ухватил их руками, прижав колени к груди. Скоро с его раскрасневшегося лица покатился пот.

Когда все расселись, я произнес вступительную речь, поздравил представителей братских республик, ставших защитниками Ленинграда, и рассказал о нашей дивизии и ее традициях. После этого девушки внесли бидоны с чаем и заполнили ими белые фарфоровые чашечки. Чай был вкусный, и пили его все с явным удовольствием. Когда бидоны опустели и пустые чашечки были убраны, слово попросил казах Алдынев. Под общее одобрение он прочитал стихи Джамбула, посвященные Ленинграду. Затем говорил узбек, старший лейтенант Каримов.

- Ташкент - хорошо, а Ленинград - очень хорошо, - сказал он под общее одобрение. - Ташкент - город гостеприимный. После войны приезжайте к нам. Чай будем пить, кишмиш будем кушать!

Затем он вынул из кармана тюбетейку, расправил ее и под улыбки присутствующих надел мне на голову со словами:

- А мне дали шапку-ушанку. В ней я чувствую себя как под солнцем Узбекистана.

После этих слов Каримов замялся - собирался, что сказать. Потом выпрямился и серьезно добавил:

- Нас, народов, в стране много - больше ста национальностей. Родина же одна. Сто всегда защитят одну... Русские и узбеки воюют вместе. Это хорошо. Дустлик! (Дружба).

И Каримов поклонился.

Такой же образной была речь таджика Абильмоджанова. От имени своих земляков он дал клятву, что они честно выполнят свой воинский долг, вместе с русскими защитят великий город Ленина.

В конце беседы, которая затянулась допоздна, мы с Беловым представили парням с востока лучших снайперов-истребителей дивизии. Была здесь и Мария Кошкина. Когда она встала и

показала свою винтовку, из которой уложила уже много гитлеровцев, все зааплодировали. Девушка-истребитель - у новичков это вызвало неописуемый восторг.

- Вот с такими бойцами, - воскликнул Белов, - мы скоро скажем Гитлеру: "Капут!"

В тон реплике Василия Ивановича кто-то из узбеков, перефразировав восточную пословицу, громко произнес под общий смех: "Сегодня Гитлер на седле, а завтра седло будет на Гитлере".

Так закончился этот интернациональный вечер. Стали расходиться по своим подразделениям. Молодые бойцы, еще не отвыкшие от тюбетеек и халатов, в шубах, валенках и теплых шапках-ушанках пока чувствовали себя стесненно. Шапки налезали им на глаза, а шубы свисали с плеч...

Парни из республик Средней Азии и Казахстана выполнили свою клятву. В боях, которые вела потом дивизия, они показали себя с наилучшей стороны. Многие стали снайперами-истребителями. Сын узбекского народа Каюм Рахманов в совершенстве овладел стрельбой из пулемета. Жаль, что славный патриот не дожил до победного дня, который он добывал своим воинским мастерством. В одном из летних боев 1943 года он погиб.

11

Вечер в клубе утомил меня, и я сразу отправился в свою маленькую комнатку, в которой работал и жил. Она, конечно, не отапливалась, и в ней был жуткий холод. Поэтому сверх ватного одеяла я набросил на себя овчинную шубу и плащ-накидку. Лег и тут же уснул. Проснулся рано, еще до рассвета, бодрым и отдохнувшим. Да и настроение было приподнятое. Нас, политработников, всегда радовала удачно проведенная политбеседа с бойцами. А тут была не просто беседа, а настоящий интернациональный вечер, скрепивший узы братской дружбы в борьбе с ненавистным врагом.

Только собрался встать, как услышал свист снаряда и в то же мгновение почувствовал такой удар в стену, что дом "заходил ходуном". Взрывной волной вырвало раму, зазвенели разбитые стекла, посыпались куски кирпича...

Снаряд угодил в стену дома чуть выше окна моей комнаты. Сколько раз я висел на волоске от смерти. Был на волоске от нее и сейчас. Но всегда ли "счастье" будет охранять меня, ходить за мной по пятам?

Утренний снаряд еще и еще раз напомнил, что враг не унимается, что его можно угомонить лишь ответными ударами и в конечном счете полным разгромом. И такой час близился.

Понимали это не только мы, но и фашисты.

Очень хорошо в те дни выразил наши чувства поэт Вадим Шефнер, работавший в то время в одной из армейских газет)

Мой город непреклонен и спокоен,
Не ослеплен слезами взор сухой.
Он темными глазницами пробоин
На запад смотрит в ярости глухой.
Он гордо ждет назначенного срока,
Чтоб, все сметая на своем пути,
Внезапно, справедливо и жестоко
Все счеты с неприятелем свести.

Да, об этом дне мечтали мы все. И не только мечтали, но и действовали, настойчиво уничтожая врага, заставляя глубоко зарываться в землю, прятаться в бетонных укрытиях.

Никогда мы не чувствовали себя так уверенными в победе, как в зимние дни 1942-1943 годов, обороняя один из важнейших участков фронта на юге Ленинграда. Советские войска перешли к решительным действиям на многих фронтах. Добивалась под Сталинградом армия Паулюса. Настал черед и под Ленинградом.

Мы с огромным волнением услышали и увидели, как 12 января 1943 года в 9 часов 30 минут - более чем за два часа до сигнала в атаку - дрогнула земля от громового удара артиллерии двух фронтов - Ленинградского и Волховского, а также Краснознаменного Балтийского флота. Шквал снарядов, выпущенных из четырех тысяч пятиста орудий и минометов, разрезал полумрак северного зимнего утра. Левый берег Невы, где они падали, был в сплошном огне разрывов. Стоял несмолкаемый гул. Всесокрушающий артиллерийский огонь потряс врага.

В 11 часов 50 минут наши войска ринулись на прорыв блокады. С плацдарма в районе Невской Дубровки перешли в атаку полки 45-й гвардейской стрелковой дивизии. Левее из траншей правого берега ринулась пехота 268-й дивизии. На Марьино перемахнули Неву за 6-8 минут. На Шлиссельбург наступала 86-я дивизия. Словно на крыльях, устремились вперед бойцы морской бригады.

- Вперед, за Ленинград! - неслось по цепям атакующих.

Наступление было настолько стремительным, что через полчаса наши бойцы полностью овладели вражескими траншеями, тянувшимися вдоль левого берега Невы. Вслед за пехотой двинулись и танки. Летчики прикрывали наступающие войска с воздуха.

Скоро огненный шквал уже бушевал в глубине вражеской обороны. Фашисты предпринимали отчаянные попытки, чтобы

помешать соединению Ленинградского и Волховского фронтов. Но безуспешно. 18 января их историческая встреча состоялась. А на следующий день Совинформбюро сообщило: "Блокада Ленинграда прорвана!" В результате семидневных ожесточенных боев войска Ленинградского и Волховского фронтов, прорвав вражескую оборону южнее Ладожского озера, разгромили до семи пехотных дивизии фашистов. В этих боях наши войска сокрушили рекламируемый гитлеровцами миф о неприступности их укреплений. Фашисты только убитыми потеряли 13 тысяч солдат и офицеров. Было взято в плен свыше 1200 гитлеровцев, уничтожено 250 орудий и 300 минометов, разрушено 800 укрепленных оборонительных сооружений и сбито не менее 100 вражеских самолетов.

Наши войска заняли Шлиссельбург, Марьино, Московскую Дубровку, Липки, ряд рабочих поселков, станции Синявино и Подгорная.

Прорыв блокады - большое историческое событие.

С этого дня начался новый этап героической эпопеи Ленинграда: сражение за полное его освобождение от вражеской осады, завершившееся разгромом гитлеровцев у стен великого города.

Лениградцы восторженно встретили весть о прорыве блокады. Все поздравляли друг друга с большим праздником. Люди обнимались и плакали от счастья.

Все дни и недели, предшествовавшие прорыву, ленинградцы жили ожиданием этого события. Когда началась битва на берегах Невы и в районе Шлиссельбурга, население города с затаенным дыханием ожидало известий с фронта, всем сердцем чувствуя, что долгожданный час освобождения приближается.

Все напряжение многомесячной блокады разрешилось в едином порыве. Победный час настал. Город-герой разорвал путы коричневых маньяков. В развалинах лежали хваленые доты и дзоты гитлеровцев, а их трупы сотнями и тысячами валялись на снегу. Еще недавно они надеялись покорить Ленинград. Бойцы Ленинградского и Волховского фронтов соединились на болотистых полях Синявина, ворвались в старую крепость Шлиссельбург, и на его башне взвилось наше знамя.

Так потерпела крах мечта Гитлера стереть Ленинград с лица земли. А ведь в сорок первом году в одном из своих приказов он сулил: "Сначала мы блокируем Ленинград (герметически), если возможно, артиллерией и авиацией. Когда террор и голод сделают свое дело, откроем отдельные ворота и выпустим безоружных людей. Остатки гарнизона крепости останутся там на зиму. Весной мы проникнем в город... вывезем все, что осталось

живое, в глубь России или возьмем в плен, сравняем Ленинград с землей и передадим район севернее Невы финнам".

Ленинград, конечно, пережил многое. Ему пришлось перенести всю жестокость блокады, голод и холод, испытать бомбежки и неоднократные штурмы. Но он выстоял!

Весь честный мир радовался успехам советских войск под Ленинградом. Лорд-мэр Лондона Самуэль Жозеф писал:

"От имени населения Лондона посылаю Ленинграду самые сердечные поздравления и искренний привет по поводу прорыва жестокой осады, которой ваше население храбро противостояло в продолжение шестнадцати тяжких месяцев. Мы в Лондоне следим с величайшим вниманием и восхищением за героической защитой города на Неве. Лондон и Ленинград связаны в нашем сознании как две великие цитадели Западной Европы, одержавшие верх над самыми смертоносными атаками, которые отчаявшийся враг пустил в ход..."

После прорыва блокады наше правительство срочно дало указание форсированно построить железнодорожную ветку в полосе прорыва. Несмотря на сильные морозы и туманы, артиллерийский и минометный обстрел, за две недели по южному берегу Ладожского озера от станции Жихарево до Шлиссельбурга была проложена железнодорожная линия протяженностью 50 километров. Эта линия соединила Ленинград с железнодорожной сетью страны. Только 6-8 километров отделяли ее от переднего края противника. Не трудно представить, каким надо было обладать мужеством, чтобы водить по этой дороге поезда с продовольствием и вооружением, с топливом и сырьем. Вскоре был построен еще один путь вдоль Ладожского озера.

Гитлеровцы пытались помешать движению поездов. Они хвастались, что прорыв блокады не улучшит положения в Ленинграде, что ни один поезд не пройдет через зону прорыва. Но поезда ходили, правда в основном ночью. И Ленинград заметно ожил. Предприятия стали в несравненно больших масштабах, чем раньше, выпускать вооружения и боеприпасов. Не болтал уже ветер оборванные провода трамваев. В цеха заводов и фабрик, в жилые квартиры начал поступать электрический ток. Улучшилась работа водопровода и канализации. Росла численность и огневая мощь войск Ленинградского фронта.

Все это намного облегчило положение города. Но ленинградцы понимали: чтобы окончательно разгромить гитлеровцев, предстоят еще трудные бои.

12

Наша дивизия в прорыве блокады не участвовала. Обороняя

важный рубеж в районе Пулковских высот и Урицка, она все время держала в напряжении вражеские части. По-прежнему не давали врагу покоя снайперы-истребители и разведывательные группы. Были созданы и штурмовые отряды, готовые в любую минуту броситься на прорыв позиций врага. Каждая рота имела круговую оборону на случай отражения атак противника. Это были надежные инженерные сооружения. Вместе с тем не прекращалась в дивизии боевая и политическая учеба.

Была даже создана двухнедельная школа по подготовке младших командиров, то есть командиров отделений. Бойцов, зачисленных в эту школу, вывели с переднего края и разместили в клубе Кировского завода. Там же проходили занятия.

Учились командиры полков и батальонов и их заместители по политчасти, командиры и политруки рот, командиры взводов. Конечно, главная забота состояла в том, чтобы подготовить весь личный состав соединения к наступательным боям.

Наступательный бой, часто повторял наш комдив, отличается от оборонительного не только своей тактикой и способом применения технических средств, но и психологическим настроем. Одно дело лежать в обороне за щитком станкового пулемета или сидеть в доте и вести огонь по противнику. И совсем другое - в открытую ринуться на врага, даже если тебя поддерживают артиллерия и авиация, а рядом урчат танки. Боец в наступлении - мишень для врага. Чтобы не поразил тебя противник во время атаки, чтобы ты невредимым добежал до цели, необходимо обладать мужеством, величайшей волей к победе, искусством маневра, умением не деть противнику опомниться и открыть по тебе огонь. Для того чтобы достичь этой цели, наступающий обязан преодолеть расстояние, отделяющее его от врага, молниеносно, в одно дыхание. Именно в этом и состоит трудность, тот самый психологический барьер, преодолеть который не каждый способен, не каждый сразу готов. С учетом сказанного командование дивизии и строило учебу, всю боевую и политическую подготовку.

Как показал предыдущий опыт, многие бойцы дивизии, привыкшие вести бой из-за оборонительных укрытий, терялись в открытом бою во время атаки. Стоило противнику открыть встречный огонь, как они тут же залегали, и атака захлебывалась.

Нечто подобное случилось во время Старопановской операции. Стоило "заговорить" неподавленным огневым точкам противника, как подразделения 141-го полка опешили и залегли. И атака, конечно, застопорилась. Только смелый рывок первого батальона 59-го полка, который повел в бой старший политрук Михаил Давыдов, вывел залегших бойцов из оцепенения.

Психологический барьер, убеждали бойцов Введенский и Лукашук, - болезнь легко излечимая. Обычно трудно парашютистам дается первый прыжок. С замиранием сердца человек в первый раз отрывается от самолета. Но уже в последующие секунды, когда над его головой распустился купол парашюта, он забывает о страхе, им овладевает чувство отваги и силы. Так и с атакующим. Трудны лишь первые шаги.

Потом охваченный азартом боя, он стремительно рвется вперед. Его не пугают ни свист пуль, ни разрывы мин и гранат. Он сосредоточен на одном вперед, только вперед, скорее к цели!

Комдив Введенский и его заместитель Лукашук, как опытные воины, прошедшие большую школу армейской службы, эту закономерность знали хорошо.

За заводом "Электросила" имени С. М. Кирова находился большой заброшенный пустырь, пригодный для тактических занятий, для отработки всех элементов атаки. Сюда незаметно для врага снимали с передовой подразделения дивизии и выводили на несколько дней для учебы, тем более что на этом пустыре кем-то были вырыты не только траншеи, но и огромные теплые землянки, в которых даже можно было устраивать собрания и концерты. Но и здесь (а занятия велись в условиях, приближенных к "натуральным") кое-кто проявлял робость, не мог подняться в атаку, заслышав стрельбу, камнем падал на землю, ища укрытий.

Полковник Введенский при всяком удобном случае напоминал своим подчиненным:

- Только смелый, быстрый и решительный бросок вперед обеспечивает успех атаки. Стоит замешкаться или проявить неуверенность, как противник незамедлительно откроет губительный огонь. В бою, как в любом сложном и рискованном для жизни деле, требуется быстрота, натиск и еще раз быстрота. Атака - душа всякого боя!

Вместе с тем Константин Владимирович Введенский большое значение придавал высокому морально-политическому состоянию воинов, их психологическому настрою. Именно это помогло сплотить личный состав соединения в крепкий коллектив.

- Боевой дух воина, его морально-политическое состояние, - как-то говорил он мне, - первое, о чем обязан заботиться каждый командир и политработник. Советский воин тем и отличается, что готов в любую минуту выполнить свой долг перед Родиной.

Конечно, эта истина для меня была не новой. Но, как говорится в пословице, повторенье - мать ученья. Тем более что кое-кто из нас, командиров, занятый многими другими заботами фронтовой жизни, подчас забывал о ней.

Полковник Введенский был хорошим военачальником, трудолюбивым и четким. На его характере и поступках, мышлении и поведении, видимо, сказалось то, что он всю свою сознательную жизнь отдал службе в армии. Еще шестнадцатилетним подростком добровольно вступил в ряды Красной Армии. Прошел путь от рядового до командира дивизии.

Константин Владимирович, хотя и держал себя от подчиненных на определенной дистанции, был близок к ним, потому что характер у него был общительный. Он был добрым. Заведующий дивизионным продовольственным складом старшина Д. за воровство и разбазаривание продуктов был приговорен военно-полевым судом к расстрелу. Но приговор вступал в силу лишь после утверждения его командиром дивизии. К. В. Введенский заколебался, стал советоваться, в том числе и с нами, политотдельцами. Его колебания были понятны. Ведь речь шла о том, жить или не жить этому человеку. Когда же мы изучили дело Д., то были поражены тяжестью его преступления. В то время, когда каждый грамм хлеба, мяса, сахара оценивался на вес золота, Д. обкрадывал бойцов и командиров, обменивал продукты на драгоценные вещи, бессовестно транжирил их в компании дружков и приятельниц. Даже начальник политотдела И. Е. Ипатов, считавшийся человеком сердобольным, заявил:

- Таких негодяев надо немедленно расстреливать!

И Д. был расстрелян. Расстрелян всенародно, перед строем.

Константин Владимирович не слыл безвольным. Он строго спрашивал с подчиненных и не давал спуску разгильдяям, людям неточным и недисциплинированным. Но, к чести нашей дивизии, у нас таких было мало. Я никогда не слышал, чтобы наш комдив повысил на кого-либо голос, унизил обидным словом. Пожалуй, вот эта-то черта - человечность - была самой сильной в его характере.

Приход в дивизию Введенского и его замполита Лукашука ознаменовался и новым отношением к отдыху воинов, к культурно-просветительной работе. Только при них по-настоящему заработал дивизионный клуб. Введенский удачно назначил заведующей клубом энергичную женщину, старшего лейтенанта А. А. Гамбееву. Она создала дивизионный ансамбль песни и пляски. Теперь кинокартины демонстрировались непосредственно на передовой в красноармейских землянках. Даже устраивались смотры художественной самодеятельности полков. И это в условиях войны, почти ежедневных боев! Смотры позволили выявить таланты. Был объявлен конкурс и на сочинение песни о дивизии. Лучшим был признан текст, написанный командиром роты И. Сальмонтом и его заместителем

С. В. Романовым. Музыку к ней создал аккордеонист Ф. Соколов. Помню, с каким вниманием слушали бойцы и командиры дивизионную песню, когда она впервые исполнялась. В ней воспевались отвага и стойкость бойцов Московской заставы, Лужский рубеж, где был дан первый бой врагу, прославлялись имена героев, павших в жестоких сражениях, утверждалась вера в победу.

Нам, политработникам, было приятно, когда на концерты и вечера в клубе приходили комдив и его заместитель. Особенно они старались не пропускать концерты, в которых принимал участие начальник артснабжения дивизии инженер-майор Г. Я. Шухман, окончивший перед войной одновременно с техническим вузом и Ленинградскую консерваторию. Шухман обладал чистым, красивым тенором. Пел он с душой и много. В его репертуаре были арии из многих классических опер, отлично исполнял он фронтовые и популярные довоенные песни.

Шухман стал инициатором и так называемых "музицирований". Они проводились раз-два в месяц. Собирались на эти мини-вечера лишь несколько человек - аккомпаниатор, два-три вокалиста и столько же слушателей. Среди последних постоянно находился и я.

"Музицирования", как и концерты в клубе, скрашивали трудную фронтовую жизнь. Музыка и песни пробуждали в нас добрые чувства, поднимали настроение, позволяли отвлечься от суровой действительности, отдохнуть душой. Они возвращали тебя в мир добра, прекрасных страстей и эмоций, помогали еще больше ценить и любить жизнь, окружающих людей, понимать, как счастливы были бы люди, если бы разговаривали они не с помощью пушек, танков и самолетов, а муз.

Изредка удавалось выезжать и в ленинградские театры, послушать оперу или посмотреть пьесу.

13

У меня до сих пор в памяти поездка в Ленинградский дом офицера, где коллектив Большого театра оперы и балета имени С. М. Кирова ставил оперу "Пиковая дама". Здание театре было закрыто, так как часть его была разрушена бомбой.

Поехало слушать оперу немного - человек пять-шесть. Командир комендантского взвода Николай Перов выделил трофейную лошадь, запряженную в деревенские розвальни, и даже кучера - пожилого бойца из своего взвода. Ехали мы долго, не торопясь, так как путь предстоял длинный. Из Автово он следовал мимо Кировского завода до Обводного канала, далее вдоль канала, затем по Красноармейской к Витебскому вокзалу, а оттуда по Владимирскому проспекту на Литейный. Общая длина

нашего пути оказалась километров пятнадцать. По дороге замерзли, часто вскакивали из розвальней и бежали за лошадью.

Еще в пути условились: поскольку Григорий Яковлевич Шухман жил недалеко от Дома офицера на Литейном проспекте, лошадь оставить во дворе его дома, а бойцу он даст ключ от своей квартиры, откуда можно будет наведать лошадь, подкормить ее сеном, на котором мы сидели.

- Двор наш надежный, - заверил Шухман, - даже ворота закрываются на замок.

Мы так и поступили. Лошадь оставили во дворе, который был похож на каменный мешок. Так что если даже кто и захотел бы угнать ее, то не смог. Через высокие стены не увезешь. Да и ворота оказались массивные, чугунные. Управдом выдал нам большой замок, размером с подкову, чтобы закрыть ворота. Бойца-возницу Шухман проводил в свою квартиру, оставил ему ключи да кипу старых газет и журналов для топки времянки.

Опера закончилась, кажется, часов в одиннадцать вечера. Из Дома офицера мы с шумом, довольные, направились на квартиру Шухмана, который обещал накормить ужином (с собой он привез пару банок тушенки, сахар и галеты). На восьмой этаж нас подняло точно на крыльях. Однако в квартиру попали не сразу, так как красноармеец спал крепким сном. Шухман торопливо стал растапливать чугунку, боец побежал во двор наведать лошадь. Вернулся он, к нашему удивлению, быстро, запыхавшись и бледный, даже не способен был произнести вразумительно простую фразу.

- Что-нибудь случилось? - спросил в тревоге Шухман.

- Да.

- Именно?

- Лошадь исчезла.

- Как исчезла?

Мы кое-как накинули на плечи полушубки, надели шапки-ушанки и стремглав ринулись во двор. Боец оказался прав. Розвальни стояли на месте. На них лежали хомут, сбруя и дуга. А лошади не было, хотя ворота были закрыты и по-прежнему на них висел замок. Приглядевшись, мы увидели, что около розвальней лежат непригодные для еды части бывшей нашей лошади.

Кто-то заметил:

- Вот тебе и на. Волк от кобылы, как говорится в сказке, оставил хвост да гриву.

- И когда успели? - произнес виноватым голосом боец.

- Ты сколько спал? - спросили его.

- Часа два, - неуверенно ответил.

- Скажи, что все шесть. Сено-то лежит целехоньким. А за это

время можно слопать целый табун, - зло пояснил Шухман.

- Что же будем делать, театралы? - обратился я к растерявшимся друзьям.

- Искать. Надо найти, кто зарезал лошадь.

Разбуженный нами управдом только руками развел.

- Дом большой. Голодающих немало. Попробуй теперь найди.

Доводы управдома были, конечно, убедительны. И мы поднялись к Шухману, съели разогретую тушенку, выпили по стакану чая и тронулись в обратный путь пешком. Пришли в Автово лишь под утро, усталые и раздосадованные. Комдиву докладывать побоялись. Рассказали комиссару штаба дивизии П. К. Булычеву, который, конечно, как следует выругал бойца-возницу, проспавшего лошадь, но наказывать его не стал.

14

Утром 20 февраля 1943 года, кажется это был субботний день, я зашел к Павлу Кузьмичу Булычеву, чтобы договориться о некоторых деталях предстоящего вечера, посвященного празднованию двадцатипятилетия со дня образования Красной Армии. Надо было организовать чай для ленинградских артистов, согласившихся дать нам концерт. Нас тогда больше всего интересовала ставшая известной Скопа-Родионова, прекрасно исполнявшая "Соловья" Алябьева. Ее приезд вызвал повышенный интерес к концерту. Булычев, однако, не дал мне досказать, зачем я к нему пришел. Он остановил меня и неожиданно выпалил:

- Поздравляю! - И протянул руку.

- Кого и с чем? - удивился я.

- Тебя, себя и всех нас...

- Может быть, все же скажешь, с чем?

- Пятьсот дней битвы за Ленинград.

- Нашел, с чем поздравить...

- А ты читай "Ленинградскую правду". Весь номер посвящен этой дате. В ней подводятся итоги битвы за Ленинград, говорится о ближайшем разгроме немцев...

- Неужели мы уже пятьсот дней сидим в осаде?! - воскликнул я.

- К твоему сведению, точно пятьсот. Сегодня пошел пятисотый день.

- Да-а! - только и сумел сказать я.

Цифра 500 взбудоражила наше воображение и вызвала грустные размышления, особенно у Булычева. Его можно было понять. Он почти два года не виделся с семьей, которую эвакуировал еще до ухода добровольцем на фронт. Ни она к нему приехать не может, ни он к ней. А конца войны все еще не видно. Здесь, под Ленинградом, очистили от фашистов лишь узкую

полоску земли вдоль Ладожского озера. А сколько на это потрачено сил!

Я постарался успокоить разволновавшегося Павла Кузьмича. Обратил его внимание на то, что уже третий месяц как Красная Армия на ряде фронтов перешла в наступление. Разгромила армию Паулюса в Сталинграде. Колотит сейчас немцев под Харьковом, Донбассом и у Ростова. Освободила территории Сталинградской и Воронежской областей, Чечено-Ингушской, Северо-Осетинской, Кабардино-Балкарской и Калмыцкой автономных республик, Ставропольского и Краснодарского краев, Карачаево-Черкесской и Адыгейской автономных областей...

- - Все это мне хорошо известно, дорогой Степан Михайлович, - прервал меня Булычев. - Но ты не перечислил земель, городов и областей, которые надо еще освободить.

Да, гитлеровцы к тому времени топтали еще многие наши земли. И все же враг был уже не тот. И Красная Армия накопила опыт, возмужала, стала больше получать от промышленности танков и самолетов.

- Давай лучше выпьем за будущие успехи нашей армии, - предложил я. Есть у тебя что-нибудь из "витаминов"?

- Спирт. А витамины добывает из елей товарищ Пелых и его помощники. У многих зубы начинают выпадать. В организме недостает витамина "С".

Мы выпили. И снова зашел разговор, но только о другом. О погонах, которые нам только что выдали. У нас с ним было одинаковое звание майорское. И погоны были одинаковые, с одной звездой.

- А все же в погонах лучше, - мечтательно произнес Булычев, разглядывая в зеркало, как они смотрятся на широких его плечах.

- Конечно, лучше. Некоторые бойцы, однако, говорят, что когда-то, мол, Красная Армия, громила белопогонников, а теперь сама в них облачилась.

- То были белые, а наши зеленые с малиновой окантовкой, - поправил Павел Кузьмич. - Между прочим, помнишь, что зазорным было носить шляпы и галстуки. А теперь ни один городской житель не носит рубашки без галстука. Да и шляпы стали в моде.

Павел Кузьмич Булычев недаром слыл в дивизии "твердокаменным", стойким и даже безэмоциональным. Слюни не любил распускать.

В конце нашего доверительного разговора он спросил:

- - Что же будем делать, когда кончится война?

- Уйдем в отставку. Дадут нам всем пенсию, и начнем воспитывать внуков и внучек, - пошутил я.

- Как бы не так, - возразил Павел Кузьмич. - А кто будет восстанавливать разрушенные города и села, фабрики и заводы? Молодежь наша вырастет не скоро. Жены-то наши за эти годы не рожают. Да и для девушек, которым пора выходить замуж, военные годы - пустоцветы.

- Да, ты прав, - согласился я.

А про себя подумал: "Неужели скоро состаримся?" А дело ведь идет к этому. От этого никуда не уйдешь. Подумалось и о другом. Пока молод, пока взбираешься на гору, тебе все кажется, что время идет медленно, ползет, точно черепаха, и ты ждешь не дождешься, когда придет заветный день - день совершенства

мысли и дел твоих. И этот "заветный день" ждешь с нетерпением, торопишь себя во всем, спешишь к нему приблизиться.

Но вот ты добрался до вершины, до той возрастной отметки, о которой мечтал в юные годы, а молодость уже и позади, даже не заметил, как она промчалась. Теперь ты стал более "мудрым" и рассудительным, способным на что-то серьезное и значительное. И тут тобою овладевает такое чувство, от которого дрожь начинает пробирать: "Путь-то твой кончается. Вон уж и финиш виден!" Ты теперь взбираешься не на гору, а скользишь под уклон. И дни уже кажутся не неделями, а часами. Годы становятся совсем короткими.

Подумал об этом с грустью. Но взглянул на Булычева, на румянец на его щеках, на сильную, крупную фигуру, и полегчало на душе. А ведь Павел Кузьмич на два или три года старше меня. Значит, еще не все потеряно. Еще многое можно сделать. Война многому нас научила, прибавила ума-разума.

15

Шли военные дни. С волнениями и переживаниями, потерями и с надеждами. И совсем незаметно подобралась весна 1943 года, а за ней подкатилось теплое лето, такое, какое было два года назад, когда по всей стране пронеслась тревожная весть: "На нашу страну напали фашисты!"

Два года воюет страна, и два года минуло, как была создана дивизия народного ополчения, вобравшая в себя лучшую часть рабочего класса, интеллигенции Московской заставы.

- Будем отмечать двухлетний юбилей, - сказал заместитель комдива по политчасти Лукашук, вызвав меня к себе. - Готовь доклад. Ты один из ветеранов - тебе и выступать.

Сделать доклад на торжественном собрании - дело почетное, но и непростое. Передо мной сразу же возник вопрос: что и как сказать, как, какими словами выразить пережитое и содеянное за два года жестокой борьбы, за пережитые дни суровой блокады?

Я несколько дней ходил и все время думал только об этом, шаг за шагом вспоминал двухлетний боевой путь дивизии, перебирал в памяти бои на рубеже реки Луга, в районе Старого и Нового Петергофа, Ораниенбаума, бои на реке Усть-Тосно и близ Колпино, на Пулковских высотах, проанализировал Старопановскую операцию.

И передо мною вновь встали многие из тех, кто добровольно ушел на фронт в начале июля 1941 года, встали герои, которые и по сей день воюют с фашистами, и те, которых уже не было среди нас.

Боевой двухлетний путь дивизии я разделил на два этапа. Первый - июль октябрь 1941 года, когда она числилась

ополченческой. Этот период всего лишь в сто дней был самым тяжелым. Все сто дней шли непрерывные кровопролитные бои. Каждый день был насыщен незабываемыми событиями, жаркими схватками, героическими поступками. Эти сто дней явились для ополченцев большим испытанием на стойкость и мужество, были школой войны, которую прошел каждый боец и командир. "Занятия" в этой школе закончились на Ораниенбаумском пятачке, где фашистские полчища были остановлены и где дивизия была переведена в разряд кадровой, получив новый номер.

Для нас, добровольцев, этот стодневный срок явился самым дорогим и памятным. Дорогим потому, что мы многих оставили на поле битвы, а памятным потому, что, хотя и были неопытными и необученными, остановили врага, обескровили и заставили целый месяц топтаться на одном месте. При сложившихся обстоятельствах это, конечно, была большая победа, которой мы не без основания гордились. В этих боях наша дивизия истребила свыше 20 тысяч гитлеровских оккупантов, что равносильно двум дивизиям.

Я, конечно, мысленно наметил имена отличившихся в боях, продумал, что о них рассказать, какое предприятие они представляли в дивизии - "Электросилу" или "Скороход", завод имени Егорова или авиационный институт, Ленмясокомбинат или ремонтный автомобильный завод.

Второй этап длился значительно дольше, по характеру боев и событий отличался постоянством позиций, отсутствием горечи отступлений. Воины нашей дивизии вместе с населением Ленинграда пережили трудную зиму 1941/42 годов. В этот период большой размах получило движение снайперов-истребителей, ставшее грозой для фашистов. Меткими выстрелами снайперов за восемь месяцев было уничтожено 3500 солдат и офицеров противника.

В заключение я решил призвать хранить и умножать боевые традиции дивизии, не ослаблять связей с предприятиями Московской заставы - родиной нашей дивизии, а также поблагодарить рабочих Кировского завода и Судостроительного завода имени Жданова, ближние подступы к которым мы охраняем, получая от них повседневную помощь.

И, конечно, традиционная концовка: здравица в честь Коммунистической партии и Родины, в честь героев-ленинградцев.

Все это я произнес с трибуны малого зала Дома культуры имени Горького, куда, кроме бойцов и командиров всех подразделений нашей дивизии, прибыли представители рабочих

и служащих Московского и Кировского районов.

В конце собрания вышел на трибуну секретарь Московского райкома партии Тихонов. Он сообщил, что фашисты за два года войны потеряли под Ленинградом убитыми 470 тысяч солдат и офицеров, а это больше половины армии, двинувшейся на наш город в начале войны, 5 тысяч орудий и минометов, 8 тысяч пулеметов и автоматов, 1200 танков и бронемашин.

Когда Тихонов сказал, что гитлеровские войска, пришедшие к берегам Невы, чтобы овладеть северной цитаделью страны Советов, в ближайшее время будут разгромлены, люди в едином порыве воскликнули: "Смерть немецко-фашистским оккупантам!"

Зал, где проходило юбилейное собрание, бойцы покидали в хорошем настроении, с чувством гордости за свою дивизию, за свой город, в котором выросли, жили и который теперь защищают. Многие из бойцов и командиров в дивизии служили с первых дней ее существования. Тут был старший лейтенант Устинович Михаил Петрович, возглавлявший до войны на "Электросиле" отдел подготовки рабочих кадров. С этого же прославленного предприятия и офицер связи Староверов Виктор Александрович. Здесь же скороходовец старший лейтенант Николай Перов, бывший штукатур мясокомбината ефрейтор Кошкина Мария Алексеевна, капитан, начальник артснабжения 141-го полка Синицин Иван Иванович, старший сержант, оружейный мастер Орлов Николай Григорьевич, командир орудия старшина Фирсов и, конечно, известные в дивизии командиры и политработники - командир полка Герой Советского Союза подполковник Краснокутский, майор, заместитель командира артполка по политчасти Гусев, майор, агитатор политотдела Ковязин, врачи медсанбата Боровская и Волгина. Все они, в парадной, аккуратно подогнанной форме, при орденах и медалях, как лучшие из лучших представляли на юбилее дивизии свои части и подразделения.

С торжественного вечера я возвращался к себе в политотдел, который по-прежнему находился в Автове, вместе с командиром пятьдесят девятого полка, подполковником Е. М. Краснокутским. Пошли мы пешком, так как до Автова от Дома культуры имени Горького не так уж далеко, да и хотелось после душного помещения подышать свежим воздухом, размяться.

Шли не торопясь и, конечно, говорили о людях дивизии, о бывших ополченцах, которые за два года стали опытными воинами.

В докладе, ограниченный временем, я вынужденно говорил о людях очень скупо и мало, о чем и сказал с сожалением Краснокутскому.

Командир полка с удовольствием подхватил эту тему:

- Да, действительно, в наших частях и подразделениях сложился надежный костяк, и составляют его бывшие ополченцы. С ними хорошо воевать, не подведут. Поверьте мне, я знаю толк в "военной косточке" - давно служу в армии.

И Ефим Маркович стал перечислять имена командиров, политработников и рядовых своего полка, которые, по его мнению, составляют гордость дивизии, являются отличными воинами. Упомянул он и сандружинницу Женю Паршину. Я слышал, что ее в полку почему-то называют "начальником штаба артиллерии", и попросил Краснокутского рассказать о ней поподробней. И вот что узнал от Ефима Марковича.

До войны Женя была студенткой института. На фронт пошла добровольно и была зачислена в полк сандружинницей, Женя - маленькая, хрупкая девушка, но очень смелая. В полку в нее влюбился сибиряк, огромного роста и внушительного телосложения, командир противотанковой батареи Сергей Коряга. Влюбилась в него и Женя. Они съездили в загс и поженились, в полку им устроили настоящую свадьбу. С тех пор Женя стала как бы тенью своего мужа, никогда не оставляла его одного. Он в атаку идет - и она следом за ним. Помогает во всем, делает расчеты, наносит обстановку на карту. В общем стала Женя правой рукой командира батареи. За это-то и прозвали ее "начальником штаба артиллерии", хотя в действительности и должности-то такой не было. И, конечно, Женя перевязывала и выносила с поля боя раненых.

- Во время Старопановской операции, - рассказывал Краснокутский, - ко мне на НП пришел мой заместитель по политчасти, тоже сибиряк, и высказал опасения за жизнь Жени Паршиной, которая и на этот раз вместе с мужем пошла в атаку. "Убьют зазря нашего лучшего санитара, - заявил он. - Кто тогда будет отвечать?"

Я вызвал Корягу и потребовал, чтобы он вернул свою жену в санитарный взвод. Командир батареи, человек дисциплинированный, сразу же выполнил мой приказ. Вдруг мне докладывают: "Начальник штаба артиллерии" просится к вам". - "Пусть войдет", - говорю я.

Входит Женя Паршина. Приложила к берету руку и говорит:

- Товарищ командир, почему вы лишаете меня возможности выполнять воинский долг в бою?

Я как-то даже опешил. Но тут же нашелся и отвечаю ей полушутя:

- Знаешь, в бою иногда бывает, и убивают. Что тогда мне делать? Тогда тобой и не покомандуешь.

- Что будет, того не миновать. А воевать, между прочим, - не прихоть моя, а долг. И убить могут не только меня, а любого, но им-то вы запретов не даете.

Она, конечно, немного сдерзила мне, но упорный и прямой ее характер я знал давно. Знал ее и как мужественного и честного солдата. И потом... права она была все-таки. Так что я махнул рукой, дескать, пусть будет по-вашему.

Она резко повернулась кругом, щелкнула каблуками и вышла из землянки. Через некоторое время мне доложили, что она снова с батареей на самом опасном участке.

Вот такая эта Жена Паршина. За тот старопановский бой ее наградили медалью "За отвагу".

Расплата

1

Осенью 1943 года в теплые сухие дни бабьего лета нашу дивизию снова перебросили на Пулковские высоты. И сразу же прибыли представители 42-й армии, в состав которой мы вошли.

В один из дней, после того как мы "осели" на Пулковских высотах, меня ранним утром вызвали к командиру дивизии Константину Владимировичу Введенскому. Второпях пришлось подшить чистый подворотничок, до блеска надраить сапоги. На то была своя причина: у комдива, как сообщил его адъютант, находился член Военного совета армии, известный своей строгостью и нетерпимостью к малейшей неряшливости офицеров. Попадешься ему на глаза небритым или в помятой гимнастерке - получишь нагоняй.

И действительно, когда я явился к комдиву, член Военного совета окинул меня с ног до головы ястребиным взглядом. Придраться, очевидно, было не к чему, и он медленно, растягивая слова, спросил, хорошо ли я знаю расположение своих частей.

- Только вчера обошел их.

- Вот и отлично. Не будем зря терять времени. Идемте, майор.

Я шел за быстро шагавшим генералом на почтительном расстоянии, памятуя о том, что, когда начальство не расположено к разговору, следует держать язык за зубами. А между тем мне не терпелось узнать цель прибытия к нам члена Военного совета армии. Не собирается ли командование бросить нашу дивизию на штурм врага, засевшего вдоль южных склонов Пулковских высот? Давно бы следовало. Очень уж большое преимущество давал ему этот район. С Вороньей горы, особенно из Александровки и деревни Кузьмине, Ленинград, простирающийся по всей обширной невской низине, виден как на ладони. Отсюда даже можно различить площади и проспекты, проследить все изгибы

Невы и полюбоваться Исаакиевским собором... Но что до всей этой строгой красоты города фашистам! Хищнически примечая все, что в нем происходит, они цинично определяли очередную цель для артиллерийского обстрела и варварской бомбежки с воздуха, продолжая разрушать жилые дома, театры, промышленные предприятия, убивать детей, женщин и стариков.

Вот и Пулковская высота, еще недавно служившая ученым, познающим Вселенную, стала теперь рубежом ожесточенных схваток с фашистами, которым бесноватый фюрер приказал овладеть Ленинградом, разграбить его, а потом стереть с лица земли. Гитлер был уверен, что дни Ленинграда сочтены.

Но ленинградцы держались, боролись, верили в победу. И эта вера поддерживала их силы. Прорыв блокады в районе Ладожского озера частично облегчил положение, но гитлеровцы по-прежнему методически обстреливали город из дальнобойных орудий. Однако же по всему чувствовалось - день возмездия приближается...

Именно об этом думал я, сопровождая члена Военного совета.

Несколько часов подряд, без остановки и отдыха, ходили мы по переднему краю. Командиры полков, встречавшие генерала на границах своих участков, предлагали ему передохнуть и снять пробу с красноармейского обеда. Но он был непреклонен: "Некогда. В другой раз". И мы шли дальше. Местами - в полный рост, а там, где траншеи были мелкими, - согнувшись. Когда мы находились в 103-м полку, противник произвел минометный налет: очевидно, приметил генеральскую форму. Командир полка Никулин и его заместитель по политчасти Пожилов предложили члену Военного совета укрыться в доте, переждать обстрел, но тот продолжал осмотр позиций.

Член Военного совета особенно интересовался отводами траншей в сторону противника, их размерами и прикидывал, сколько бойцов может поместиться в каждой траншее. Такой же интерес он проявлял и к "ничейной" полосе, к оборонительным сооружениям противника: то и дело прикладывал к глазам бинокль.

Мне стало ясно: армия готовится к штурму вражеских позиций. Выбить фашистов, прижавшихся к Пулковским высотам и превративших Александровку, Пушкин, Соболеве и Павловск в укрепленные бастионы, - задача не легкая. Только штурмовать их, думалось, надо не в лоб, иначе понесем большие потери... Видимо, не случайно генерал проявлял пристальный интерес к правому крылу дивизии, оседлавшему Варшавскую железную дорогу неподалеку от Соболева.

Осмотр позиций подходил к концу, и я уже было радовался

благополучному его исходу: мне казалось, член Военного совета не обнаружил ничего такого, что могло вызвать недовольство. Однако благодушничать было рано. Возвращаясь, мы наткнулись на группу бойцов, рывших огромный котлован. Руководивший этой работой лейтенант Зильберман сделал вид, что не заметил члена Военного совета, и как ни в чем не бывало продолжал стоять, расставив ноги, в расстегнутой шинели. Генерал побагровел, остановился и, сдерживая гнев, приказал подозвать лейтенанта.

Я подал знак Зильберману. Скомандовав бойцам "смирно!", он подбежал к нам и стал докладывать генералу. Но тот прервал лейтенанта на полуслове, приказал привести себя в порядок и только потом доложить. Когда же Зильберман вновь стал докладывать, то так разволновался, что из его слов трудно было понять, что именно сооружает взвод.

- Вы не командир, а мокрая курица, - сердито заметил генерал. - Вы что, не знаете воинского устава?.. Что делали до войны?

Лейтенант ответил, что работал в газете "Скороходовский рабочий".

- Плохо, товарищ бывший газетчик... Идите!

Досталось и мне:

- Слабо воспитываете командный состав. Не знают самого элементарного...

Вернулись мы в штаб дивизии уже в сумерки, усталые и голодные. Комдив встретил нас вопросительным взглядом: "Мол, как?"

- Позиция хороша для обороны, - заметил член Военного совета. - Нам же теперь не обороняться надо, а наступать. Так что кое-что придется переделать. Но об этом потом. Сейчас неплохо бы отдохнуть и перекусить.

- Обед уже на столе, товарищ генерал, прошу, - пригласил Введенский...

В политотделе меня сразу обступили. Всех интересовало: зачем приезжал член Военного совета? Ничего определенного я своим товарищам сообщить не мог, да и не имел права, хотя, признаться, с удовольствием передал бы слово в слово замечание генерала по поводу характера позиций, занимаемых дивизией.

- Что касается меня, - заметил капитан Мирлин, - то я уверен: наши войска скоро начнут наступление. Не сидеть же в обороне третью зиму!

- Поживем - увидим, - как всегда спокойно, ответил ему секретарь партийной комиссии майор Терновой, всегда считавший, что прогнозы на фронте - пустая затея.

Тем не менее замечание члена Военного совета армии относительно того, что нам теперь надо готовиться не к обороне, а к наступлению, каким-то образом стало известно уже на следующий день и было воспринято как директива к действию. Все пришло в движение. В штабах забегали, начали обсуждать, как и что переделать на передовой. Были вызваны артиллеристы, саперы, связисты. Комдив собрал командиров полков и дал им задание в течение суток представить план работ по удлинению "усов", дополнительной маскировке и обеспечению проходов в минных полях.

И вдруг все наши предложения и планы полетели вверх тормашками: поступил приказ вывести дивизию во второй эшелон. Да не куда-нибудь, а в город. Приказы в армии, как известно, не обсуждаются - их надлежит выполнять, но тут не обошлось без различного рода предположений, догадок и даже о причине вывода частей нашей дивизии в резерв. Кое-кто полагал, что снятие дивизии с переднего края - не что иное, как неверие в ее боеспособность. Истинную причину знало лишь несколько человек - комдив и его заместитель по политчасти, начальник и комиссар штаба дивизии, начальник политотдела и его заместитель. Командующий армией разъяснил полковнику Введенскому, что дивизия получит свежее пополнение, дополнительную технику, необходимый транспорт, более современные средства связи и сразу же начнет готовиться к наступательным боям. На переподготовку отводилось два месяца.

Политотдел разместили в пустующем здании средней школы рядом с Витебским вокзалом - в самом центре Ленинграда. Это позволило присмотреться к тем переменам, которые произошли в городе за восемь месяцев после прорыва блокады.

На следующий день после переезда политотдела я по Загородному проспекту быстро дошел до улицы Дзержинского, потом свернул на Садовую и впервые за годы блокады сел в трамвай. Пересек Невский и оказался на набережной у Летнего сада. С волнением смотрел я на Неву, по-прежнему неторопливую и могучую: ее гладкую поверхность серебрил легкий ветерок.

К моему удивлению, на набережной оказалось много людей. Одни куда-то спешили, другие прогуливались или стояли, облокотившись на парапет. Конечно, прежнего оживления не было. Население Ленинграда за годы войны заметно поредело. И все же город выглядел не так, как это описано побывавшим в Ленинграде в сентябре 1943 года английским журналистом Александром Вертом в его книге "Россия в войне 1941-1945 гг." Верту Ленинград показался "полузаброшенным", а дома

"покинутыми". Однако и он вынужден был признать: "Жизнь в городе почти вошла в норму".

Ничего похожего на то, что мы наблюдали в первую блокадную зиму! Снова действовал городской транспорт. Были восстановлены водопровод и отопительная сеть. Улицы и дворы, как и в довоенное время, содержались в чистоте. Начали работать театры, дома культуры. В Политехническом, Педагогическом имени Герцена, Инженерно-строительном, Химико-технологическом и других институтах возобновились занятия, Вновь ожили студенческие аудитории и общежития. Налаживалось общественное питание. В три раза была увеличена норма хлеба. Не избавились ленинградцы лишь от опасности погибнуть во время артобстрелов, которые немцы вели по городу со все возрастающим ожесточением. То в одном, то в другом месте вспыхивали пожары. Сгорел мясокомбинат имени Кирова. Несколько месяцев тлел огромный дом на Лиговском проспекте, в котором раньше проживало три тысячи человек.

Не помню, сколько времени я любовался Невой, на противоположном берегу которой брал начало самый благоустроенный и зеленый район города Петроградская сторона, где когда-то жил любимец ленинградцев Сергей Миронович Киров. Очнулся я от неожиданно резкого визга тормозов: обернувшись, был приятно удивлен - из остановившейся "эмки" выскочил мой старый приятель Владимир Антонович Колобашкин.

- Какими судьбами, Степан? Вот уж не думал встретить тебя здесь!

- Да, понимаешь, перебросили... Вот, по Неве соскучился, - сказал я намеренно бравым тоном, а у самого к горлу комок подкатывал.

Колобашкин понимающе посмотрел на меня:

- А ну-ка, поехали!

- Куда?

- Давно не виделись. Надо потолковать.

В машине говорили о многом, но по всему было видно, что Колобашкина прямо-таки распирало от желания чем-то поделиться. Он уже сообщил мне, что был в Смольном, а теперь едет в райком. Видимо, в Смольном его принимал кто-то из секретарей горкома, быть может, и похвалил.

Многих похвала окрыляет и мобилизует, а кое-кому голову кружит. На Владимира Антоновича похвала действовала и так и этак. Пожалуй, он был честолюбив. Не потому ли похвала как бы "взвинчивала" в нем кипучую деятельность? Он принадлежал к категории людей, которым нужно слышать слово одобрения.

Почаще похваливай такого человека и можешь быть спокоен: все, что намечено, будет сделано. И однако же, таких людей необходимо время от времени подставлять под "холодный душ". Надо отдать должное Колобашкину, он умел и сам ставить себя на место.

- Иной раз чувствуешь, как тебя заносит, - однажды признался он мне. Почва уходит из-под ног. Приходится самому на себя самокритику наводить.

На этот раз мой друг не сдерживал себя.

- Товарищ Кузнецов сегодня на совещании похвалил наш райком, - с гордостью сказал он.

Кузнецов был тогда вторым секретарем горкома партии и правой рукой секретаря ЦК Жданова, возглавлявшего одновременно обком и горком партии.

Алексей Александрович Кузнецов, в прошлом рядовой комсомольский работник, лет за десять до войны быстро пошел в гору. Избранный первым секретарем райкома партии, проявил незаурядные организаторские способности. Это было замечено, и вскоре Кузнецов заслуженно становится секретарем горкома партии. Принципиальный и в то же время скромный человек, он отличался неутомимостью в работе и честностью. Это нравилось коммунистам.

Так что понять настроение моего друга было не трудно.

Колобашкин сказал:

- Интересный разговор сейчас состоялся. О будущем города. Будем восстанавливать не только архитектурные памятники. Намечается частичная перепланировка города. Ленинград выйдет своим фасадом к Финскому заливу. И наш район расширится, вплотную приблизится к Пулкову. Будем застраивать пустующую территорию за "Электросилой". Думаем заложить в нашем районе парк Победы. Товарищ Кузнецов сказал, что Ленинград должен быть краше довоенного.

- Сперва надо фашистов от города отогнать, - заметил я, - а потом уж думать, как его перестраивать.

- Одно другому не мешает, - возразил Владимир Антонович. - К тому же фашистам под Ленинградом сидеть не долго. Инициатива сейчас полностью в наших руках. Ты слышал о их плане "Пантера"?

- Что же, они еще собираются наступать?! Пантера - зверь хитрый, нападает на свою жертву из засады, нежданно-негаданным прыжком.

- Пожалуй, ты прав: такое название больше соответствует наступлению. Но они строят сейчас оборону по линии Нарва - Чудское озеро - Псков - Остров.

- Выходит, настраивают себя на оборону...

- Выходит, так, - подтвердил Колобашкин.

- Любопытно... Спасибо тебе, Владимир Антонович, что просветил.

- Но это только между нами, - предупредил он.

Тем временем машина подкатила к райкому и, круто развернувшись, остановилась у знакомого мне подъезда.

Райкомовские работники, питавшие особое расположение ко второму секретарю, уже ждали Колобашкина.

Не снимая пальто и кепки, Владимир Антонович подошел к карте района, висевшей на стене позади его рабочего стола, и с энтузиазмом стал делиться новостями.

- Смотрите, сколько простора и свободного места! - Он провел карандашом по карте. - Все это после войны будет застроено и озеленено. В прошлом глухая, запущенная рабочая застава наша преобразится.

Райкомовцы смотрели на него недоумевая: не могли взять в толк, почему свою информацию о заседании бюро горкома Колобашкин начал с застройки пустырей района.

- Раньше, - продолжал между тем Владимир Антонович, - граница Московской заставы простиралась почти до Пулковских высот, а жилые дома доходили только до заводских корпусов "Электросилы". Только перед войной было построено несколько домов вдоль Московского проспекта да возведено здание Дома Советов.

Слушая Колобашкина, я мысленно перенесся на окраины довоенного Ленинграда. Перед глазами встала не только Московская застава, но и Выборгская, протянувшаяся от Литейного моста до станции Удельная, Невская застава со своими знаменитыми заводами, где на заре двадцатого столетия пропагандировал учение Маркса молодой В. И. Ленин, К Финскому заливу примыкали Васильевский остров и Нарвская застава. Окраинные индустриальные районы города свято хранили революционные традиции питерских рабочих, были опорными пунктами партии в политике индустриализации. С этих окраин во все уголки нашей страны направлялись не только гидротурбины "Электросилы", тракторы, выпущенные Кировским заводом, различные станки и машины, но и кадры питерских рабочих, передававших свой опыт первенцам пятилеток, помогавших труженикам деревни создавать колхозы.

Вспоминая обо всем этом, я все больше и больше попадал во власть чувств, которые вызывала одухотворенность Колобашкина, с энтузиазмом рисовавшего завтрашний день Московской заставы.

- Наш район, его южная часть, по своему благоустройству и архитектурному оформлению полностью преобразится. Он будет примыкать к Пулковским высотам многоэтажными, комфортабельными домами. А вдоль его центральной магистрали - от Обводного канала до Средней Рогатки - помчатся подземные поезда метрополитена, строительство которого будет возобновлено уже в ближайшее время.

- Да, немало предстоит забот нашему райкому, - заметил кто-то.

А пока что главным в работе райкома были дела, связанные с защитой города. Заведующий военным отделом Телятников доложил о ходе военных занятий в рабочих отрядах, где не хватало снаряжения и современных образцов оружия, Инструктор отдела пропаганды Яровикова поставила вопрос о невнимании некоторых хозяйственников к пропагандистской работе. Ее коллега Кендысь стала просить Колобашкина написать статью для радио. Кто-то напомнил, что надо позвонить на "Скороход", чтобы выделили машину для поездки за ветками елей, в которых содержится витамин - надежное средство от цинги.

Было уже поздно. Я заторопился к себе. Казалось бы, незаметно вышел из кабинета, но в коридоре меня догнал Колобашкин:

- Куда же ты?

- В политотдел.

- Может быть, пообедаешь у меня?

- Увы, - постучал я пальцем по циферблату часов. - Да и комдиву могу понадобиться.

- Тогда жму руку... Возьми мою машину. Пешком идти далековато. До встречи!

Возвращался я в дивизию со смешанным чувством. В голове никак не укладывались несовместимые пока понятия: война и будущее района, свист рвущихся в городе вражеских снарядов и подземные поезда, цинга и жилые корпуса под Пулковом, на южном склоне которого окопались фашисты.

Не прожектерство ли это? И тут же другой, более трезвый внутренний голос возразил: "Война войной, а жить надо не только сегодняшним днем".

3

Когда я вернулся в политотдел, дежурный сообщил, что только что меня спрашивал комдив. Штаб дивизии находился в районе фарфорового завода имени Ломоносова. Пришлось будить маленького проворного шофера Абдурахманова, которого мы звали просто по имени - Хабибом, скорее всего, за усердие и старание.

Хабиб немедленно вскочил, торопливо оделся и побежал заводить старенькую, видавшую виды "эмку". Машина с шумом вылетела из небольшого школьного двора на просторный, безлюдный вечерний проспект.

Город по-прежнему был затемнен. Поэтому ехали мы медленно, осторожно. И у меня было достаточно времени, чтобы снова обдумать, взвесить все, что узнал от Колобашкина, увидеть свой город в новом облике.

...Константин Владимирович нравился нам своим ровным характером. Замечания он делал в тактичной форме, порой как бы полушутя.

- А я уже хотел объявить розыск, - пошутил он, увидев меня.

- Задержался в райкоме, товарищ комдив...

- Ладно. Ничего особенного за это время не произошло. Только вот это... - И он поспешно вручил телефонограмму.

Я пробежал глазами короткий текст: меня откомандировывали в распоряжение начальника политотдела 67-й армии.

Тем временем комдив соединился с членом Военного совета армии и попросил разрешения задержать меня на некоторое время в дивизии. По отрывистым репликам Введенского я понял, что он получил согласие, и, не скрою, я обрадовался этому. Константин Владимирович вызвал своего вестового и приказал принести нам ужин. Тут только я осознал, что страшно проголодался: с утра ничего еще в рот не брал. За ужином комдив без дальних предисловий сказал:

- Нам с тобой и всему командно-политическому составу предстоит потрудиться в поте лица. Поставлена важная задача - психологически настроить людей на наступательный бой. А это не так-то легко: привыкли к обороне. Хотелось бы в связи с этим высказать кое-какие соображения.

И выразил их очень лаконично:

- Главное - вызвать у бойцов наступательный порыв, убедить, что в наступлении безопаснее, чем в обороне, ибо не противник навязывает тебе условия боя, а ты ему.

Мы составили план действий и наметили сроки его осуществления. Я уже собрался было уходить, как вдруг заметил на рабочем столе комдива пожелтевшую фотографию человека в незнакомой мне военной форме.

Перехватив мой взгляд, Константин Владимирович поспешил пояснить:

- Это командир дивизии, у которого я был советником во время гражданской войны в Испании.

- Любопытно, - вырвалось у меня. - И долго вы там были?

- Не так уж долго. Всего десять месяцев... - Он встал и закурил: - В Испанию я попал неожиданно. Отбирали туда строго и только добровольцев. К тому времени я уже прослужил в армии больше двадцати лет, ходил в чине капитана... До Парижа добирались поездом, через Германию и, конечно, в гражданских костюмах. Иначе было нельзя. Париж встретил нас холодно. Французское правительство, возглавляемое Леоном Блюмом, как вы знаете, проводило политику "невмешательства". По инициативе Блюма было подготовлено и в Лондоне послами двадцати семи европейских стран подписано соглашение, запрещавшее этим странам предоставлять воюющим сторонам в Испании оружие. Но Германия, Италия и Португалия грубо нарушили взятые на себя обязательства и продолжали снабжать Франко военными материалами. В этих условиях республиканское правительство Испании вернуло себе право закупать оружие за границей. Продавали, разумеется, его и мы...

Константин Владимирович потушил недокуренную папиросу и стал расхаживать взад-вперед по большой, почти пустой комнате, в которой, кроме письменного стола и нескольких стульев, ничего не было.

- Меня и еще несколько командиров Красной Армии направили в Испанию, когда война там была в разгаре. В Париже мы просидели с неделю. Французское правительство отказало нам в транспорте и не гарантировало безопасность переезда через франко-испанскую границу. Пришлось искать проводников среди частных лиц. Разумеется, нашли. Кстати, не без помощи официальных французских лиц. Согласился перебросить нас в Каталонию за очень крупную сумму летчик гражданской авиации. Самолет у него был старенький, фюзеляж сколочен из фанеры. Он оказался искусным пилотом и, видимо, перелетал границу не впервые. Трасса ему была хорошо знакома. Летел он низко и уверенно. Посадил свою машину на военном аэродроме приграничного городка Херона очень аккуратно, и мы сразу попали в шумную толпу каталонцев...

За событиями гражданской войны в Испании я, как и все советские люди, следил по газетам. А вот разговаривать с кем-нибудь из ее участников не приходилось. Поэтому я весь обратился в слух, а на память невольно пришли облетевшие весь мир слова Долорес Ибаррури: "Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!" - слова, ставшие паролем несгибаемых, непокоренных борцов за правое дело не только я Испании.

- Я рассчитывал, - продолжал между тем комдив, - что меня направят в какую-нибудь из интернациональных бригад, которых к тому времени там было немало. Ведь добровольцы-

антифашисты прибыли в Испанию из пятидесяти четырех стран. Увы, расчет мой не оправдался. Меня назначили ни больше, ни меньше как советником к командиру анархистской двадцать седьмой дивизии, насчитывавшей двадцать две тысячи штыков. Об анархистах я имел довольно смутное представление. Видел их лишь в кинофильме "Выборгская сторона" с Михаилом Жаровым в главной роли. Такое назначение встревожило меня. Ведь анархисты не признают никаких авторитетов. Отвергают дисциплину: не раз самовольно снимались с боевых позиций. Сильной стороной их была неожиданная, стремительная и шумная психическая атака. Этих атак страшились не только фалангисты, но и марокканцы. Так что, с этой точки зрения, воевать вместе с ними было даже интересно.

- А как же анархисты относились к вам, посланнику Красной Армии, привыкшему к строгой дисциплине?

- Как ни странно, - ответил на мой вопрос комдив, - с уважением и доверием. Они знали, что наша страна горячо поддерживает республиканцев и желает им победы. А я, давая им советы, никогда не задевал их самолюбия, стремился быть в гуще масс, среди рядовых воинов. Это им нравилось и ценилось ими. Нередко из-за внешности они принимали меня за своего, за испанца. Когда же узнавали, что я русский, то приходили в восторг и громко кричали: "Брависсимо!"

Во главе мятежников в Испании, как вы знаете, стояли фашисты. Следовательно, и методы, которые они применяли против республиканцев, были фашистские - коварные и жестокие. Еще тогда они раскрыли свое подлинное лицо, не щадя даже мирное население. Фашисты специально устраивали кровавые нападения на жителей селений, поддерживавших коммунистов. По этим селениям стреляли из орудий так же, как по укрепленным рубежам, - прямой наводкой, зачастую картечью... По-моему, все самое худшее, нечеловеческое, что породил империализм, вобрал в себя фашизм.

Константин Владимирович Введенский был прав. Мы, ленинградцы, на себе испытали, что такое фашизм. Тогда в Ленинграде у всех были свежи в памяти зверства фашистов в старинной русской крепости Шлиссельбурге. Тысячи шлиссельбуржцев гитлеровцы угнали на каторгу в Германию. Захватив город-крепость, построенный еще Петром Первым, они учинили там разбой, превратили город в развалины. За малейшее нарушение установленного "порядка" фашисты расстреливали без суда и следствия. В Шлиссельбурге погибло немало ни в чем неповинных людей. Так же фашисты поступали и с сельским населением. Вот как описывала "Ленинградская правда" расправу

над семьей колхозника: "Их вывели под конвоем. Впереди шел шестидесятилетний Алексей Ананьев из деревни Люта, за ним его несовершеннолетний сын Георгий, сзади - жена Анисья и невестка Мария. Недалеко от того места, где неделю назад был сброшен под откос вражеский эшелон, их поставили рядом и расстреляли".

Расстреляли только за то, что эта семья предоставила ночлег партизанам.

Каждое свое распоряжение на занятой территории под Ленинградом оккупанты заключали словами: "Кто не выполнит - расстрел!" В городе Острове на стенах домов и на заборах висели объявления: "За неподчинение властям расстрел!" За что именно человека могли поставить к стенке? "Ходьба на лыжах для русского гражданского населения, а также для детей и молодежи, предупреждалось в одном из приказов гитлеровцев, - запрещается. Все лыжи должны быть собраны старостами и сданы в комендатуру. Кто сохранит лыжи или будет передвигаться на них, тот понесет наказание и будет расстрелян".

В те Дни печать сообщила, что в Демянском районе Ленинградской области фашисты повесили и расстреляли двести девяносто одного мирного жителя, в Лычковском - двести тридцать шесть. Четырнадцать тысяч девяносто семь человек из этих двух районов насильственно угнали на каторгу в Германию, сожгли здесь дотла восемь тысяч четыреста домов и полностью уничтожили девяносто восемь населенных пунктов.

...Была уже полночь. Я поднялся и попросил у комдива разрешения поехать в политотдел.

- Переночуй в штабе. У нас есть свободная комната с диваном. Только позвони в политотдел, чтобы знали, где ты находишься...

4

1943 год был на исходе. Наступил холодный, с ветрами, промозглый ленинградский декабрь. Но он уже не был таким жестоким, как в сорок первом, когда тысячи людей гибли от голода и холода, от постоянных бомбежек и артобстрелов. Жизнь в городе менялась. Реже, чем прежде, встречались дистрофики. Совсем прекратились воздушные пиратские налеты: за декабрь не было ни одного. Зато артобстрелы усилились. Создавалось впечатление, что фашисты, почуяв приближение конца своего пребывания на берегах Невы, спешили израсходовать весь запас завезенных снарядов.

В один из дней, проснувшись, ленинградцы обнаружили, что улицы, скверы и крыши домов запорошены снегом. Все кругом забелело и заискрилось под неяркими лучами пробившегося сквозь тучи солнца. Прохожие, ежась от холода, поднимали

воротники, засовывали поглубже в карманы руки. Но мне, только что вышедшему из политотдела в новом, недавно полученном полушубке, суконных брюках, шапке-ушанке и валенках, было тепло.

Через час мне предстояло провести беседу в том самом батальоне, в котором я получил боевое крещение в борьбе за деревню Юрки.

После рекомендаций, высказанных комдивом, мы, политотдельцы, стали чаще бывать в частях и подразделениях, выступать с докладами и политинформациями, но никогда я так сильно не волновался, как сейчас, направляясь в свой батальон, в котором не был больше года. Что скрывать? Не хотелось, как говорится, упасть в грязь лицом. И я обдумывал, как лучше приступить к беседе, чтобы с первых же минут заинтересовать людей, установить с бойцами контакт и взаимопонимание.

Времени до встречи оставалось все меньше и меньше, а я так и не мог решить: с чего же начать? Ч вдруг в голову пришла простая мысль - начать разговор с того, как воевал батальон в первые дни войны, кто им командовал, кто тогда отличился. И, как всегда бывает, когда решение принято, успокоился.

Заместитель комбата по политчасти (к тому времени институт комиссаров был упразднен) капитан Кругман, который, если помнит читатель, начал свою военную жизнь с должности адъютанта командира полка Лифанова, уже ждал меня. Да и люди были в сборе. Я пристально всматривался в лица присутствовавших: нет ли среди них кого-нибудь из тех, кто пятнадцатого июля сорок первого года штурмовал деревню Юрки? Увы, никого из знакомых не обнаружил. Значит, произошло стопроцентное обновление состава батальона. Грустный, но, как говорится, неизбежный факт. На смену убитым и раненым приходят новые бойцы. Выздоравливающие в свою часть, как правило, из госпиталя не возвращались: сперва они попадали в резервные подразделения, а там уж распределялись по частям и соединениям, в зависимости от конкретной обстановки.

На гимнастерках у многих из бойцов были желтые нашивки, свидетельствовавшие о перенесенных ранениях, боевые ордена и медали. Почти у каждого на груди медаль "За оборону Ленинграда". Значит, люди в батальоне бывалые, не первый день на фронте.

Рассказ о первых боях батальона, о героизме ополченцев люди слушали с вниманием, а когда я умолк, со всех сторон посыпались вопросы. Одни интересовались судьбой первых героев битвы на Лужском рубеже, другие событиями последних месяцев.

Однако больше всего бойцов и командиров батальона волновали итоги проходившего в Тегеране с 28 ноября по 1 декабря совещания глав правительств СССР, США и Великобритании. "Когда же будет открыт второй фронт?" - допытывались они.

А когда я сообщил, что по этому вопросу в Тегеране достигнута договоренность, послышались едкие реплики в адрес наших союзников: "Очередное обещание", "Черчилль - хитрая лиса!"...

Я не мешал людям выражать свои чувства. Даже радовало то, что они говорили откровенно, прямо, не стесняясь. Это было лучшим показателем политической зрелости, правильного понимания рядовыми бойцами так называемой политики выжидания, которую проводили тогда наши американские и английские союзники. Ни для кого не было секретом: им очень хотелось, чтобы Советский Союз и нацистская Германия как можно больше потрепали друг друга, побольше истекли кровью, - тогда легче будет диктовать свою волю. Эту тактику отлично понимал каждый советский человек, каждый наш воин.

Беседа подошла к концу. Люди, переговариваясь, задвигали стульями. Раздалась команда командиров взводов на построение. И зал опустел. В нем задержались лишь мы с Кругманом, заметив, что к нам с задних рядов идет какой-то пожилой боец. Я взглянул на него: где-то его видел, но вспомнить не смог.

- Я отец Пьянкова, Иван Андреевич. Может быть, вы знали его? - робко обратился он ко мне.

- А как же, знал.

И в памяти сразу же ожил отважный минометчик, герой боев в районе села Ивановского, погибший четвертого августа сорок первого года во время разведывательного боя.

На меня смотрели грустные серые глаза, глаза человека, уставшего от ожиданий и вместе с тем жившего надеждой.

- Что же с ним стряслось? Последнее письмо от него пришло в конце июля сорок первого. С тех пор - ни одной весточки.

Слова эти встревожили меня. Помню, мы тогда написали теплое письмо семье Петра Ивановича Пьянкова. Неужели не дошло? Значит, отец с матерью и жена с детьми до сих пор ничего не знают и надеются, что он жив. Молчит - не значит, что погиб, быть может, тяжело ранен или попал в плен... "Сказать правду или воздержаться?" - Я заколебался.

- А из батальона вы никакого письма не получали? - поинтересовался я, чтобы как-то оттянуть время.

- Не-е-ет...

Тут он над чем-то задумался и вдруг торопливо заговорил:

- Письмо, я думаю, было послано на прежний адрес. А его

давно и в помине нет. Дом, в котором мы жили, еще в начале войны разрушен бомбой. Под его развалинами погибли все. Я уцелел лишь потому, что в это время находился на заводе.

- А кто же это "все"?

- Моя жена, значит, мать Петра, двое его детей - Витя и Таня. Они еще были малы: Витя грудной, а Таня, та первоклашка. Жену Петину, Екатерину Васильевну, вытащили из развалин еще живую, с поломанными ногами и раздавленной грудью. Она вскорости скончалась.

- Выходит, письмо наше не дошло...

- Что же случилось с Петром? - вновь спросил Иван Андреевич.

- Ваш сын... Ваш сын погиб. Погиб геройски, еще в первых числах августа в боях под селом Ивановское. Он похоронен со всеми воинскими почестями...

И я подробно рассказал отцу о его сыне-однополчанине, о том, как храбро вел он себя в бою, как ходил на "охоту" за фашистами. Сообщил число уничтоженных им гитлеровцев. Рассказал и о последнем, роковом для него бое.

Иван Андреевич слушал меня, слегка опустив голову, затем он резко выпрямился, в глазах его стояли слезы. Как можно деликатнее я напомнил ему, что в первых боях погиб не только один его сын...

- Не надо успокаивать меня, - упавшим голосом произнес отец Пьянкова. Я понимаю. В известной мере я был готов к этому. И все же надеялся на другое... Укажите, где он похоронен?

Эту просьбу не трудно было исполнить, потому что я принимал участие в захоронении Пьянкова.

- Как вам служится, и давно ли в батальоне? - спросил я Ивана Андреевича, стараясь перевести наш разговор на другое.

- Спасибо. Хорошо. В батальоне уже год. Моя должность не опасная. Я ведь в хозвзводе... - И тут Пьянков стал словно бы разговаривать сам с собой: - Как же так?.. Целый год я в батальоне сына и ничего не знал...

Это удивило меня. Действительно, странно. Служить в том же батальоне, где служил сын, и не знать о его судьбе! Это могло случиться только в силу того, что комбат и его заместитель по политчасти не рассказывают новому пополнению о героях своего батальона, о тех, кто заложил "первый камень" в боевые традиции дивизии.

- Оплошка произошла, - признался Кругман, когда я высказал ему эту мысль.

Взяв себя в руки, Пьянков-старший обратился ко мне с просьбой:

- Переведите меня в ту роту, где служил сын. С этой ротой я пойду в бой. У меня есть опыт. Я ведь участник гражданской. Бил белогвардейцев, боролся с интервенцией. Пусть вас не смущает ни мой возраст, ни то, что левая рука моя с дефектом. Это след старого ранения. На "Пролетарской Победе " № 1 я работал слесарем. Рука не мешала. Не помешает и в бою. Знаю пулемет. Могу освоить и миномет.

Просьбу И. А. Пьянкова удовлетворили в тот же день: он был переведен минометчиком во взвод, которым когда-то командовал его сын.

"Душевная боль не сломила Пьянкова, - думал я, уходя из батальона. Видать, это человек сильной воли и закалки. А переход в роту, которая готовится к бою, - свидетельство решительности и храбрости. Такие люди, как сын и отец Пьянковы, - гордость нашего народа. И они достойны того, чтобы бойцы знали о них".

Случай этот натолкнул политотдел на мысль составить краткий очерк истории дивизии и систематически знакомить с ним новое пополнение. С той поры прибывавшим в дивизию рассказывали о первых ее героях, о ее боевом пути. А работники дивизионной газеты "За победу" Валентин Мольво и Иосиф Альбац подготовили и размножили типографским способом карманный "Боевой календарь дивизии".

5

Готовясь к наступлению, дивизия в то же время несла оборону в районе Красного Бора, изредка вступая в бои с противником. Это было полезно молодым бойцам, которыми пополнялись стрелковые полки. Среди новичков были юноши и из республик Средней Азии. Их надо было обстрелять. И тут не обошлось без ЧП...

Второй батальон 103-го стрелкового полка проводил разведку боем. В ней участвовали и бойцы Олиев, Худайназаров, Худайберджиев, Сандов и Разымуратов. Им удалось занять вражеский дзот, и, чтобы обезопасить себя, они забаррикадировали проходы в траншеях и ходы сообщения спиралью Бруно.

В горячке схватки с противником Олиев и его товарищи не расслышали команды к отходу. А когда спохватились, было поздно. Бойцы, взволнованные таким оборотом событий, обратились к ефрейтору Олиеву, старшему по возрасту:

- Принимай команду на себя...

И Олиев начал с того, что взял от каждого из своих товарищей клятву: "Не отступать, биться до последнего!"

Не теряя времени, он тщательно осмотрел занятую позицию,

организовал оборону с таким расчетом, чтобы подступы к их дзоту простреливались со всех сторон. Каждому бойцу определил место, откуда тот должен был стрелять, метать гранаты, а сам лег за пулемет. Благо боеприпасов от противника досталось столько, что их хватило бы на несколько суток.

Стемнело. И тут гитлеровцы, решившие ликвидировать группу советских воинов, открыли стрельбу, перемежая ее криками: "Рус, рус, капут!", "Бросай оружие!"

Новички не растерялись. В сторону врага полетели гранаты, завязалась ожесточенная схватка. Воины прижали фашистов к земле, и те поползли назад, бросив своих убитых товарищей.

Победа! Пусть небольшая, но она окрылила молодых бойцов.

Они ждали новой атаки. Поздней ночью гитлеровцы дважды предприняли попытки уничтожить группу Олиева, но снова встретили решительный отпор.

А на переднем крае 103-го полка ночную стрельбу восприняли как перестрелку фашистов между своими. Такое на фронте случалось.

И в следующую ночь перестрелке группы Олиева в траншеях противника снова не придали значения, как и в третью, четвертую... пятую ночь. Наконец, командиру дивизии доложили о загадочной стрельбе, и были приняты меры по выяснению обстоятельств.

Не трудно представить удивление наших разведчиков, когда в тылу врага они обнаружили группу наших воинов, которые вели бой с гитлеровцами. Одному из разведчиков удалось проникнуть в дзот, из которого Олиев вел огонь, и передать тому приказ покинуть дзот.

- Нам дал приказ не отступать большой начальник, - с достоинством сказал ефрейтор Олиев. - Пока он сам не отменит его, мы отсюда не уйдем. Не хотим, чтобы нас считали трусами...

Комдив высоко оценил ответ и тут же вызвал командира батальона, приказав ему прибыть в группу Олиева. С комбатом отправился и начальник дивизионной разведки Гамильтон. Вдвоем по осенним лужам и липкой глине ползли они к переднему краю противника. Добрались до дзота глубокой ночью.

Теперь приказ отойти на свои позиции был выполнен Олиевым беспрекословно. Группа молодых казахов возвратилась в часть с богатыми трофеями. Были доставлены документы убитых гитлеровцев, пулемет, несколько автоматов. Перед уходом бойцы заложили тол в фашистский дзот и взорвали его.

Группу смельчаков встретили в дивизии как героев. Накормили, отправили в баню и дали выспаться. Потом в торжественной обстановке всем были вручены награды. Олиеву

прикрепили к гимнастерке орден Красной Звезды, а его отважным землякам - медали "За отвагу". Тут же огласили приказ комдива о присвоении Олиеву звания старшего сержанта.

Весть о мужественном поступке пяти казахских воинов облетела все подразделения дивизии. Им была посвящена специальная политинформация.

6

В зале Дома офицеров на Литейном, что называется, яблоку негде упасть: здесь собрались политработники армии и флота.

Когда на сцене появились партийные и военные руководители во главе с Кузнецовым и Говоровым, собравшиеся встали и приветствовали их долгими аплодисментами. Этот ритуал был не только данью установившейся традиции. Он отражал ту атмосферу приподнятости, которая царила в те дни в Ленинграде.

С обзором военных событий на Ленинградском фронте выступил командующий фронтом генерал армии Л. А. Говоров. Говорил он обстоятельно. Сообщил много такого, что далеко не всем нам было известно. Мы с П. К. Булычевым, представлявшие в Доме офицера нашу дивизию, узнали, что гитлеровское командование все еще не отказалось от мысли захватить Ленинград. Армия, окружавшая наш город, получила пополнение в количестве шестидесяти тысяч солдат и офицеров. Особую ставку делали враги на Мгу - небольшую железнодорожную станцию Северной железной дороги, называя ее "замком Ленинграда", поскольку в 1941 году они именно здесь прорвались к Ладожскому озеру.

После прорыва блокады гитлеровцы усиленно укрепляли свою оборонительную позицию, получившую название "Северный вал". Только первый пояс неприятельских траншей состоял из восьми линий, расположенных друг от друга на расстоянии двухсот - двухсот пятидесяти метров. Словно змеиные кольца опоясывали они Ленинград. На каждый километр фронта приходилось по десять-двенадцать дзотов, бронеколпаков, железобетонных дотов. Только в районе Красного Села и Пушкина враг сосредоточил триста двадцать орудий дальнобойной артиллерии. (Калибром от ста семидесяти до трехсот пяти миллиметров.)

Как и прежде, серьезную угрозу представляла для нас группа войск противника "Карельский перешеек". К тому времени фашистские войска под Ленинградом возглавлял гитлеровский приспешник генерал Линдеман, отличившийся разбойничьими действиями в Бельгии и Македонии. Это по его указанию был разобран на части для отправки в Германию памятник

Тысячелетия России в Новгороде. Имя Линдемана немцы присвоили Гатчине.

Самоуверенный генерал издал приказ "о подавлении Ленинграда".

- Но этому не бывать! - под гром аплодисментов заявил командующий Ленинградским фронтом. - Недалек тот день, когда мы сокрушим гитлеровскую оборону. Для этого у нас теперь достаточно сил.

Докладчик отметил слабые стороны обороны противника под Ленинградом.

- Конфигурация фронта, - Л. А. Говоров взял со стола указку и. подошел к карте, - создала выгодное оперативное положение для наших войск.

Указка командующего задержалась на Ораниенбаумском пятачке, откуда можно было отрезать фашистские войска в районе Стрельны и Урицка, остановилась на отметке "Пулковские высоты".

- Нашему будущему успеху, в котором мы не сомневаемся, способствуют победы под Курском, Орлом, Белгородом и Харьковом, - продолжал Л. А. Говоров. - Теперь для всех очевидно, что гитлеровская Германия стоит накануне катастрофы, и эту катастрофу мы, воины Ленинграда, должны ускорить.

Заключительная часть доклада командующего фронтом была посвящена задачам политработников.

- Да, собрали нас не случайно, - заметил Булычев, когда мы вышли на Литейный и пешком направились к Невскому проспекту. - Больше нам сидеть в городских квартирах не придется.

- И откуда у тебя такая осведомленность?

- Надо было лучше слушать командующего.

- Не морочь голову. Скажи прямо, что уже есть устное предупреждение о готовности к наступлению.

- Предупреждения нет. Есть определенная обстановка. От нее и танцуй.

Булычев, конечно, был прав. То оживление, которое нельзя было не заметить в частях и соединениях, упорная учеба, поступающая с Большой земли новая боевая техника и, наконец, выступление командующего фронтом перед политработниками - все это указывало на приближение тех особых событий, которых все ждали. В голове мелькнула догадка: "Может быть, так же как и в прошлом году, в середине января опять начнется штурм фашистских укрепленных районов?.."

Тем временем Булычев уже переменил тему разговора.

- А я вчера письмо от жены получил - хочет с дочками вернуться в Ленинград. Они там, на севере Урала, думают, что блокада уже снята. Спутали с прорывом. Обижаются, почему я не вызываю их. Жена беспокоится за мою нравственность.

- Может быть, тут есть доля правды?

- Пошел ты к черту! Кто мне сейчас разрешит вернуть семью?

- Не сердись, я пошутил.

- Ты веришь в случайности? - вдруг ни с того, ни с сего спросил он.

- Конечно. Идем мы сейчас, и вдруг на наши головы упадет карниз, скажем, вон с того дома. И нам конец. Вот это и будет случайностью.

Мои слова так подействовали на Булычева, что он даже отошел подальше от стены дома. Чем черт не шутит? Действительно, упадет вдруг карниз и прихлопнет...

- Со мной другая случайность произошла, - сказал Булычев. - Недавно был я у командира 59-го полка Ефима Марковича Краснокутского. Разговаривали с ним о том о сем, вспомнили и о семьях. Я вынул из кармана только что полученное и еще не прочитанное письмо от жены и, разглядывая обратный адрес, прочел вслух: "Станция Свеча, Кировской железной дороги". Услышав это, Краснокутский тоже вынул из кармана письмо от своей жены: у нее был тот же обратный адрес. "Послушай, да это же адрес и моей жены", - удивился командир полка. Сверили. Все точно. Оказалось, они даже живут на одной улице, в соседних домах. "Не зря говорят, что мир тесен. Надо же, какое совпадение!" - Краснокутский все еще не мог прийти в себя. "Мы вот сейчас сидим с тобой рядом в землянке и по-дружески беседуем. Возможно, и они сидят вдвоем или вместе пошли на базар покупать харчи, чтобы покормить детишек. Сколько их у тебя?" - "Двое", - ответил я. "И у меня двое..."

Я был страшно удивлен этим совпадением, - продолжал рассказывать Булычев. - И Краснокутский, с которым мы были до сих пор в сугубо официальных отношениях, стал мне как-то ближе, чуть ли не родственником. Само собой мы предположили: раз наши семьи живут рядом, естественно, они знают друг друга, а возможно, и дружат.

- И что же ты написал своей жене? - полюбопытствовал я, вспомнив, что она хочет вернуться в Ленинград.

- Чтобы сидела там и не трогалась с места.

- Скажи, Павел Кузьмич, если тебя после войны пошлют на работу в какой-нибудь другой город, уедешь из Ленинграда? - спросил я, сам не зная почему.

- Нет. Для меня Ленинград - самый прекрасный город. Чего

стоит одна только Нева!.. Здесь что ни дом, то архитектурный памятник. Невский проспект вспоминал даже Карл Маркс... Нет, Ленинград ни на какой другой город не променяю.

- Ну и патриот же ты, как я погляжу! - подзадорил я Павла Кузьмича.

- Не забывай, дорогой Степан Михайлович, - ответил в тон мне Булычев, что Ленинград колыбель Великого Октября, родина трех революций. Наконец, он носит имя Ленина. В этом смысле - город, конечно, исключительный.

На этом наш разговор прервался - мы уже были на Невском. Крепко пожали друг другу руку - и расстались. Да, и для меня тоже: второго такого города, как Ленинград, на свете нет...

7

Время бежит очень быстро. Только что встретили Новый год, а на пороге уже шестое января. Темп боевой и политической учебы изо дня в день возрастает. Полки получили новые знамена. Вручение их было обставлено торжественно. Повсюду производится замена боевого оружия и снаряжения. Старые полуторки и ЗИСы изъяты из артиллерии. Артполк получил для своих пушек "студебеккеры", "доджи" и "виллисы". Даже авторота заимела более десятка новых машин, а начальство - "виллисы". Обновление техники, транспорта и обмундирования подтянуло людей, все кажутся помолодевшими. Наша дивизия вошла в состав 110-го корпуса, которым командует генерал-лейтенант Хазов. Кроме нас, в корпус влились 86-я и 72-я стрелковые дивизии. Осталось узнать: какое участие мы примем в предстоящих боях?

Шестого января разгулялась свирепая пурга. На утро седьмого пошел дождь. Говорят, это хорошая примета. И в самом деле, был получен приказ о выдвижении артполка в район Пулковских высот. А это уже дало основание предположить, что и остальные полки скоро двинутся туда. Пауза кончалась.

И тут погода резко изменилась. Светит солнце. Безветренно. Слегка морозит. Мы видим, как высоко в небе, оставляя за собой белый хвост, летит с запада на восток вражеский самолет-разведчик. А через двадцать минут фашисты открыли огонь по нашему району. Снаряды с резким гулом рвут мерзлую землю и воздух. Один из них угодил в резервуар с соляркой у самой платформы станции Фарфоровая. Столбы черного густого дыма высоко поднимаются в ясное зимнее небо...

Между тем пехота продолжает готовиться к грядущим боям: штурмует вражеские опорные пункты. Бойцы и младший командный состав уже натренировались, действуют сноровистее, быстрее. Комдив доволен.

На десятое января были назначены полковые учения. Сегодня - смотр 59-му, Тема: "Полк в наступлении на сильно укрепленный участок противника". Закончились учения в двадцать один ноль ноль... Смотр готовности полков прошел хуже, чем на уровне рот и батальонов. Это и естественно. Те тренировались каждый день, а полки собрали вместе впервые. Да и управлять полком сложнее, чем мелким подразделением.

От авиагородка до насыпи Варшавской железной дороги усиленно оборудуются новые артиллерийские позиции; пробита грунтовая дорога от станций "Мясокомбинат" и "Шушары" в сторону станции Обухове... Фашисты заметно нервничают: систематически обстреливают наши передовые позиции. Ясная солнечная погода им на руку, а нам она мешает, так как новая дорога, да и все Купчинское шоссе забиты нашими танками, самоходками и 152-миллиметровыми пушками и гаубицами. Вся эта армада медленно ползет в сторону Пулкова. Стоит показаться "костылю", как в армии называли вражеских авиаразведчиков, и противник откроет ураганный огонь по этой колонне. К нашему счастью, в небе чисто. Лишь кое-где взмывают ввысь наши "ястребки".

Такого обилия техники на нашем фронте никогда еще не было. Теперь-то уж мы сумеем разбить фашистские полчища, обложившие город.

Приготовления к наступлению заметно усилились. Занятия сокращаются. Больше отводится времени для отдыха. Усилился поток заявлений в партию и комсомол. Партийно-комсомольская прослойка возросла до пятидесяти восьми процентов. В каждой роте теперь от восемнадцати до двадцати пяти коммунистов и по тридцать два - тридцать семь комсомольцев.

Будущие бои не страшат людей. Каждый ждет их с нетерпением. Общий настрой - воинственный. Давненько ждали мы этого часа!

Началась сдача на склад всего лишнего, и я отнес свой "скарб". В мешке остались самые необходимые вещи - полевая сумка, одеяло, плащ-накидка, немного сухарей и печенья, две плитки шоколада, пара банок консервов, чистое белье и запасные портянки, котелок и ложка.

8

Командир дивизии, полковник Введенский, получив приказ в ночь на четырнадцатое января сорок четвертого года занять исходные позиции на северо-восточном склоне Пулковских высот, заволновался. И не без оснований. До наступления, которое готовилось давно, остались считанные дни, а быть может, и часы. Правда, его предупредили, что дивизия пока будет находиться во

втором эшелоне.

Комдив тотчас же вызвал к себе своего заместителя по политчасти, начальника штаба и начальника политотдела и сообщил им о полученном приказе.

- С чего начнем? - для порядка спросил он.

- Очевидно, как и всегда, с рекогносцировки местности, - предложил новый начштаба, полковник Спектор.

Разговор этот состоялся одиннадцатого января во второй половине дня. Чтобы успеть засветло добраться до Пулкова и провести рекогносцировку исходных позиций, надо было срочно вызывать командиров полков и отправляться в путь.

В ожидании прихода командиров Константин Владимирович, по своему обыкновению, начал ходить по комнате. Это означало, что он углубился в размышления. А поразмыслить было над чем.

Наступал самый ответственный момент. До сих пор дивизия большей частью находилась в обороне. Если и проводились наступательные операции, то в них участвовали лишь отдельные ее подразделения. Минусом являлось и то, что в прорыве блокады дивизия не участвовала и, следовательно, в последнее время опыта наступательных боев крупного масштаба не имела, как не имел такого опыта и ее командир. Правда, два с половиной месяца тщательно отрабатывались элементы наступательного боя с учетом фашистской обороны, которая была создана в миниатюре на учебном поле. Так что с этой точки зрения как будто сделано было все. А как обстоит дело с психологической подготовкой бойцов? Привычка сидеть в окопах приучила людей отстреливаться. А тут ведь нужно наступать, идти на врага, взламывать его оборону, вышибать из окопов и дотов, преодолевать минные поля, проволочные заграждения и встречный плотный огонь, уберечься от которого не так-то просто.

Поэтому, как позднее я узнал от комдива, он решил использовать оставшееся до наступления время для того, чтобы еще и еще раз помочь людям преодолевать "психологический барьер". Необходимо было разъяснить бойцам, что враг уже надломлен своими неудачами и успехами Красной Армии. Он боится наших атак под Ленинградом и, наверняка, нервничает. Это должен осознать каждый боец и командир.

Перед Константином Владимировичем Введенским встала задача собрать волю и энергию людей в единый кулак, добиться того, чтобы весь механизм дивизии действовал, как часы, четко и безукоризненно! Опыт показывает, что успех зачастую зависит от первых шагов. Поднимутся все разом, сделают рывок вслед за огневым валом, упредят действия противника - тогда никто их не

остановит, враг будет сокрушен! Стало быть, начинать атаку должен тот, кто лучше подготовлен, где командир полка более опытен.

Вероятно, поэтому, когда командиры полков собрались, Введенский сразу же сообщил:

- Первым в атаку идет полк Краснокутского.

- Есть первым! - откликнулся Ефим Маркович, довольный, что ему поручают самое ответственное дело - возглавить штурм вражеских позиций.

Рекогносцировка заняла почти целый день. Плацдарм для исходных позиций на линии Шушары - платформа Пулково - Нижнее Койрово был изрыт траншеями, землянками, дотами и дзотами. Местами сохранились мелкий кустарник, полуразрушенные жилые дома и скотные дворы. Участок врагом не просматривался. И все же было решено занять его лишь с наступлением темноты.

В течение двух ночей по Московскому и Измайловскому проспектам под Пулково было переброшено десять тысяч бойцов и командиров, артиллерия и другие поддерживающие технические средства. Разместились бойцы в землянках, в сооруженных из снега "домиках" и даже в нишах траншей. Дивизии повезло: под утро пошел обильный снег, запорошивший свежие следы.

Заняв исходные позиции, дивизия затаилась, "просидев" безмолвно тридцать пять томительных часов. Днем люди отдыхали, а с наступлением темноты начиналась бурная деятельность: уточнялся порядок взаимодействий, подвозились боеприпасы, давались последние наставления, определялся маневр для каждого подразделения и бойца, удлинялись отводы от траншей в сторону противника, проводились политбеседы. Иными словами, люди настраивали себя для решающего удара.

9

Меня в эти дни в дивизии уже не было. Как нередко случается на войне, я неожиданно оказался на Карельском перешейке, где начал работать в армейской газете. Узнав о готовящейся операции по снятию блокады, с разрешения начальника политотдела 23-й армии, немедленно помчался к своим, в родную дивизию.

Полковника Введенского я застал в доте на стыке Варшавской железной дороги и Московского шоссе. Дот был приспособлен под командный пункт дивизии. Комдив выглядел усталым, сказывалось напряжение. Сначала Константин Владимирович попросил перенести наш разговор на утро, но, узнав о цели моего спешного приезда, согласился дать интервью.

- Ладно, - сказал он устало, - о таком событии, к какому мы готовимся, наши потомки должны что-нибудь да знать.

- У меня более скромная задача, - пояснил я, - написать корреспонденцию.

Введенский не любил, да и не умел подробно, со сногсшибательными фактами, рассказывать о своих делах. Привыкший отдавать приказы и распоряжения подчиненным, он стремился излагать свои мысли предельно кратко, без лишних рассуждений и эмоций. Вот и теперь, отвечая на мои вопросы, он не сказал ни одного лишнего слова, не привел ни одной интересной детали, в чем я, естественно, нуждался больше всего. Он говорил языком воинского устава строго и сухо.

- К бою дивизия готова, - начал он, взвешивая каждое свое слово, точно они ценились на вес золота. - Нам удалось хорошо подготовить личный состав за время пребывания в резерве. Главное внимание мы уделили современной наступательной тактике в масштабе батальона, роты, взвода, отделения, а также физической закалке и выносливости бойцов. Ежедневно каждое подразделение совершало семикилометровые броски, затрачивая на это не больше часа. Это расстояние было выбрано не случайно. Именно такое расстояние потребуется преодолеть в первый день наступления. Тщательно отработали технику взаимодействия пехоты с огневыми средствами, добиваясь, чтобы она двигалась вплотную за огневым валом артиллеристов, не боялась разрывов снарядов. Добиться этого было не так-то просто. Пришлось потрудиться, чтобы у людей исчез страх. Бойцы дивизии научились стрелять на ходу из всех огневых средств и метать в цель гранаты. Сформировали и обучили штурмовые отряды, роты автоматчиков и лыжный батальон.

- Смотр готовности дивизии проводился? - прервал я его неторопливый рассказ.

- Да. Ее готовность оценена на "отлично".

- Выходит, не зря потрудились... А нельзя ли назвать подразделение, добившееся наилучшей оценки?

- Пожалуйста. - И он протянул мне дивизионную газету "За победу" со статьей о стрелковом отделении сержанта Семенкова.

"Передвигаясь на рубеже атаки по открытой местности при сильном огне "противника", - писала газета, - сержант Семенков применил короткие перебежки по одному. Бойцы отделения поддерживали передвижение своих товарищей огнем. С выходом на огневой рубеж каждый немедленно окапывался... Затем, следуя за артиллерийским валом, они внезапно атаковали "врага", вскакивали в его траншеи и вступали в рукопашную схватку... В ходе занятий бойцы несколько раз попадали под минометный огонь "противника". И тогда отделение сильным броском вперед выходило из зоны обстрела... Для того чтобы занять следующий рубеж, нужно было преодолеть речку шириной в 6-7 метров. Для переправы были использованы козлы и штурмовые лестницы..."

Константин Владимирович достал план подготовки к наступательному бою и стал перечислять отдельные темы, которым придавалось особое значение: "Боец, знай свой маневр", "Отражение контратаки противника силами роты, взвода, отделения", "Стрельба прямой наводкой по танку противника", "Взаимодействие пулеметчика со стрелками", "Как закрепиться на занятом рубеже", "Ночные действия"...

Назвав эти темы, комдив бросил на стол план и, заложив руки за спину, стал ходить по землянке, звеня шпорами. Хотя кавалеристом он никогда не был, а шпоры любил носить: очевидно, ему нравилось, как они позвякивали...

Я поинтересовался подготовкой командного состава, в частности способностями командиров полков, ибо от их умения и находчивости во многом зависел успех наступления. Введенский остановился в задумчивости. Затем резко повернулся ко мне и быстро заговорил:

- Командиры полков очень разные по своей подготовке, опыту и, конечно, по характеру. Краснокутский, например, на ходу подметки рвет. Он понимает все с полуслова. Это человек опытный в военном деле, смелый и даже рискованный. На него можно положиться в любой обстановке. Недаром ему Героя присвоили. Никулин - медлителен, ему не хватает военного образования. Но честен. Врать не будет. Если Краснокутский истину познает сразу, то Никулин - долго и мучительно. С ним рядом всегда должен находиться советчик. На время первых боев я к нему посылаю заместителя начальника штаба. Подполковник Зубов - грамотный командир, но в деле я его еще не видел. Командир артполка, майор Слепенков, фантастически смелый. За этот полк я спокоен, так как и командир и его заместитель по политчасти майор Гусев опытные руководители.

- Что вас больше всего беспокоит? - не без робости решился я на этот вопрос. - Как вы сами себя чувствуете и уверены ли в

успехе?

Вопрос этот, вопреки моим опасениям, не обидел комдива. Более того, он даже обрадовался, что я спросил его об этом.

- В успех своей дивизии верю. Верю не только потому, что она полностью укомплектована, хорошо обучена и вооружена всем необходимым, а и потому, что люди рвутся в бой. Беспокоит меня лишь то, что наша дивизия в таком бою будет участвовать впервые.

Что касается меня, - продолжал Введенский, - скрывать не стану: волнуюсь. Очень уж ответственная предстоит операция. Даже за небольшую мою оплошность бойцы будут платить своими жизнями... Думаю, фашисты будут сопротивляться отчаянно. Однако, если полки не отстанут от артиллерийского вала и вслед за ним ворвутся в расположение немцев, - успех обеспечен. Волнуюсь и за людей. Сколько за войну потерял прекрасных товарищей!.. Потеряю и на этот раз...

Наш разговор был прерван приходом начальника политотдела Сергеева, комиссара штаба дивизии Булычева и начальника артснабжения дивизии Шухмана. Каждый пришел со своим делом. Сергеев с Булычевым - по поводу митингов, которые были назначены по подразделениям на четырнадцатое января, а Шухман явился с докладом об обеспечении артиллеристов и минометчиков снарядами и минами. Время между тем уже клонилось к вечеру, незаметно подкрались сумерки.

- Друзья, - тепло обратился к нам комдив, - устроим на часик перерыв, надо ведь и передохнуть.

Он вызвал своего адъютанта, и через несколько минут на столе появились консервированное мясо с отварной картошкой, хлеб, несколько головок лука и фляга с водкой.

Шухман, известный всей дивизии не только как артснабженец, но и как заводила, "гвоздь" всех концертов, пустил в ход свое неотразимое оружие голос.

Достаточно ему было пропеть несколько фраз из оперы "Иван Сусанин", как исчезло сковывавшее всех нас напряжение. А Павел Кузьмич Булычев, один из ветеранов дивизии, даже размечтался.

- Вспомните, дорогие товарищи, - обратился он к нам, - лето сорок первого. С какой тревогой мы ехали тогда на фронт, навстречу фашистской военной машине, как потом с горечью отступали, переживали за страну и судьбу своего города! Теперь не мы, а враг дрожит в предчувствии своей неминуемой гибели. Он понимает, что его песенка спета и ему не унести своих ног из-под Ленинграда...

Начальник политотдела Сергеев, видимо, тоже решил произнести "историческую" речь:

- Нам с вами, как и другим защитникам великого города, предстоит выполнить священную миссию - уничтожить армию грабителей и убийц. К этой миссии мы готовы. И мы выполним ее!

Чувствовалось, что Сергеев взволнован. Я заметил, как сильно дрожала его рука, в которой он держал стакан. Выпив до дна, он продолжил свою мысль, только теперь он говорил более задушевно, и речь его походила на клятву:

- Эх, Россия моя, Россия-матушка, сколько в тебе добра и мудрости, и кого только ты не видела на своем веку, друзей и недругов, сколько ты перестрадала - и все же выстояла! Я - сын твой, люблю тебя и горжусь тобой. Ты умеешь быть грозной в час опасности, особенно, когда враги посягают на твою независимость и свободу. Ты и всесильная, ты и могучая, как сказал поэт. За тебя, моя Россия, за твой город на Неве мы пойдем завтра в бой и разгромим врага!

Не знаю, то ли не понравился комдиву чем-то начполитотдела, то ли он очень устал и торопился, но дал понять, что пора расходиться. Прощаясь, Константин Владимирович посоветовал мне переночевать в отделении сержанта Герасимова.

В ту ночь я долго не мог уснуть. Не спал потому, что мне передалось настроение людей, готовившихся к бою. Люди волновались не потому, что боялись за свою жизнь. Война шла не первый день, и к ней привыкли, как привыкают к труду, к тому, чтобы в одно и тоже время вставать по утрам и идти на работу.

Волнение было вызвано обостренным чувством ответственности и значимостью приближающихся событий, их масштабностью. Девятьсот дней и ночей Ленинград находился в огненном кольце, под постоянным обстрелом и бомбежкой. И вот настал долгожданный час: одним мощным ударом предстояло навсегда покончить с блокадой.

10

В эту длинную январскую ночь отделение старшего сержанта Георгия Герасимова заняло старую, заброшенную землянку на месте бывшего совхоза "Шушары".

- Ну и жилье! - осветив землянку карманным фонариком, иронически воскликнул красноармеец Ботин. - Тут только клопов морить!

- Отставить разговорчики! - приструнил его командир отделения, хотя землянка действительно была никудышной, грязной, со щелями. Достоинством ее было лишь то, что она соединялась с глубокой траншеей и что у нее был высокий потолок. Осмотрев новое "жилье" отделения, Герасимов

распорядился: Снять автоматы и противогазы. Егорову, Кучину, Андрианову, Трусову и Ботину разыскать доски и настлать пол. Чикову и Михайлову добыть печь. Рогову и Богословскому соорудить стол и натаскать дров. Мельникову и Имбердееву очистить помещение от мусора и заделать щели.

Герасимов почему-то называл землянки "помещением". Такое название в какой-то степени соответствовало своему назначению. Ведь для бойцов они были одновременно и местом отдыха, и столовой, и спальней.

Красноармейцы хотя и устали, совершив в морозную ночь многокилометровый марш, однако же за дело взялись дружно. Мерзнуть никому не хотелось, да и работать можно было только ночью. И землянка стала преображаться буквально на глазах. Откуда ни возьмись, появилось даже ведро со свежей водой и потертое квадратное зеркало - этот необходимейший во время бритья предмет "роскоши". Самая большая дыра в землянке, в которую дул северный холодный ветер и залетал снег, была заделана куском оконного стекла, найденного в развалинах жилого дома, остатки которого торчали из сугробов снега, как торчат обычно останки выброшенного волной на мель потерпевшего крушение корабля.

И землянка, показавшаяся вначале полностью непригодной для жилья, преобразилась, в ней даже стало уютно. От раскалившейся железной печи потянуло приятным теплом, и людей стало клонить ко сну. Наконец раздалась команда: "Можно отдыхать!" Правда, тут же Герасимов добавил строго: "Выходить за пределы помещения только по крайней нужде. Из траншей не высовываться. Соблюдать строжайшую маскировку!"

Не прошло и десяти минут, как бойцы отделения, за исключением дежурного, ефрейтора Михайлова, начали похрапывать. А Михайлов, чтобы не уснуть, свернул "козью ножку" и, устроившись поудобней у входа в землянку, закурил, вынул из кармана полученное перед дислокацией недочитанное письмо из Тобольска, куда эвакуировалась еще в первую блокадную зиму жена, и только принялся было за чтение при тусклом свете коптилки, как в траншее послышались приближающиеся торопливые шаги, низкая дверь, занавешенная плащ-палаткой, распахнулась, и на пороге показалась коренастая фигура командира полка Героя Советского Союза полковника Краснокутского. За ним в землянку шагнул вестовой комполка, ефрейтор Архипов. Звали его Петром. В попку он слыл смелым, находчивым и вездесущим - под стать своему командиру. Любил разыгрывать из себя чапаевского "Петьку".

Михайлов встал и начал докладывать. Но командир полка

прервал его: "Не надо. Разбудите бойцов". Однако хлынувший в землянку за вошедшими поток холодного воздуха и разговор командира с дежурным разбудили людей. Первым поднялся командир отделения Герасимов, за ним - остальные. И тут же расселись у стенки, протирая заспанные глаза и с удивлением разглядывая пришельцев. Старожилы полка знали привычку своего командира так вот неожиданно появиться, побыть среди бойцов час-другой, а то и заночевать у них. Это позволяло ему хорошо знать настроение людей.

- Молодцы. Хорошо устроились, - одобрил командир полка.

- Ребята любят устраиваться с комфортом, - похвастался Герасимов. - Им только команду подай - приволокут хоть самого черта.

- Черта приволакивать не надо. А то, что умеете создавать удобства для отдыха, похвально. - Краснокутский внимательно оглядел сидящих в ряд бойцов. - Землянка-то хорошая, а вот как у вас на душе? - спросил он.

- Все в порядке, товарищ полковник, - доложил Герасимов.

- Товарищ командир, с какой целью сюда прибыл полк? - спросил Ботин, который не терпел неясностей. - Будем держать оборону или наступать?

Герасимов сердито посмотрел на Ботина, мол, чего суешь нос не в свое дело, но, увидев, что командира полка вопрос не возмутил, и сам не удержался, чтобы не спросить:

- Долго ли, товарищ полковник, ждать главного события?

- Недолго. А вы к нему готовы?

Ему хотелось услышать не о том, как тактически подготовлены люди, это он хорошо знал без Герасимова, его интересовал их психологический настрой: готовы ли в любую минуту ринуться на врага?

Первым заговорил Михайлов, участвовавший в первых боях в районе села Ивановского, когда дивизия, укомплектованная из ополченцев, только еще приобретала опыт.

- Мы готовы к тому, о чем вы спрашиваете, - сказал он спокойно, как бы прислушиваясь к собственным своим словам. - Мы давно ждем этого часа, чтобы расплатиться с фрицами за их злодеяния, за страдания ленинградцев.

Михайлов умолк. Молчали и остальные. Видимо, слова Михайлова задели каждого за душу.

- Что думают остальные? - после небольшой паузы спросил Ефим Маркович.

- У всех руки чешутся, - бросил коротко боец Максим Мельников. - Я разделяю мнение Михайлова. Пора и под Ленинградом наказать фашистских преступников.

- Я казах, - поспешно заговорил Имбердеев. - Когда уезжал на фронт, земляки наказали: "Воюй, сынок, честно. Казахстан и Россия - одна семья". Я рад, что попал в Ленинград, воспетый акыном Казахстана Джамбулом... У меня на груди медаль "За оборону Ленинграда". В бою я докажу, что не зря ношу ее.

Краснокутский был доволен настроением в отделении Герасимова. Сказано было мало. Но и те немногие, скупые слова, которые он услышал, обрадовали его. Он понимал и чувствовал также, что люди напряжены и волнуются в ожидании предстоящего сражения. Кто-то из них погибнет. Жаль. Хорошие люди. Они еще молоды, полны сил и мечтаний. Им бы жить и жить. И вот пуля или осколок снаряда может оборвать жизнь любого из них...

Взгляд Краснокутского остановился на Михайлове, которого он знал лучше других. Таких, как Михайлов, первых бойцов Московской заставы, в полку оставалось совсем немного. Михайлов трижды был ранен и трижды добивался возвращения в свой полк, терпеливо и честно неся бремя рядового солдата. Он мечтает дойти до Берлина и победителем вернуться в свой родной город, на свою знаменитую "Электросилу". Все, о чем думал сейчас командир полка, сидя напротив двенадцати своих бойцов, побуждало его сказать им такие слова, чтобы у каждого из них потеплело на душе, чтобы еще острее они осознали, как необходима победа под Ленинградом, в условиях, когда на других фронтах враг отступает, откатывается на Запад, усеивая путь своего отступления тысячами трупов, разбитых танков, орудий и машин.

- Дорогие мои друзья, бойцы Московской заставы, войска Ленинградского фронта в ближайшие дни перейдут в решительное наступление. В рядах наступающих будем и мы с вами, наша дивизия, созданная в Московском районе, на границе которого мы сейчас находимся. - Голос у Краснокутского звучал торжественно.

Бойцы внимательно слушали его. И он продолжил уже более спокойно и тихо, стараясь, говорить так, как говорит обычно отец, благословляя своих сыновей на ратный подвиг:

- Мы с вами - защитники города, который носит имя Ленина. Мы гордимся тем, что нас называют ленинградцами. А фронтовик-ленинградец - не простой воин. Это воин-герой. Да и само слово-то "воин" какое! В нем заложен глубокий смысл. Это человек, который выполняет самую святую миссию перед Родиной. Не случайно наши люди произносят это слово с особой теплотой. Нашими воинами гордятся матери, благословившие своих сыновей на подвиг. С гордостью слово "воин" произносят

школьники, вырезая из газет и журналов фотоснимки отличившихся воинов и наклеивая их в школьные альбомы. Фронтовик сейчас - самая нужная и уважаемая профессия в стране. Ему почет и уважение... Я вижу у многих из вас на груди медаль "За оборону Ленинграда". Такой медали не каждый удостоен. Она вручена лишь активным защитникам великого города на Неве. Пройдут годы. Кончится война. И на эту медаль будут смотреть с глубочайшим уважением как на самую драгоценную награду. Будьте же достойны ее!

Краснокутский встал, пожал каждому руку и вышел. В траншее в лицо ему ударил сильный, колючий ветер со снегом. Но он был в таком напряженном состоянии, когда люди не чувствуют холода. Не надо быть пророком, чтобы сказать: он весь был в мыслях о своих солдатах, которых через сутки должен будет повести в бой.

11

Четырнадцатого января, ранним утром, всех нас разбудили раскаты артиллерийской канонады, доносившиеся из района Ораниенбаума и Финского залива. "Что происходит? - спрашивали мы друг друга. - Неужели фашисты опередили нас?"

Мы были уверены, что наступление начнется здесь, от Пулковских высот, что первым в наступление пойдет 110-й корпус, в который входила и наша дивизия. И вдруг... Некоторое время спустя выяснилось, что первой начала наступление 2-я ударная армия, сосредоточившая свои силы на Ораниенбаумском пятачке. Мудрое решение! Вряд ли фашисты ожидали первого удара оттуда.

- Вот это здорово! - восторгались бойцы и командиры подразделений дивизии. - Ударили фашистам под девятое ребро!

Гитлеровцы вряд ли ожидали, что советские войска начнут наступление из Ораниенбаума, отрезанного от основных сил фронта. Наше командование сумело за каких-нибудь несколько ночей скрытно, буквально под носом у противника, перебросить на этот плацдарм достаточное количество войск, техники и боеприпасов.

Канонада не утихала более часа. И все внимание людей в нашей дивизии было приковано к юго-западу, откуда доносился беспрерывный, похожий на извержение вулкана, гул. Да это и было извержением вулкана. Но извергался он не из недр земли, а из дул пушек сухопутной артиллерии и корабельных орудий Балтийского флота.

Я поспешил к комиссару штаба дивизии П. К. Булычеву, который всегда был в курсе всех событий и мог ответить на любой вопрос.

- Что происходит?!

- Разве ты не слышишь? - с улыбкой ответил мой друг. - Пошла в наступление армия Федюнинского с того самого плацдарма, который мы отстояли еще осенью сорок первого.

- И как развивается наступление?

- Пока бьют пушки. Потом начнет работать авиация. Очередь до пехоты и танкистов дойдет где-то около одиннадцати часов. Мы узнаем о результатах наступления не раньше середины дня. Приходи ко мне обедать, тогда и узнаешь новости...

- Ты не волнуешься? - вырвалось у меня.

- Волновался. Но мы тут утром приняли малость успокаивающих капель. Да и волноваться-то некогда. Завтра наша очередь действовать...

И вот наступило долгожданное пятнадцатое января. Заговорила во весь голос и наша артиллерия. Тучи самолетов нависли над вражескими позициями, обрушивая на них бомбы. Два с половиной часа ходила ходуном у нас под ногами земля. Не слышно было голоса товарища, стоящего рядом. Крыши домов родной Московской заставы были усыпаны людьми: они забрались туда каким-то образом, чтоб видеть наступление наших войск.

Два с половиной года противник строил и совершенствовал свои укрепления под Ленинградом. У него было все, что позволяла создать военная техника того времени. Посмотрим, устоит ли она от ударов наших войск?

12

Дальше - слово заместителю начальника политотдела дивизии Георгию Ивановичу Терновому, сменившему меня на этом посту в канун наступления, ветерану дивизии, бывшему секретарю парткома Ленинградского мясокомбината им. С. М. Кирова.

Георгий Иванович вел дневник. Ко мне в руки он попал спустя четверть века. В записях Георгия Ивановича Тернового отражены не только события тех дней, зафиксированы не только эпизоды боев, но и настроение бойцов и командиров, подмечены интересные детали.

"Пятнадцатое января. Точно по заказу, погода сегодня пасмурная. Низкая облачность плотно окутала небо. Видимость не больше километра. Холодно.

Когда я вышел из землянки, то увидел стоящий на путях длинный железнодорожный эшелон. Из вагонов торопливо выгружались ящики со снарядами. И с высокой насыпи спускались в кювет.

От Варшавской до Балтийской железных дорог - на этой

обширной равнине установлены тысячи орудий, а ближе к Пулковским высотам - машины с "катюшами". Тут же расположились батареи тяжелых ракетных минометов. Но самоа волнующее и впечатляющее - люди. Их очень много. Вот она, силища!

Артподготовка началась ровно в девять часов двадцать минут. Страшное это зрелище. С первых же выстрелов передний край противника точно вздыбился. Черные тучи земли и дыма поднялись высоко в небо. Противник молчал. А грохот артиллерийских орудий слился в один сплошной рев. Вслед за артиллерийскими орудиями подали свой "голос" ракетные установки, и огненные стрелы понеслись на позиции фашистов. В этот же момент поднялись бойцы наших двух полков 59-го и 141-го - и пошли на штурм вражеских оборонительных сооружений. В добрый путь!

Первые и вторые траншеи были захвачены очень быстро. 141-й, пройдя Верхнее Кузьмино, вышел к Редкому Кузьмину, а 59-й - к Александровке. Дальше темп наступления замедлился. Гитлеровцы вели очень плотный и сильный фланговый огонь со стороны Пушкина. 86-я дивизия, наступавшая на Пушкин, продвинулась немного. Зато гвардейская дивизия, действующая правее нашей, сумела сделать хороший рывок и пошла в обход пушкинского узла обороны противника.

Гитлеровцы начали стрелять из минометов и пушек по нашим наступающим частям из опорных пунктов Соболево, Мыкколово, Малой Кабози. Бой в глубине обороны принял затяжной характер. Теперь каждая сотня метров отвоеванной земли давалась с трудом. Мы стали терять людей.

В то же время появились первые пленные, в основном немецкие и бельгийские фашисты. Внешний вид их не имел ничего общего с бравой выправкой на их фотокарточках. Закутанные с головы до ног в различное тряпье, с посиневшими и грязными лицами и руками, они жались в ходах сообщения, уступая дорогу нашим солдатам.

В тринадцать ноль ноль выбрался на Варшавскую железную дорогу и у скрещения с окружной дорогой попал под бомбовые удары нашей авиации, которая из-за низкой облачности раньше времени сбросила свой груз. И все же результаты дневного боя отличные: без особого сопротивления были захвачены первые две траншеи, а к концу дня 59-й и 141-й полки сумели приблизиться к Александровке. Но здесь дела пошли хуже. Введенный в бой 103-й полк также увяз в глубине обороны и с упорными боями продвигается в направлении Большое Виттолово - Рехколово.

Шестнадцатого января. С каждым часом бой усиливается.

Наша тяжелая артиллерия пока на старых позициях. Нет еще дороги. По предложению начальника политотдела иду к заместителю командира по политчасти 141-го полка майору Зубареву. Ходить я привык и хожу быстро. Скоро добрался до балки, которая выходит в Верхнее Кузьмине. В этой балке всюду валяется инженерное имущество, ящики с боеприпасами, брошенные противогазы и каски. По мерзлой земле и снегу идти легко, и через час я уже был в расположении полка. У первой и второй траншей противника вся земля была так перепахана, что на два-три километра невозможно увидеть и клочка белого снега. Повсюду воронки, разрушенные хода сообщений, искореженная техника, а перед третьей траншеей - масса трупов фашистов. Видимо, наша артиллерия накрыла их в тот момент, когда они бежали к себе в тыл.

На командном пункте полка Зубарева не нашел, и никто не знал, где он. Вокруг - грохот. Рвутся мины и снаряды. Приходилось спасаться короткими перебежками от одного укрытия к другому, а то и ползти. Наконец, узнаю, что Зубарев во втором батальоне. Там я его и нашел. Он рассказал, что полк понес большие потери. В ротах осталось по сорок - сорок пять человек. Но настроение боевое, и бойцы смело штурмуют огневые точки противника... Фашисты ожесточенно отстреливаются из Малой Кабози - Мыкколово, все время контратакуют со стороны Пушкина и Соболева. Шоссейная дорога, связывающая Александровку - Соболево, удобна для действий танков врага, и полк вынужден всю артиллерию сосредоточить против них.

Из Александровки гитлеровцы были выбиты полком Краснокутского ночью, так как днем эту задачу выполнить не удалось: каждый дом был превращен в дот. Этот узел сопротивления для нас был очень важен. С севера он прикрывал пушкинско-павловскую немецкую группировку. При атаке была разгромлена вражеская 215-я пехотная дивизия. Сто фашистских солдат и офицеров сдались нам в плен.

Семнадцатое января. Этот день для меня особый - радостный и трудный. Радость вызвана обнадеживающими успехами - наши части по всему участку значительно продвинулись вперед. А трудный, потому что пришлось много поработать и походить под пулями и осколками врага. Когда я зашел на наблюдательный пункт, командир дивизии полковник Введенский предложил посмотреть в бинокль, и у меня от радости заколотилось сердце - наши подразделения медленно, но верно продвигались вперед. "Наши пошли в обход Пушкина", - сообщил комдив, как только я оторвал от бинокля глаза.

Комдив впервые был небрит. Истекшие двое суток, что

дивизия ведет наступление, отняли у него много сил. Он даже осунулся. Чувствовалось, что у него напряжен каждый мускул и каждый нерв. И я его отлично понимал и сочувствовал ему. Ведь он в ответе за все. В случае неудачи с него строго спросят. А фашисты упорно сопротивляются. Каждый метр земли приходится брать с боя. Порой дорогой ценой.

"Сходите в полк Краснокутского, - приказал он мне, - посмотрите, как он разместился в Александровке, помогите ему в поддержании высокого накала, скажите, чтобы был бдителен"...

Командира полка я застал в бывшей немецкой землянке. Его заместитель по политчасти Давыдов лежал с перевязанной головой. Землянка поразила меня своей роскошной обстановкой, была обита обшивкой из Екатерининского дворца в Пушкине. Тут стояла старинная дворцовая мебель, валялись осколки дорогой фарфоровой посуды, старинные свечи. "Варвары!" - вырвалось у меня.

Заместитель Краснокутского по политчасти протянул политдонесение, в котором подробно описывались самоотверженные действия бойцов и командиров. Старшина Ловцов одним из первых поднялся в атаку. Скоро выбыл из строя командир роты. Тогда старшина взял на себя командование и повел роту в атаку. В этом бою он уничтожил десять фашистских солдат и взял одного в плен. Сегодня Ловцову вручен орден Красной Звезды. А вот еще один из фактов проявления героизма. Комсорг роты связной Шульгин, то ползком, то прикрываясь за бугорками, носил важные донесения. Проходя мимо пулеметного расчета, он заметил, что командир расчета ранен: лежит на земле. Отважный красноармеец ринулся на помощь расчету, который после этого снова открыл огонь по огневым точкам врага.

Заношу в свой дневник и такой факт. Второй батальон полка продвигался к позициям противника, который внезапно открыл огонь из автоматов и пулеметов. Бойцы вынуждены были залечь. Тогда командир взвода коммунист сержант Магас Хайрутдинов выдвинулся вперед с ручным пулеметом и меткими выстрелами уничтожил группу гитлеровцев. Ворвавшись в траншею, он обнаружил несколько трупов, восемь брошенных врагом пулеметов и два миномета. Путь вперед теперь был свободен. Хайрутдинов снова повел в атаку своих бойцов.

И последнее, что хочу записать. Когда полк ворвался в Александровну, фашисты открыли сильный огонь. Парторг батареи Александр Ковязин не растерялся. Он стал отыскивать огневые точки врага, тут же стал готовить данные. Артиллеристы по его команде подавили несколько пулеметных точек врага. В

этом бою Ковязин был ранен, но поле боя не покинул.

В политдонесении были перечислены имена и погибших. Кое-кого я знал, например, бойца Пьянкова, сын которого отличился в первые дни войны и погиб в бою за село Ивановское. Прочел этот список, и защемило сердце. Да, трудно и горько, когда на глазах гибнут люди. Сегодня погибли одни, а завтра наверняка эта же участь постигнет и других. На войне смерть висит над тобой все время. Трудно, очень трудно выжить на фронте, да и каждая потеря острой болью впивается в твое сердце.

Долго в Александровке быть не пришлось. Позвонил в 141-й полк, который встретил упорное сопротивление врага в районе Верхнего Кузьмине. Опять в путь под свистом пуль и разрывами снарядов.

Восемнадцатое января. У Верхнего Кузьмине было жарко и тревожно. Фашисты все время контратакуют. У них в районе Соболева сильный опорный пункт. А у нас, как назло, на перекрестках дорог создались пробки, все забито техникой. На дорогах нет порядка. Каждый считает, что ему нужно проехать быстрее, чем кому-либо другому. На этой почве возникают споры, сопровождаемые дикой руганью.

Сегодня мне снова пришлось держаться за сердце. Вечером, во время отражения очередной контратаки фашистов, осколком мины был убит заместитель командира по политчасти 141-го полка майор Зубарев. Он пошел во второй батальон, чтобы организовать отпор врагу. Появление его в батальоне повлияло на исход боя - вражеская контратака была успешно отбита. Казалось, ничто Борису Сергеевичу не грозит. Он уже возвращался на командный пункт батальона, как вблизи разорвалась мина.

Погиб чудесный человек, примерный коммунист и воин. Сколько раз мы вместе с ним бывали на передовых, вели беседы с бойцами, вручали партийные билеты молодым коммунистам! И вот его не стало... Похоронили Зубарева со всеми воинскими почестями. На следующий день похоронили здесь и парторга второго батальона 103-го полка, старшего лейтенанта Ахмета Абдурахманова любимца своих бойцов, настоящего патриота. О его гибели я узнал спустя сутки от его товарища, заместителя командира по политчасти этого батальона старшего лейтенанта Лазарева Александра Ивановича, такого же мужественного и такого же чистого сердцем и совестью человека, каким был и его товарищ. Не зря говорится: "Скажи, кто твой друг, и я скажу, "то ты".

Лазарев - русский, а Абдурахманов - узбек. Но это не мешало им дружить, нести вместе на своих плечах тяготы войны, помогать друг другу слить свои усилия в той работе, за которую

отвечали. Лазарева и Абдурахманова часто можно было встретить мирно беседующими. Да и жили они чаще всего в одной землянке.

Я как-то спросил Абдурахманова:

- Ахмет, скажи, пожалуйста, кто у тебя лучший друг в дивизии?

- Саша Иванович, - улыбаясь, ответил Абдурахманов. Он всегда так называл друга. Русское имя "Саша" ему очень нравилось. Он говорил, что когда родится у него сын, то назовет его Сашей - в память о верном фронтовом друге. У Абдурахманова в записной книжке был домашний адрес ленинградца Лазарева, а у Лазарева - ташкентский адрес Абдурахманова. Ахмет подарил Саше фотокарточку своей сестры. Говорил, что обязательно их поженит. Не знаю, осуществился бы этот замысел Ахмета. Я уверен, если бы они не погибли, обязательно ездили бы друг к другу в гости, а может быть, и жили бы в одном городе - в Ленинграда или Ташкенте.

Двадцатое января. В районе 59-го полка, а он недалеко от Пушкина, мертвая тишина. Как будто и войны нет. Но стоит посмотреть на поля и дороги, как настроение тут же меняется. Тысячи черных воронок. Всюду уныло стоят разбитые ганки и машины, лежат еще не убранные трупы фашистов. Траншеи и хода сообщений обвалились и перепаханы танками, И среди всего этого завала выделяется лишь одна дорога, ведущая в Александровку, которую построили за предыдущую ночь.

Во второй половине дня радио оповестило, что освобожден Новгород и о соединении нашей 42-й и 2-й ударной армии, начавшей свое наступление с Ораниенбаумского пятачка. Гитлеровская группировка в районе Стрельно - Урицк окружена. В честь победы мы провозгласили здравицу и выпили по чарке водки.

Побывал в редакции дивизионной газеты "За победу". Застал редактора Валентина Мольво, секретаря Иосифа Альбаца и литсотрудника Николая Шишкина за составлением макета очередного номера маленькой двухполоски. "Что даете в следующем номере?" - спросил я. Мольво, улыбаясь, ответил: "Два указа, два приказа, пара сводок и портрет - вот и вся моя газета, ничего в ней больше нет!" И протянул мне аккуратно расчерченный лист бумаги с надписанными заголовками.

Действительно, вся первая полоса была занята приказами и сообщением Совинформбюро. На второй полосе, сверху, крупными буквами била в глаза шапка: "Бей фашиста так, чтобы он навсегда запомнил силу ленинградского удара!" По стилю слабовато, а по содержанию правильно. Вся эта полоса, сообщил

Мольво, будет посвящена героям боя - рядовым и сержантам, получившим первые правительственные награды.

Список награжденных в редакции уже имелся, и я узнал, что медалью "За отвагу" награждено десять человек, медалью "За боевые заслуги" - семь. Некоторые имена я записал. Вот они: рядовые Павел Иванович Бажин, Николай Дмитриевич Дмитриев, Михаил Сергеевич Князев, Лев Наумович Галлер, Петр Дмитриевич Маликов; ефрейторы - Яков Иванович Иванов, Иван Афанасьевич Исаев, Николай Павлович Вишняков, Александр Николаевич Ермаков, Максим Леонтьевич Мельников.

Из редакции пошел в политотдел, который уже переехал в большой дом на окраине поселка Кургелево, отбитого у врага. Вошел в дом и удивился. В нем были сооружены двухъярусные нары, а стены, обитые картоном, - исписаны. По свидетельству местных жителей, здесь спали наши молодые ребята, согнанные фашистами со многих деревень Ленинградской области на строительство дорог и опорных пунктов. Нары грязные. Застелены истлевшей соломой. На стенах осталось много надписей. Стены служили обитателям дома своего рода книгой, в которую люди записывали свои мысли и чувства. Кто-то зачеркнул написанное. И все же нам кое-что удалось прочесть. В словах, начерченных на картонах, выражалась ненависть к "новому порядку", чувства гнева и печали. Кто их писал, кто эти люди, куда угнали их гитлеровцы? Невольно подумалось: "Трудно, очень трудно человеку, попавшему в неволю, особенно, когда ты бесправен что-либо сказать и что-либо сделать в защиту себя и своих товарищей, когда каждый твой шаг под присмотром, когда все время на тебя смотрит черное дуло пистолета или автомата".

Двадцать четвертого января. Наши войска заняли Антропшино и двинулись на Пушкин. Штаб дивизии переезжает в Замболово. И мы, политотдельцы, двинулись за ними, вслед огромному потоку людей и машин, пробираясь по лесным дорогам, чащобам и болотам. Путь изнуряющий. Но разве остановишься? Разве позволишь себе зайти в какую-нибудь хату, чтобы выпить горячего чая и потом прилечь на часок-другой на мягкую постель? В пути узнали, что города Пушкин и Павловск очищены от немцев. Хорошая новость.

Двадцать пятое января. Снова на новом месте. Политотдел разместился в Антропшино. Здесь впервые, как начали гнать фашистов, встретили советских людей, освобожденных от фашистского ига. Крепкие объятия. Слезы радости... Устроились прилично. Политотделу отвели большое теплое помещение, в котором жили гитлеровские офицеры. У входа в дом валяются

пустые бутылки из-под вина и измятые консервные банки.

Пытаюсь отыскать полки. Безуспешно. Все в движении. Наши подразделения преследуют отступающих фашистов, стараясь настичь, окружить и уничтожить. Кое-где завязывается скоротечный бой. Начинаю выяснять, что делают в этих условиях политработники и парторги полков, батальонов и рот. Ведь перед ними поставлена цель: обеспечить выполнение поставленной задачи средствами политической работы, на все время наступления сохранить боеспособность рот этой основной боевой ячейки дивизии, проследить, чтобы люди своевременно были накормлены и получали хотя бы часовой отдых. Обязанность политработников позаботиться о раненых и о захоронении убитых. Конечно, в бою политработник обязан показывать личный пример бесстрашия, выносливости и умения вести бой в любых условиях.

Вечером опять тронулись в путь. Всюду - следы поспешного бегства фашистов. Пошли одиннадцатые сутки нашего наступления. Совсем немного. А Ленинград, который мы охраняли и защищали девятьсот дней и ночей, уже далеко позади. Теперь он в безопасности. Прекратились бомбежки и обстрел из артиллерийских орудий. Подумать только! По Ленинград/ стреляло восемьдесят пять орудий калибром от ста пятидесяти двух до четырехсот миллиметров. Теперь эти орудия именуются трофейной техникой... Скоро, говорят, выйдем на Лужский рубеж, где наша дивизия, укомплектованная рабочими и служащими Московского и Ленинского районов, впервые встретилась с фашистскими ордами. Как говорится, колесо событий теперь крутится в обратную сторону..."

13

В моем фронтовом блокноте есть несколько коротких записей, сделанных в радостные для нас дни победоносного наступления, когда наши воины освобождали ленинградскую землю от фашистских оккупантов. Хотя эти записи более чем скупы, запечатленные в них скоротечные эпизоды все же дают представление о том, с какой яростью, с какой решительностью и отвагой наши бойцы наносили удары по отступавшим фашистским полчищам.

"Отражавшая контратаки фашистов группа бойцов-пулеметчиков получила новый станковый пулемет и стала устанавливать его тело на станок. Как раз в это время метрах в двадцати появились фашисты. Наши ребята от неожиданности растерялись и занервничали. В таких случаях дело не клеится. Не стал "слушаться" бойцов и пулемет. А гитлеровцы с каждой минутой приближались.

Недалеко находились наши минометчики во главе с сержантом Сюткиным. Он увидел, что пулеметчики не могут установить свой "максим", и бросился им на помощь. Собрать пулемет времени уже не было. Поэтому он схватил тело пулемета, прижал своими сильными руками к животу и в упор стал расстреливать вражеских солдат.

Так сержант Сюткин выручил пулеметчиков, спас их от неминуемой гибели и причинил серьезный урон врагу. На поле боя насчитали семь убитых и пять раненых гитлеровцев".

"Отделению - его поддерживал своим огнем пулеметный расчет - было приказано атаковать вражеский дзот. Но скоро пулеметный расчет выбыл из строя, и станковый пулемет замолк. Казалось, атака сорвется. Отважных бойцов, направлявшихся к вражескому дзоту, некому было прикрыть. И тогда красноармеец Рогачев, рискуя жизнью, побежал к умолкшему пулемету. Меняя позицию, он сумел поддержать огнем действия стрелкового отделения, которое выполнило приказ. Рогачев уничтожил свыше тридцати фашистов".

"Как только взвод занял исходное положение, коммунист офицер Куралесин начал обходить бойцов, поясняя, какое значение имеет захват опорного пункта фашистской обороны для дальнейшего развития нашего наступления на подступах к Луге.

Началась атака. Куралесин возглавил ее, увлекая за собой бойцов. Однако продвижение вперед затормозилось - справа бил из дзота вражеский пулемет. Медлить было нельзя, и Куралесин приказал одному из отделений блокировать дзот, а сам повел в атаку остальных, отвлекая огонь фашистов на себя. Когда же дзот умолк, Куралесин с криком "Ура!" ворвался в опорный вражеский пункт и в рукопашной схватке овладел им".

"Перед атакой комсорг роты Чиков собрал своих комсомольцев и сказал им:

- Помните, ребята, от того, как мы будем действовать, зависит исход боя. Комсомольцы со мной вместе пойдут в первых рядах.

Комсорг сдержал свое слово - первым поднялся в бой. Однако противник открыл сильный заградительный огонь. Кое-кто из бойцов залег. Тогда старший сержант Чиков во всю силу крикнул: "За мной!" В считанные минуты добежал до дома, из которого стреляли, и первый бросил в окно гранату. Его примеру последовали и все остальные. Выскочивший из дома гитлеровский унтер-офицер выстрелил в Чикова, но промахнулся. Зато Чиков был точен: фашистский офицер упал замертво".

"Старший лейтенант политрук роты Николай Лазарев, преследуя со своими бойцами отступающих фашистов,

неожиданно попал в засаду на одной из станций Варшавской железной дороги.

Враг, имея численное и техническое превосходство, предложил политруку и его бойцам сдаться в плен. В ответ полетели гранаты, застрочили автоматы. Завязался ожесточенный бой. Вскоре к фашистам на подмогу подоспели броневики и несколько танкеток.

- Будем держаться до последнего, - крикнул политрук своим бойцам. Ленинградцы в плен не сдаются! - И с этими словами первым ринулся на врага.

Фашисты заняли железнодорожную станцию, когда не осталось в живых ни одного советского воина. В лютой своей ненависти они сожгли труп героя-политрука на костре".

"Командир роты лейтенант Базарный отдавал последние распоряжения перед атакой, как вдруг противник открыл минометный огонь. Мины стали рваться в расположении роты.

Неожиданно кто-то свалил Базарного на землю. Это был сержант комсомолец Кашкин. Отважного сержанта тяжело ранило, но он спас жизнь своему командиру, который вскоре повел роту в атаку и выбил фашистов с занятой ими позиции".

"Во время боя около Плюссы старший сержант Стус был ранен, но поля боя не покинул. Превозмогая боль, он продолжал командовать своим отделением до тех пор, пока не была выполнена поставленная перед ним задача".

"После получасовой артподготовки противник перешел а наступление на высотку Д., где находились четыре храбреца - гвардии рядовые Колдыбаев, Танкеев, Бейсебаев и Бечелдин. Немцев было восемьдесят человек. К тому же их действия поддерживали три танка. Наши гвардейцы не дрогнули. Они открыли по фашистам губительный огонь из пулеметов и автоматов.

- Выстоять! Биться до последнего! - крикнул Колдыбаев. Более двух часов длился бой. Советские воины отбили все атаки. Фашисты, понеся большие потери, вернулись на свои исходные позиции. В этом бою Бейсебаев и Бечелдин были ранены, однако и раненые они продолжали вести бой.

Храбрые гвардейцы были награждены орденами Красной Звезды".

"Группа красноармейцев во главе со старшим сержантом Пахомовым, выполняя приказ командования частью, проникла в тыл отступающих фашистов. Организуя засады, они в течение нескольких дней нападали на мелкие группы гитлеровцев. За трое суток ими было уничтожено восемьдесят солдат и офицеров противника.

Подвиг старшего сержанта Пахомова и его бойцов отмечен высокими правительственными наградами - орденами и медалями".

14

Темно. Под ногами редких прохожих похрустывает свежий снег. Ленинград, хотя больше и не блокадный, по-прежнему затемнен. Враг отогнан еще не очень далеко. Со своим старым другом Сашей Соснорой - в юные годы мы вместе занимались спортом, бегали на лыжах и играли в баскетбол, мечтали стать "морскими волками" - я стою вечером двадцать седьмого января на Литейном, у Дома офицеров, где мы случайно встретились после многолетней разлуки: расспрашиваем друг друга - и вдруг по радио объявляют приказ командующего фронтом.

"...Мужественные и стойкие ленинградцы! - торжественно произносит диктор. - Вместе с войсками Ленинградского фронта вы отстояли наш родной город. Своим героическим трудом и стальной выдержкой, преодолевая все трудности и мучения блокады, вы ковали оружие победы над врагом, отдавая для дела победы все свои силы.

От имени войск Ленинградского фронта поздравляю вас со знаменательным днем великой победы под Ленинградом!

Слава воинам Ленинградского фронта!

Слава трудящимся города Ленина!

Вечная слава героям, павшим в борьбе за город Ленина, за свободу и независимость нашей Родины!"

И сразу же город оглушил мощный артиллерийский залп. Это ленинградцы торжественным салютом поздравляли войска Ленинградского фронта с победой. Первый раз за два с половиной года город в вечернее время был освещен разноцветными огнями праздничного фейерверка.

Мы с Соснорой замерли на месте и не могли оторвать глаз от этого зрелища - светло было, как днем. Послышались возгласы радости, кто-то скандировал "Ура!". Люди обнимали друг друга. К нам подбежала какая-то женщина, со слезами на глазах расцеловала нас и бросилась навстречу идущим военным и так же по-матерински стала обнимать их.

Обнялись и мы.

Соснора зажал меня своими крепкими лапищами, поднял и стал крутить вокруг себя. Ему это было нетрудно. Он на голову был выше меня. Когда опустил на землю, я заглянул в его взволнованное лицо, и мне показалось, что его черные длинные усы шевелятся.

- Отчего у тебя, Саша, зашевелились усы? Как у таракана!

- А я их так приучил, - отшутился он и, вынув из кармана

носовой платок, стал прикладывать его к глазам.

Соснору, как и прежде, я называл Сашей, хотя этому высоченному и широкому в плечах мужчине было уже под сорок. Длинная, хорошо подогнанная шинель и полковничья партизанская папаха придавали ему вид бравого, прошедшего огонь и воду воина с солидным жизненным опытом за плечами. Отец Сосноры - оседлый цыган, мать - русская. А кто же по национальности он? По анкете - русский. Правда, отец оставил ему в наследство от себя многое черные волосы, темно-карие глаза, безудержную удаль. От матери он унаследовал белизну лица и трудолюбие.

Когда город снова окутала темень, я предложил своему другу пойти на Невский.

- Пошли, - с радостью отозвался Соснора. - Вспомним юность.

На Невском - полно людей, не только на тротуарах, но и посередине улицы. Движение транспорта было приостановлено. Охваченные всеобщим возбуждением, мы влились в общий шумный поток и так же, как все, что-то кричали, обнимая встречных. На углу Невского и Владимирского остановились.

- Пойдем ко мне, - предложил Соснора.

Где-то за кинотеатром "Титан" свернули в темный двор и стали подниматься по узкой каменной лестнице.

- А у тебя кто-нибудь дома есть? - спохватился я.

- Жена и сын. Виктор еще маленький. Они из Ленинграда не уезжали...

Дверь нам открыла смуглая женщина, из-за ее спины выглянул мальчуган лет семи.

- Знакомьтесь. - Соснора представил меня жене.

Тут же был накрыт стол, и мы сели. Я вынул из карманов все, что было взято на дорогу, а Соснора достал из шкафа флягу со спиртом.

Конечно, все тосты были за победу наших войск под Ленинградом. Почтили молчанием память тех, кто не дожил до этого дня.

Поднимая стакан, Соснора сказал:

- Я рад, что Пулковские высоты, о которых знает весь мир, стали могилой для гитлеровских вояк.

Незаметно разговор перекинулся на подрастающее поколение. Видимо, потому, что с нами был сынишка Сосноры. В подобных случаях обычно начинают говорить о детях и их будущем: мол, мы отстояли их будущее, теперь дело за ними, им предстоит довести дело своих отцов до победы коммунизма.

- Юность тем и прекрасна, что у нее все впереди, - заметил я. - Ей больше, чем нам, удастся сделать, у нее больше времени

впереди, больше сил и энергии. Кроме того, она не только осваивает опыт предыдущего поколения, но и дополняет его новым, более совершенным. Именно поэтому она может и обязана сделать больше, чем мы.

- Обидно будет, если наши дети, когда вырастут, впустую начнут растрачивать силы, а энергию расходовать по мелочам, в поисках удовлетворения своих потребностей и страстей, - заметил мой друг.

Я слушал Александра Соснору и удивлялся. Как он изменился! Давно ли его интересовали только спорт и акробатика? Он даже хотел создать свою маленькую труппу и выступать в цирке. Политикой почти не интересовался. А тут, глядите-ка, какой активный пропагандист!

- Жизнь наша, - продолжал между тем развивать свою мысль он, открывает перед молодежью неограниченный простор для развития способностей и выполнения долга перед Отечеством. Молодежь стремится к лучшему. Вот в этом-то и есть подлинное счастье. Тот по-настоящему счастлив, у кого есть цель в жизни, кто с пользой для себя и общества расходует свои физические и духовные силы, кто честно служит своему народу. Ненавижу тех, кто живет лишь для себя, кто дорожит только своей шкурой. В нашем партизанском отряде, к счастью, таких ублюдков не было.

- Не слишком ли ты резок в своих суждениях? - спросил я, видя, с каким удивлением смотрит на Сашу его жена.

- Примирение с плохим всегда таит в себе опасность, - лаконично ответил он.

- Но я-то не призываю к примирению, а только говорю о том: нельзя ли судить о нашей смене в более доброжелательном тоне?

- Согласен. И все же я за то, чтобы требования к молодежи не снижались, а увеличивались. Ведь чем дальше, тем сложнее будет жизнь. Развитие науки и техники, новые открытия и победы социализма не упростят, а усложнят жизнь, потребуют больших знаний, более высокой дисциплины и нравственной чистоты.

И снова я мысленно отметил: "Как вырос Соснора! Хоть выбирай секретарем райкома".

- Стоит отпустить вожжи, - не унимался мой друг, - как расслабятся люди, начнут бездельничать, ко всему откоситься инертно. Вот тут-то и засосет их обывательское болото: "Лишь бы мне было хорошо, а до других мне наплевать". Боюсь, после войны людей с подобной гнилой философией будет немало: мол, мы повоевали, а теперь пора и отдохнуть, пожить для себя.

- Вряд ли, - возразил я. - Дел после войны хватит для всех. Кто же будет восстанавливать разрушенное?

- И все же такие люди найдутся и, в первую очередь, среди

наших детей, вот увидишь!

Я хотел сказать, что и про нас, когда мы были юнцами, говорили то же самое, но взглянул в Сашино лицо, промолчал: длинные, точно у Тараса Бульбы, усы его снова задвигались, как будто их кто-то за веревочку дергал то вниз, то вверх... Взглянул на часы и поднялся из-за стола.

- Я тебя провожу, - поднялся со своего стула и Соснора. Через несколько минут мы снова были на Невском. Время близилось к полночи, и главный проспект Ленинграда притих.

- Саша, а где твои брат и сестры, живы ли мать с отцом? - спросил я.

- Брат погиб в самом начале войны. Отец умер от дистрофии. Мать и сестры живы. Если бы не Петр Капица, который их поддерживал, не было бы и их.

- Что же будешь делать дальше? - допытывался я.

- Добиваться посылки на фронт. Обещают направить на Кольский полуостров. А ты куда едешь? - в свою очередь, поинтересовался Соснора.

- На Карельский, в 23-ю армию.

- Говорят, сейчас только две страны не воюют, - напомнил он ходячую тогда шутку: - Швеция да двадцать третья.

- Теперь настал и ее черед. Просись и ты в нее.

- Попробую...

Расстались мы с Соснорой на углу Невского и Литейного, Он пошел к себе, а я устало побрел на распределительный пункт, размещавшийся на улице Салтыкова-Щедрина. Шел по той стороне, на которой еще висели объявления: "Эта сторона улицы опасна при артобстреле". Теперь она уже была не опасной. Батареи, посылавшие снаряды на город с Вороньей горы, больше не существовали, как не было больше и вражеского кольца вокруг города. Враг, преследуемый нашими войсками, уносил ноги на запад, бросая раненых и убитых, танки, артиллерию и другую военную технику.

15

Гитлеровцы неохотно оставляли невские равнины. Отступая, огрызались, переходили в контратаки, на смену потрепанным дивизиям подтягивали свежие силы, грозили снова вернуться к Ленинграду и теперь уже по-настоящему расправиться с его защитниками и населением. В листовках, сбрасываемых с самолетов, нам по-прежнему предлагали "прекратить сопротивление, перебить комиссаров, сложить оружие и перейти на сторону непобедимых вооруженных сил Германии".

- Какая самоуверенность, какая наглость! - возмущались наши воины и еще яростнее колотили гитлеровских недобитков.

А Гитлер слал командующему своих войск один за другим повелительные приказы: выиграть оборонительную битву под Ленинградом, любой ценой удержать созданные опорные пункты. "Позиции удержать во что бы то ни стало!" требовал он.

Но удержать позиции гитлеровские генералы уже были не в состоянии. Они долго сопротивлялись лишь под Лугой и Псковом, остальные свои опорные пункты оставляли в спешке, бросая боевую технику, раненых и склады с продовольствием, поджигая оставляемые ими города и села, расстреливая стариков и женщин, а молодежь и подростков отправляя в рабство.

На пути наших войск почти в каждом крупном населенном пункте на стенах домов встречались надписи. Вот одна из них: "Привет русским соколам. Желаем скорой победы. Забирают пираты нас с собой. Но постараемся не попасть к ним. Выручайте! 15 русских девушек".

Наши воины, войдя в Кингисепп, на одной из улиц города встретили местную жительницу Пелагею Кириллову. Голова у нее была забинтована. "На окраинах уже раздавалась стрельба, - со слезами рассказывала она, - мы знали, что это наша родная армия пришла выручать нас из неволи. В мою квартиру ворвались фашисты, приказали следовать за ними. Я, мой муж и соседка по квартире наотрез отказались - мы знали, что нас угонят в Германию, а это хуже смерти. Фашисты стали угрожать нам оружием. Мы решили умереть, но не идти в рабство. Тогда гитлеровские мерзавцы тут же в квартире стали в нас стрелять. Меня ранили, и я больше ничего не помню. Потом меня привели в сознание наши бойцы. А мой муж и соседка по квартире лежали рядом мертвые..."

Подобной участи удалось избежать лишь тем, кто успел укрыться в лесах. Так, на пути к Луге близ деревни Долговка наши бойцы обнаружили в лесу более четырехсот стариков, женщин и детей, спасавшихся от фашистского рабства. Такой же лесной лагерь оказался и неподалеку от деревни Низовка, Чтобы не попасть в плен к гитлеровцам, люди темными ночами покидали свои дома и скрывались в лесах. Они заранее создали там запасы продуктов, соорудили землянки и даже поставили для детей теплые срубы.

Тем временем наши войска теснили гитлеровские войска на юг и юго-запад, окружали и уничтожали их гарнизоны. Именно таким путем был разгромлен укрепленный район в Вырице. Фашисты даже не заметили, как наши части лесными тропами обошли их и окружили. Застигнутые врасплох, они выскакивали из домов с поднятыми руками. Из окружения удалось вырваться лишь единицам. В Вырице оказался большой продовольственный

склад и госпиталь с ранеными.

В начале февраля наша дивизия участвовала в окружении Луги. Проходя с боями через Молосковцы, Волосово, затем Сабек - Осьмино и двигаясь на Ляды, она оттягивала на себя значительные силы от Луги. Когда тринадцатого февраля Луга была взята, части нашей дивизии начали свой победный марш в сторону Гдова и Пскова. Противник оказал здесь упорное длительное сопротивление, в конце марта гитлеровские войска даже перешли в контрнаступление, но наши воины скоро погасили эту "вспышку" противника: танкисты и летчики, взаимодействуя с нашей пехотой, нанесли сокрушительный удар по врагу. Наши 59-й и 141-й полки, преследуя разбитые фашистские части, вышли к реке Великая у деревни Стремутка и образовали дугообразный выступ. Гитлер отдал приказ срезать этот выступ.

Утром двадцать третьего апреля гитлеровцы предприняли попытку выполнить приказ своего фюрера. Но и на этот раз получив отпор, вынуждены были отступить на свои прежние позиции, оставив на поле боя семьсот трупов своих солдат и офицеров.

После этого бои под Псковом затихли. Наше наступление здесь возобновилось лишь в июне 1944 года.

В период наступления наших войск на всем протяжении от Ленинграда до государственной границы бойцы с болью в сердце слушали рассказы о зверствах, насилии и грабежах, чинимых гитлеровцами в захваченных ими советских городах и деревнях.

На Нюрнбергский процесс в качестве свидетеля совершенных нацистскими преступниками злодеяний был приглашен житель деревни Кузнецово Псковской области Яков Григорьевич Григорьев.

- В какой деревне вас застала война? - спросил его помощник Главного обвинителя от СССР Л. Н. Смирнов.

- В деревне Кузнецове.

- Существует ли сейчас эта деревня?

- Не существует.

- Я прошу вас рассказать суду, при каких обстоятельствах произошло уничтожение деревни.

- В памятный день двадцать восьмого октября тысяча девятьсот сорок третьего года немецкие солдаты неожиданно напали на нашу деревню и стали творить расправу с мирными жителями, расстреливать, загоняя в дома. В этот день я работал на току со своими двумя сыновьями Алексеем и Николаем. Вдруг к нам на ток зашел немецкий солдат и велел следовать за ним. Нас повели через деревню в крайний дом. Я сидел около самого

окна и смотрел в него. Вижу, немецкие солдаты гонят еще большую толпу народа. Я заметил свою жену и маленького своего сына десяти лет. Их сначала подгоняли к дому, а потом повели обратно, куда - мне было тогда неизвестно.

Немного погодя в дом входят три немецких автоматчика, и четвертый держит наган в руках. Нам приказали выйти в другую комнату. Поставили к стенке всю толпу, девятнадцать человек, в том числе меня и моих двух сыновей, и начали по нас стрелять из автоматов. Я стоял около самой стенки, немного опустившись. После первого выстрела я упал на пол и лежал не шевелясь. Когда расстреляли всех, они ушли из дома. Я пришел в сознание, гляжу - невдалеке от меня лежит мой сын Николай, он лежал ничком и был мертв, а второго я сперва не заметил и не знал, убит он или жив. Потом я стал подниматься, освободив ноги от навалившегося на них трупа. В этот момент меня окликнул мой сын, который остался в живых.

- Окликнул второй сын? - переспрашивают Григорьева.

- Второй, - отвечает он, - а первый лежал мертвый, невдалеке от меня.

- Второй был ранен?

- Он был ранен в ногу... Немного погодя загорелся дом, в котором мы лежали. Тогда, открыв окно, я выбросился из чего вместе со своим раненым мальчиком, и мы стали ползти от дома, притаясь. Потом, на второй день, я встретил из нашей деревни мальчика Витю - это был беженец из Ленинграда и проживал во время оккупации в нашей деревне... Он тоже чудом спасся, выскочив из огня. Он мне сказал, как происходило дело во второй избе, где были моя жена и мой малый сынишка. Там дело происходило так: немецкие солдаты, загнали людей в избу, отворили в коридор дверь и через порог стали поливать из автоматов. Со слов Вити, там горели живые люди, в том числе, по его словам, сгорел заживо мой мальчик Петя. Когда Витя выбегал из избы, то увидел, что мой Петя еще был жив и сидел под лавкой, зажавши ручонками уши.

- Сколько лет было самому старшему жителю деревни, уничтоженному немцами?

- Сто восемь лет - старуха Артемьева Устинья.

- Сколько лет было самому младшему, уничтоженному в деревне?

- Четыре месяца.

- Сколько всего было уничтожено жителей деревни?

- Сорок семь человек.

Я привел показания Я. Г. Григорьева из деревни Кузнецово полностью. Они - неопровержимое свидетельство страшной

жестокости оккупантов, которые не пожалели ни стовосьмилетнюю старуху, ни четырехмесячного ребенка. Могли ли наши бойцы, узнав о подобных фактах, быть сердобольными к гитлеровским завоевателям?

Сержант Супрун на митинге перед очередным наступлением заявил: "Как бы я ни устал, но я готов идти и идти вперед. Я не могу спокойно смотреть, как поступают с моими соотечественниками на оккупированной земле гитлеровцы. У меня одно желание - отомстить врагу!"

Читая сообщения о фашистских злодействах, воочию видя их, я мысленно переносился в деревеньку Выборово, затерявшуюся на большаке между Лугой и Гдовом, где родился и провел свое беззаботное детство. На ее месте, как сообщали в письмах на фронт родственники, торчали теперь лишь черные трубы. Выборово было сожжено дотла. Перед глазами вставал старший брат Николай, расстрелянный в Стругах Красных еще летом сорок первого года, и другой брат Григорий, угнанный с семьей в Германию, несколько лет гнувшим спину на бауэра - немецкого сельского богача.

Думы эти не давали покоя, болью отдавались в сердце, пробуждали чувство гнева.

Одно было нам ясно: за все свои злодеяния гитлеровцы должны понести справедливое наказание, им не миновать суда народов за преступления, содеянные в годы второй мировой войны. За Германией сороковых годов двадцатого столетия навсегда закрепится "слава" государства-поработителя, а за его правителями, гитлеровской партией и теми, кто выполнял их волю, детоубийц, душегубов и грабителей.

16

Кое-кого из ветеранов дивизии, бывших ополченцев, перевали в другие воинские подразделения фронта. Ф. А. Ковязина, например, назначили агитатором политотдела 42-й армии. И. Е. Ипатова утвердили заместителем начальника политотдела 67-й армии. Еще раньше в политотдел этой армии на должность инструктора отдела кадров ушел Н. В. Бергсон. Получил повышение и Н. М. Гамильтон, ставший начальником отдела разведки корпуса. Перевели из дивизии с повышением 5елова и Булычева. Первого - на Белорусский фронт, второго - на Кольский полуостров.

И все же бывших моих однополчан, добровольцев, в дивизии осталось немало. По-прежнему на своих постах находились начальник артснабжения Шухман, политработники Терновой, Гусев, Иванова, Давыдов, Мирлин и Израйлит, журналисты Мольво, Альбац, Шишкин и Качалов. По-прежнему лечили

больных и раненых терапевт Могилевская и хирург Кац-Ерманок. Не расставалась со снайперской винтовкой, как и раньше, выходила на передний край "на охоту" сандружиннице Мария Кошкина. Несли свою нелегкую службу рядовые, бывшие ополченцы Матвеев, Гурин, Бобров, Луговой и Петров.

Каждого из них я хорошо знал и мог бы немало рассказать о них, о их мужестве и отваге в бою. Однако расскажу лишь о Георгии Ивановиче Терновом и Алексее Александровиче Гусеве. С ними я больше, чем с кем-либо другим, соприкасался на фронте, к тому же и по характеру работы нас многое сближало, ведь все мы были политработниками.

С Георгием Ивановичем Терновым до войны я знаком не был, однако же знал, что в канун войны он был избран секретарем парткома мясокомбината имени С. М. Кирова. Рассказывали, что он долго "сопротивлялся", не хотел расставаться с прежней хозяйственной работой. Однако, став во главе парторганизации предприятия и почувствовав, насколько эта работа ответственна, многогранна и интересна, Георгий Иванович взялся за дело, как говорится, с полной отдачей сил, даже дома бывал мало - приезжал поздно вечером и рано утром уезжал.

Таким же неутомимым он был и на фронте. Правда, и здесь его пришлось поначалу уговаривать. Когда его вызвали в политуправление армии народного ополчения Ленинграда и предложили стать секретарем дивизионной партийной комиссии, в обязанности которой входит прием в партию и разбор персональных дел коммунистов, он замахал руками: "Что вы, я не гожусь на это!" Немало сил было потрачено, чтобы доказать ему, что справится, ибо обладает всеми качествами: он принципиален и в то же время чуток, умеет глубоко заглядывать в души людей, не тороплив в оценках, поэтому редко ошибается. Когда же Г. И. Терновой дал согласие - он прекрасно справлялся с исполнением своих обязанностей. Правда, через два года его назначили заместителем начальника политотдела. Я этот пост сдал ему в начале сорок четвертого года.

Иной бы задрал нос и старался наводить на людей страх. Терновой же вел себя просто и скромно. Стремился ничем не выделяться перед инструкторами политотдела и заместителями командиров полков по политчасти. В то же время был непримирим к недостаткам и, когда того требовала обстановка, шел на передний край, в какое-нибудь из подразделений, чтобы принять участие в отражении атаки противника, повести за собой бойцов.

Вспоминается в этой связи ночь на двадцать восьмое ноября сорок третьего года. Силами батальона 141-го полка была

назначена разведка боем, которой должен был руководить начальник штаба дивизии подполковник Полянский. Георгий Иванович Терновой, с согласия начальника политотдела, тоже отправился в батальон. Прибыл он туда заблаговременно, познакомился с планом разведки, зашел в землянку группы захвата, побеседовал с их командиром младшим лейтенантом Михайловым и с бойцами, проверил их готовность к бою.

Назначенный час приближался, а Полянский по какой-то причине в батальон не прибыл. Комбат заволновался. Не спокоен был и Терновой. И вот уже на рассвете, за тридцать минут до боевой операции, раздается телефонный звонок. Георгий Иванович берет трубку и узнает голос комдива. Полковник Введенский приказывает ему взять на себя общее руководство разведкой.

- Есть взять руководство разведкой, - повторяет Терновой и немедленно приступает к выполнению приказа, понимая, что на него возложена ответственность за исход боя.

С поставленной перед ним задачей он справился отлично.

Разведка прошла удачно - уже к десяти часам утра шесть пленных гитлеровцев были доставлены в штаб дивизии.

Георгию Ивановичу Терновому в числе других положительных качеств, пригодившихся ему на фронте, была присуща непримиримость ко всякого рода беспорядкам.

В конце июля сорок четвертого года, когда дивизия сражалась с гитлеровцами на территории Эстонии, две батареи артполка заняли здание средней школы. Перед этим в школе побывал Георгий Иванович и обнаружил в ней нетронутое богатое собрание книг. Он был книголюбом и, естественно, не удержался, чтобы не осмотреть библиотеку, в которой оказались прекрасно изданные произведения русских и советских классиков. Книги стояли в большом застекленном шкафу. Не тронутыми были новенький физический кабинет и многочисленные пособия по географии. Через день Терновому снова пришлось быть в этой школе. Пришел он - и ужаснулся: книги были вынуты из шкафа и валялись на полу, стекла шкафа побиты. Не узнал он и физического кабинета, настолько он был захламлен и испачкан. Кто-то опрокинул и парты. Терновой тут же вызвал в школу командиров и политруков батарей, учинил им разнос и предложил немедленно навести порядок, восстановить все так, как было до их прихода...

Дивизия с боями продвигалась к Риге. Чтобы преградить нашим частям путь, в районе Выру фашисты возвели на дороге баррикады, употребив на них сельскохозяйственный инвентарь, принадлежащий колхозу. Бойцы одной из наших частей,

преследовавшие немцев, подойдя к баррикаде, стали сокрушать инвентарь прикладами и бросать в кюветы как попало.

Узнав об этом, Терновой доложил командиру дивизии. Виновные были наказаны, а поломанный и разбросанный инвентарь немедленно починен и возвращен колхозу.

- Война, тем более Отечественная, - сказал как-то Терновой, - хорошая проверка социалистической сознательности человека, его преданности долгу. В то же время это - испытание человека на прочность и мужество. Наконец, одна из самых серьезных проверок самого себя.

Проверку эту Георгий Иванович Терновой выдержал с честью.

Не расставался все годы войны со своей дивизией и заместитель командира артиллерийского полка по политчасти Алексей Александрович Гусев.

В противоположность Терновому, Гусев не сопротивлялся при назначении комиссаром полка. Политическая работа была его стихией, призванием. И выполнял он ее с любовью и присущим ему размахом. Алексей Александрович всегда знал, как влиять не людей в трудный момент, поддерживать в них уверенность. Он умел находить общий язык с бойцами и командирами, всегда окружал себя активом, воспитывал у людей гордость к профессии артиллериста. Бойцам и командирам своего полка он не раз внушал: "Не забывайте, что артиллерия - бог войны!"

Я как-то заметил в разговоре с ним: "А не принижаешь ли ты роль пехоты? Ведь ей в бою труднее, чем кому-либо, да и потерь она несет больше, чем артиллеристы". - "Что ты, - возразил он. - Я добиваюсь лишь того, чтобы артиллеристы любили свою профессию, гордились ею, тогда и воевать будут лучше".

У Гусева было еще одно отличное качество. Он всегда находился на самом трудном участке фронта, чутьем улавливал, где ему надо сегодня быть, и не ошибался в этом.

На пути дивизии, преследовавшей противника, оказалась деревня Стремутка. Наши полки острым клином врезались во вражескую оборону, но, попав под перекрестный огонь, вынуждены были приостановить свое продвижение вперед. Здесь было только одно укрытие - железнодорожная насыпь. Но и ее непрерывно обстреливали вражеские орудия, бомбили с самолетов. А отойти от насыпи нельзя было - кругом чистое поле.

В те мартовские дни бурно таяли снега, полая вода затопила и сделала непроезжими дороги. Даже тракторы и танки застревали в вязкой и топкой глине. Начались перебои в снабжении боеприпасами. Полевые госпитали оказались забиты ранеными, которых трудно было эвакуировать. Но сидеть под Стремуткой и ждать, как говорится, у моря погоды - значило

нести и впредь большие потери. Был один выход - атаковать противника, лишить его выгодных позиций, Но как это сделать? Снарядов нет, и подвезти их невозможно.

- То, на что на способны машины, - сказал Гусев, собрав политруков батарей, - должны сделать мы, люди. Срочно соберите бойцов и разъясните обстановку. Боеприпасы начнем доставлять к батареям на себе. Пример покажите сами. Пойду с вами и я.

И Гусев пошел. Артиллеристы связывали по два снаряда, вскидывали через плечо - один снаряд на спину, другой на грудь - и несли их, шагая по колено в грязи, по пятнадцать-двадцать километров. Так в течение трех суток все орудия артполка были обеспечены полным боекомплектом, что позволило открыть огонь по позициям противника, подавить его огневые точки. Враг, понеся большие потери, снова начал отступать.

Командир дивизии Введенский, подведя потом итоги боя в районе деревни Стремутки, похвалил майора Гусева за инициативу и смекалку.

17

Лето 1945 года было особым, знаменательным. Только что отпраздновали Победу. Ликованию и поздравлениям, казалось, не будет конца. Еще долго на улицах, в домах культуры, да и в квартирах, куда вернулись с фронта мужья, отцы и братья, звучали военные песни, провозглашались тосты и здравицы в честь наших Вооруженных Сил. Но уже тогда нас, бывших фронтовиков, стали втягивать в свой круговорот трудовые будни. Надо было залечивать раны войны - ощутимые, пугающие раны.

В это время я уже работал в "Ленинградской правде". И, конечно, по-прежнему был тесно связан с фронтовыми друзьями, часто с ними встречался. Товарищи, возвращавшиеся с фронта, приходили ко мне, чтобы рассказать о последних днях войны.

Помнится, это было в начале июня, ко мне в редакцию зашел фотокорреспондент газеты нашей дивизии Георгий Иванович Луговой. Он только что демобилизовался, приехал в родной Ленинград и сразу же стал оформляться в газету "Смена", где работал до войны. Военная биография Георгия Ивановича началась там же, где и моя, на Международном проспекте Ленинграда и закончилась в Курляндии. Он был свидетелем последних боев и рассказал мне о них.

Наша дивизия принимала участие в разгроме гитлеровских армий группы "Курляндия" (так стала называться разбитая в боях под Ленинградом группа "Север"), которая в составе тридцати пяти дивизий была отрезана от Восточной Пруссии и прижата к морю между Тукумсом и Либавой. В этом "мешке" оказались 18-я и 16-я гитлеровские армии, оперативная группа "Нарва" и 1-й

воздушный флот. В общей сложности, здесь насчитывалось около двухсот тысяч фашистских солдат и офицеров.

Наша 85-я, к тому времени именовавшаяся Краснознаменной Павловской, дивизия действовала в районе станции Броцени, немного правее городка Салдуса.

Путь к этому городку пролегал через болота и густой лес. "На одной из дорог, - рассказывал Луговой, - на большом листе фанеры, прикрепленном к стволу ели, была изображена убитая снарядом ленинградская девочка. Внизу крупная подпись: "Воин, помни о муках великого города! Бей фашистов без промаха!" Мы шли мимо этого плаката, и в нас с новой силой разгоралась ненависть к фашистам, суровели лица.

В первом же бою, который дивизия завязала, выйдя из леса, удалось продвинуться на несколько километров и, сбивая арьергарды, выйти к новому оборонительному рубежу противника. Командный пункт 141-го полка разместился на небольшом латышском хуторе. Только стали устраиваться, приводить себя в порядок, как кто-то заметил выброшенные на переднем крае фашистов белые флаги.

- Что это означает: капитуляция или провокация? - задумался командир полка.

- Надо бы проверить, - посоветовали ему.

Было решено направить к переднему краю противника парламентеров. Их возглавил ветеран дивизии, хотя ему было не более двадцати пяти лет, бывший ополченец, студент авиационного техникума, помощник начальника политотдела дивизии по комсомольской работе Николай Степанов. Переводчиком назначили лейтенанта А. А. Гольдберга.

И вот, вооружившись белым флагом, наши парламентеры отправились выполнять опасную миссию. Ведь немало было случаев, когда гитлеровцы убивали советских парламентеров.

- Все мы боялись за жизнь наших ребят, - сказал Георгий Иванович Луговой. - Особенно боялся комдив, который ценил и любил Степанова за храбрость, дорожил жизнью переводчика Гольдберга, в совершенстве владевшего немецким языком. К счастью, все обошлось благополучно.

Вернувшись, парламентеры сообщили, что, когда они подошли к вражеским позициям, автоматы были направлены в нашу сторону, готовые к открытию огня. Солдаты высунулись из траншей и с любопытством рассматривали наших смельчаков.

Перед траншеей пролегал глубокий, заросший кустарником овраг. Степанов и его товарищи остановились, чтобы решить: идти ли дальше, не ловушка ли овраг? После короткого совещания снова пошли, перешли овраг и оказались перед врагом

лицом к лицу.

На мгновение опешили, не зная, с чего начать. Молчали и фашисты. Первым нашелся Гольдберг. Он сообщил солдатам противника, что советские войска овладели Берлином еще несколько дней назад, поэтому дальнейшее сопротивление бессмысленно: "Бросайте оружие, стройтесь и следуйте за нами". Но гитлеровцы на это никак не отреагировали, очевидно, ждали распоряжения своих командиров. Заговорили они, лишь когда их спросили, где находится старший офицер. Два солдата тут же выразили согласие проводить советских парламентеров до ближайшего хутора.

Наши парламентеры застали на хуторе сидящего за столом и раскуривающего трубку молодого лейтенанта. Увидев советских воинов, он вскочил и подобострастно вытянулся.

Первым заговорил Степанов.

- Мы прибыли для того, чтобы принять вашу безоговорочную капитуляцию. Потрудитесь собрать свою роту и немедленно отвести ее в расположение советских войск.

Офицер побледнел. Видимо, он не ожидал столь крутого поворота дела. Но, овладев собою, ответил:

- Без приказа командира батальона я не могу выполнить вашего требования. Мне приказано до исхода суток удерживать оборонительный участок.

- Тогда мы возвращаемся к себе, - заявили наши парламентеры. - За последствия будете отвечать вы.

После этого командир роты начал звонить командиру батальона. Его телефонный разговор Гольдберг тут же переводил своим товарищам. Было ясно: командир батальона не хочет выполнять требования советских парламентеров.

- Господа, войдите в мое положение, - извиняясь, заговорил командир роты. И тут же, о чем-то вспомнив, торопливо добавил: - Разоружение нашей дивизии состоится завтра. Если не верите, пойдемте к моему командиру.

Степанов, Гольдберг и сопровождавший их автоматчик пошли. Командир батальона по-прежнему стоял на своем: "Не могу. Таков приказ свыше".

- Что же делать? - спросил Гольдберг у Степанова. Степанов был человеком смелым и находчивым.

- Попробуем поговорить с солдатами сами.

И наши парламентеры, ничего не сказав командиру батальона, вышли во двор. Здесь толкалось много солдат. Их взволновал приход русских. А русские обратились к ним с предложением сложить оружие и построиться в колонну. При этом разъяснили, что с пленными в Советской Армии обращаются

гуманно.

Кое-кто из солдат стали складывать оружие и строиться. Но унтер-офицеры отказались и стали отговаривать тех, кто последовал совету наших парламентеров. После этого солдаты заколебались, вышли из строя и забрали только что брошенное оружие обратно.

Наши парламентеры уже собрались было вернуться в свою дивизию, как заметили, что занимавшая оборону вдоль оврага рота, в которой они недавно побывали, стала выстраиваться год командованием прибывших советских офицеров и солдат. Заметили это и фашисты, собравшиеся вокруг КП своего батальона. Это все и решило. Батальон был разоружен и с белым флагом отправлен в тыл нашей дивизии.

- Почему же все-таки гитлеровский комбат не принимал ультиматов наших парламентеров? - допытывался я у Лугового.

- Ларчик открывался очень просто, - ответил Георгий Иванович. Гитлеровский комбат хотел выиграть время, чтобы спасти от плена свой старший командный состав и увезти часть своего имущества. В следующую ночь одна из наших рот перехватила несколько крытых машин, до отказа набитых ценным имуществом, и спрятавшихся в них десятка полтора офицеров.

Разоружение проходило сначала туго. Кое-кто из гитлеровских вояк надеялся на чудо, обещанное Гитлером. Пришлось принуждать их к этому силой. И только тогда гитлеровцы стали податливыми, бросали оружие и поднимали руки. К контрольно-пропускному пункту, устроенному на шоссе недалеко от мызы Гаите, где находился штаб нашей дивизии, одна за другой стали подходить фашистские части строем и без оружия.

Так капитулировала 122-я пехотная дивизия, та самая дивизия, с которой ополченцы Московского района встретились в первом своем бою пятнадцатого июля сорок первого года на Лужском рубеже. Тогда гитлеровские вояки грозились уничтожить нас в течение нескольких недель, предлагали бросить оружие и переходить на их сторону. Как тут было не вспомнить старинную русскую поговорку: "Не хвались едучи на рать, а хвались с рати едучи".

Произошло это за несколько дней до безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии.

Тридцать лет спустя

1

Держу в руках приглашение, сложенное треугольником наподобие фронтового письма, и думаю: неужели с тех пор, когда мы, сугубо гражданские люди, надели шинели и заняли Лужский

оборонительный рубеж, прошло тридцать лет. А мне до сих пор кажется, что это было совсем недавно - все так свежо в памяти.

В приглашении читаю: "В июле 1971 года исполняется 30 лет со времени начала героической защиты Ленинграда и создания народного ополчения. В нашем Московском районе сформировалась 2-я дивизия ополченцев, которая в годы Великой Отечественной войны грудью встала на защиту города Ленинграда. В дальнейшем она прошла славный боевой путь... Московский РК КПСС, исполком районного Совета депутатов трудящихся и РК ВЛКСМ приглашают Вас принять участие в юбилейных торжествах".

Ниже шла программа торжеств: встречи бывших ополченцев с трудящимися предприятий, демонстрация документальных фильмов, посещение выставок и зала обороны в краеведческом музее города, народное гуляние в парке Победы, шествие боевых полков, митинг на Пулковских высотах, вручение памятных знаков "Народное ополчение Ленинграда", поездка по местам боев. А на обороте - строки из песни, посвященной нашей дивизии:

Запевайте песню фронтовую
О пути отважном, боевом,
Про дивизию родную,
Закаленную огнем...

К официальному приглашению приложена записка, в которой сообщалось, что "сбор ветеранов 2 ДНО 10. VII. 71 г. в 9.00 у Дома пионеров, Московский проспект, дом 117. Явиться при орденах и медалях. Председатель Совета ветеранов Иосько. Секретарь Бугрова".

Иосько я знал: командир взвода связи и руководитель художественной самодеятельности артполка, а Бугрову - нет. Позвонил в Ленинград Булычеву и спросил: "Кто это Бугрова?" - "Боевая женщина. Сандружинница пятьдесят девятого полка. Награждена орденом", - ответил мой фронтовой товарищ.

Кого не обрадует такое приглашение. И я быстро собрался в путь. В памяти воскресали тревожные дни конца июня и начала июля сорок первого, первые бои. Как бы в одну шеренгу встали те, с кем воевал и перенес тяготы всех девятисот дней блокады, с кем предстояло встретиться спустя тридцать лет.

2

И на этот раз, как и тогда, в сорок первом, в Ленинграде стояла жаркая, солнечная погода. Таким же нежно-лазурным было небо. Природа как будто специально позаботилась о сходстве этих двух памятных дней.

Сбор фронтовиков-скороходовцев был назначен все на той же Заставской, с которой уходили на фронт. Хоть она и неказистая, но для сборов удобная - по ней нет сквозного движения.

Сюда, на Заставскую, я направился прямо с вокзала, успев лишь по пути занять номер в гостинице. И все же на место сбора прибыл одним из последних. Федор Андреевич Ковязин, которому было поручено командовать колонной скороходовцев, важно расхаживал по улице в парадной форме авиационных войск, призывая бывших фронтовиков строиться. Правда, у него пока ничего не получалось. Ополченцы не слушались. Да и до построения ли, когда встречаются однополчане. Каждый прибывающий сначала попадал в крепкие объятия боевых друзей, а потом уже шел докладывать о себе командиру колонны. Я, оказавшись в окружении Булычева, Белова и Кругмана, немного замешкался, поэтому сразу и не представился Ковязину.

- А меня, что, не признаешь? - крикнул он с обидой в голосе.

- Признаю. Но боюсь. Ты очень уж важный сегодня!

Конечно, мы крепко обнялись и, точно петухи, потоптались на месте. Я попытался оторвать Федора Андреевича от земли, однако не тут-то было.

Ковязину так и не удалось построить нас в колонну. Обнявшись, мы небольшими группами, по два-три человека, пошли за оркестром к месту сбора дивизии, тем более что это было почти рядом - каких-нибудь двести метров.

Здесь нас радушно встретил бывший командир дивизии генерал-майор в отставке Введенский. Он, как и Ковязин, был при парадной форме и орденах. Выбежали нам навстречу со сквера, где строилась дивизия, ополченцы других предприятий, с которыми вместе воевали и крепко сдружились за годы войны. И все же в этой сутолоке Ковязин ухитрился доложить комдиву по всем правилам устава о прибытии "Скороходовского полка". Выглядело это немножко забавно, но в то же время и трогательно. Хоть теперь войско наше и было ненастоящее, зато в прошлом это были люди боевые, закаленные в жарких сражениях, отстоявшие свой город, воины прославленной дивизии, единственной из всех ополченческих соединений, созданных в Ленинграде, которая уцелела как самостоятельное формирование и была одной из боеспособных на нашем фронте. Так что официальная церемония была уместной. К тому же, когда собрались все, нас оказалось не так уж мало - человек пятьсот. А вместе с представителями предприятий и воинских частей колонна получилась довольно внушительная.

Шли мы к месту митинга, назначенному в парке Победы, по хорошо знакомому Московскому проспекту. Сколько хожено по

нему в блокадные дни зимой и летом, в дождь и мороз. Ведь тогда он соединял передний край обороны под Пулковом с нашим районом, с центром города. Днем проспект обычно замирал. Оживал лишь ночью. Под покровом темноты по нему перебрасывались на передовую подкрепления, подвозилась боевая техника, боеприпасы и продовольствие. Московский проспект был одной из жизненных артерий., связывающих передний край с городом.

Шли мы по проспекту с чувством исполненного долга перед Родиной, с сознанием собственного достоинства, стараясь печатать шаг и высоко держать голову.

У входа в парк нас встретила большая толпа людей, пришедших, чтобы вместе с нами отпраздновать знаменательную дату. Скоро стали прибывать ополченцы из других районов, сведенные затем в одну колонну, во главе которой шли представители прославленного Кировского завода.

Митинг на плацу парка перед летней эстрадой открыл первый секретарь Московского райкома партии, сравнительно молодой еще человек, воспитанник "Электросилы" Владимир Павлович Уткин. Он заметно волновался. Да и как было не волноваться. Когда мы уходили на фронт, ему исполнилось лишь десять лет. К тому же перед ним стояла лишь небольшая горстка из тех тысяч ленинградцев, которые преградили путь врагу своей грудью. Многие погибли, но фашистов в город не пропустили. "Мы не амбразуру дзота закрыли грудью, - заметил как-то Булычев, - а многомиллионный город. Это понять надо".

Уткина у микрофона сменил член городского Совета ветеранов войны генерал-лейтенант в отставке А. А. Свиридов. Он говорил о подвиге защитников Ленинграда, перечислил соединения и части, отличившиеся в боях. Вслед за Свиридовым к микрофону подошел бывший командир нашей дивизии К. В. Введенский. На митинге выступили также председатель городского Совета народного ополчения И. А. Крестовский, его заместитель Н. А. Прохоров, первый секретарь райкома комсомола Валентина Смирнова, председатель Совета народного ополчения нашего района А. А. Иосько.

Слушая ораторов, каждый из нас, ветеранов, как бы всматривался в события тех незабываемых, хоть и далеких дней, взвешивал их, вспоминал товарищей по оружию. Причем выступавшие говорили о том времени, как о минувших днях, о делах и боях, ставших легендарной историей. И это было естественно. Да, для нынешнего, молодого поколения Великая Отечественная война, в том числе и блокада Ленинграда, - история. Для нас же, участников героической эпопеи под

Ленинградом, все, что пережито тридцать лет назад, по-прежнему отдается острой болью в сердцах. События сороковых годов, разыгравшиеся на берегах Невы и потребовавшие от нас предельной выносливости, упорства, отваги и больших жертв, мы никогда не забудем.

Слушая речи выступающих, я вспомнил стихи Александра Прокофьева:

Я говорю с тобой, как с другом,
На времена, на времена,
Тебя пахала глубже плуга
Окрест лежавшая война.
Не тысячи, а миллионы
Здесь приняли кровавый бой,
Твои дома, как бастионы,
Стояли насмерть над Невой.
Ты храбрым был на ратном поле,
Отважно бился с лютой тьмой,
И мир твою увидел волю,
Твое величье,
Город мой!

Если все речи, произнесенные на митинге, все мысли и чувства, высказанные и невысказанные в этот торжественный день, свести к общему знаменателю, то их можно выразить примерно так.

Защита Ленинграда - один из самых выдающихся, самых потрясающих массовых подвигов народа и армии во всей истории войн на земле. Мужество ленинградцев, доблесть защитников города Ленина навсегда сохранятся в благородной памяти нынешнего и грядущих поколений народов всего мира. Ленинградцы воплотили в себе непобедимый дух народов России.

Как бы далеко время ни уносило события, разыгравшиеся под стенами великого города, они никогда не померкнут, не сотрутся в памяти людской, всегда будут служить ярким факелом неустрашимой стойкости, выдержки и мужества. Подвиг ленинградцев навечно записан в анналы истории как своего рода героический эпос. Около трех лет быть в окружении, испытать голод, холод и другие лишения, жить и трудиться под непрерывным обстрелом - сейчас трудно даже представить себе, как все это можно было перенести, выстоять и, в конце концов, победить. Какими надо было быть крепкими духом, каким надо было обладать хладнокровием и выдержкой!.. Под Ленинградом велась столь же трудная борьба, как и на других фронтах. Но здесь она была отягощена изолированностью города. Нас нередко спрашивают: "Почему ленинградцы выстояли, как им удалось

превозмочь нечеловеческие условия? Разве они сверхчеловеки?"

Действительно, многих удивляла тогда и продолжает удивлять необычная стойкость и мужество ленинградцев. Да и сами защитники Ленинграда порой спрашивают себя: "Как же нам удалось выстоять, а потом и сокрушить врага? Ведь мы обыкновенные советские люди". Ленинградцы не были титанами. Они такие же, как все советские люди. Может быть, чуть-чуть у них больше было запаса прочности, жизнелюбия и оптимизма. Это были сильные духом.

Рушились дома, лопались от мороза трубы, не выдерживали бетонные и стальные опоры на заводах и фабриках, защитники же Ленинграда выдерживали все. Наверное, если бы мы задались целью измерить жизненные силы, затраченные Каждым ленинградцем за девятьсот дней блокады, то пришли бы к выводу, что в другое время этих сил человеку хватило бы на целую жизнь.

- Ленинградцы, - сказала бывшая снайпер Мария Кошкина на митинге у памятника, установленного на Пулковской горе, куда мы отправились из парка Победы, - отдали себя целиком общей борьбе и защите Родины. Мы не искали ни личных выгод, ни славы. Для нас главным было - честное служение Родине. Мы ненавидели врага всей душой. Я убивала их вот этими, женскими руками. Я им мстила за детей и стариков, погибших под обломками разрушенных домов, задушенных голодом. И делала это не потому, что была жестокой. Ведь ленинградцы всегда отличались добротой и отзывчивостью, щедростью души своей. Я вынуждена была их убивать. Не убей я их - они бы убили и меня, и других. Гитлеровцы даже специально охотились за мной...

Вручая в 1965 году Ленинграду, городу-герою, медаль "Золотая Звезда", Л. И. Брежнев от имени ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР говорил:

"История знает немало примеров героической обороны крепостей и городов... Но легенды седой старины и трагические страницы не столь далекого прошлого бледнеют перед той несравненной эпопеей человеческого мужества, стойкости и самоотверженного патриотизма, какой была героическая 900-дневная оборона осажденного Ленинграда в годы Великой Отечественной войны.

Это был один из самых выдающихся, самых потрясающих массовых подвигов народа и армии во всей истории войн на земле. Мужество ленинградцев, доблесть защитников города Ленина навсегда сохранятся в благодарной памяти нынешнего и грядущих поколений советских людей".

Неповторимое мужество ленинградцев, их величайшая

стойкость и самоотречение не были чем-то неестественным, не были слепым фанатизмом. Их героизм, хладнокровие и выдержка были для них обычными. Они вобрали в себя лучшие черты советских людей - безграничную любовь к своей социалистической Родине, высокий патриотизм и стойкость в преодолении трудностей.

Легко писать о бесстрашии ленинградцев, их хладнокровии, выдержке и стойкости, когда прошло уже более тридцати лет. Но не так-то легко было в те годы проявлять эти качества.

Кбкой ценой, например, давалась ленинградцам выдержка, если они знали, что запас продуктов в городе равен почти нулю, что враг, окруживший город, жесток, что из нацеленных на город пушек он в любую минуту может убить тебя. Да, в таких условиях, чтобы не струсить, не потерять самообладание, надо было иметь очень и очень крепкие нервы, неистребимую волю к победе, обладать особо прочным запасом оптимизма. Ленинградцы даже в самые суровые дни не жаловались на трудности, не стремились покинуть свой город.

Конечно, не обошлось без нервных потрясений и даже драм, особенно в первое время блокады. Я видел, как тридцатилетние мужчины и женщины, потерявшие во время бомбардировок близких, на глазах становились седыми. Писатель Александр Фадеев после поездки в Ленинград попал в армию около Ржева, которая отбивалась от врага на тесном пятачке - - километров пять в поперечнике. Снаряды и мины здесь вырубали лес. Все пространство простреливалось. Боеприпасы и сухари сбрасывались с самолетов. Когда его спросили, как он чувствует себя в этой обстановке, не трудно ли ему, он решительно ответил: "Братцы, да тут же по сравнению с Ленинградом - рай".

Велика роль народного ополчения в защите Ленинграда. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в уже упомянутой выше речи отметил, что по призыву партии только в первые три месяца войны на фронт ушло почти три четверти ленинградской городской партийной организации. Еще на далеких подступах к Ленинграду отряды народного ополчения вместе с регулярными частями Красной Армии вступили в бой, отражая натиск гитлеровских дивизий, жаждавших легкой и быстрой победы. Они помогли командованию Красной Армии выиграть те драгоценные дни, которые были так необходимы для создания вокруг города мощного оборонительного пояса.

Столь высокую оценку ополченцы заслужили своим подвигом. Наша ополченческая дивизия отражала, как я уже говорил, натиск врага на Лужском рубеже в районе села Ивановского, Кировская - дралась за города Лугу и Новгород,

Выборгская - на подступах к Колпино. И так каждая из десяти дивизий стояла насмерть на своем рубеже. Ополченцы дрались по зову сердца, не жалея ни жизни своей, ни крови, они буквально бились до последнего. Из десяти тысяч ополченцев Московского района, добровольно ушедших на фронт в июле сорок первого года, вернулись домой лишь около двух тысяч.

Остальные погибли, защищая родной город. Вот почему так тепло и так трогательно говорилось о роли народного ополчения на митингах в парке Победы и на Пулковских высотах, когда отмечалось тридцатилетие начала героической защиты Ленинграда.

3

В гостиницу после первого напряженного дня празднования я вернулся поздним вечером. Усталый, лег в кровать и сразу же уснул. Но спал беспокойно. Пережитое за долгие месяцы блокады, разворошенное на митингах и во встречах с однополчанами, снова всплывало во сне.

Грохот разрывов, свист пуль, вой снарядов и бомб, стоны раненых, лихие атаки и напряжение оборонительных боев, пожары на улицах затемненного Ленинграда и постоянные воздушные тревоги - все это, точно наяву, проносилось в воспаленной голове, огромной тяжестью навалилось на меня, придавливало к постели.

Страшные кадры сменялись, как в калейдоскопе, - одни быстро проскакивали, другие задерживались. Но один, казалось, не покидал меня всю ночь. Это была встреча с Георгием Смыкуновым. Он явился ко мне в военно-полевой форме, как всегда, подтянутый и веселый. Пришел и сразу же стал рассказывать фронтовые новости, расспрашивать о делах, комментировать сводки Совинформбюро. А потом, как-то неожиданно подмигнув одним глазом, задал вопрос: "Почему вчера меня не пригласили на праздник в парк Победы и не наградили памятным знаком "Народное ополчение Ленинграда"?"

Я сказал ему, что сам приехал в качестве гостя, и посоветовал обратиться с этим вопросом к председателю Совета ветеранов дивизии Алексею Иоськo. "Не темни, - наступал он на меня, - причем тут Иоськo. Я его не знаю. Лучше скажи, что забыли обо мне". Весь дальнейший разговор протекал в том же духе - Георгий Петрович требовал объяснить, почему его забыли, а я доказывал свое непричастие к приглашениям и наградам. Словесная дуэль между нами затянулась. Не известно, когда и как бы она закончилась, если бы не задребезжал телефон на столике у изголовья кровати. Спросонья я схватил трубку и, еще не соображая, где я и что происходит со мной, утомленным голосом

пробурчал: "Слушаю".

- Володю можно? - спросил робкий девичий голос.

- Какого Володю, - механически ответил я все тем же разбитым голосом.

- Ну, Володю, вашего...

Ничего не сказав, я сердито положил трубку. В ту же минуту встал, вытер полотенцем вспотевшее лицо и снова пытался уснуть. Но не мог. Закрыл глаза и подумал: "Наяву я разговаривал с Георгием Смыкуновым или во сне?"

И тут все встало на свои места: Смыкунов же погиб еще осенью сорок третьего года близ Колпино. Теперь уже не во сне передо мной возникла картина: Георгий Петрович лежит в гробу, обтянутом кумачом. Его плотная фигура стала еще больше и мощнее. По-прежнему невозмутимым было его крупное волевое лицо. Выглядел он не покойником, а просто крепко заснувшим. У гроба сидела, согнувшись, его мать, покрытая черной шалью. Рядом с сыном богатырского телосложения она выглядела слишком маленькой и хрупкой, придавленной тяжестью неутешного горя. Вспомнил и то, как мы хоронили Смыкунова всем политотделом, везли на кладбище Памяти 9-го января, как засыпали землей опущенный в яму гроб, как потом трижды прозвучал залп пистолетных выстрелов - это было последнее наше прощальное слово фронтовому товарищу...

Окончательно проснувшись, я стал перебирать в памяти события истекшего дня, думал о тех переменах, которые произошли в послевоенные годы в Ленинграде, о поездке в Музей истории города, где открыта выставка, посвященная обороне Ленинграда, а также на Пискаревское кладбище. Если Пискаревское кладбище вызывало боль в сердце, то выставка в Музее истории города - огорчение. Мне она показалась бедной и не отражающей даже тысячной доли того, что запечатлелось в моей памяти о 900 днях блокады. На выставке почему-то очень скупо сказано о роли ополчения в защите Ленинграда.

Но, когда вспомнил о том, как изменился город после войны, горечь сменилась радостью. Несколькими неделями раньше, будучи в Ленинграде, я проехал на машине маршрутом, по которому мы шли в декабре сорок первого года, переправившись через Финский залив с Ораниенбаумского пятачка в Ленинград, под Колпино. На месте старого торгового порта, где мы тогда сделали первый привал, чтобы отдохнуть и погреться, был чистый берег, а невдалеке, параллельно Гаванской улице, вырос новый порт с огромным пирсом и белыми современными зданиями. Почти все побережье залива застроено новыми жилыми домами. Не узнать было и Большого проспекта. Как никогда, наряден

Невский, куда, как и раньше, по вечерам стягивалась молодежь. Когда-то деревянная, похожая на большую деревню Охта стала одной из благоустроеннейших окраин города.

Ленинград разросся, раздвинулся вширь, помолодел. Он теперь еще более красив, чем до войны. Да и сутолоки на улицах стало меньше. Тут, видимо, сказалось появление в городе метро с его быстроходными подземными поездами.

Преобразился и мой "Скороход". Внешне он выглядел, пожалуй, так же, как и до войны. Но внутренняя его жизнь стала иной. Теперь фабрика "Скороход" головное предприятие обувного объединения. Труд многотысячного коллектива почти полностью механизирован - в каждом цехе я видел новые автоматические линии, более совершенные машины. "Скороход" сейчас - предприятие-втуз. После войны здесь создан филиал института легкой промышленности, в котором рабочие и служащие комбината без отрыва от производства получают специальное высшее образование. Разумеется, обновились и кадры. Однако кое-кто "из наших" до сих пор работает здесь. По-прежнему трудятся на "Скороходе" инженеры Илья Вейнберг, Леон Каминский, Николай Бергсон...

4

На следующий день ветераны войны вместе с представителями общественности Московского района поехали по памятным местам - по тем городам и селам Ленинградской области, где ополченцы вели тяжелые оборонительные бои.

Но начали мы поездку не с того рубежа, на котором получили первое боевое крещение и где около месяца заставили врага топтаться на одном месте, а от Пулковских высот. Наш маршрут сначала следовал через Гатчину на Волосово. Здесь состоялся митинг на братской могиле. Затем свернули на Молосковицы. Далее Ополье, Монуйлово, Ратчино, Фалилеево, село Среднее, деревня Юрки и, наконец, село Ивановское, где больше всего полегло наших товарищей.

Меня и бывшего артиллериста Бархатова пригласил в свою машину наш общий фронтовой товарищ, директор завода имени Коминтерна Павел Кузьмич Булычев.

- Итак, прокрутим нашу ленту, - грустно-торжественно сказал Павел Кузьмич, когда мы тронулись в путь.

Шофер включил приемник. В это время передавали концерт для защитников Ленинграда. В эфире звучали песни военных лет. И мы, конечно, умолкли. Вспомнили о нас и работники ленинградского радио. Шофер прибавил скорость, и перед глазами замелькал покрытый пышной зеленью лес, быстро поплыли луга, балки, речушки с кустарниками. На какое-то

мгновение мне даже показалось, что мы не едем, а парим в воздухе над сказочной страной. Молчание прервал Булычев.

- А помните, друзья, что делалось здесь тогда?

Как было не помнить! В сорок первом так же, как и теперь, благоухала природа, буйно цвели травы и дозревал урожай. Но тогда это вызывало не возвышенные чувства и те восторженные эмоции, которыми мы были переполнены теперь. В то время все вокруг лишь усиливало нашу боль и тревогу за то, что все это - и бесценные дары природы, и то, что создано творением человека, разрушалось и гибло.

...Было уже исполнено несколько песен, как мы услышали слова, заставившие нас замереть. Бернес пел неторопливо, с душевным трепетом и печалью:

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.
Они до сей поры с времен тех дальних
Летят и подают нам голоса.
Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса...

- Да-а, грустно и печально, - со вздохом произнес Бархатов, когда кончилась песня. И замолчал. Молчали и мы с Булычевым, как молчат люди у могилы близких людей, безвременно ушедших из жизни.

Невольно вспомнили полегших в те годы товарищей по оружию, с которыми вместе ели из одного котелка и рядом, под одной шинелью спали.

Дальше концерт мы не стали слушать, попросили шофера выключить приемник. Хотелось поговорить о тех, кого нет с нами. Вспомнили комиссара дивизии Павла Тихонова, парторга электросиловского полка Василия Наумова, комсорга Николая Косарымова, рядовых Николая Чистякова и Бориса Ионова, сандружинницу Веру Сараеву, политрука Федора Илюшина, минометчика Петра Пьянкова, разведчика Аполлона Шубина, парторга полка Саула Амитина...

Мы уже были близко от деревни Ратчино, где погиб комбат Михаил Лупенков, как Булычев, зная о нашей с Лупенковым дружбе на фронте, спросил:

- А связь с его семьей ты поддерживаешь?

Ответить было не так-то просто. Тяжело. Рассказал, что о Михаиле Григорьевиче написал и опубликовал две статьи. На первую никто не откликнулся. А на вторую, напечатанную в феврале 1966 года в "Ленинградской правде", отозвалась Елена

Дмитриевна - жена Лупенкова. Из письма Елены Дмитриевны я узнал, что мать и отец комбата умерли во время блокады, а она и дочь Лиза выжили. Дочь стала уже взрослой и вышла замуж. Потом переписка, которую мы вели с Еленой Дмитриевной, неожиданно оборвалась.

Недавно я съездил на Ржевку, где жил комбат до войны. Долго искал его дом, потому что район Ржевки, как и все окраины Ленинграда, застраивается новыми домами, а старые сносятся. Но Ржевская улица сохранилась. Сохранился и дом под номером 52, который был записан в моем блокноте еще в августе сорок первого. В этом старом, полуразвалившемся двухэтажном домишке, в котором тридцать лет прожила семья Михаила и который вот-вот будет снесен, мне удалось побывать. Квартира Лупенковых сохранилась. Но в нее никто не поселился. Соседи собираются тоже выехать. Они сообщили, что Елена Дмитриевна Лупенкова недавно умерла, а дочь Лиза переехала с мужем в новый дом. К сожалению, адреса своего не оставила.

В селе Среднем машина остановилась у школы, на стене которой была прибита небольшая мемориальная доска, сообщающая о том, что здесь находился штаб нашей дивизии в начале войны. Тут же Бархатов стал рассказывать, как и где он подбил четыре танка и две танкетки противника, как он отвечал на вопросы прибывшего сюда Маршала Советского Союза Климента Ефремовича Ворошилова.

Поехали дальше. И вот мы в селе Ивановском, откуда никак не могли выбить фашистов. У высокого обелиска, утопающего в цветах и зелени, вышли из машины и встали в скорбном молчании, склонив головы. Первым оправился от волнения Бархатов, вслух прочитал выгравированные на обелиске слова:

ВОИНАМ ДИВИЗИИ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ МОСКОВСКОГО РАЙОНА г. ЛЕНИНГРАДА, ПАВШИМ В БОЯХ ЗА СВОБОДУ И НЕЗАВИСИМОСТЬ НАШЕЙ РОДИНЫ.

Июль - август 1941 года.

Через несколько минут подъехали автобусы с ополченцами. Пришли и местные жители. Начался митинг. Мы втроем встали в стороне, собрав в кулак все наши нервы. Хотелось опуститься на колени перед прахом тех, кто отдал свою жизнь в ожесточенных схватках с врагами Родины здесь, на берегу небольшой реки Луга. И, как бы услышав нас, кто-то из ораторов сказал:

- Мы склоняем наши седые головы перед вашим прахом, дорогие герои, сыны и дочери славной Московской заставы. Вы своей жизнью, своей кровью отстояли честь и свободу Родины, защитили наш Ленинград. Мы помним вас и гордимся вами. Вы всегда будете жить в наших сердцах, в нашей памяти. Спите

спокойно, фронтовые друзья! Дело, за которое вы бились, не щадя себя, живет и процветает! Знайте, тот, кто пел за свободу своей Родины, не умирает. Мы помним вас, мы чтим и славим вас!

Я видел слезы на глазах у женщин, прибывших из Ленинграда. Мне даже показалось, как будто вместе с нами заплакали березки, обступившие могильную ограду, что-то грустное и трогательное виделось в раскинувшихся рядом лугах, даже ленинградское синее небо, похоже, запечалилось, хотя по-прежнему ярко светило полуденное солнце. Участники митинга, а их было много, долго стояли, склонив головы, в скорбном молчании у братской могилы, в которой покоился прах наших погибших товарищей.

5

В обратный путь тронулись под вечер, когда солнце начало опускаться к горизонту. После дневной жары почувствовали себя вялыми, уставшими, захотелось вздремнуть, кто-то даже предложил присесть на часок к стогу свежего сена, от которого распространялся манящий аромат цветов и трав.

- Не хватало, чтобы мы тут заночевали, - воспротивился Булычев. - Пошли к пруду. Свежая вода сразу сбросит усталость.

Действительно, искупавшись и съев по бутерброду, почувствовали себя бодро.

И вот мы снова мчимся по пыльной дороге. Снова миновали село Среднее, и снова наш неутомимый артиллерист стал вспоминать, как отражал он здесь атаки фашистов.

Чтобы отвлечь Бархатова от повторного рассказа, Булычев спросил его, когда и куда он выбыл из дивизии. Павел Данилович охотно рассказал:

- С нашей дивизией я расстался в апреле сорок второго года. Меня откомандировали в распоряжение 39-й армии, где и был назначен комиссаром отдельного дивизиона, действовавшего на Калининском фронте. После упразднения института комиссаров поехал на курсы в Москву, а оттуда командиром специального дивизиона "РС" ("катюш"), который входил в 6-й гвардейский кавалерийский корпус. Принимал участие Б освобождении Белоруссии, Западной Украины, Польши, Румынии, Венгрии, Чехословакии... Сразу после войны окончил высшую артиллерийскую школу. Но вскоре заболел и демобилизовался. Вернувшись в Ленинград, восстанавливал разрушенные дома. Затем работал на Волго-Балтийском канале. Позже меня свалил инфаркт. Получил пенсию. Но руки не сложил. Веду общественную работу в домоуправлении и в подшефной школе.

- Такой биографией можно гордиться, - заметил Булычев.

- Биография у нас у всех богатая, кто честно воевал и после

войны потрудился, - отозвался Павел Данилович.

- А не жалеешь, что ушел из армии? - спросил Булычев.

- Конечно, жалею. Армия научила меня многому. Она, пожалуй, была лучшим моим воспитателем. Армия привила мне собранность, заставила полюбить дисциплину, закалила волю. В армии всегда чувствуешь локоть верных друзей и товарищей по службе... В общем-то я сросся с армией.

Рассказ Бархатова повернул нас к другой теме размышлений: как сложилась послевоенная судьба и как живут сегодня бывшие ополченцы?

- Павел Кузьмич, - обратился я к Булычеву, - ты не знаешь, почему вчера на митинге отсутствовал Колобашкин?

- Товарищ Колобашкин болен, - ответил Булычев. - К нему как-то ездили бывшие райкомовцы. Он их стал расспрашивать о здоровье и работе Бадаева, которого давно нет в живых.

Это известие удивило меня, так как Колобашкин еще не старый человек, ему нет и шестидесяти лет. Я, конечно, знал, что он нездоров и по этой причине раньше времени ушел на пенсию. И все же не хотелось верить, что он в таком состоянии. Какой это был энергичный человек, жизнелюб! Будучи вторым секретарем Московского райкома партии, он работал очень деятельно. Фактически по его инициативе и под его руководством был создан парк Победы, в котором только что состоялся митинг ополченцев. Большой вклад он внес в восстановление предприятий и жилых домов района. Вскоре после войны Колобашкин был избран первым секретарем райкома крупнейшего промышленного района в Ленинграде - Невского. И здесь Владимир Антонович проявил отличные организаторские способности. Большая работа не помешала ему учиться. Заочное отделение Высшей партийной школы он окончил с отличием.

Колобашкин был избран секретарем Ленинградского обкома партии. Однако на этом посту его "карьера" оборвалась... Через несколько лет реабилитировали. Видно, бесследно это для него не прошло. Здоровьем он был уже не тот. Сначала работал заместителем директора "Скорохода", потом начальником управления культуры исполкома Ленсовета. Последние годы его трудовой деятельности прошли на посту директора Ленинградского драматического театра имени А. С. Пушкина. И вот по существу трагический финал - склероз мозга и почти полная прострация.

- Жаль человека. Очень жаль, - только и смог сказать я, когда услышал от Булычева последнюю новость о своем товарище по учебе в Промакадемии, по работе на "Скороходе" и службе в дивизии.

Я знал: пресловутое "Ленинградское дело" коснулось и Павла Кузьмича Булычева. Он был освобожден от должности первого заместителя председателя исполкома Приморского районного Совета депутатов трудящихся. Правда, фортуна не была к нему столь несправедливой, как к Колобашкину. И все же ему пришлось изрядно поволноваться. Сейчас ему за шестьдесят лет, но он по-прежнему руководит сложным предприятием. Большой опыт организаторской, политической и хозяйственной деятельности, закалка, полученная на фронте, помогают ему быть на уровне современных требований.

Совсем по-иному сложилась жизнь у другого моего фронтового товарища начальника артснабжения дивизии, главного солиста дивизии, как величали его в шутку, у Григория Яковлевича Шухмана.

Демобилизовавшись, он вернулся в свой родной обувной техникум. Как и до войны, стал обучать молодежь. Преподавательскую работу совмещал с любимым делом - искусством. Руководил художественной самодеятельностью студентов и был одним из ведущих певцов народного театра Дома культуры имени Горького. Все шло без сучка и задоринки - днем работа в техникуме, вечером репетиции, участие в спектаклях и концертах. Пел он хорошо, душевно. Ему много раз предлагали полностью посвятить себя искусству.

- Нет, техникум я не брошу, - отвечал он ценителям своего таланта. - Я инженер, государство дало мне образование, и я обязан свои знания передать молодежи.

Григорий Яковлевич был доволен преподавательской работой, любил молодежь, любил своим пением приносить людям радость. Шухман был оптимист, всегда веселый, жизнерадостный, он был душой ежегодных встреч ополченцев в своем районе. И вдруг над ним разразилась гроза. Правда, сначала появилось небольшое облачко - стало давать перебои сердце. Врачи признали порок и предложили оперироваться.

- Режьте. Все равно одной не миновать, а двум смертям не бывать.

К счастью, все обошлось для Григория Яковлевича благополучно. Снова он работал. Снова пел. И вдруг стал жаловаться на болезнь глаз. В один из приездов в Ленинград я побывал у него дома и испугался - Шухман был совсем другим, подавленным и беспомощным.

- Ослеп, - тут же заявил он в отчаянии. - Не вижу, как и во что ты одет, как выглядишь. Вижу только твою тень.

Вскоре на Шухмана обрушился новый удар. После четвертого инфаркта умерла жена - постоянный его спутник и отличный

аккомпаниатор. Оставшись один, да еще совершенно ослепшим, Григорий Яковлевич совсем затосковал. Но фронтовые товарищи не оставили его в беде, пришли на помощь. Бывшая хирургическая сестра медсанбата дивизии Евгения Федоровна Константинова стала ухаживать за ним, я добился поездки его на лечение в Одесский глазной институт имени Филатова. Но было уже поздно. Оперировать в институте отказались. Возвращаясь из Одессы, Шухман простудился. И через неделю не стало нашего весельчака, не стало еще одного нашего боевого товарища.

Не дожили до праздника, который мы отмечали 10 и 11 июля в Ленинграде, Гамильтон, Гусев, Альбац, Соснора...

Грустно было вспоминать все это. Но что поделаешь. Время не остановишь. Чем дальше оно бежит, тем меньше остается участников Великой Отечественной войны и нас, защитников легендарного города на Неве, - теперь уже пожилых, со шрамами на теле и осколками металла, навсегда въевшимися в живую ткань и часто напоминающими о себе приступами недугов. Редеют ряды. Тем дороже и роднее становятся те, кто не сдается смерти, кто по-прежнему в трудовом строю.

- Не надо больше о мертвых, - взмолился Булычев. - Главное, авторитетно заявил Павел Кузьмич, - в том, что ополченцы, те, кто вернулись с фронта живыми, еще потрудились на пользу Отечеству. Кто к станку встал, кто оказался у пульта управления производством, кто пошел на партийную и советскую работу...

Булычев, конечно, был прав. Но все же не каждому участнику войны удалось сразу войти, как говорится, в гражданскую колею. Кое для кого переход оказался трудным и болезненным. Не обошлось и без конфликтов. Кое-кто ожидал, что для бывших воинов будут созданы сверхпривилегированные условия, даже рассчитывал на длительный отдых. Но до того ли было? Война сильно подорвала экономику страны. Многие города и сотни тысяч сел были до основания разрушены. Поэтому-то партия призвала бывших фронтовиков влиться в трудовые коллективы и общими усилиями приступить к восстановлению промышленности, сельского хозяйства, транспорта и других отраслей народного хозяйства.

- Но таких, которые запятнали свою честь, среди ополченцев нашего района - единицы, - верно заметил Булычев.

6

Неправильно повел себя на первых порах после войны А. В. Савкин.

В нашу дивизию он прибыл осенью сорок первого года, когда она вела бои на Ораниенбаумском пятачке. Начал службу в

дивизии с политрука. И сразу же показал себя храбрым воином, вдумчивым воспитателем красноармейцев. Скоро его назначили комиссаром батальона, затем комбатом, а в конце сорок третьего года я встретил его на Карельском перешейке уже в роли командира стрелкового полка.

Быстрый взлет, видимо, вскружил Савкину голову, а это привело к снижению требовательности к себе.

После войны и демобилизации ему предложили пойти на завод и начать учиться. Но он, обидевшись, уехал из Ленинграда.

И еще один случай. Правда, иного характера.

Вскоре после войны собрались как-то несколько однополчан, в том числе и я, и поехали на Крестовский остров, поближе к Финскому заливу, чтобы отдохнуть. Погода была теплая, тянуло на природу, на чистый воздух. В парке захотелось пить, и мы зашли в небольшой пивной павильон. Зашли и изумились. За прилавком стоял политрук Н.

- Каким чудом?! - вырвалось у нас.

- Жить-то надо, - не растерялся бывший политрук, - А торговля пивом дело наживное.

И, хитро прищурив глаз, добавил:

- Оно ведь имеет пену.

Поняв, что сказал лишнее, торопливо стал усаживать нас за стол. Жена, которая помогала ему торговать, поставила перед каждым из нас большую кружку с пивом, поверх которого толстым слоем искрилась и шипела пена.

Покинули мы пивной павильон с тяжелым чувством. Расстроило нас не то, что наш боевой соратник пошел работать в торговлю, а его обывательская философия - "жить-то надо!"

Приведенные два случая были единственными, известными нам. Потому мы с полным правом могли сказать друг другу, что ополченцы Московской заставы, вернувшиеся с фронта, сразу же, засучив рукава, включились в кипучую мирную жизнь и честно, в меру своих сил, знаний и опыта, каждый на своем месте служили и служат общенародному делу.

Наша сандружинница Вера Чертилова, бывшая работница "Скорохода", оказалась после войны на Урале, в индустриальном Свердловске. Вот что рассказывал журналист о ее мирной работе на страницах газеты "Вечерний Свердловск":

"...Сейчас бывший красноармеец Чертилова носит другую фамилию, она теперь Мокина и работает швейницей в шестом цехе "Уралобуви".

- Мокина у нас на восьмом участке, - говорит заместитель начальника цеха Галина Павловна Цунина. - Участок коммунистического труда.

Мы идем по цеху под стрекот швейных машин. Приходится переспрашивать, почти кричать. Бесконечные транспортеры несут мимо люльки с заготовками.

- Мокина - человек исполнительный, с душой относится к делу, избиралась в цехком, а сейчас депутат районного Совета, - продолжает Галина Павловна. Застрельщица многих интересных дел. Без нее, можно сказать, ни одно событие на фабрике не проходит.

Спрашиваю, знают ли здесь о ее боевой биографии. В ответ не очень утвердительно:

- Да. В канун женского праздника, седьмого марта, Мокиной вручили юбилейную медаль "XX лет победы в Великой Отечественной войне". Значит, воевала.

Вот и восьмой участок, "поток", как его тут называют.

- Узнайте сами, - предлагает Галина Павловна.

Узнал. Очки меняют лицо, но передо мной Вера Чертилова с фронтовой фотокарточки, которую мне прислал бывший начальник политотдела дивизии И. Е. Ипатов.

...Чертилова сидит за подольской машиной и простречивает задний наружный ремешок. Узкий тонкий ремешок надо быстро пришить к бортикам так, чтобы шов, соединяющий две детали будущей туфли, оказался ровно посередине и строго по центру. Иначе брак. С перекошенным ремешком вы модельные туфли не купите. Этой операции не каждого научишь. А с виду просто.

Решаюсь спросить: сколько лет она так сидит за машиной и выполняет эту операцию и сколько обуви изготовлено с ее участием?

- Все годы, как приехала в Свердловск. А сколько пар обуви вышло с моими строчками - не знаю. Наверно, несколько миллионов.

- И не надоело?

- Нет. Это же для народа.

В этом ответе все сказано. Иной цели в жизни у нее нет - жить, трудиться и бороться для своего народа".

Я, конечно, не читал Булычеву и Бархатову корреспонденцию из "Вечернего Свердловска". Они без меня знали, где и что делает Вера Чертилова. Мы лишь вспомнили, что в дивизии Вера была одной из лучших сандружинниц, награждена орденом Красного Знамени и многими медалями.

В августе 1971 года, вскоре после нашего тридцатилетнего юбилея, я получил от нее письмо. "Здравствуйте, Степан Михайлович, - писала она. - Вы меня просите, чтобы я написала немного о себе. Но что писать? На фронт пошла добровольцем. До войны жила в Ленинграде. Работала на фабрике "Скороход".

На войне была до победного дня... Кто пережил блокаду, тот никогда не забудет, что такое блокадный Ленинград. В январе сорок второго мне кто-то сообщил, что мать моя, братья и сестра умерли от голода. Я пошла в город (ехать не на чем было, трамваи и автобусы не ходили). Пришла домой, стучу в дверь. Никто не открывает. Вышли соседи и помогли мне открыть дверь в квартиру. Войдя в нее, я чуть не упала - мать и братья лежали мертвыми.

Вот сейчас пишу вам, а сама плачу, не могу забыть. Мама умерла 14 января, а я пришла 15 утром... Сейчас живу в Свердловске, тружусь на фабрике "Уралобувь". Я - швея. Вот уже третий созыв являюсь депутатом Кировского районного Совета депутатов трудящихся. Работы очень много. Но она меня не пугает. Более того, радует. Приятно людям делать добро. От того, что я нужна людям, чувствую себя хорошо, по-прежнему молодой... Привет однополчанам. Мокина-Чертилова".

На Урале живет и начальник политотдела дивизии подполковник Иван Евграфович Ипатов. Врачи порекомендовали ему жить поближе к природе, к лесу. Поэтому-то после демобилизации он оказался в Тавде (это Свердловская область), окруженной сосновым бором. Здесь когда-то он начинал приобщаться к партийной работе.

В Тавдинском райкоме знали Ипатова как старательного и трудолюбивого человека, как отличного партийца. Но, лишенный карьеризма, он не стремился занять высокий пост, хотя все основания на это имел. Ведь за его плечами огромный опыт партийной и политической работы. К его приезду в Тавде плохо шли дела в лесном хозяйстве, не было директора лесхоза. И ему предложили этот пост. Иван Евграфович немного поколебался - лесное хозяйство для него мало известное, можно сказать, "темный лес". Но потом согласился.

Как он и предполагал, первое время относились к нему в лесхозе с некоторым недоверием, мол, посмотрим, что из тебя получится. Но у Ипатова получилось. Иван Евграфович чутко прислушивался к каждому совету подчиненных, шаг за шагом овладевал лесной наукой, и скоро для него не стало секретов, таких вопросов, в которых бы он не разбирался. Многому он научился у старшего лесничего Н. М. Воронова.

Через год Тавдинский лесхоз вышел на первое место* в области и никому не уступал это почетное место в течение многих лет. Вскоре лесхоз, руководимый И. Е. Ипатовым, получил переходящее Красное знамя Министерства и ЦК профсоюза. К Ипатову стали посылать за опытом.

И. Е. Ипатов не ограничивался выполнением прямых

служебных обязанностей. Из отходов леса он организовал производство товаров ширпотреба. Кое-что, правда, делалось в этом плане и до него, но в ограниченных размерах - на десятки тысяч рублей в год. Ипатов же довел производство до двух с половиной миллионов рублей. Из отходов леса выделывались рогожные мочала, кули, веревки, щетки, дранка, бочки, тарные доски, лопаты и т. д. Затем лесхоз занялся разведением племенных лошадей и плодоягодных кустарников. Это также приносило государству немалый доход.

Тавдинский лесхоз не раз был участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве и получал золотые медали. Награжден золотой медалью ВСХВ и Ипатов.

Не оставался Иван Евграфович в стороне и от общественной работы, несколько раз избирался в состав Тавдинского райкома партии и депутатом Тавдинского районного Совета депутатов трудящихся. Сейчас он на пенсии и живет на окраине Свердловска. Несмотря на солидный возраст, Ипатов активно участвует в общественной жизни, является председателем секции ветеранов гражданской и Отечественной войн, членом научного общества при окружном Доме офицеров.

Вспомнили мы и подруг Веры Чертиловой - Надю Ефимову, Марию Кошкину, Прасковью Комарову, секретаря политотдела Аллу Меркулову, начальника дивизионного клуба Анну Андреевну Гамбееву и многих других бойцов, командиров и политработников дивизии...

Надя Ефимова, когда у нее подросли дети, пошла работать на завод. Фамилия у Надежды Петровны теперь другая - Усанина.

Мария Кошкина (теперь Ткалич), как и до войны, работает на Ленмясокомбинате. Как-то она побывала в одной части. Оказалось, что молодые офицеры и солдаты знают о ней. На стрельбище они окружили Марию.

- Покажите, как вы стреляете!

- Да что вы, ребята, - отговаривалась Мария Алексеевна, - я же винтовку в руки не брала четверть века.

- Попробуйте, - уговаривали ее.

"Кажется, выходя "на охоту" за передний край, я никогда так не волновалась, - рассказывала потом Кошкина. - Боялась, как бы не осрамиться".

Но она не осрамилась - поразила все мишени. Фронтовая выучка оказалась прочной. Глаза и руки не утратили точнейшей своей чуткости.

Вернулась на "Электросилу" и Комарова (Балашова). Прасковья Ивановна до того, как двадцатидвухлетней девушкой ушла на фронт, была клейщицей в цехе. Сейчас она диспетчер

этого же цеха. Бывшая комсомолка стала активным коммунистом, ведет большую общественную работу.

7

Павел Кузьмич Булычев вспомнил еще одну фронтовичку - Аннушку, как ее звали в дивизии, а сейчас Агнию Ивановну Хаблову. На фронте она была сандружинницей. Иногда вместе с Марией Кошкиной брала винтовку и выходила на передовую. Но прославилась Аннушка не столько снайперскими выстрелами, сколько донорством. Тридцать раз она давала свою кровь раненным солдатам, и каждый из них обязан ей спасением жизни. За медицинский гуманизм в годы войны Лига Красного Креста в 1963 году наградила Агнию Ивановну своей высшей международной наградой - медалью "Флоренс Найтингейльн".

После войны Агнии Ивановне Хабловой поручают создать на "Электросиле", организацию Красного Креста. И она ее создала. Сначала в организации было несколько десятков человек, а теперь - несколько тысяч. Сама Агния Ивановна по-прежнему донор, два раза в год безвозмездно сдает свою кровь. Кто-то на "Электросиле" подсчитал, что в послевоенные годы Хаблова семьдесят раз бесплатно отдала свою кровь для спасения больных и пострадавших. Агния Ивановна Хаблова - почетный донор СССР.

"Пожизненным" донором стала и Лидия Филипповна Савченко, бывшая операционная сестра медсанбата. Савченко одной из первых доноров Советского Союза еще в 1962 году получила медаль "Флоренс Найтингейльн". После войны она вернулась на свой "Скороход" к прежней работе в фабричной поликлинике.

Очень многие ополченцы все послевоенные годы живут и трудятся в Ленинграде. Слесарем-ремонтником на "Пролетарской Победе" № 1 работает Константин Матвеев, электромонтером на "Скороходе" - Юрий Тимофеев, закройным производством "Скорохода" заведует Николай Перов, возглавляет отдел комбината Николай Бергсон... Николай Степанов, вступивший в ополчение почти мальчиком, потом отважный артиллерист и вожак комсомольцев, после войны стал преподавать.

Продолжают трудиться журналисты, когда-то выпускавшие дивизионную многотиражку. Валентин Мольво более пятнадцати лет ведет строительную газету в Ялте. По-прежнему влюблен в свою профессию, пишет историю нашей дивизии Семен Качалов. Не бросил своих занятий иллюстратор дивизионной газеты Дмитрий Петров.

Литсотрудник дивизионки старший лейтенант Николай Шишкин, демобилизовавшись, пошел по геологической части. В 1951 году защитил кандидатскую диссертацию, а через девять

лет - докторскую. За это время опубликовал девяносто научных работ, побывал на партийной и советской работе, избирался депутатом Куйбышевского районного Совета депутатов трудящихся и кандидатом в члены Ленинградского горкома партии. К ордену Красной Звезды и двум боевым медалям, полученным на фронте, прибавились орден Трудового Красного Знамени и еще четыре медали.

Кое-кто после войны уехал учиться в столицу. Александр Тихвинский и Василий Белов закончили Высшую партийную школу при ЦК КПСС. После учебы оба вернулись в Ленинград. Тихвинский возглавляет Ленинградское отделение общества "Знание", а Белов заведует кафедрой истории КПСС в Ленинградском педиатрическом институте.

Поехал на учебу и Федор Ковязин. Вскоре после войны он окончил Военно-политическую академию имени Ленина. Уйдя в отставку, вернулся на "Скороход", стал нештатным сотрудником кабинета политпросвещения. Федор Андреевич не изменил своему призванию страстного партийного пропагандиста.

Окончила Высшую партийную школу Анна Андреевна Гамбеева. Она живет в Москве, заведует отделом в Комитете народного контроля Ленинского района. Большую общественную работу ведут и бывший командир санитарной роты Валентина Сергеевна Бугрова - секретарь совета ветеранов дивизии, Клава Огурцова и Таня Белова.

А где же живут и что делают, спросят читатели, бывшие командиры дивизии Илья Михайлович Любовцев и Константин Владимирович Введенский?

Генерал-майор Любовцев после войны несколько лет преподавал в академии Генерального штаба. Затем ушел в отставку и остался жить в Москве. Изредка приезжает в Ленинград на встречу с однополчанами.

О генерал-майоре Введенском я знаю больше, ибо часто с ним переписываюсь и встречаюсь. После войны он работал в Генеральном штабе Советской Армии. Уйдя в отставку, переехал в Ленинград, который защищал. Сидеть дома, сложа руки, не стал. Введенский, как и начальник политотдела Ипатов, взялся за небольшое, скромное, но полезное дело. Сначала по поручению Московского райкома партии организовал молодежную гостиницу, несколько лет заведовал ею, а позже - Домом творчества работников кино.

Некоторые могут удивиться: "Генерал - и вдруг заведующий гостиницей!" Но самого Введенского это ничуть не обескуражило, как не обескуражило и тех, кто его знает. Для Константина Владимировича всякий труд, если он полезен народу, почетен. К.

В. Введенский - член совета ветеранов дивизии Московского района, он часто выступает на предприятиях с докладами на военно-патриотические темы, постоянный участник всех встреч ополченцев в Доме культуры имени Капранова.

Бывший командир полка, Герой Советского Союза, теперь уже генерал-майор в отставке Ефим Маркович Краснокутский написал мне из Киева, где он живет, о Жене Паршиной и ее муже Сергее Коряге.

Коряга не изменил своей Сибири. Демобилизовавшись, оба уехали в его родные места. Там работали и учились. Оба принимали участие в строительстве крупной домны в Новокузнецке.

Родились у них три сына. В общем все шло как нельзя лучше. По-прежнему они крепко любили друг друга.

И вдруг удар, да еще какой! Коряга неожиданно тяжело заболевает. "Сработал" осколок, оставшийся после ранения в легком. Мужественная женщина не пала духом. Она продолжает работать на комбинате, где трудился ее муж. Правительство наградило ее орденом "Знак Почета".

Евгения Федоровна и поныне живет в Новокузнецке с сыновьями. Двое из них уже отслужили в рядах Советской Армии. Только нет с ней рядом дорогого ей человека: Сергей Коряга несколько лет назад умер.

8

...Мы уже подъезжали к Ленинграду, когда Павел Данилович Бархатов завел разговор о том, что значит быть ветераном. Это слово стало в моде. И нам, бывшим воинам, все время говорят: "Ветеран".

- Уже давно нас называют ветеранами, - согласился Булычев. - Слово это лестное. Лестное потому, что в нем заключены твои заслуги.

- И тем не менее, - продолжал Бархатов, - когда я слышу его, мне становится грустно, так как, выходит, все у нас уже в прошлом.

- Наш богатый опыт нужен и теперь, - возразил Булычев Павлу Даниловичу. - Пусть жизнь уже не та, да и люди стали грамотнее. Но история всегда поучительна.

- Это верно, - вмешался в разговор и я. - И все же...

- Никаких "все же", - остановил меня Булычев. - Жизнь не стоит на месте. Все, как говорится, течет, изменяется. Взять хотя бы наш район, в котором мы сейчас отмечаем свой юбилей. Вспомните, каким он был до войны и каким стал теперь. Не узнать. Расстроился. Жилые кварталы вплотную подошли к Пулковским высотам. Район соединен с центром города

метрополитеном. Подземная дорога, по которой мчатся комфортабельные поезда, доходит чуть ли не до Пулкова. А всмотрись-ка в лица ленинградцев, в их наряды - разве раньше так мы одевались?

- Павел Кузьмич, дорогой ветеран, - настаивал на своем Бархатов. - Мы были не хуже, а по мне, так во многом и лучше. Некоторым из нынешней молодежи не мешало бы кое-что перенять от нас, к примеру, умение оценивать любое явление с классовых позиций.

- А мы не преувеличиваем ли собственное значение, не переоцениваем ли себя? - не сдавался директор завода.

- Нисколько.

- И все же я не разделяю твоего мнения, - ответил Павел Кузьмич. - Мы, ветераны, очень уж придирчивы и ревностны к нашей молодежи. Зря порой ворчим на нее. Излишне обижаемся, полагая, что нас забывают, что нам мало уделяют внимания.

- Вспоминают о нас лишь по праздникам, - с грустью заметил Павел Данилович Бархатов.

- А ты что хочешь, чтобы тебя по-прежнему на каждом собрании сажали в президиум?

- Не сердитесь, Павел Кузьмич. Я ведь не обо всех это говорю, а о себе... Что и кто я теперь? Пенсионер.

Теперь не удержался и я:

- Сколько Павлу Кузьмичу Булычеву лет? Пошел шестьдесят пятый! А он по-прежнему директорствует. Да еще и как. То и дело завод получает переходящие знамена и премии. Значит, может еще наш брат, кто сохранил на склоне лет достаточно сил, продолжать работать?

- А меня давно с корабля списали на берег, - не унимался Бархатов.

Чтобы успокоить его, Булычев сказал:

- Дорогой тезка, зря обижаешься. Ты, насколько мне известно, участвуешь в общественной жизни, частенько ездишь в подшефную школу, рассказываешь ребятам о героизме защитников города. Это же тоже дело. А на производстве трудиться тебе не позволяет здоровье - сам об этом говорил... И можешь быть уверен, не забыты мы. Наши с тобой имена навсегда вписаны в историю Ленинграда.

Бархатов не возразил, и мне показалось, у него отлегло от сердца.

Но эпизод этот напомнил мне недавний разговор с другим заслуженным воином - с Георгием Ивановичем Терновым. Он так же, как и Бархатов, рано был "списан с корабля" и получил очень скромную пенсию. Живет на окраине Краснодара, оторван от

бьющей вокруг жизни. А Георгий Иванович ни одного дня после войны не сидел без дела, сразу же включился в работу. Восстанавливал Ленинградский мясокомбинат. Затем Министерство мясомолочной промышленности назначило его директором мясокомбината в городе Энгельсе. Оттуда был переведен руководителем Сочинского мясокомбината, позже - Краснодарского.

Фронтовые товарищи рекомендовали Георгию Ивановичу съездить в Ленинградский горком партии, попытаться вернуться в город, который защищал.

- Кому я нужен, да и поймут ли меня правильно, - упрямо отвечает Терновой. - Как-нибудь проживу и так.

9

Вернулись мы из поездки по местам боев под вечер и сразу же направились в Дом культуры имени Капранова, где состоялось вручение памятных знаков "Народное ополчение Ленинграда".

Нас встретила у Дома культуры веселая музыка. В фойе кое-кто из нашего брата, тряхнув стариной, заскользил в такт музыке по паркету, старательно держа за талию молоденьких девушек со "Скорохода" и "Электросилы".

Вручение памятных знаков завершило наш праздник. Сюда, в Дом культуры, ставший традиционным местом сбора ополченцев, прибыли почти все ветераны нашей дивизии. Люди были возбуждены, словоохотливы, желали успехов и доброго здоровья друг другу, обменивались домашними адресами.

Второй секретарь райкома партии Г. И. Баринова не могла не уловить эту взволнованную атмосферу. Взяв слово в конце вечера, она сказала:

- Дорогие друзья, дорогие ветераны нашей дивизии, героические защитники Ленинграда! От лица всех трудящихся района и по поручению районного комитета партии поздравляю вас с почетной наградой. Вы с честью выполнили священный долг перед Родиной, вместе с частями Красной Армии в жестоких боях с врагом отстояли наш родной Ленинград. Все советские люди и в первую очередь мы, жители города Ленина, гордимся вами. Будут гордиться вашим подвигом и грядущие поколения. Ваш подвиг, ваше мужество и отвага будут жить в веках. Отрадно, что вы и после войны поступили как подлинные советские патриоты. Вернувшись с фронта, включились в созидательный труд, отдавали и отдаете строительству коммунизма все свои силы и богатый опыт. Крепкого вам здоровья и долгих лет жизни, герои-ополченцы, славные защитники Ленинграда!

Речь секретаря райкома была нам по душе, и мы долго хлопали в ладоши.

Сидевшая рядом со мной в президиуме молоденькая, с задорными глазами девушка, секретарь райкома комсомола Валя Смирнова, бывшая "скороходка", мягким, задушевным голосом сказала мне:

- К людям, прошедшим через огонь войны, мы, комсомольцы, относимся с особым уважением. Они оставили в том огне здоровье, свою молодость. Раньше времени постарели - тоже ради нас, молодых...

- Спасибо, - пожал я ей руку, - спасибо за добрые слова.

Вечер закончился принятием поздравительных телеграмм первым командирам дивизии - Герою Советского Союза генерал-майору в отставке Николаю Степановичу Угрюмову и генерал-лейтенанту в отставке Илье Михайловичу Любовцеву, которые не смогли прибыть на празднование.

Расходились ополченцы в радостном настроении и в то же время с грустью: трудно было расставаться.

- Сколько бы лет ни прошло, - сказал кто-то из наших, выходя из Дома культуры, - мы никогда не забудем фронтовой дружбы.

10

На этом, как говорится, можно было бы поставить и точку. Но точка не ставится... Ополченцы, возбужденные воспоминаниями и встречей, долго еще не могли успокоиться, собирались группами у своих фронтовых друзей и в Доме культуры имени Капранова, который стал у нас традиционным местом сбора.

И мы, бывшие политотдельцы, как только окончился вечер, тоже собрались небольшой группой. Тут были бывший комиссар штаба дивизии Булычев, заместитель командира 141-го полка по политчасти Белов, инструктор политотдела Тихвинский, комиссары батальонов Бергсон и Ковязин, ну и я.

Всех нас взволновало сообщение из Бонна, опубликованное тогда в печати (напомню, шел 1971 год), сообщение о том, что различные неофашистские союзы в ФРГ активизировались, создают в городах вооруженные террористические группы, призывают к реваншу.

- Этих господ, - держа в руках газету, заметил Белов, - итоги второй мировой войны, видимо, ничему не научили.

- Горбатого могила исправит, - поддержал Белова Тихвинский. - Эти банды из НДП готовы вновь ввергнуть народы мира в кровавую бойню.

- Да, неспокойно, очень неспокойно еще в мире, резюмировал Василий Иванович Белов. - Вспомним Вьетнам, Ближний Восток.

Тут вмешался Ковязин.

- Тем не менее третьей мировой войне не бывать во всяком случае в ближайшие годы, - начал просвещать он, нас как

опытный пропагандист. Благодаря настойчивым мирным акциям нашей партии и нашего правительства достигнут заметный прогресс в разрядке международной напряженности. Что же касается тех очагов войны, которые пылают, то их удастся погасить политическими средствами.

- Каков же вывод из всего того, что происходит сейчас в нашем неспокойном мире? - спросил Булычев. И сам же ответил: - Крепить бдительность, крепить наши вооруженные силы, как зеницу ока охранять наши великие завоевания!

- Очень общо и декларативно, - заметил Бергсон, молчавший до сих пор.

- Конечно, общо, - согласился Булычев, - мы можем сделать и много конкретного, практического хотя бы в масштабе нашего района, нашей дивизии по военно-патриотическому воспитанию молодежи.

- Вот это уже дело, - согласился Бергсон. - А ведь наш совет ветеранов на "Скороходе" проводит как раз то, что ты предлагаешь... В шестьдесят девятом году я выезжал в составе делегации ветеранов в одну часть, встречался там с молодыми солдатами и офицерами. Мне они очень понравились тем, как относятся к учебе, как хранят боевые традиции. Новичок начинает свою службу с посещения "Комнаты боевой славы". Здесь он знакомится с историей части, с подвигами ее воинов в годы Отечественной войны. В этой же комнате он принимает и воинскую присягу. Все это сближает прошлое с настоящим, вызывает гордость за подвиг отцов и желание следовать их примеру. Хорошо, что каждый год в эту часть направляют исполнить свой воинский долг и многих молодых ленинградцев. Меня познакомили там с Сашей Васильевым стеклодувом одного из наших институтов и бывшим инструктором Октябрьского райкома комсомола Сергем Вартаняном. Оба посланца с берегов Невы - отличники боевой и политической подготовки, активные общественники... Такие встречи укрепляют преемственность боевых традиций, живую связь поколений.

Рассказ Бергсона заставил нас перейти от общих, в известной мере бесплодных разговоров к конкретному. В частности, все мы похвалили Московский райком партии, который сразу после войны образовал совет ветеранов дивизии, взял на учет всех бывших ополченцев и ежегодно в День Победы или в годовщину нашей дивизии, 10 июля, устраивает торжественные собрания, организует поездки по местам боев и в воинские части. На предприятиях и в райкоме комсомола оборудованы "Комнаты боевой славы". Но все ли сделал каждый из нас?

- Мы тут рассуждаем так, - подал голос наш комдив

Введенский, - как будто собираемся прожить по сто лет.

- Было бы неплохо, Константин Владимирович, прожить именно столько, лукаво заметил Булычев. - Мне, например, хотелось бы посмотреть на своего Сашку, на внуков и внучек, которых у меня развелось столько, что только из них можно укомплектовать целое подразделение. Как они поведут себя?

- Да, хорошо бы посмотреть, как дальше сработает "эстафета поколений", - поддержал Белов своего друга. - Не мешало бы, между прочим, прививать молодежи больший вкус к армии.

- Думаю, - заметил Ковязин, - что наша молодежь не очень-то нуждается в особых наставлениях. Она отлично понимает что к чему, не хуже нас знает свои обязанности.

Замечание Федора Андреевича словно подлило масла в огонь. Каждый стал отстаивать свою точку зрения, и наша небольшая группа вмиг распалась на два лагеря. Одни уверяли, что современная молодежь не заслуживает упреков. Другие доказывали противоположное - мол, не все юноши готовы к защите Родины, некоторые всячески избегают службы в армии.

- Дорогие друзья, - снова вступил в разговор Введенский, - я должен сказать, что спорим зря. Думаю, что правы по-своему все. В целом наша молодежь отличная. Она грамотнее нас и, когда потребуется, не хуже нас будет защищать Родину. У меня два взрослых сына - Олег и Сергей, и я уверен, что, если потребуется, они с честью выполнят долг перед Родиной. Я согласен также, что не лишне, если люди старшего поколения будут чаще напоминать подрастающим ребятам о их воинских обязанностях. Нас в свое время тоже воспитывали в этом духе, и, как показали события, не напрасно.

Партия и государство готовили, готовят и впредь будут готовить нашу молодежь не только к созидательному труду, но и к обороне. Наше завещание это наша победа, - резюмировал Введенский. - Мы и наши сверстники спасли Родину, защитили ее свободу и независимость, отстояли родной Ленинград. Эта победа и пусть послужит наследством последующим поколениям.

Все мы согласились с мнением комдива.

11

"Стрела" плавно тронулась с места и стала набирать скорость. Шумная толпа провожающих на перроне медленно поплыла назад. Промелькнули станционные постройки и редкие деревья, высаженные вдоль дороги. Город, ярко освещенный электрическим светом, удалялся все дальше и дальше, таял в ночной мгле.

Я смотрел в окно вагона, снова расставаясь с местом, где прошли моя юность и годы зрелости, где война перевернула всю

мою жизнь. И все то, с чем пришлось столкнуться на крутых виражах событий, что пережито здесь, казалось необычайно важным - не будь этого, и я не был бы таким, каков есть...

Вспомнил, как зимой сорок третьего года, уже после прорыва блокады, холодной и темной ночью я уезжал с Московского вокзала, с того самого, от которого только что отошла "Стрела", в Шлиссельбург, в 67-ю армию, она вела тогда бои на Синявинских болотах.

Ленинград в ту ночь был погружен в молчаливую суровую мглу. Вокруг вокзала лежал почерневший жесткий снег. В зале ожидания, где я решил посидеть до отхода воинского эшелона, было неуютно, холодно и темно. Лишь где-то высоко под потолком едва заметно светила одинокая синяя лампочка. И я тут же выскочил на перрон. Но и он был неуютен - лишь поскрипывал снег под ногами бойцов, которые спешили занять места в вагонах. Все это происходило беззвучно, с какой-то таинственностью и строгостью.

В запасе у меня было несколько свободных минут, и я решил постоять на воздухе, чтобы в последний раз, как мне тогда казалось, взглянуть на свой родной город. Но город укрывала высокая станционная стена, покрытая копотью и инеем, а небо было темно-серым. Лишь где-то над южной окраиной чертили по нему лучи прожекторов, отыскивая вражеского разведчика, который выдавал себя глухим урчанием моторов.

И мне очень захотелось, чтобы на моих глазах лучи взяли самолет в клещи. И к моей радости, в ту же минуту это случилось. Немедленно забили наши зенитки, и вокруг разведчика стали возникать, поблескивая огнем, пучки разрывов.

Вражеский самолет заметался: то нырял вниз, то взмывал вверх. Но у прожекторов, видимо, находились опытные люди. Через две-три минуты самолет-разведчик, пораженный метким выстрелом зенитчиков, пошел вниз, таща за собой длинный хвост густого дыма.

Потом меня несколько часов качало в прокуренном вагоне. На рассвете, позевывая и ежась от холода, я вышел на небольшой станции близ первенца ГОЭЛРО - Волховской ГЭС, а точнее - подобия ГЭС, ибо она была похожа на развалины старинного замка - без крыши, с обвалившимися перекрытиями и изуродованными стенами.

Переправа через понтонный мост в устье Невы оказалась разбитой. На берегу стонали на носилках раненые. Санитары стали переносить их в вагоны поезда, с которым я только что прибыл. А где-то впереди ухали орудия, извещая о близости переднего края.

Увиденное той ночью запомнилось на всю жизнь. И вот предстало предо мною теперь. И вновь защемило сердце.

- Нет, - сказал я себе, - такое больше не повторится. Не может повториться.

Вместо послесловия

По сложившейся традиции в июле 1963 года ополченцы Московского района собрались на очередной свой вечер в Доме культуры имени Капранова, чтобы отметить годовщину дивизии. Но на этот раз наша встреча завершилась почему-то рано. Я уже собирался ехать в гостиницу, когда ко мне подошел В. А. Колобашкин и пригласил к себе домой, сказав, что у него есть книга, которую он хотел бы показать мне.

Приглашение Владимира Антоновича я, конечно, принял с радостью. По служебному положению, которое он тогда занимал - начальник управления культуры исполкома Ленсовета, Колобашкин располагал большими возможностями приобретать литературные новинки. Поэтому-то я был уверен, что он покажет мне что-нибудь интересное.

И вот у меня в руках книга Леона Гура "Осада Ленинграда".

- Инте-е-ре-есно! - искренно удивился я.

- Ингересно-то интересно, но книга подлая, - поспешил уведомить Колобашкин. - Автор - американец. Состоит в разведывательной службе военно-воздушных сил США. После войны приезжал в СССР. Был, конечно, и в Ленинграде.

- Так с какой же стати ты мне ее показываешь?

- А для того, чтобы ты знал, что о нас пишет так называемый заокеанский друг, как он "оценивает" то, что вызывало к вызывает всеобщее восхищение, служит образцом мужества, стойкости и геройства.

- И что же пишет о нас этот заокеанский "друг"?

- Он утверждает, что мы с тобой и нам подобные люди Ленинграде в сорок первом вступали в ополчение потому, что нашим семьям были обещаны повышенные пособия. Как тебе это нравится?

- Надо же придумать такую ересь!

- Такие, как Гур, меряют и нас на свой лад. Это лишь подтверждает, что в капиталистическом мире иные даже долг и совесть оценивают на деньги.

С Колобашкиным я был полностью согласен. Людям, подобным Гуру, никогда не понять патриотических поступков ленинградцев, никогда не понять, почему двести тысяч рабочих и служащих добровольно пошли защищать свой город, свою любимую Родину, не понять, что нами руководила не какая-то выгода, а святое чувство долга.

- Что же еще пишет этот "исследователь"? - допытывался я у Владимира Антоновича. А самого меня не покидало ощущение, что я держал в руках не книгу, а что-то гадкое и гнусное.

- А еще Гур пишет, что Гитлер пожалел Ленинград и поэтому отказался от непосредственной его атаки.

- Ну, знаешь, это такая фальсификация фактов, что превосходит даже измышления самих фашистов!

- Всему миру известно, что Гитлер приказал своим войскам стереть с лица земли Ленинград. А вот Гур, который специально "изучал" битву под Ленинградом и представил свое сочинение на соискание высокой ученой степени, "не знает" об этом. Какое кощунство! - Владимир Антонович даже побледнел от возмущения. Затем схватил книгу, торопливо полистал ее: - Слушай, что пишет этот американский враль: "Может показаться одной из величайших иронии второй мировой войны, что Гитлер... несет ответственность за спасение города от захвата..." И далее: "Гитлер решил не брать Ленинград, когда шансы на успех были самыми наибольшими".

- По Гуру выходит, что Гитлер спас Ленинград?!

Но Колобашкин продолжал читать, не обращая внимания на мое возмущение.

Мне надоело слушать измышления Гура, и я попросил Колобашкина больше не цитировать эту книгу.

- Нет, буду, - горячился Колобашкин. - Послушай, что он еще пишет.

Из того, что я услышал дальше, выходило, что источником мужества ленинградцев был не патриотизм, а то, что они оказались в безвыходном положении, не могли покинуть город и сражались только потому, что во что бы то ни стало хотели спасти собственные жизни. Так Гур высокое сознание советских людей, их моральные качества заменил обыкновенным инстинктом самосохранения.

Через пару дней, возвратившись в Москву, я поехал в библиотеку имени Ленина и отыскал там подшивку "Правды" за май 1944 года. И вот что мне попалось в одном номере. Президент США Франклин Д. Рузвельт в своем выступлении по случаю разгрома гитлеровцев под Ленинградом сказал: "От имени народа Соединенных Штатов я вручаю эту грамоту Ленинграду в память о его доблестных воинах и его верных мужчинах, женщинах и детях, которые, будучи изолированными захватчиками от остальной части своего народа и несмотря на постоянные бомбардировки и несказанные страдания от холода, голода и болезней, успешно защищали свой любимый город в течение критического периода от 8 сентября 1941 года по 18

января 1943 года и символизировали этим неустрашимый дух народов Союза Советских Социалистических Республик и всех народов мира, сопротивляющихся силам агрессии".

Думается, что эти слова президент произнес искренне.

Но вслед за книгой Гура в США вышла книга журналиста Гаррисона Солсбери "900 дней, осада Ленинграда".

Солсбери, как и Гур, грубо извращает события, происходившие под Ленинградом. Его "сочинение" отличается от писанины Гура лишь более изобретательной хитростью, прикрытой якобы сочувствием ленинградцам.

Гаррисон Солсбери так рисует положение в осажденном городе на Неве, что выходит, будто ленинградцы были брошены на произвол судьбы, предоставлены самим себе, что Советское правительство само де стремилось уморить голодом жителей этого великого города.

Более злобной, более бесстыжей клеветы придумать невозможно. Мы, участники героической защиты Ленинграда, живые свидетели, отвергаем подобные измышления и расцениваем их как преднамеренное искажение действительности. Мы заявляем, что Ленинград выстоял и победил потому, что ему помогала вся страна, потому, что Центральный Комитет партии и Советское правительство повседневно заботились о ленинградцах, умело руководили их борьбой, посылали в осажденный город военных специалистов, оружие, боеприпасы, одежду и продовольствие.

Рядом с этой истиной, с правдой и фактами какой жалкой выглядит клевета Гура и Солсбери!

Когда я рассказал о вралях из США моим товарищам по дивизии Булычеву, Белову и Гусеву, они были крайне изумлены, а потом кто-то из них подвел резюме: "Собака лает, а караван идет".

Да, как бы ни изощрялись господа Гуры и Солсбери, им не удастся исказить события под Ленинградом, подтасовать жульническими приемами фальшивую карту, так же, как никому не спрятать от людей солнце.

Героическая защита Ленинграда в веках будет служить примером величайшего мужества и отваги.

Примечания

{1} Кодовый номер для разговора по полевому телефону.

{2} После войны на этом пустыре был создан парк Победы